

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ РАН

ОТДЕЛ ИСТОРИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ЛАБОРАТОРИЯ ПО ИССЛЕДОВАНИЮ
ЦИВИЛИЗАЦИИ И ВАРВАРСТВА

ЦИВИЛИЗАЦИЯ
И ВАРВАРСТВО

АКВИЛОН
2023

CIVILIZATION AND BARBARITY

PHYSICAL AND VERBAL BARBARITY

**EDITED BY
Vera P. BUDANOVA**

CONTRIBUTORS

Vera BUDANOVA, Mikhail GUSAKOV, Irina ERMOLOVA
Sergey YARTSEV, Daniel KAMARI, Irina KHORKOVA
Alexander KLEYMEONOV, Margarita KUZ'MINA
Vladimir KULAKOV, Margarita LYUBART, Vladimir NIKISHIN
Anna SAZONOVA, Larisa SELIVANOVA, Georgii SHPAK
Svyatoslav SMIRNOV, Igor SURIKOV, Viktor ZUBAREV

ЦИВИЛИЗАЦИЯ И ВАРВАРСТВО

ФИЗИЧЕСКОЕ И ВЕРБАЛЬНОЕ ВАРВАРСТВО

(КОЛЛЕКТИВНАЯ МОНОГРАФИЯ)

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ
В.П. БУДАНОВОЙ

АВТОРЫ

В.П. БУДАНОВА, М.Г. ГУСАКОВ, В.Г. ЗУБАРЕВ
И.Е. ЕРМОЛОВА, Д.М. КАМАРИ, А.А. КЛЕЙМЕНОВ
М.В. КУЗЬМИНА, В.И. КУЛАКОВ, М.К. ЛЮБАРТ
В.О. НИКИШИН, А.А. САЗОНОВА, Л.Л. СЕЛИВАНОВА
С.В. СМИРНОВ, И.Е. СУРИКОВ, И.В. ХОРЬКОВА
Г.В. ШПАК, С.В. ЯРЦЕВ

CIVILIZATION AND BARBARITY

PHYSICAL AND VERBAL BARBARITY

2023 • ISSUE XII

EDITOR-IN-CHIEF

Prof. *Vera P. Budanova*

(Institute of World History of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation)

EDITORIAL COUNCIL

Prof. *Levon H. Abrahamian* (Institute of Archaeology and Ethnography of National Academy of Sciences of Armenia, Yerevan, Republic of Armenia), Prof. *Sergey A. Arutyunov* (Institute of Ethnology and Anthropology N.N. Miklouho-Maklay of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation), Prof. *Mikhail V. Bibikov* (Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation), Prof. *Claire Billen* (Free University of Brussels (ULB), Brussels, Belgium), Prof. *Sabine Jansen* (National conservatory of arts and crafts, Paris, Republic of France), Dr. hab. *Michel Kazanski* (National Centre of Scientific Research (CNRS), Paris, Republic of France), Prof. *Aleksandr V. Koptev* (University of Tampere, Finland), Prof. *Aleksandr A. Maslennikov* (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation), Prof. *Maja S. Petrova* (Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation), Prof. *Louis E. Primero Rivas* (National Pedagogical University (UPN), Mexico city, Mexican United States), Prof. *Lorina P. Repina* (Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation), Prof. *Sergey J. Saprykin* (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation), Prof. *Olga V. Sidorovich* (National Research University «Higher School of Economics», Moscow, Russian Federation), Prof. *Igor V. Sledzevskiy* (Institute of African Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation), Prof. *Victoria I. Ukolova* (Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation), Prof. *Pavel P. Shkarenkov* (Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation), Dr. *Jens Shneevajss* (Leibniz Institute for the History and Culture of Eastern Europe at the University of Leipzig (GWZO), Federal Republic of Germany)

Publisher: Institute of World History,
Russian Academy of Sciences

Frequency: 1 time per year
First issue: 2012

Abstracting and Indexing: The yearbook is
included in the Russian Science Citation Index
(RSCI)

All materials published in the “Civilization and
Barbarity” undergo peer review process

Editorial address: 32A Leninsky Prosp.,
Moscow 119334, Russian Federation

Tel.: +7 (916) 081–29–66

e-mail: labcb@yandex.ru

website: <https://www.aquiloipress.ru>

ЦИВИЛИЗАЦИЯ И ВАРВАРСТВО

ФИЗИЧЕСКОЕ И ВЕРБАЛЬНОЕ ВАРВАРСТВО

2023 • ВЫПУСК XII

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

д.и.н., проф. *В.П. Буданова*
(Институт всеобщей истории РАН,
Москва, Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Член-корр. НАН РА *Л.А. Абрамян* (Институт археологии и этнографии Национальной академии наук Армении (НАН РА), Ереван, Армения), член-корр. РАН *С.А. Арутюнов* (Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва, Россия), д.и.н., проф. *М.В. Бибиков* (Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия), д.и.н., проф. *К. Биллен* (Брюссельский свободный университет, Брюссель, Бельгия), проф. *С. Жансен* (Национальная школа искусств и ремесел, Париж, Франция), д.х.и. *М.М. Казанский* (Национальный центр научных исследований, Париж, Франция), д.и.н., доц. *А.В. Контев* (Университет Тампере, Финляндия), д.и.н., проф. *А.А. Масленников* (Институт археологии РАН, Москва, Россия), д.и.н., доц. *М.С. Петрова* (Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия), проф. *Л.Э. Примеро Ривас* (Национальный педагогический университет (UPN), Мехико, Мексика), член-корр. РАН *Л.П. Репина* (Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия), д.и.н., проф. *С.Ю. Сапрыкин* (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия), д.и.н., проф. *О.В. Сидорович* (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия), д.и.н., проф. *И.В. Следзевский* (Институт Африки РАН), д.и.н., проф. *В.И. Уколова* (Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России, Москва, Россия), д.и.н., проф. *П.П. Шкаренков* (Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия), д-р *Й. Шнеевайсс* (Лейбницкий институт истории и культуры Восточной Европы (GWZO) Лейпцигского университета, Лейпциг, Германия)

Учредитель Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт всеобщей истории Российской академии наук

Периодичность: 1 раз в год
Выходит с 2012 года

Издание включено в Российский индекс Научного цитирования (РИНЦ)

Публикуемые материалы прошли процедуру рецензирования и экспертного отбора

Адрес редакции: Российская Федерация,
119334, Москва, Ленинский пр., 32А

Тел. + 7 (916) 081–29–66

e-mail: labcb@yandex.ru

сайт: <https://www.aquilopress.ru>

CIVILIZATION AND BARBARITY

PHYSICAL AND VERBAL BARBARITY

2023 • ISSUE XII

EDITOR-IN-CHIEF

Prof. *Vera P. Budanova*
(Institute of World History of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation)

EDITORIAL BOARD

Prof. *Marina Ts. Arzakanian* (Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation), Prof. *Alexander S. Balesin* (Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation), Dr. *Mikhail G. Gusakov* (LLC Archaeological Research in the Construction of Moscow, Moscow, Russian Federation), Prof. *Sergey A. Vasyutin* (Kemerovo State University, Kemerovo, Russian Federation), Dr. *Evgeny V. Vdovchenkov* (Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation), Dr. *Olga V. Vorobjova* (executive secretary, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation), Dr. *Ivan A. Kopylov* (Centre of Interdisciplinary Studies, Civil Association (Mexico City), Dr. *Anna A. Sazonova* (Moscow, Russian Federation), *Larisa L. Selivanova* (Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation), Prof. *Igor E. Surikov* (Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation).

Publisher: Institute of World History,
Russian Academy of Sciences

Frequency: 1 time per year
First issue: 2012

Abstracting and Indexing: The yearbook is
included in the Russian Science Citation Index
(RSCI)

All materials published in the “Civilization and
Barbarity” undergo peer review process

Editorial address: 32A Leninsky Prosp.,
Moscow 119334, Russian Federation

Tel.: + 7 (916) 081–29–66

e-mail: labcb@yandex.ru

website: <https://www.aquilopress.ru>

ЦИВИЛИЗАЦИЯ И ВАРВАРСТВО

ФИЗИЧЕСКОЕ И ВЕРБАЛЬНОЕ ВАРВАРСТВО

2023 • ВЫПУСК XII

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

д.и.н., проф. *В.П. Буданова*
(Институт всеобщей истории РАН,
Москва, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Д.и.н., проф. *М.Ц. Арзаканян* (Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия),
д.и.н., проф. *А.С. Базезин* (Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия),
д.и.н., проф. *С.А. Васютин* (Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия), к.и.н., доц. *Е.В. Вдовченков* (Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия), к.и.н., доц. *О.В. Воробьева* (ответственный секретарь, Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия), к.и.н. *М.Г. Гусаков* (ООО Археологические изыскания в строительстве г. Москвы. Москва, Россия), д.и.н. *И.А. Копылов* (Центр Междисциплинарных исследований, Гражданская ассоциация (Мехико), к.и.н. *А.А. Сазонова* (Москва, Россия), *Л.Л. Селиванова* (Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия), д.и.н. *И.Е. Суриков* (Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия).

Учредитель Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт всеобщей истории Российской академии наук

Периодичность: 1 раз в год
Выходит с 2012 года

Издание включено в Российский индекс Научного цитирования (РИНЦ)

Публикуемые материалы прошли процедуру рецензирования и экспертного отбора

Адрес редакции: Российская Федерация, 119334, Москва, Ленинский пр., 32А

Тел. + 7 (916) 081–29–66

e-mail: labcb@yandex.ru

сайт: <https://www.aquilopress.ru>

УДК 9.94

ББК 63.3

Ц 579

РЕЦЕНЗЕНТЫ

доктор исторических наук *Ю.Е. Арнаутова*
доктор филологических наук *Т.Н. Дренясова*
доктор философских наук *В.В. Петров*

ЦИВИЛИЗАЦИЯ И ВАРВАРСТВО: ФИЗИЧЕСКОЕ И ВЕРБАЛЬНОЕ ВАРВАРСТВО (Коллективная монография) / Авторы: Буданова В.П., Гусаков М.Г., Зубарев В.Г., Ермолова И.Е., Камари Д.М., Клейменов А.А., Кузьмина М.В., Кулаков В.И., Любарт М.К., Никишин В.О., Сазонова А.А., Селиванова Л.Л., Смирнов С.В., Суриков И.Е., Хорькова И.В., Шпак Г.В., Ярцев С.В. / Под общей редакцией В.П. Будановой. М.: Аквилон, 2023. — 324 с. (ЦИВИЛИЗАЦИЯ И ВАРВАРСТВО [Вып. XII]; изд. с 2012 г. / Глав. ред. В.П. Буданова)

На материале исторических источников в широком географическом и хронологическом контексте авторы книги не только рассматривают вербальное варварство как проявление словесного побуждения к злонамеренному действию, содержащего угрозу, с целью спровоцировать агрессию, физическое насилие, причинить ущерб, психологическую боль и ментальные страдания, но и предпринимают попытку ответить на вопросы. — В каких исторических обстоятельствах слово становится символом самого агрессивного злодеяния? Как вербализованная реальность подстрекает, провоцирует и пролонгирует злонамеренные действия, меняя историческую реальность? Как латинское лексико-семантическое поле сказалось на парадигме варварства? Как проявляет себя вербальное варварство в борьбе за интерпретацию истории?

Научное издание

ISBN 978–5–6050283–0–7

ISSN 2307–7794

А К В И Л О Н

© Институт всеобщей истории РАН, 2023
© Цивилизация и варварство, 2023
© В.П. Буданова, общая редакция, 2023
© Коллектив авторов, 2023
© Издательство «Аквилон», 2023

Репродуцирование (воспроизведение) данного издания или его части любым способом без письменного соглашения с издателем запрещается

*Цивилизация и варварство обычно
считаются взаимоисключающими категориями,
но каждое общество есть их смесь*

Фелипе Фернандес-Арместо

На обложке

Эдвард Берн-Джонс. Колесо фортуны. XIX век

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

ИСТОРИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ВЕРБАЛЬНОГО ВАРВАРСТВА

В настоящее время в ситуации глобального цивилизационного кризиса проявление деструктивных процессов взаимодействия цивилизации и варварства вызывает самый пристальный интерес, входит в число ключевых системных проблем, разрабатываемых современной исторической наукой. Наблюдая за поведением человека в истории, ученые могли убедиться, как на протяжении тысячелетий он, как созидатель и творец сохранял, воспроизводил и вновь активно искал все новые и новые способы своего мироустройства. Но парадоксальным образом в процессе этих поисков в нем зачастую проявлялось и стремление к разрушению и доминированию над людьми, причинение вреда окружающим, склонность к насилию, к захватническим действиям и уничтожению других. Изучая действия и поступки людей на самых разных этапах исторического развития, исследователи постоянно убеждаются в том, что человек часто совершал опасные по своей природе, варварские действия. Почему он совершал подобные действия, уже не раз было предметом серьезных исторических дискуссий. Но здесь важно более пристально приглядеться и попытаться на конкретно-историческом материале разобраться из чего «вырастает» варварство: оно генетически запрограммировано, или активизируется внешними стимулами, эмоциональными процессами, либо актуальными социальными условиями. Двигаясь в этом направлении, на примере истории варваров-германцев можно попытаться представить некоторые модели формирования системы ценностей и ментальных установок бывших варваров. Как деструктивное явление, чуждое цивилизованным правилам и нормам бытия, как разрушительная матрица зла и насилия, агрессивное поведение человека, как известно, разворачивалось в присутствии цивилизации. В сложных кризисных ситуациях все-

гда всплывала агрессивная подводная лодка с названием — «варварство».

В современных исторических исследованиях, пожалуй, не так много сюжетов, которые вызывали бы больший эмоциональный отклик, чем история «возрождения» варварства с предельным вопрошанием «почему это возможно». Варварство варвара постоянно привлекает внимание, не одно столетие находится в поле зрения историков, археологов, этнологов, философов и пристально изучается на эмпирическом и теоретическом уровне. Сейчас становится все более очевидной очередная непредсказуемая опасность возможного критического столкновения между цивилизацией и варварством. Опасные последствия противостояния *Homo civilis* и *Homo barbaricus*, к сожалению, также становятся все более явными. В настоящее время модальный оттенок границ *зло-деяния* (*atrocitas*) и *зло-слова* (*conruptus*) становится все более подвижным и непредсказуемым, при определенных обстоятельствах легко меняет их местами. Особый язык варварства проникает во все сферы коммуникации людей. Не только прямым *физическим* действием (набег, нападение, война и др.), но *словом*, как «злобным клыком», варвар может «рвать чужую жизнь». С помощью вербального ресурса он стремится ввести иную реальность, формулирует иные убеждения и ложную интерпретацию исторических явлений. Примеры подобного мартирологического опыта варварства в мировой истории не единичны и весьма поучительны. Проблемность их неисчерпаема, на что исследователи также уже неоднократно обращали внимание¹. В ситуации стремительно нарастающей реанимации варварства во всех сферах жизни человека опасность разрушительного потенциала *вербального варварства* стоит в ряду остро звучащих и актуальных.

Интеллектуальная ответственность любого исследования немислима без терминологической определенности. В ходе изучения проверяемых гипотез и верификаций истории поведения варвара,

¹ Подробнее об этом см.: Шкаренков П.П. 2004; Курбанов М.Г. 2006; Санников С.В. 2009; Мотрошилова Н.В. 2010; Буданов А.В. 2013; Уколова В.И. 2014; Буданова В.П. 2012; 2013; 2019; Малащенко А.В., Нисневич Ю.А., Рябов А.В. 2018; Следзевский И.В. 2019. Wolfram H. 1980; 1990; Teillet S. 2011; Joye S. 2016;

сопоставления интерпретаций эмпирического материала, в первую очередь, требуется точно обозначенная источниковая основа исследования и определенный категориальный инструментарий. Эти две позиции взаимосвязаны, тем более что в варваристике научное знание постоянно совершенствуется как циклический саморазвивающийся процесс². Стоит объяснить по поводу употребляемой здесь терминологии, так как понятие «*вербальное варварство*» вводится в варваристику впервые. Термин не случаен и возник как следствие уже существующих когнитивных практик осмысления варварских злодеяний в мировой истории. Итак, *вербальное варварство* — это словесное проявление побуждения к злонамеренному действию, содержащего угрозу, с целью спровоцировать агрессию, физическое насилие, причинить ущерб, психологическую боль и ментальные страдания другому человеку. В строгом смысле термин «вербальное варварство» — это двойственная категория анализа с историческим и лингвистическим значением. Аналитические возможности этого понятия распространяются не только на лингвистические особенности в языке социального анализа, но и на его предмет — историю варвара.

В варваристике понятие «вербальное варварство» может выполнять концептуальную, описательную, экспрессивную (с ярко выраженными чувствами), оценочную, а также орективную функцию. Внушаемость, орективность слова, сказанного варваром, направлена на деструктивное преобразование действительности. На вербальном уровне варварство актуализирует физическое насилие, агрессию, провоцирует конфликтные ситуации, тем более что словами пользуются гораздо чаще, чем оружием. В определенном смысле слово — это массовое оружие, ибо им владеет каждый человек. Едкие замечания и уничижительные комментарии могут ранить больнее, чем прямое физическое насилие. Слова могут провоцировать ответную ярость, жестокость и агрессию. Унижение человека и его негативная характеристика, особенно в присутствии тех, чье мнение высоко ценится, может привести к трагическим последствиям. Намеренно произнесенное слово о реальных или мнимых недостатках и проблемах, может стать триггером самого чудовищного варварского злодеяния. В моделях вербального варварства по-разному

² Шкаренков П.П. 2008а; Goffart W. 1988; Wolfram H. 1990.

раскрывается многообразие его функциональных особенностей. Так, *упорядочивающая* функция вербальности существенно работает при сборе и первичной обработке нарративного материала. С *объяснительной* конструктивной функцией слова историк связан при построении гипотез и предположений в процессе расширения уже существующей парадигмы истории варваров как классических, стадийных, так и современных. *Нормативная* функция языка, которым эта история описывается, делает возможным широкие сопоставления и сравнительно-исторический анализ. В целом модели вербального варварства позволяют исследователю представить парадоксальные стороны поведения цивилизованного человека и варвара в процессе их взаимодействия.

Как известно, историк, соблюдая все возможные стандарты научных подходов, всегда начинает с источника и ставит цель проникнуть в его текст, чтобы показать и документально подтвердить свою, как он предполагает, объективную интерпретацию изучаемого явления. В изучении особенностей вербализованного знания о варварстве до настоящего времени преобладает онтологическое направление, когда целеполагание сосредотачивалось на реальных событиях, процессах и фактах известных из письменных свидетельств. Их научность, достоверность и объективность подтверждалась с помощью обширного источниковедческого инструментария. Через интерпретацию письменного материала раскрывался способ оформить вербализованное знание варвара. Каждое интерпретативное положение могло стать и зачастую становилось содержательным утверждением или опровержением уже сложившейся парадигмы. Между тем, целостная системная интерпретация открывает некоторые возможности и нового прочтения уже давно известных источников. Она способствует пересмотру информационного ресурса письменного текста, представляет упорядоченное множество возможностей корректного соотнесения информации, полученной из различных видов источников.

Изучение вербального варварства включает не только текстовый анализ источников истории варваров, но прежде всего дискурс-анализ письменных сообщений. Обращение к вербализованным средствам, которые отчасти и формируют образ варвара, к формам его устной и письменной коммуникации, предлагает исследователю

новый ракурс видения злонамеренного действия человека в динамичном историческом контексте. Это один из возможных вариантов в поиске выхода, в, казалось бы, безвыходной ситуации «интерпретационных сражений». К настоящему времени в варваристике накопился ряд вопросов, решение которых с помощью прежних методических приемов не приносят верифицируемых научных результатов. Предложенный М. Фуко дискурсивный инструмент познания, где ориентация исследования направлена на нюансы и различия, особо важен при изучении языковых средств вербальной характеристики варварства в условиях ограниченных возможностей нарративных текстов³. Если данный познавательный инструментарий применить глубоко пользовательски, или, как предложил Ж. Деррида заставить исследователя бродить вокруг текста, можно выявить в нем те значения, которые подразумеваются и остаются невыраженными, притаившимися за фасадом «уже сказанного»⁴. Принципиально и важно, что вербализованная реальность варварства (слухи, клевета, легенды о предательстве или измене и др.) сконструированная средствами языка, не всегда тождественна самой реальности как последовательности фактов, событий и явлений. В тексте источника может быть отражен и «вербальный образ» реальности вымышленной автором текста. Сопоставляя и противопоставляя то, *что* было (конкретные факты и события) с тем, *как* представлялось то, что было, формируется понимание психологии поведения человека с агрессивной мотивацией и злонамеренным побуждением, и представление о том, как могло транслироваться плавающее движение латентных и открытых форм варваризации человека. Исследование истории варваров-германцев IV–VI вв. подтверждает, что во многих ситуациях они реагировали не столько на реальность, сколько на представление о данной реальности.

В конкретных исторических обстоятельствах «сценарии» вербального поведения варвара проявлялись по-разному. В одной ситуации германцы, гунны, сарматы демонстрировали речевоздействующую жестокость, вероломство, стремясь причинить ущерб тому, на кого нападали. В другой — делали это ради самоутверждения,

³ Фуко М. 2004. Ср. Остин Дж. 1999.

⁴ Деррида Ж. 2000.

повышения самооценки. Инциденты, начинавшиеся с насмешек или обмена оскорблениями, зачастую быстро перерастали в свирепые драки. Угрозы, оскорбления или подстрекательство, как скрытый или открытый призыв к вредным и опасным своими последствиями варварским действиям, могли переходить в физическое насилие. Обычно злословец или науськиватель, планируя злодеяние, действует целенаправленно и расчетливо. Слово — это самый быстрый способ подтолкнуть к злонамеренному действию. Словесный гобелен распространения злостной клеветы или провокации является одной из моделей перехода противостояния в физическое насилие. И не важно, можно ли слово прокричать или прошептать, оно может стать фатальным поводом раздора, несущего угрозу гибели государствам, народам или самому человеческому виду. Важно также обратить внимание и на то, что базовые персуазивные модели вербального варварства, как правило, проявляют себя не в социальном вакууме, но в процессе взаимодействия с другими реальными или воображаемыми субъектами.

Язык цивилизации, в том числе и римской, является одним из важных компонентов ее развития. Он был средством освоения информационного пространства, носителем системы идей, ценностей и норм, в целом средством коммуникации и самоидентификации человека. В «Getica» Иордана, когда речь идет о племенах вне римского мира, обращается внимание на внешние отличия племен, особенности их этнонимов, но нигде не говорится о наличии языковых барьеров между племенами. Лишь описывая события в пределах римского цивилизационного пространства, Иордан выделяет язык как фактор, способствующий или препятствующий «вхождению» варваров в римский мир. Здесь впервые появляется определение «племена своего языка»⁵ как и осознание того, что для приобщения к христианским ценностям готам требовались «наставники на их языке»⁶. В процессе коммуникации варвары «раскрывались» в *жестах, мимике и языке*. Античный мир вряд ли мог себе представить контакты с варварами без возможности общения с ними. Именно на странность языка незнакомца обратили внимание греки. В межличностном общении они, а затем и римляне высоко ценили орективную функцию слова, вос-

⁵ *Iord. Get.* 133 (*linguae huius nationem*).

⁶ *Idem. Get.* 131 (*doctores linguae suae*).

хищались теми, кто владел словом, был способен увлечь, убедить и одержать верх над физически превосходящим, но менее красноречивым противником. *Magister loquitur* и «люди острые на язык» (*hominibus acuti linguae sunt*) приносили реальную пользу. Они предоставляли слушающему или читающему человеку возможность осмыслить то или иное явление, сформировать свое мнение и принять участие в преобразовании реальности. Один из историков IV в. Аммиан Марцеллин в «*Res gestae*» напомнил слова Аристотеля о предосторожности в общении с человеком, «который носит на кончике своего языка право жизни и смерти»⁷. Здесь, вероятно, будет уместно вспомнить и то, как греки и римляне высоко ценили и тех, кто обладал даром сдержанного слова и умения молчать. Об этом выдающийся историк также неоднократно напоминал на страницах своего сочинения⁸.

По мнению Аммиана Марцеллина, в Римской империи в IV в. разящим оружием слова владели не только *lingua dolosa*, «носившие смерть на конце своего языка», но и рядовые римляне «владевшие словом и склонные давать волю языку»⁹. Он отмечает «острый язык римской толпы» (*lingua acuta Romanae turbae*), мягкие (*mollis*), цветистые (*flores*), милостивые (*gratiosa*), пророческие, вещие (*propheticalis*), бодрящие» (*roborante*), позорящие (*turpe*), спокойные (*placidus*), зловещие (*omosa*), мудрые (*sapientes*), ласковые (*amantissima*), пышные (*amantissima*) слова, «слова в снисходительном тоне» (*verba sono dignante*) и «властные слова» (*verba imperiosa*)¹⁰. И тот факт, что автор «Истории» демонстрирует богатый лингвистический арсенал и виртуозность владения латинским языком свидетельствует не только о римской образованности сирийского грека, но его особом внимании к бесценной действенности слова. Он пишет, что слова могут действовать призывно, как звук трубы, могут поражать как удар грома, но могут и не возыметь действия, что противника можно забрасывать и множеством лишних слов¹¹.

⁷ *Amm. Marcell.* XVIII. 3, 7.

⁸ *Idem.* XVIII. 3, 8; XX. 8, 9; XXI. 3, 4; XXV. 4, 17; XXVI. 6, 1.

⁹ *Idem.* XXIX. 1, 19, 25.

¹⁰ *Idem.* XVI. 10, 13; XVII. 11, 1; 12, 19; XIX. 11, 10; XX. 1, 4; 4, 15; XXI. 1, 8; XXIII. 5, 24; XXV. 6, 6; XXVIII. 1, 45; XXIX. 6, 4; XXX. 4, 7; XXXI. 1, 3; 12, 1.

¹¹ *Idem.* XX. 4, 4; 5, 2; XXII. 10, 7; XXIII. 6, 80; XXV. 4, 13; 9, 2.

Историки добились значительных успехов в понимании особенностей поведения человека варварского мира, с которым взаимодействовала греко-римская средиземноморская цивилизация. По греко-римским ментальным стандартам большая часть поступков этих людей считалась омерзительными, варварскими, ибо варвар легко находил повод для притеснения и убийства других людей. Однако, в сочинениях позднеримских историков обращалось внимание и на то, что в варварском мире, где обитает «множество народов весьма различных между собою по языку»¹², вожди многих племен были одаренными ораторами. Лингвистические особенности внутриплеменного и межплеменного языка общения представить довольно сложно. И хотя представитель европейского племенного мира — человек бесписьменный, он, тем не менее, был отнюдь не бессловесным. Чтобы выжить, германцы, сарматы, аланы, гунны и другие племена должны были полагаться на совместные усилия, объединяясь внутри племени обменом полезной информации, распределением обязанностей. Информация была конкретной, привычной и актуальной. Она относилась к физическому выживанию (как сеять хлеб, заботиться о домашних животных), ремеслам (как построить амбар, изготовить орудия труда) или символическим потребностям (религиозные ритуалы). Желание жить и страх потерять то, что дорого, составляли диалектику бытия человека варварского мира. Озабоченность и опасение, настороженность к чужим, в том числе и к римлянам, вызывали чувство страха, которое никогда не исчезало. Страх, как архетип сознания, проявлялся в ходе контактов и взаимодействий не только у племен *Barbaricum solum*, но и у римлян¹³. Следует обратить внимание, что в письменных текстах о взаимоотношениях римлян с варварами, лексемы с семантикой «страха» (*metus, metuere, timiditas, timere, timor extrenus* и др.) встречаются довольно часто¹⁴. У каждого племени, вероятно, был свой язык об-

¹² *Idem.* XV. 11, 1; XXII. 8, 31; XXVII. 4, 9

¹³ *Appian.* Exc. De leg. Rom. 6.71.

¹⁴ См., например: *Tacit. Ann.* I, 68 «...словно оцепенев от *страха* неподвижно стояли редкие воины...» (здесь и далее перевод А.С. Бобовича); II, 44 «...германцы, избавившись от *страха* перед внешним врагом ... обратили оружие друг против друга»; XIII, 56 «... не желая разделять чужие *опасности*».

щения (*patrio sermone*)¹⁵. Аммиан Марцеллин отметил, что варвары отличались между собой по языку и по обычаям¹⁶. Чтобы предугадать поведение римлян или перехитрить соперника из другого племени, германцы, сарматы, фракийцы и иллирийцы использовали возможности своего языка, причем с максимальной степенью точности, ибо от этого зависела их жизнь.

Особую коммуникативную роль в варварском мире играл также и *жестовый язык*, преимущество которого заключалось в доступности и легкости освоения. Жест (*gestus*) мог быть *умоляющий* (*oratio*), *унижающий* (*humiliati sunt*), *угрожающий* (*minaciter*) или *изящный* (*graceful*), сопровождался определенной мимикой и голосом. Стремительно собрать людей своего племени готы, например, могли с помощью обычного у них зова. В конфликтных ситуациях варвары бросались на противника с остервенелым взглядом и дикими криками¹⁷. В вавилонском столпотворении европейского племенного мира римляне слышали и фиксировали «разноязычные голоса» (*multilingues voces*). И в этом лингвистическом хаосе они различали варваров по языку, обычаям и законам (*linguae, consuetudines et leges*), тех, кто говорил «на родном языке» (*in nulla lingua*) и обладал знанием «местного языка» (*linguae localis*)¹⁸.

Имея в своем распоряжении неоднородную версию языка племенного мира, античные авторы в своих сочинениях производили «огранку» словоупотребления неримлян (переговоры с вождями, речи предводителей и др.) в соответствии с латинской грамматикой, требующей точности, логики и постоянства. Существительные, глаголы и прилагательные в латинском языке обозначают конкретные объекты, их действие и качественное состояние с определенным лексическим значением. У *barbarus* и *barbaria* нет глагольной формы, отражающей *зло-деяние, зло-действие*, хотя варвар «опустошал», «разрушал», уничтожал», т.е. все-таки *destruatur*. Но поскольку варвар как субъект привязан к определенно жестким событиям и состояниям, язык позволил уйти от выражения его действий, подразумевая

¹⁵ *Iord. Get.* 121, 133.

¹⁶ *Amm. Marcell.* XXVII. 4, 9.

¹⁷ *Idem.* XV. 12, 2; XVII. 13, 8, 10; XIX. 11, 10; XX. 11, 9; XXVIII. 5, 6; XXXI. 7, 7.

¹⁸ *Idem.* XV. 11, 1; XVI. 12, 25; XVIII. 2, 2; XXXI. 7, 11.

и заключая уже в самой семантике этого слова агрессивный аспект бытия.

В раннем Средневековье образ варвара, как и вербальное варварство, приобретали особый смысл злонамеренного свойства человеческой природы с присущим эмоциональным состоянием и непредсказуемым поведением «диких варварских зверей»¹⁹. Античность завершила демонизацию варваров, закрепив за ними образ абсолютного зла. В лексеме *barbaria* подразумевалось не только качество, но и действие как способ бытия. Античное клише «варвара» и «варварства», бесспорно, стало основой такого лексико-семантического обустройства мира, при котором впоследствии ни один народ не называл себя «варваром» и не видел «варварства» в себе, а только в других. В демонстрации вербального варварства, в *зло-словию*, могли использоваться не только лексемы с пейоративной семантикой, а любые слова, в зависимости от того *с какой целью* и *как* они были сказаны. Содержание нарратива наполнено примерами вербального варварства, представление о котором бытовало в V–VIII вв., когда победы и поражения стали сопровождаться верой не в человека, а в Бога²⁰. Явно и затаенно присутствует этический кодекс консимилированных германцев с примерами иных способов общения, действий и поступков. Новые реалии и нормы отношений уже консимилированных варваров с местным населением бывшей Западной Римской империи порождали страх, который сковывал сознание, боялись даже стен, единственных свидетелей чего-то тайного²¹. На фоне собирания слухов, упорного стремления выведывать тайны «имея доступ с заднего крыльца»²², пройдя через столько «превратностей и перемен»²³, писатели «варварских королевств», этих *imitation imperii*, отмежевывались от варварского прошлого. И, возможно, поэтому варвара с его варварской сущностью в сочинениях этих авторов разглядеть довольно сложно. Логика повествования, независимо от этно-политической и социальной при-

¹⁹ *Gild. Sap.* 18...*barbaricae ferae bestiae.*

²⁰ *Greg. Tur. Hist. Franc.* IV. 48; *Isid. Hist.* 52, 56, 73; *Bed. Ven.* III. 3, 24.

²¹ *Amm. Marcell.* XIV. 1, 7.

²² *Idem.* XIV. 1, 6.

²³ *Iord. Get.* 240.

надлежности автора текста, его информированности и целеполагания, выстраивалась на христианском понимании оппозиции «доброделитель — порок»²⁴. Теперь слово (*verbum*), как обращение (*afflatus*), направлено против сеющих семена раздора и возбудителей ненависти. А ненависть — это жестокая возбудительница смут, и, как предупреждали еще античные историки, молва обычно раздувает неожиданные события. Помимо этого, слово использовалось и как месть, для внушения страха, в сплетнях, наговорах, клевете, для возбуждения высокомерия, для оскорбления и унижения, в насмешках и доносах.

Почти всегда зачинщиком насилия в контексте варварства являлся «подстрекатель злодеяний»²⁵, обладающий удивительным умением «выискивать тайные пути на погибель людям»²⁶. Он действовал целенаправленно и расчетливо, провокация, как правило, осуществлялась как физически, так и вербально. Жестокость провоцировали не только действия, но слова и даже внешность «другого». Ответом на вербальную провокацию и на подстрекательство, которым она сопровождалась, могла быть отсроченная месть. И если физическое варварство еще можно было остановить страхом отмщения, то вербальное страх отмщения мог только усилить.

Письменная традиция темпорально многослойного раннесредневекового мира стала инструментом, который отразил создание иного социокультурного пространства, как «хорошего-плохого», либо «своего-чуждого». В средневековых нарративах понятие «варвар» встречается крайне редко²⁷. Характеристика варварства менялась и теперь сосредотачивалась не только на лингвистических различиях²⁸, истоках географической локализации²⁹, или этнической при-

²⁴ *Isid. Hist.* 49, 56.

²⁵ *Amm. Marcell.* XV.2.10.

²⁶ *Amm. Marcell.* XIV. 5.6; *Iord. Get.* 235, 243.

²⁷ *Gild.Sap.* 10, 18, 20, 23; *Iord. Get.* 40, 69, 85, 160, 172, 176, 179, 310; *Greg. Tur. Hist. Franc.* II. 9, 32: III. 15; IV. 48: VII. 29, 31; *Isid. Hist.* 14, 22, 68, 73; *Bed. Ven.* I. 2, 11, 12, 13, 23; II. 2, 15, 20; III. 2, 4, 7, 24; IV. 2; V. 9, 10, 19; *Paul. Diac.* I. 1, 5, 20; IV. 37; V. 38; VI. 15, 35, 48.

²⁸ *Gild.Sap.* 23...ut lingua eius exprimitur; *Iord. Get.* 84...patria lingua petit; *Bed. Ven.* I. 23...cuius ne linguam nossent; III. 7...barbarae loquellae; *Paul. Diac.* I. 5.

надлежности «нечестивого имени»³⁰. Варварство ассоциировалось уже не столько с отсутствием пайдеи, неспособностью к разумному рассуждению, сколько с бедностью, примитивным образом жизни, с хаосом, воинственной дикостью и эгоистическим своеволием³¹. Язык раннесредневековых текстов отражал иной уклад жизни и систему ценностей, выбор между спасением и грехом, между добром и злом, прекрасным и безобразным, иную мотивацию и установки в определении друзей-союзников (*amicus, socius*) и врагов-язычников (*hostis, inimicus, paganus*). Когда «времена были варварские»³², страх перед опасностью сковывал язык, не давая ему воли, человек «варварских королевств» был скрытен и молчалив, умолчание проникало в тексты писателей «варварских королевств». Таким образом, «зловещее распутье варваров» раннего Средневековья³³ оформило другие принципы реализации вербального варварства. Оно проявлялось в семантике слова в формате лингвистической агрессии, выраженной в устном и письменном виде. В системе позднеантичного и раннесредневекового историописания вербальный аспект варварства отличался повышенной экспрессивностью и прагматической направленностью эмоционально-психологического воздействия. Некоторые тексты, как например, «*Getica*» Иордана создавались в ситуации социального риска и являлись своеобразным личным «убежищем» их автора. В политическом и социокультурном контексте середины VI в. композиционные изъяны и стилистика «*Getica*» прячут в себе то, что «сказалось» независимо и помимо Иордана. И это уже не свидетельствует о неудачном сочетании автором выдумки (*inventio*), подражания (*imitatio*) или умолчания (*silentio*). Вероятнее всего, мы видим сдержанную позицию выживания и сохранения личной безопасности человека варварского происхождения в условиях общей смуты, страха, лжи, предательства и лицемерия в Италии в середине VI в.³⁴

²⁹ *Greg. Tur. Hist. Franc.* III, 15; *Paul. Diac.* I. 1

³⁰ *Gild.Sap.* 23...*ferocissimi nefandi nominis Saxones.*

³¹ *Bed. Ven.* III. 4, 5; *Paul. Diac.* I. 1; V. 38.

³² *Paul. Diac.* VI, 35...*tempora fuero barbarica.*

³³ *Gild.Sap.* 10.

³⁴ *Удальцова*З.В. 1959.

Таким образом, вербальное варварство зиждется на коммуникативной действенности слова и является социокультурным отражением базовой потребности человека в самоутверждении и защите (злонамеренность рождается страхом). Последствия действий вербального варвара по мере его исторического обживания разрушительны. В дискурсе о варварах нарративных текстов и контекстов открыто и латентно проступают контуры злословия. Можно с определенностью утверждать, что содержательно коррелируемая модель «вербального варварства» открывает теневые стороны многообразия злонамеренных действий человека в истории. С некоторой долей оптимизма можно также предположить, что изучение исторической матрицы вербальных отношений *Homo civilis* и *Homo barbaricus* не только конкретизирует наше понимание варварства, но создает для исследователя особый императивный настрой и уверенность в научной необходимости и прогностичности результатов его научных изысканий.

В.П. Буданова

ВЕРБАЛЬНЫЙ ОБРАЗ ВАРВАРА

АФИНСКАЯ МНОГОРЕЧИВОСТЬ И СПАРТАНСКАЯ КРАТКОСТЬ

ЧТО ИЗ НИХ ЕСТЬ ВЕРБАЛЬНОЕ ВАРВАРСТВО?*

И.Е. Суриков

Можно только приветствовать, что темой очередного выпуска ежегодника стал, в частности, вербальный аспект феномена варварства (понимаемого в самом широком смысле). Подобный подход представляется в высшей степени уместным. Не забудем о том, что сами термины βάρβαρος «варвар», βαρβαρικός «варварский» (да и весь круг лексем, образованный от них) возникли в архаической Элладе именно в вербальной, лингвистической сфере. «Варварами» называли людей, которые невнятно, неправильно говорят по-гречески¹.

В этой статье, впрочем, в основном не будет говориться о «варварах» в собственном смысле слова, о тех, кого греки понимали как варваров (а это для них представители всех иных этносов). Мы остановимся на некоторых аспектах культурной идентичности двух эллинских полисов, причем, пожалуй, самых знаменитых (о каких полисах идет речь — ясно из заголовка). На протяжении если не самой длительной, то, пожалуй, самой значимой части

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23–28–00024. — <https://rscf.ru/project/23-28-00024> (октябрь, 2023).

¹ Суриков И.Е. 2015, 520–522.

древнегреческой истории (V в. до н.э.) они находились в почти непрерывном противостоянии (в связи с чем говорят об «афино-спартанском дуализме»), боролись за гегемонию. Однако не только в военно-политическом плане афинян и спартанцев противопоставляли и противопоставляют друг другу, но и в плане ментальном, как два очень разных типа греческой личности.

Традиция такого их противопоставления возникла уже в самой античности, причем именно в V в. до н.э., когда они соперничали между собой. Ее можно местами имплицитно проследить у Геродота (например: *Herod. V. 97* — сравниваются спартанский царь и афинская демократия, не в пользу последней²). Развернутую форму данный прием получает у Фукидида, где он реализуется устами коринфских послов (*Thuc. I. 70*). Соответствующий пассаж великого историка Пелопонесской войны настолько важен, что заслуживает быть приведенным *in extenso* («вы» в нем обозначает спартанцев, к которым обращаются коринфяне):

«Вероятно, вам еще никогда не приходилось задумываться о том, что за люди афиняне, с которыми вам предстоит борьба, и до какой степени они во всем несхожи с вами. Ведь они сторонники новшеств, скоры на выдумки и умеют быстро осуществить свои планы. Вы же, напротив, держитесь за старое, не признаете перемен, и даже необходимых. Они отважны свыше сил, способны рисковать свыше меры благоразумия, не теряют надежды в опасностях. А вы всегда отстаете от ваших возможностей, не доверяете надежным доводам рассудка и, попав в трудное положение, не усматриваете выхода. Они подвижны, вы — медлительны. Они странники, вы — домоседы. Они рассчитывают в отъезде что-то приобрести, вы же опасаетесь потерять и то, что у вас есть. Победив врага, они идут далеко вперед, а в случае поражения не падают духом. Жизни своей для родного города афиняне не шадят, а свои духовные силы отдают всецело на его защиту. Всякий неудавшийся замысел они рассматривают как потерю собственного достоинства, а каждое удачное предприятие для них — лишь первый шаг к новым, еще большим успехам. Если их постигнет какая-либо неудача, то они изменят свои планы и наверстают потерю. Только для них одних надеяться достичь чего-нибудь значит уже обладать этим, пото-

² *Pelling C. 2007, 179.*

му что исполнение у них следует непосредственно за желанием. Вот почему они, проводя всю жизнь в трудах и опасностях, очень мало наслаждаются своим достоянием, так как желают еще большего. Они не знают другого удовольствия, кроме исполнения долга, и праздное бездействие столь же неприятно им, как самая утомительная работа. Одним словом, можно сказать, сама природа предназначила афинян к тому, чтобы и самим не иметь покоя, и другим людям не давать его» (пер. Г.А. Страгановского).

Здесь сравниваются типы личности, которые так и напрашивается определить как «активный» и «пассивный». Впрочем, тут не обойтись без существенных оговорок. Характеристика спартанцев в цитируемом пассаже достаточно критична, а вот в характеристике афинян слышится, мы бы сказали, даже некий панегирик, что не очень ожидаемо, учитывая, что дают ее коринфяне — друзья Спарты и злейшие враги Афин. Ясно, что о какой-либо объективности говорить тут не приходится.

Впрочем, расхожий взгляд на Фукидида как этакий образчик объективного и скрупулезного ученого-историка, настоящего позитивиста, «античного Ранке» (примерно таким его видел, скажем, еще Уэстлейк³), уже не моден, его подвергали принципиальной критике⁴, и ныне автора трактата о Пелопоннесской войне чаще характеризуют как политического мыслителя⁵. Фукидид — отнюдь не «летописец», работающий *sine ira et studio*, ему в достаточной мере присуща тенденциозность⁶. Он — горячий афинский патриот и, говоря о враждебном Афинам полисе, создает сугубо негативный образ Спарты и спартанцев⁷, а, скажем, Перикла идеализирует⁸.

³ *Westlake H.D.* 1989 (книга составлена из статей разных лет).

⁴ Например: *Finley M.I.* 1985, 47–66; *Tucker A.* 2016.

⁵ Например: *Parry A.* 1972 (один из первых примеров); *Farrar C.* 1994, 126–191; *Ober J.* 2006.

⁶ Многочисленные примеры тенденциозности и необъективности Фукидида, проявляющихся, в частности, в умолчаниях, см. в: *Badian E.* 1993.

⁷ Фукидид изображает спартанцев людьми двуличными, которым нельзя доверять. Это противоречит практически всем остальным источникам, в которых спартанцы предстают, наоборот, слишком прямолинейными и простоватыми. См. к вопросу: *Bradford A.S.* 1994.

Отметим еще один нюанс проблемы. Если раньше Фукидиду отказывали в таком качестве, как ирония⁹, то теперь ее все чаще у него находят¹⁰. Пишут даже о разных типах иронии в его труде. Выделяют, в частности, иронию вербальную и структурную¹¹. Первую видят в повторении одной и той же вербальной темы в радикально различающихся обстоятельствах, вторую же — в контрастных сопоставлениях ситуаций, вызывающих у читателя едва ли не противоположную реакцию. Например, в книге II за Надгробной речью Перикла, в которой дается идеальный образ благородных Афин, следует описание чумы, разгул которой сопровождался полной моральной деградацией жителей полиса; описание в высшей степени пышной отправки флота на Сицилию, когда среди граждан царил оптимизм относительно результатов экспедиции, не может не напомнить о катастрофическом провале всего предприятия¹².

Нам представляется, что именно образчик структурной иронии можно видеть в той контрастной характеристике жителей двух полисов, о которой идет речь. В ней подчеркивается, насколько осторожны, тяжелы на подъем, косны и вялы спартанцы и насколько, с другой стороны, дерзки и агрессивны афиняне. А когда Пелопоннесская война начинается, оказывается, что первые настойчиво ведут наступление, а вторые робко прячутся от них за стенами своего города¹³. Да и в целом читать рассматриваемый пассаж из Фукидида следует с учетом того, что историк дожил до конца войны и видел ее исход, победоносный для Спарты и крайне плачевный для Афин (полная капитуляция). Сомневаться в том, что в 404 г. до н.э. он был еще жив и продолжал писать¹⁴, не приходится, хотя его труд обры-

⁸ Об идеализации Фукидидом Перикла см.: *Will W.* 2003, 159–241.

⁹ «Ирония не является характерной чертой фукидидовского нарратива» (*Westlake H.D.* 1960, 393).

¹⁰ Этот вопрос специально рассмотрен нами в другом месте: *Суриков И.Е.* 2022.

¹¹ *Greenwood E.* 2015, 105.

¹² Об этих и других аналогичных сопоставлениях см. также: *Zagorin P.* 2005, 69, 112; *Dewald C.J.* 2005, 64; *Rogkotis Z.* 2006, 714; *Rengakos A.* 2006, 297; *Furley W.D.* 2006, 431; *Rawlings H.R.* 2017, 203–204; *Joho T.* 2017, 594.

¹³ *Jaffe S.N.* 2017, 190.

¹⁴ А не отложил перо, вопреки: *Boulton A.O.* 2021, 138.

вается на 411 г. до н.э. Фукидид, в частности, знает, что конфликт (начавшийся в 431 г. до н.э.) продолжался 27 лет (а такое можно было сказать только после его завершения), о чем прямо говорится в так называемом «втором введении» (*Thuc.* V. 26). Правда, относительно этого места высказывалось предположение¹⁵, что его мог добавить Ксенофонт, который издал «Историю» Фукидида, а перед тем, скорее всего, редактировал ее. Но ведь не только из «второго введения» видно, что Фукидид застал завершение войны. Конечное поражение Афин упоминается у него и в других местах (например: *Thuc.* II. 65. 12, с lamentациями на тему о том, что, поживи подольше Перикл, дела могли бы сложиться и иначе).

Во всяком случае, каждый, кто читал вышеприведенную речь коринфян, должен был задаться вопросом: как же это афиняне, обладающие столь *выигрышными* качествами, в конечном счете, все-таки оказались в *проигрыше*? И Фукидид не мог не просчитать заранее такую реакцию.

* * *

Нас в связи с афинянами и спартанцами будет интересовать (в контексте тематики данной статьи) контраст между ними в области речевой культуры. Лаконизм спартанцев всем прекрасно знаком, он вошел в поговорку; его образчики собирали уже в античности. Так, у Плутарха есть трактат *Ἀλοφθέρυγατα Λακωνικά*, «Лаконские изречения»¹⁶ (*Plut.* Mor. 208a–236e). С другой стороны, известно, что образование в плане приобщения к культурным ценностям спартиаты получали лишь в минимальном количестве и, более того, как бы даже бравировали отсутствием духовных запросов. Некоторые из их прославленных высказываний — как раз об этом самом; поместим здесь несколько примеров из вышеупомянутого сочинения Плутарха.

«Однажды, когда самосские послы говорили чересчур долго, спартанцы сказали им: “Первую часть вашей речи мы забыли, а последующую не поняли, так забыли первую”» (*Plut.* Mor. 232d). «Когда оратор, растянувший свою речь надолго, потребовал ответа, чтобы передать его своим согражданам, спартанцы

¹⁵ *Canfora L.* 2006, 14–17.

¹⁶ Есть русский перевод М.Н. Ботвинника (далее именно он будет цитироваться), под названием «Изречения спартанцев».

сказали: “Передай им, что ты еле-еле закончил свою речь, а мы едва дослушали”» (*Plut. Mor.* 232e). «Один спартанец, ошипав соловья и обнаружив в нем совсем мало мяса, сказал: “Да ты просто голос и больше ничего”» (*Plut. Mor.* 233a). «Другой сказал как-то, когда на пир принесли лиру: “Не к лицу спартанцам заниматься вздором”» (*Plut. Mor.* 234d). «Другой спартанец, услышав ритора, нагромождавшего один период на другой, сказал: “Клянусь богами, это храбрый человек! Не имея, о чем говорить, он все-таки ловко вертит языком”» (*Plut. Mor.* 235e). «Когда кто-то хвалил ритора за то, что тот умеет представить великими даже незначительные дела, Агесилай сказал: “Я не считаю хорошим сапожником того, кто обувает маленькую ногу в большой башмак”» (*Plut. Mor.* 208c). «Одному человеку, удивлявшемуся простоте одежды самого царя и остальных спартанцев, Агесилай сказал: “Так ведь этот образ жизни – почва, на которой возросла наша свобода”» (*Plut. Mor.* 210a). «Увидев в Азии крытый четырехугольными плахами дом, Агесилай спросил у его владельца: “А что, деревья у вас растут тоже четырехугольными?” Когда тот ответил, что деревья у них, как у всех, растут круглыми, Агесилай сказал: “А если бы они росли четырехугольными, стали бы вы стараться придавать им круглую форму?”» (*Plut. Mor.* 210e). «Когда Агесилая пригласили послушать человека, подражавшего пению соловья, он отказался и сказал: “Я уже не раз слышал самих соловьев”» (*Plut. Mor.* 212f). «Одному софисту, утверждавшему, что самое ценное в человеке — речь, Агид сказал: “Выходит, когда ты молчишь, ты ничего не стоишь”» (*Plut. Mor.* 215e). «Когда абдерский посол, закончив наконец свою длинную речь, спросил Агида, какой ответ должен он передать согражданам, тот сказал: “Передай им, что всё то время, пока ты разглагольствовал, я внимал тебе молча”» (*Plut. Mor.* 215e). «Человеку, сообщавшему эфорам полезные сведения, но говорившему при этом слишком долго, Анаксандрид сказал: “Ты, приятель, говоришь дело, но не дельно, слишком много”» (*Plut. Mor.* 216f). «Отвечая афинянину, называвшему спартанцев неучами, он (Анталкид. — *И. С.*) сказал: “Это верно. Мы единственные, которые не научились у вас ничему плохому”» (*Plut. Mor.* 217d). «Когда один софист хотел произнести похвалу Гераклу, Анталкид спросил: “Разве кто-нибудь его порицает?”» (*Plut. Mor.* 217d–e). «Отвечая человеку, расхваливавшему кифареда и удивлявшемуся силе его дарования, Архидам сказал: “Если ты так расхваливаешь кифареда, то

какие же слова ты найдешь, любезный, чтобы восхвалять людей благородных?»» (*Plut. Mor.* 218c). «Однажды кто-то представлял ему (Архидаму. — *И. С.*) музыканта, говоря: “Это — замечательный лирник!” “А у нас, — сказал царь, — этот человек славится как знаменитый кашевар, который умеет варить черную похлебку”» (*Plut. Mor.* 218c). «Сицилийский тиран Дионисий прислал его дочерям богатые платья, но Архидам не принял подарка, говоря: “Боюсь, как бы, надев эти платья, девушки не показались бы мне безобразными”»¹⁷ (*Plut. Mor.* 218e). «Некий Периандр был отличным врачом, и его постоянно восхваляли за врачебное искусство, но стихи он писал очень слабые. “Чего ради, Периандр, — спросил его Архидам, — ты стремишься называться плохим поэтом, а не искусным врачом?”» (*Plut. Mor.* 218f). «Слушая музыканта, Демарат сказал: “Мне кажется, он неплохо делает свое пустейшее дело”» (*Plut. Mor.* 220a). «Услышав однажды, как один философ доказывал, что только мудрец может быть хорошим полководцем, Евдамид сказал: “Речь прекрасная, но верить оратору не следует: никогда не слышал он сигнала боевой трубы”» (*Plut. Mor.* 220d–e). «Когда кто-то произносил чересчур длинную речь, Лабот сказал: “Зачем к ерундовому делу такое длинное вступление? Речь должна соответствовать важности дела. Каково дело, такова и речь”» (*Plut. Mor.* 224c).

Обратим внимание на то, что среди самых частых мотивов в приведенной здесь подборке – отторжение спартиатами мастерства длинных и красивых речей; в культуре остальных греков это для них одна из наиболее неприязненных черт. Нередко считается, что сам спартанский лаконизм – именно следствие культурной незавитости, порождавшей скудость языкового арсенала.

Что касается Афин, то они как раз блистали словом. Эта особенность проявляется уже в V в. до н.э.: великие древнегреческие драма-

¹⁷ Здесь налицо хронологическая неувязка: Архидам II умер еще до того, как Дионисий стал тираном, а Архидам III вступил на престол уже после смерти Дионисия. Видимо, в действительности изречение принадлежит какому-то другому спартанскому царю (по времени лучше всего подходит Агесилай II). Впрочем, подобные мелкие неточности в нашем контексте не принципиальны: нас интересуют не персоналии, а общий дух высказываний.

турги этого времени почти все были афинянами¹⁸. В следующем столетии в «городе Паллады» расцвело ораторское искусство. Зародившееся, как считается, на Сицилии (Корак, Тисий)¹⁹, а в Афины перенесенное Горгием²⁰ (хотя не следует забывать и о вкладе Антифонта, коренного афинянина, значение которого в данной сфере обычно недооценивается²¹), именно в Аттике оно достигло наивысшего развития и нигде в Элладе не блистало так, как там. Достаточно напомнить, что из десяти ораторов, включенных в канон величайших мастеров древнегреческого красноречия²², семь были афинскими гражданами (Антифонт, Андокид, Исократ, Демосфен, Эсхин, Ликург, Гиперид), а остальные трое (Лисий, Исей, Динарх) тоже действовали в Афинах, хотя и жили там на правах метэков.

Таким образом, перед нами два типа речевого поведения, очень несхожих между собой. Какой из них следует сблизить с вербальным варварством? Казалось бы, ответ предельно прост и ясен, он напрашивается сам собой: богатую речь варварской никак не назовешь. Если понимать варварство как отсутствие или недостаток культуры, необходимо ведь согласиться с выдающимся исследователем спартанской истории Ю.В. Андреевым, что в классической Спарте царила «страшная культурная отсталость»²³. Так было не всегда; в архаический период спартанцы вполне имели чем похвастаться в области и литературы (Тиртей, Алкман²⁴), и в искусствах (описанная Павсани-

¹⁸ Исключение — Ион Хиосский (*Stevens A.* 2007). Но его не причисляли к драматургам первого ряда, указывая, что он не может быть сравнен, например, с Софоклом: *Anon. De subl.* 33. 5,

¹⁹ Впрочем, было высказано мнение, что два первых теоретика риторики — Корак и Тисий — в действительности являются одним лицом (*Cole T.* 2007). В той же статье см. о контексте появления риторики на Сицилии после падения тирании Дейноменидов.

²⁰ *Wardy R.* 1998; *Bons J.A.E.* 2007.

²¹ Впервые оно было в должной мере оценено в: *Gagarin M.* 2002.

²² Об этом каноне см.: *Worthington I.* 1994.

²³ *Андреев Ю.В.* 2014, 278.

²⁴ О Тиртее см.: *Lipka M.* 2002; *Barron J.P., Easterling P.E.* 2003; *Hilten-Rutten E. van* 2019. Об Алкмане см.: *Zaikov A.V.* 2004; *Krummen E.* 2009; *Power T.* 2022. Второй не был уроженцем Спарты, а по некоторым сведениям — также и первый. Но уже из этого видно, как спартанцы времен

ем (*Paus.* III. 18. 9 – 19. 5) скульптурная группа в Амиклах, включавшая колоссальную статую Аполлона на троне, несомненно, принадлежала к лучшим образцам ранней греческой пластики). Но всё это ушло в прошлое, когда завершилось создание «ликургова космоса». Конечный продукт последнего – всем хорошо знакомая фигура спартиата, грубого даже в своих внешних проявлениях; а грубость ведь для нас тоже ассоциируется с варварским типом личности.

Итак, вроде бы всё ясно. Но парадоксальным образом у самих античных греков на этот счет было иное мнение. Здесь нужно учитывать вещь очевидную, однако же, не всегда принимаемую в расчет: произнося само слово «варвар», эллин далеко не в первую очередь вспоминал о скифе или фракийце, жестоком, воинственном и невоспитанном. А прежде всего перед его мысленным взором вставал образ, скажем, лидийца или представителя какого-нибудь другого из многочисленных этносов, населявших огромную Персидскую державу. Варвар мыслился преимущественно как варвар восточный, азиатский, и само понятие варварства прочно увязывалось с Азией²⁵. Хорошо известно, что само понимание истории как извечного противостояния греческого и варварского миров возникло в V в. до н.э. (усилиями прежде всего Эсхила и Геродота²⁶) из-за Греко-персидских войн.

Варвары в древнегреческом понимании вполне могут быть образованными, даже до утонченности, но у них рабские души. Собственно, это одно из первых положений «Политики» Аристотеля:

«У варваров... отсутствует элемент, предназначенный по природе своей к властвованию. У них бывает только одна форма общения — общение раба и рабыни... Варвар и раб по природе своей понятия тождественные» (*Arist. Pol.* I. 1252b5–10).

Уж спартанцев точно никогда и никто в Элладе не назвал «рабами по природе»; их, напротив, воспринимали как «господ по при-

архаики любили поэзию, коль скоро даже приглашали ее видных представителей из других городов к себе на постоянное жительство.

²⁵ Это хорошо показано в: *Georges P.* 1994.

²⁶ *Суриков И.Е.* 2011а, 260–270. По этой тематике основополагающим остается труд Эдит Холл: *Hall E.* 1991.

роде», и порой видели именно в них воплощение самых чистокровных эллинов (сказанное особенно относится к спартанским царям).

Обратим внимание на один штрих из «Киропедии», созданной таким убежденным лаконофилом, как Ксенофонт. Кир — герой этого трактата — изображен образцом всяческих совершенств и при этом весьма напоминает «идеального спартанца». Но однажды автор все-таки делает ему небольшой упрек: «Он вырос, пожалуй, несколько более словоохотливым, чем нужно» (Хен. Сугор. I. 4. 3). Ясно, Кир все-таки перс, варвар, и вполне соответствовать нормам, принятым у спартиатов, он не может. Да и то Ксенофонт оговаривает, что указанная черта была свойственна царевичу только в детстве и отрочестве, в годы учения, а потом ситуация изменилась:

«Когда же прошло некоторое время и наступила пора его юности, он стал сдержаннее и говорил уже тише, проявляя стыдливость и скромность» (Хен. Сугор. I. 4. 4; цитаты из «Киропедии» приведены в переводе В.Г. Боруховича).

Итак, в рамках этой модели многословие — качество варваров.

Продолжим о проблемах речевой культуры. В греческом красноречии ближе к концу классического периода наметились две стилистические тенденции, восходящие соответственно к Лисию и Исократу. Первая из них характеризовалась как тяготеющая к простоте и относительной краткости, вторая же практиковала велеречивость и избыток словесных украшений. В период эллинизма они выкристаллизовались в полноценные течения: аттицизм и азианизм. Специальная литература об аттицизме достаточно обильна²⁷, а вот об азианизме таковой практически и найти нельзя. Причины ясны: азианизм оказался явлением мертворожденным и не оставил заметного следа в истории. А вот аттицизм, в распространение которого наибольший вклад внес выдающийся ритор, литературный критик и историк Дионисий Галикарнасский, существовал на протяжении ряда веков и, в частности, стал основой греческого культурного возрождения времен Римской империи, известного под названием «Второй софистики»²⁸ и чрезвычайно активно изучаемого ныне.

²⁷ Например: *O'Sullivan N.* 1997; *Kim L.* 2010; *Yunis H.* 2018; *Jażdżewska K.* 2019; *Tribulato O.* 2019.

²⁸ О которой см.: *Webb R.* 2000; *Webb R.* 2006; *Porter J.I.* 2001; *Bow-*

Азианисты шли по пути пышности, аттикисты же боготворили Лисия с его лаконичностью (разумеется, речь идет о лаконичности *по риторическим меркам*), и тем самым в них было что-то лаконское, спартанское. Спрашивается: какой же из этих двух стилей считался более варварским? Ответ самих эллинов на этот вопрос вполне однозначен: речевым варварством признавался стиль азианский.

Но, впрочем, мы ушли несколько далеко от Афин и Спарты классического периода, которые здесь рассматриваются. Вернемся к ним и отметим, что различия в речевой культуре между двумя этими социумами, безусловно, во многом объясняются их неодинаковым политическим устройством. Вряд ли нуждается в доказательствах то положение, что расцвет афинского ораторского искусства порождался реалиями демократического полиса. Прямая демократия античного типа зиждилась на власти слова. Постановления народного собрания принимались только после обязательных дебатов, когда каждый желающий мог взять слово и выйти на трибуну. Какие при этом порой кипели страсти — это хорошо демонстрируют даже сухие строки декретов, рождавшихся в результате подобных споров. Предварительный текст декрета (пробулевма) готовился заранее Советом Пятисот, но лишь в редких случаях этот текст в ходе обсуждения оставался неизменным; значительно чаще в него вносились поправки, которые приписывались в конце²⁹.

Далее, в суде тяжущиеся стороны обменивались речами, и именно по их итогам, по тому, кто из говорящих был убедительнее, судьи выносили приговор³⁰, а ведь это нередко был вопрос жизни и смерти³¹. Речи произносились и по множеству других поводов,

ersock G.W. 2003; *D'Ambra E.* 2005; *Nesselrath H.-G.* 2007; *Anderson G.* 2007; *Kim L.* 2010; *Kim L.* 2022; *Goldhill S.* 2009; *Pretzler M.* 2010; *Morton J.* 2010; *Schmitz T.A.* 2014; *Kemezis A.M.* 2014; *Müller S.* 2017; *Holder S.* 2017; *Fowler R.C.* 2018.

²⁹ О процедуре принятия декретов (псефисм) см.: *Rhodes P.J., Lewis D.M.* 1997.

³⁰ О роли риторики в афинских судах см.: *Gagarin M.* 2020, 71–92.

³¹ Так, Сократ не был бы казнен, если иначе построил речевую стратегию на своем процессе. Но он и не стремился к тому, чтобы быть оправданным («он тогда уже считал смерть для себя предпочтительнее жизни»), *Xen. Apol.* 1), и в своих защитительных речах защищал не себя, а только истину.

например, укажем на такой жанр, как эпитафий, речь при погребении павших воинов. До нас дошло несколько образчиков этого жанра, из которых самым известным является «Надгробная речь Перикла» (*Thuc.* II. 35–44). Иными словами, в Афинах, чтобы не слыть неудачником, «лузером», буквально каждому нужно было как-то совершенствовать свое красноречие: оно могло пригодиться в любой момент. И совершенствование такое было более чем возможным, поскольку сами условия общественной жизни были в высшей степени подходящим полем для «тренировки» ораторских способностей.

Спартанский же гражданин в подобных ситуациях практически не оказывался. Как известно, в олигархических полисах³² вопросы решались кулуарно, а дебаты и речи были не слишком-то и нужны. Было ли государственное устройство Спарты олигархией? Такое утверждение можно встретить в литературе, но по большей части популярной и учебной³³, то есть такой, в которой допускаются определенные упрощения. В действительности вопрос сложнее. Спарта, во всяком случае, никак не назовешь образчиком типичного олигархического режима. Характерно, что Аристотель, в «Политике» стремившийся максимально скрупулезно систематизировать политические системы, не относит Спарту к олигархиям. А поскольку к демократиям и монархиям она также не принадлежала, Стагирит (находясь, видимо, в некотором затруднении) постулирует для спартанского полиса смешанное государственное устройство³⁴.

В Спарте полноценно функционировало народное собрание (апелла), и именно оно принимало окончательные решения по всем важным вопросам. Однако спартанские политические практики имели ту особенность, что, в отличие от афинских, не предусматривали каких-либо дебатов. Проект постановления зачитывался председателем собрания геронтами и эфорами, затем же сразу переходили к голосованию. Это, понятно, никак не способствовало рождению развитой речевой культуры.

³² Лучший анализ олигархии как формы государственного устройства в Древней Греции содержится в: *Ostwald M.* 2000.

³³ Например: *Кузицин В.И.* 1986, 164.

³⁴ Об отношении Аристотеля к Спарте см.: *Schütrumpf E.* 1994.

Укажем в заключение на один интересный нюанс. В Афинах было немало лаконофилов³⁵ — ревностных поклонников спартанских порядков и «спартанского космоса» в целом. Самым убежденным и самым известным из них был Критий, действовавший в конце V в. до н.э.³⁶ Эти люди старались в чем только можно подражать спартамцам, но все-таки одну из черт их поведения они не перенимали. Этой чертой была именно лаконская нелюбовь к пространным словопрениям, да и к словесности в целом. Спартанской литературы классической эпохи, можно сказать, не существовало. В V в. до н.э. мы не найдем ни одного писателя лакедемонского происхождения³⁷. А тот же Критий являлся плодовитым литератором, причем весьма разносторонним: его перу принадлежат как прозаические трактаты (о государственном устройстве Спарты, Фессалии), так и стихотворные произведения (драмы, гексаметры, элегии)³⁸.

Таким образом, специфика спартанской речевой культуры в Афинах (и других полисах) не рецепировалась, однако и никоим образом не осуждалась. Более того, в целом одобрялась и, во всяком случае, — повторим и подчеркнем — уж точно не воспринималась как вербальное варварство.

³⁵ См. о них: Суриков И.Е. 2021, 224–239.

³⁶ Об этой колоритной фигуре см.: Ungern-Sternberg J. von. 2000; Danzig G. 2014; Herrmann F.-G. 2017; Gottesman A. 2020.

³⁷ Только в начале IV в. до н.э. царь Павсаний написал сочинение «О законах Ликурга» (*Strab.* VIII. 366), да и то только после того, как был изгнан из Спарты. К тому же Павсания не назовешь типичным спартиатом.

³⁸ Суриков И.Е. 2011б, 235. К сожалению, литературное наследие Крития сохранилось только во фрагментах.

IMMANIS И IMMANITAS ПРИМЕНИТЕЛЬНО К ВАРВАРАМ В СЛОВОУПОТРЕБЛЕНИИ ЦИЦЕРОНА

В.О. Никушин

Образ «чужака», т.е. представителя другого народа и иной культуры, обычно представляет собой сочетание более или менее достоверных черт, обобщающих характеристик и устойчивых предрассудков либо стереотипов разного происхождения. Отсюда проистекают (осознанно или нет) грубые искажения реального положения вещей; именно на этой почве возникает этноцентризм. Речь идёт о чувстве превосходства одного народа над другими, а также о неприятии иных культур или, по крайней мере, о предубеждении по отношению к ним¹. Подсознательная антипатия к «чужакам» универсальна, поэтому восприятие других народов с неизбежностью является негативным. В античности не существовало расизма, поэтому римлян, как и греков, нельзя считать расистами. Тем не менее римлянам, как и другим древним народам, были присущи определённые негативно окрашенные этнические стереотипы, как бы их ни называть — «проторасизм», негативизм или «расовый предрассудок»².

В представлении римских интеллектуалов времён Цезаря и Цицерона пространство цивилизации составляли земли, населённые греками и римлянами, соответственно, мир варварства — это пространство за пределами греко-римской ойкумены, а варвары — это все те *gentes* и *nationes*, которые проживали вне границ той зоны, чья «ось» проходила, фигурально выражаясь, через Афины и Рим³. Варвары были «чужаками» по отношению к грекам и римлянам⁴. «Чужаков» латинские авторы называли по-разному: *advena*,

¹ См.: *Маринович Л.П.* 2006, 5 слл.

² См.: *Isaac B.H.* 2006, 1–51.

³ *Freyburger G.* 1977, 143.

⁴ *Balsdon J.P.V.D.* 1979, 64.

alienigena, alienus, exoticus, exter, externus, extraneus, extrarius⁵, hospes, hostis, peregrinus, barbarus⁶. В историографии, посвящённой вербальным характеристикам варварского мира в его противопоставлении греко-римской цивилизации, уже давно было сделано концептуальное заключение о присутствии в описании римскими интеллектуалами варваров и варварства *двух полюсов*. Один полюс — это *feritas*, или *ferocia*, что можно условно перевести как «дикость». Она сближает варваров с дикими животными, ибо тем и другим присуща грубая физическая сила; соответственно, безотчётная склонность к насилию и врождённая жестокость варваров создают перманентную угрозу для цивилизации. Второй полюс — это *vanitas*, термин, который вообще невозможно перевести однозначно; это и тщетность в смысле «бесполезность», и пустота в значении «бессодержательность, отсутствие смысла и сути, ничтожность», хвастовство и тщеславие, ложность и лживость. Применительно к варварам *vanitas* — это невежество и суеверие, глупость и бескультурие, некомпетентность и непостоянство. Таким образом, в противоположность *feritas*, или *ferocia*, составлявшей, условно говоря, силу варварства⁷, *vanitas* означает его слабость, которая полностью исключает варварство из сферы культуры. Впрочем, очевидно, что и «сила», и «слабость» варварства идут ему в минус, ибо всецело противоречат ценностям римлян, этого *gens togata* — «народа, одетого в тогу»⁸. Показательно, что римляне в сочинениях латин-

⁵ Приставка «ex» означает «снаружи», «извне», т.е. речь идёт о чужаках. *Exterus* и *externus* — синонимы, они взаимозаменяемы. Например, в словоупотреблении Цицерона 58 случаев *exter* против 39 *externus*, тогда как у Тита Ливия — 6 *exter* против 97 *externus*, у Сенеки Младшего — 1 *exter* против 19 *externus* (*Ndiaye E.* 2005b, 123, n. 30).

⁶ *Ndiaye É.* 2005b, 119–120. Хронологически дихотомии «римляне — чужеземцы» предшествовала оппозиция «греки — варвары» (*Dubuisson M.* 2001, 1–8). Слово «варвар» в словоупотреблении античных авторов в более чем 90% случаев носит негативный, уничижительный смысл (*Ndiaye É.* 2005b, 123. Ср.: *Lévy E.* 1984, 14; *Skoda F.* 1981, 121).

⁷ Эта «сила» весьма относительна, поскольку на поле боя она неизменно пасует перед римской доблестью и дисциплиной.

⁸ *Ndiaye É.* 2005b, 122–123. См. также: *Dauge Y.A.* 1981, 379–676; *Dubuisson M.* 1985, 87–88. К примеру, Цезарь, говоря о галлах, которых он покорил, характеризует прежде всего их *vanitas*, тогда как в отношении

ских авторов характеризуются такими качествами, как *sapientia*, *temperantia*, *firmitas*, *pietas*, *fides*, *iustitia*, *concordia*, *gravitas*, *prudentia*⁹. Это благоразумие, самообладание, выдержка, благочестие, верность, справедливость, единодушие, непреклонность, рассудительность. Среди перечисленных качеств нет ни одного, которое «природный» римлянин мог бы отнести к варварам.

В своих произведениях Цицерон употребляет применительно к чужакам и, в частности, к варварам много разных терминов¹⁰. Мы же теперь остановимся на двух: *immanis* и *immanitas*. Это, как легко заметить, однокоренные слова, соответственно прилагательное и существительное. Разберём их значения и начнём с прилагательного *immanis*. Чаще всего оно переводится как «чудовищный», «ужасный», «свирепый», «лютый». Когда в речи «Об ответах гаруспиков» (56 г. до н.э.) вдруг появляется «*immanis Charybdis*» (Har. resp. 59), становится ясно, что здесь уместно любое из перечисленных определений: легендарная Харибда, как её описывает античная литературная традиция, безусловно, могла быть и «чудовищной», и «ужасной», и «свирепой», и «лютой». Образ свирепого и ужасного чудовища активно коррелирует с традиционным греко-римским представлением о «свирепом» и «лютом» варварстве. Аналогичное впечатление возникает при прочтении XIII филиппики (43 г. до н.э.), в которой Марк Антоний описывается Цицероном как эпическое чудовище сродни Харибде:

«Есть ли кто-нибудь столь дикий, ужасный и грубый?» (Quis tam barbarus umquam, tam immanis, tam ferus?) (Phil. XIII. 21. Пер. В.О. Никишина. Ср.: Sulla. 76; Verr. II. 2. 51; Rosc. Am. 38; 146).

Здесь мы сталкиваемся с тремя синонимами — *barbarus*, *immanis*, *ferus*, — каждый из которых можно перевести как «дикий, ужасный и грубый». Таким образом, в представлении Цицерона и его аудитории эпитеты *immanis* и *ferus* чётко ассоциировались с варварством и в первую очередь с таким его аспектом, как *feritas*, или *ferocia* («дикость»). В связи с этим в высшей степени характер-

воинственных германцев, с которыми ему было гораздо труднее справиться, чем с галлами, он упоминает преимущественно об их *feritas*. См.: *Ndiaye É.* 2005a, 89–108; *Freyburger G.* 1976, 13–20.

⁹ *Dauge Y.A.* 1981, 460, n. 23.

¹⁰ *Никишин В.О.* 2019, 238–244.

ным представляется употребление Цицероном прилагательного *immanis* в превосходной степени применительно к воинственным германским племенам: *Germanorum immanissimis gentibus* (Pis. 81). Впрочем, более «цивилизованных» галлов он также называет *immanissimis nationibus* (Font. 41). Это означает, что для Цицерона все северные варвары в конечном счёте являлись *immanissimi*, т.е. в высшей степени «дикими, ужасными, грубыми»¹¹.

Immanis у Цицерона может относиться не только к миру варварства и связанной с ним житейской практикой, но и к повседневной жизни римского гражданского коллектива, когда, например, *immanis* находится в смысловой связи с преступлениями, злодеяниями, излишествами и другими отклонениями от норм социального поведения. В речах оратора мы встречаем такие словосочетания, как «зверское злодейство» (*immane facinus*) (Rosc. Am. 68; Phil. XIV. 8), «мерзкая похоть» (*libidines immanis*) (Scaur. 13), «отвратительное и чудовищное преступление» (*infestum scelus et immane*) (Cluent. 188), «ужасное преступление» (*in hoc scelere tam immani*) в связи с заговором Катилины (Cat. IV. 13). Поскольку прилагательные *immanis* и *barbarus* у Цицерона, как мы видели, являются синонимами, нет ничего удивительного в том, что эпитет *immanis* оратор нередко применяет именно к варварским племенам и народностям. В частности, речь идёт о северных варварах. Так, в речи «О консульских провинциях» (56 г. до н.э.), имея в виду покорённую Цезарем Галлию, Цицерон патетически восклицает:

«Что может быть суровее тех стран, беднее тех городов, свирепее тех племён?» (*Quid illis terris asperius, quod incultius oppidis, quid nationibus immanius?*) (Prov. cons. 29. Пер. В.О. Горенштейна).

Очевидно, в этом контексте он имел в виду воинственный дух, мощь и многочисленность бельгов, аквитанов и других племенных союзов, с которыми пришлось иметь дело Цезарю, затеявшему на свой страх и риск «маленькую победоносную войну» на просторах *Gallia Comata*¹².

¹¹ Как показывают изыскания Е.С. Голубцовой, в словоупотреблении латинских авторов термины *gentes* и *nationes*, означавшие племена или народности, были взаимозаменяемы (Голубцова Е.С. 1998, 34–36).

¹² Об отношении Цезаря к северным варварам см.: Никишин В.О., Королёв А.В. 2004.

Говоря о жестокости оппонента, в речи «В защиту Планция» (54 г. до н.э.) оратор тут же вспоминает о варварстве:

«Испытывали ли когда-нибудь варвары такие чудовищные и жестокие чувства по отношению к врагу?» (*quod fuit ullorum umquam barbarorum tam immane ac tam crudele in hostem?*) (Planc. 71. Здесь и далее в пер. В.О. Никишина).

В той же речи Цицерон выстраивает целый синонимический ряд эпитетов, относящихся к варварству: «Нет ничего столь бесчеловечного, столь варварского, столь жестокого» (*tam inhumanum, tam immane, tam ferum*) (*ibid.* 81). Таким образом, «варварский» в представлении оратора означает «бесчеловечный», т.е. негуманный, идущий вразрез с нормами культуры и гуманизма.

Далее, в развитие темы «*immanis = barbarus*» отметим тот непреложный факт, что у Цицерона прилагательное *immanis* нередко стоит бок о бок с эпитетом *barbarus* или с существительным *barbaria* (*tam immanis ac barbara*: Verr. II. 4. 25; *immanium barbarorum*: Lig. 11; *neque enim ulla gens tam barbara aut tam immanis umquam fuit*: Sulla. 76; *immanem ac barbaram consuetudinem*: Font. 31; *a gentibus... immanibus et barbaris*: Prov. cons. 33; *tam barbarus atque immanis*: Dom. 140; *barbaro atque immani terrore verborum*: Font. 33; *isti immani atque intolerandae barbariae*: Font. 44). Так, в одной из веррин (70 г. до н.э.) оратор риторически вопрошает:

«Есть ли городская община, — не только в наших провинциях, но и в отдалённых странах, — которая мнила бы себя столь могущественной или столь независимой (*tam potens aut tam libera*), вернее, была бы столь дика и неприветлива (*tam immanis ac barbara*), чтобы не пригласить под свой кров сенатора римского народа?» (Verr. II. 4. 25. Пер. В.О. Горенштейна).

Очевидно, что употреблённое здесь словосочетание «*tam immanis ac Barbara*» в принципе применимо к любой общине, не только варварской, но и греческой или римской. Следовательно, речь идёт об оценочном суждении оратора: если община исполняет долг гостеприимства по отношению к римскому сенатору, то она вполне себе приличная и «цивилизованная», если же нет, то, напротив, должна считаться «дикой и неприветливой», каковыми обычно являются варвары со свойственной им *feritas*, или *ferocia*. И здесь

нет ничего удивительного, ведь грубые и неотёсанные дикари не уважают обычаев гостеприимства!¹³ В речи «В защиту Лигария» (46 г. до н.э.) Цицерон с возмущением бросает в глаза обвинителю своего подзащитного, Квинту Элию Туберону:

«Твоё обвинение может повлечь за собой не осуждение Квинта Лигария, а его казнь. До тебя ни один римский гражданин (*civis Romanus*) не поступал так; это чуждые нам нравы вероломных греков (*laevium Graecorum*) или жестоких варваров (*immanium barbarorum*), которых ненависть обычно побуждает проливать кровь» (Lig. 11. Пер. В.О. Горенштейна).

Здесь врождённое благородство (как же иначе?) римлян противопоставлено слабодушию греков и свирепости варваров. Если римлянин занимает сильную позицию, оставаясь примером для подражания в плане великодушия и милосердия, то слабые духом (*leves*) греки и свирепые (*immanes*) варвары не идут с ним ни в какое сравнение, т.е. их позиции — вторая и третья соответственно.

В 62 г. до н.э., когда ещё совсем свежи были воспоминания о драматических событиях, связанных со злополучным заговором Катилины, Цицерон, выступая в защиту Публия Корнелия Суллы (родственника диктатора), не пожалел усилий, чтобы смешать с грязью имена подлых заговорщиков, покусившихся на устои Римской республики:

«Не думайте, судьи, что на нас пытались напасть люди; ведь никогда не существовало ни такого варварского, ни такого дикого племени (*neque enim ulla gens tam barbara aut tam immanis unquam fuit*), в котором, не говорю — нашлось бы столько, нет, нашёлся бы хоть один столь жестокий враг отечества; это были какие-то лютые и дикие чудовища из сказаний, принявшие внешний облик людей. Взгляните пристально, судьи, и — это дело говорит само за себя — загляните глубоко в душу Катилины, Автрония, Цетегга, Лентула и других; какую развращённость увидите вы, какие гнусности, какие позорные, какие наглые поступки, какое невероятное исступление, какие знаки злодеяний, какие следы братоубийств, какие горы преступлений!» (Sulla. 76. Пер. В.О. Горенштейна).

¹³ Как тут не вспомнить хрестоматийную сцену с Одиссеем в гостях у циклопа (Hom. Od. IX. 267–271; 350–352; 477–479).

Нет никаких сомнений, что этот замечательный в своём роде образчик Цицеронова «собачьего красноречия» (*canina facundia*) демонстрирует абсолютное тождество эпитетов «дикий» (*immanis*, синоним *ferus*, как мы помним) и «варварский» (*barbarus*) в словопотреблении оратора (опять-таки это пример оценочного суждения, окрашенного в сильные эмоциональные тона со знаком «минус»). Так, имея в виду Клодия в речи «О своём доме» (57 г. до н.э.), Цицерон употребил выражение «*tam barbarus atque immanis*», которое можно перевести как «столь дикий и свирепый» (Dom. 140).

В речи «В защиту Фонтея» (69 г. до н.э.) от Цицерона достаётся галлам¹⁴. Это аллоброги, попавшие в орбиту романизации ещё в 121 г. до н.э., когда была создана провинция Нарбонская Галлия. В частности, оратор сурово порицает сохранившуюся у них практику ритуальных человеческих жертвоприношений — «чудовищный и варварский обычай» (*immanem ac barbaram consuetudinem*) (Font. 31. Ср. Balb. 43, где Цицерон называет человеческие жертвоприношения «*inveteratam quandam barbariam*», т.е. «застарелым варварством»). Между тем в Риме существовала своя давняя традиция человеческих жертвоприношений¹⁵, и Цицерон прекрасно помнил о ней (Rosc. Am. 100). Спустя полтора года лет Плутарх резонно заметил по этому поводу: «Странно за то самое, что совершили сами, карать варваров как за нечестие» (*Plut. Quaest. Rom. 83*. Пер. Н.В. Брагинской). В Риме человеческие жертвоприношения были запрещены постановлением сената в 97 г. до н.э. (*Plin. Nat. Hist. XXX. 3*), т.е. всего лишь за 28 лет до того, как Цицерон выступил с речью «В защиту Фонтея». Показательно, что в своих публичных выступлениях оратор не делал принципиальных различий между аллоброгами, уже давно подвергавшимися воздействию римской культуры, и только что покорёнными Цезарем племенами (*gentes*) Косматой Галлии, которые он называет «дикими, варварскими и воинственными» (*immanibus et barbaris et bellicosis*) (Prov. cons. 33). Те и другие являются в глазах Цицерона изначально, генетически враждебными Риму варварами, а эпитет *bellicosae* («воинственные») наряду с вышеупомянутыми *immanes et barbarae* прекрасно вписывается

¹⁴ См.: Никишин В.О. 2021, 173–176.

¹⁵ Сидорович О.В. 2006, 141–142.

в парадигму *feritas*, или *ferocia* — «дикости» как одного из аспектов варварства. В той же речи «В защиту Фонтя» мы сталкиваемся с ярким примером *вербального варварства*. Говоря об аллоброгах¹⁶, Цицерон обращается к судьям:

«Или, быть может, вы не верите, что все эти племена и в своих помыслах, и в своих действиях следуют врождённой ненависти к имени римского народа? Вы воображаете, что они здесь, щеголяя в своих военных плащах и шароварах, ведут себя скромно и смиренно, как это в обычае у обиженных, когда они в качестве просителей и челобитчиков взывают к заступничеству судей? Ничуть не бывало; они расхаживают весело и гордо по всему форуму, наводя страх на людей своими угрожающими движениями и диким звуком своих варварских речей (*barbaro atque immani terrore verborum*). Уверяю вас, я сам бы не поверил этому, если бы не слышал вместе с вами, судьи, из уст противников повторённого несколько раз увещания: берегитесь, как бы оправдание подсудимого не послужило поводом к новой Галльской войне» (Font. 33. Здесь и далее пер. Ф.Ф. Зелинского).

То обстоятельство, что оратор призывает в свидетели судей, вселяет в нас доверие к его словам. Очевидно, приехавшие в Рим «лучшие люди», представлявшие интересы коренного населения Нарбонской Галлии, позволили себе публичные высказывания угрожающего характера: мол, оправдание заведомого коррупционера Фонтя, злоупотреблявшего своими полномочиями наместника, настолько возмутит жителей провинции, что очередное восстание аллоброгов будет неизбежно. Эпизод с *вербальным варварством* опытный адвокат ловко использовал для того, чтобы скомпрометировать свидетелей со стороны обвинения, воскресив в памяти судей пресловутый *metus Gallicus*¹⁷. Настроив судей против своих оппонентов во главе с Индуциомаром, Цицерон переходит в наступление:

«Вижу, судьи; всё же мы при вашей помощи двинем немало надёжных защитников против дикой и невыносимой заносчи-

¹⁶ Об отношении Цицерона к аллоброгам см.: *La Ville de Mirmont H. de*. 1904, 170 ff.

¹⁷ См.: *Bellen H.* 1985, 40; *Clavel-Lévêque M.* 1989, 315 ff.; *Никишин В.О.* 2012.

востии этих варваров (*isti immani atque intolerandae barbariae*)» (Font. 44).

Эпитет *immanis* («ужасный, чудовищный, свирепый») Цицерон нередко применяет к своим личным врагам (Phil. XIV. 9; Sest. 29), идёт ли речь о Катилине, которого оратор окрестил «ужасной чумой» (*pestis immanis*) (Mur. 85), или о Пизоне Цезонине, которого он заклеил «кошмарным чудовищем» (*immanissimum monstrum*) (Pis. 31), вспоминается ли «чудовищная жестокость» (*immanis crudelitas*) Марка Антония (Phil. VII. 27; XIV. 25), приходит ли на ум «свирепая дерзость» (*immanis audacia*) Клодия Пульхра (Nag. resp. 4) или того же Марка Антония (Phil. II. 68; XIII. 10). Отчим Авла Клуенция Габита, убийца и негодяй Оппианик, охарактеризован оратором как человек «жестокоего и свирепого нрава» (*erat ipse immani acerbaque natura Oppianicus*) (Cluent. 44). Одним из излюбленных Цицероном штампов в арсенале его «собачьего красноречия»¹⁸ был образ дикого зверя (*immanis belua*, или *bestia*). Эпитет *immanis* он изредка применял по отношению к животным (*ferae bestiae*) (Rosc. Am. 71; Arch. 19) и гораздо чаще — иносказательно, т.е. по отношению к своим оппонентам в суде или на политическом поприще. К примеру, Цицерон патетически восклицает по адресу Марка Антония:

«Что может быть отвратительнее этого зверя, что может быть более чудовищным?» (*Quid illa taetrius belua, quid immanius?*) (Phil. X. 22. Пер. В. О. Никишина).

Уже упомянутого Оппианика

«...избегали, как свирепого и хищного зверя, как моровой болезни» (*ut aliquam immanem ac perniciosam bestiam pestemque fugiebant*: Cluent. 41. Пер. В.О. Горенштейна).

С прилагательным *immanis* у оратора порой сочетается эпитет *taeter*, который можно перевести как «мерзкий, гнусный, отвратительный» (*hanc taetram immanemque beluam*: Sest. 16; *beluae tam immani tamque taetrae*: Prov. cons. 15; *cum immani taetraque belua*: Phil. IV. 12. Эти раздражённые выпады адресованы смертельным врагам Цицерона — Клодию Пульхру, Авлу Габинию и Марку Антонию). Того же Оппианика Цицерон уподобляет «свирепому и хищному

¹⁸ См.: Никишин В.О. 2003, 67 слл.

зверю» (ut aliquam immanem ac perniciosam bestiam: Cluent. 41), Гая Верреса — «дикому и чудовищному зверю» (cum fera atque immani belua: Verr. II. 5. 109), а также, используя игру слов, «чудовищному борову» (hunc immanissimum verrem: Verr. II. 4. 95); «дикими зверями» (tam immanis beluas) он называет сторонников Марка Антония (Phil. XIII. 5), «дикими псами» (immanioribus canibus) — подручных Верреса (Verr. II. 5. 146), «чудовищами» (beluae) — соратников Катилины (Sulla. 76).

Изредка оратор употребляет слово *immanis* в значении «огромный», примеры: несметные богатства (*immanes divitiae*: Leg. agr. II. 62), огромные прибыли (*illi immanes quaestus*: Phil. V. 11), фантастические «трофеи» Верреса (*ad istius ingentem immanemque praedam*: Verr. II. 3. 110), вместительные бокалы (*immanibus illis poculis*: Phil. II. 63), масштабное парфянское вторжение в Сирию (*inmani Parthorum impetus*: Phil. XI. 35), вопиющая несправедливость (*in tam immani iniuria*: Dom. 64). Но всё-таки чаще всего *immanis* у Цицерона означает «варварский». Так, в речи «В защиту Сестия» (56 г. до н.э.) оратор говорит о различии «между этой жизнью, облагороженной культурой, и той, варварской» (*inter hanc vitam perpolitam humanitate et illam immanem*: Sest. 92). В этом контексте весьма характерным представляется то место из речи «В защиту царя Дейотара» (45 г. до н.э.), где Цицерон вскользь упоминает о *versus immanis* (в разных переводах «варварская строчка», «неистовый стих», «чудовищная строка»). Приведём это место полностью в переводе Е.В. Смыкова:

«“Но в это самое время, — говорит обвинитель, — он посылал в Никою и Эфес тех, кто собирал шедшие из Африки слухи и быстро передавал ему. Поэтому, когда ему сообщили, что Домиций погиб при кораблекрушении, а ты осаждён в крепости, он сказал о Домиции греческий стих того же самого содержания, который есть и у нас на латинском: “Да погибнут друзья, если вместе с ними пропадут и недруги”. Этих слов он, однако, никогда не сказал бы, даже если бы был до крайности враждебен тебе: ведь сам он кроткий (*mansuetus*), а стих неистовый (*immanis*)» (Deiot. 25).

Это ещё один пример *вербального варварства* у Цицерона. Эпитет *immanis* в данном случае несёт в себе вовсе не этнический, а культурный, лингвистический и, наконец, этический смысл, обозначающий грубость, необузданность и бескультурие в противополо-

ложность воспитанности и сдержанности, обусловленным культурой и образованностью (*vita perpolita humanitate*).

Существительное *immanitas* обычно переводят как варварство, дикость, свирепость, лютость, бесчеловечность. У Цицерона это слово встречается в четырёх значениях: 1) свирепость, грубость, жестокость как человеческое качество, противоположное *humanitas* — культуре, образованности и гуманизму, причём это качество может быть свойственно как римлянину, так и варвару (*Sulla*. 7; *Vat*. 9; *Verr*. II. 5. 153; *Deiot*. 32); 2) грубость и бескультурье, имманентно присущие варварству, когда *immanitas*, по сути, является синонимом *barbaria*; 3) множество, огромное количество (*Cael*. 14; *Phil*. XIII. 2); 4) «дикость» как некое онтологическое свойство, характерное как для людей, так и для животных, включая мифологические существа. В этом последнем смысле слова Цицерон подразумевает под *immanitas* и скопище чудовищ вроде Сциллы или Харибды (*Verr*. II. 5. 145), и некую злую силу, подрывающую устой Республики, вроде клеветов Катилины, Клодия Пульхра или Марка Антония (*Verr*. II. 3. 64; *Sull*. 75; *Cat*. I. 14; IV. 11; *Sest*. 58; *Phil*. XI. 1). Порой *immanitas* людей в глазах Цицерона оказывается хуже *feritas* зверей (*inter feras satius est aetatem degere quam in hac tanta immanitate versari*: *Rosc*. Am. 150). Что же касается первых двух значений, то словом *immanitas* в значении «бесчеловечность» Цицерон характеризует, с одной стороны, паррициду, т.е. убийцу родителей (*Rosc*. Am. 63), с другой — «преступную» мать Клуенция Габита (*Cluent*. 12), а также презренного Пизона Цезонина (*Pis*. 38), алчного Гая Верреса (*Verr*. II. 5. 123) и ненавистного Марка Антония (*Phil*. XII. 26), когда же речь заходит о галльских племенах, в лексиконе оратора появляется оборот «со всей свирепостью варварства» (*cum omni immanitate barbariae*: *Phil*. V. 37. Ср.: *Prov. cons*. 34; *Marc*. 8).

Итак, семантический диапазон прилагательного *immanis* в словоупотреблении Цицерона довольно широк — от нейтрального «огромный» до значений, исполненных сплошь негативных коннотаций: «чудовищный», «грубый», «дикий». Характерно, что эпитет *immanis* с уничижительно-грубым и оскорбительным подтекстом Цицерон применяет по отношению не только к варварам, т.е. чужакам, принадлежавшим к неизменно и глубоко враждебному римлянам миру варварства (*Barbaria*, *Barbaricum*), но и к своим личным

врагам или оппонентам из числа римлян, т.е. носителей полисной цивилизации. Таким образом, на примере словоупотребления выдающегося римского оратора мы видим, как варварство в смысле *feritas, ferocia, vanitas*, т.е. в худших своих проявлениях, проникает в поры цивилизации, просачивается и пускает свои зловредные корни в семантическом пространстве античной культуры, проникая в «структуры повседневности», как сказал бы Ф. Бродель. Отдавал ли Цицерон себе отчёт в том, что всё экзистенциальное зло протекает не из иноземных влияний и чуждых обычаев, а из самой природы человеческой вне зависимости от этнического происхождения того или иного представителя вида *homo sapiens*? Ведь если в родословной Пизона Цезонина, хорошенько покопавшись, ещё можно было отыскать галльскую родню (его дед с материнской стороны был инсубром), то в случае с Гаем Верресом и Марком Антонием подобные генеалогические «изыскания» были бы совершенно напрасны. Вот и выходит, что *вербальное варварство* в известном смысле роднит римлян и варваров. То же самое относится и к существительному *immanitas*, которое может означать множество или толпу, но чаще всего — варварство в самых неприглядных его проявлениях, т.е. грубость, неотёсанность, а также «дикость, подлость и невежество», как сказал бы А.С. Пушкин. И опять-таки оказывается, что все эти негативные качества, объединённые понятием *immanitas*, применимы к некоторым представителям античной цивилизации в не меньшей степени, чем к «природным» варварам. Так этнолингвистический характер феномена «варварство» как бы переводится Цицероном в культурно-этическую, нравственную плоскость. Ещё Исократ в IV в. до н.э. писал о том, что «слово “эллин” теперь означает не столько место рождения, сколько образ мысли и указывает скорее на воспитание и образованность, чем на общее с нами происхождение» (Paneg. 50. Пер. Э. Г. Юнца). Пожалуй, то же самое мог бы сказать и о римлянах в I в. до н.э. Марк Туллий Цицерон.

СТРАБОН И ДИОДОР СИЦИЛИЙСКИЙ О ФИЗИЧЕСКОМ ВАРВАРСТВЕ ИБЕРИЙЦЕВ

Д.М. Камари

Страбон и Диодор Сицилийский были одни из немногих, кто хорошо знал обитаемую ойкумену. Они попытались рассказать о жизни «варваров» в Западном Средиземноморье. Их данные о жителях Иберии вызывают большой интерес. Однако они весьма фрагментарны. В этих рассказах излишне подчеркивается физическое варварство племен, проживающих в Иберии. Тем не менее, с древнейших времен племенной состав Иберийского полуострова отличался неоднородностью и разнообразием. Объясняется это, прежде всего, географическим расположением этого региона, соединяющего Африку и Европу. Так в первой половине I тысячелетия до н.э. произошло несколько крупных миграционных волн из севера, которые изменили этнический состав Иберийского полуострова. Наша задача сводится к выяснению, насколько сведения Страбона и Диодора Сицилийского относительно физического варварства иберийцев были точными.

Любопытно, что уже во II–I вв. до н.э. античные авторы могли перепутать племена, поскольку не имели данных об их происхождении и точных межплеменных границах. Диодор Сицилийский сообщает, что

«...в древности иберы и кельты воевали друг с другом из-за этой страны [Иберии], однако затем прекратили распри и стали проживать там совместно, заключая между собой браки, и вследствие смешения и получили такое название [кельтиберы]. Поскольку оба смешавшихся народа были могучи, а населенная ими страна прекрасна, кельтиберы пользовались громкой славой и много лет оказывали сопротивление римлянам, которые покорили их недавно» (пер. с древнегреч. О.П. Цыбенко)¹.

¹ *Diod. Sic.* 5–34.

Действительно, некоторые традиции совпадали между племенами. У кельтиберов был весьма странный обычай чистить зубы мочой. Они полагали, что это укрепляет здоровье. Однако, по словам Страбона, такая же традиция была у кантабров². Они мылись застоялой в цистернах мочой и чистили ею зубы. Кантабры сформировались как отдельная этническая группа задолго до появления кельтиберов. Однако они имели такой же обычай. Само название племенной общности не имеет никакого отношения к иберам. Оно, скорее всего, восходит к индоевропейским языкам, ведь *kant — переводится как камень или каменный, а суффикс -abr используется для обозначения жителя определенной территории. В IV–III вв. до н.э. произошла сильная кельтизация территории северной части Иберийского полуострова. В результате многие традиции и обычаи были ассимилированы. Поэтому античным авторам было тяжело отличить одну племенную общность от другой, считая, что «каллайки, астурийцы, кантабры ведут одинаковый образ жизни». Страбон сообщает о том, что лузитанцы родственны каллаикам³. Однако он и Диодор Сицилийский называют лузитанцев иберами, что не соответствует данным археологических раскопок. Современные лингвисты относят лузитанцев к индоевропейцам. Это указывает на то, что греческие географы имели смутное представление о народах и племенах Пиренейского полуострова. На самом деле античные источники несут некоторую неясность. Страбон представляет иберийцев достаточно дикими и строптивыми племенами, так как «это племя соединяет природное коварство и неискренность»⁴. Если античные авторы так легко путали одно племя с другим, то встает вопрос, были ли иберы столь дикими как представляли их античные авторы.

Под иберами понимается большая племенная общность, куда входили разные этнические единицы. Как правило, к иберам относят турдетанцев или турдулов (тартессии), орантанцев, эдетанцев, контестанцев, илеркаонов, илергетов, авсетанов, индигетов и ряд других мелких племенных групп. Проживали они на обширной территории, которая охватывает южную и восточную части Пиреней-

² *Strabo*. III. IV, 16.

³ *Strabo*. III. III, 3.

⁴ *Strabo*. III. IV, 5.

ского полуострова. Самыми многочисленными и культурными считаются тартессии. Это иберийское племя, которое начиная с X в. до н.э. взаимодействовало с финикийцами и было наиболее развитым. Они переняли у семитов многое. Согласно данным того же Страбона, тартессии имели письменность, законы. Более того, они сочиняли поэтические стихи⁵. Любопытно, что Геродот в небольшом пассаже приводит данные о том, что фокейцы обратились к тартессийскому царю Арганфонию⁶. Тот проявил к ним гостеприимство и даже предложил им поселиться в родной стране. Но когда фокейцы отказались, он дал им денег на возведение стен вокруг родного города для защиты от лидийского царя. Однако греки построили свое первое поселение на северо-восточной части Пиренейского полуострова. Они так сделали вовсе не потому что тартессии представляли для них какую-то угрозу, дело было в другом. Греки исходили из принципа близости к стратегически важным объектам, таким как природные залежи металлов. Их внимание было сосредоточено вокруг железных рудников Иберии. Поскольку рудники, которые разрабатывались тартессиями и финикийцами, находились под их контролем, не оставалось больше ничего как основать колонию на более северных территориях, где, кстати, больше железных рудников. Несмотря на дальность от развитого и культурного юга, в северной части довольно скоро грекам удалось наладить общий язык с местным племенем. По данным Тита Ливия, это племя называлось индикетами⁷. Греческое поселение Эмпорион представляло собой двойной город, разделенный стеной. Соседями эмпоритов были индикеты,

«...которые, хотя и имели собственное правительство, хотели ради безопасности иметь общую стену укреплений с греками, с двойными ограждениями, так как город был разделен стеной, проходившей через центр» (пер. с лат. М.Л. Гаспарова)⁸.

Этот факт свидетельствует о том, что иберийцы были достаточно дружелюбны по отношению к пришельцам. Позже индикеты

⁵ *Strabo*. III. I, 6.

⁶ *Herod*. I. 163.

⁷ *Tit. Liv*. XXXIV. 9.

⁸ *Strabo*. III. IV, 8.

переняли у греков образ жизни, законы и государственное устройство. В каком-то смысле подтверждение мы находим у Тита Ливия:

«Между тем толпа, желая слушать речь Алорка, мало-помалу окружила здание, и сенат с народом составлял уже одно собрание. Вдруг первые в городе лица, прежде чем Алорку мог быть дан ответ, отделились от сената, начали сносить на площадь все золото и серебро, как общественное, так и свое собственное, и поспешно разведши огонь, бросили его туда, причем многие из них сами бросались в тот же огонь» (пер. с лат. М.Л. Гаспарова)⁹.

Из этого фрагмента следует, что некое подобие сената (собрания) существовало в иберийском обществе. Но он был, вероятно, не во всех городах, а только в крупных (Сагунт, Гадир и др.) центрах племенных общностей, которые находились под влиянием финикийской и греческой культуры. Именно туда завозилась чужеродная керамика и предметы роскоши. Именно эти города активно взаимодействовали с финикийцами и греками, от которых позаимствовали образцы государственного устройства. Кроме того, пассаж Тита Ливия показывает, что в иберийском обществе существовала централизованная система управления, предполагающая сбор налогов и податей.

Формирование иберийских племен юга и юго-востока Пиренейского полуострова происходило непосредственно под влиянием финикийцев. Обилие финикийской керамики в Ла Пенья Негра (Кревильент, Испания), датированное VII в. до н.э. указывает на наличие там мастерских по производству керамики¹⁰. Они были построены самими финикийцами. На этой территории проживало племя бастетанов или бастулов. Гекатей Милетский называет их мастиянами. Возможно, речь идет о двух разных племенах и двух разных городах — Мастия и Басти. Мастия находилась там, где в III в. до н.э., была основана карфагенская колония Новый Карфаген. В договоре между римлянами и карфагенянами (348 год до н.э.) Мастия указана как тартессийский город, который является крайней точкой. За пределы этого города римляне не могли выходить и основывать поселения¹¹. Получается, что карфагеняне считали эти земли терри-

⁹ *Tit. Liv. XXI. 14, 1.*

¹⁰ *Lorrio A.J., Pernas García S., Torres Ortiz M., Treslis Marti J., Carnacho Rodríguez P., Castillo Vizcaino L. 2020, 521–540.*

¹¹ *Pol. III. 24, 2.*

торией своего влияния по крайней мере с IV в. до н.э. Но, скорее всего, это произошло гораздо раньше. Гекатей Милетский в своем известном труде «Землеописание» не упоминает финикийцев на юге. Он перечисляет тартессийские и иберийские города. Финикийские колонии Μαλινόβωρα (Малакка) и Σίξος (Сикси) он называет мастиеновскими городами (πόλις Μαστινηῶν). Также большое любопытство вызывают данные Павсания¹². Он приводит очень интересную историю. После Аристея на остров Сардиния прибыл некий ибериец Норакас, который построил первый город на острове — Нору. У иберов не было собственного флота. Это означает, что отправились на остров Сардинию вовсе не иберы, а финикийцы. Недавняя находка (2008 г.) в Кадисе проливает свет на это непростое дело¹³. Анализ ДНК найденного скелета, который относится к VI в. до н.э., показал, что это был метис. При этом отцом его был финикиец, а мать имела индоевропейские корни. Этот процесс можно считать естественным, так как финикийские мореплаватели часто отправлялись в дальние странствия без своих жен. Поэтому процесс метисации местного населения с пришельцами начался с появлением первых финикийских колоний¹⁴. Уже во II в. до н.э. на юго-востоке Пиренейского полуострова проживало сильно смешанное население. Отличить одних от других было крайне трудно. Они даже имели некоторые общие традиции. Согласно данным Страбона, бастулы имели обычай выносить больных на улицу. Такой же обычай имели древние египтяне и ассирийцы. Что касается одежды бастулов, то она отличалась от финикийских облачений. Мужчины любили носить черные плащи, а женщины — длинные одеяния и разноцветные платья. Подобную одежду также надевали на себя жители Касситеридских островов, откуда привозили финикийцы олово. Также длинные черные плащи из козьей шерсти носили кельтиберы.

С VI в. до н.э. жители юго-востока и востока Пиренейского полуострова находились под влиянием греческой культуры, степень которой не стоит недооценивать. Многочисленные стоянки, основанные греками на средиземноморском побережье Иберии, оказыва-

¹² Pausan. X. 17, 5.

¹³ Calero Fresneda M., Bueno Becerra A., Pajuelo Sáez J.M., Navarro García M.A., Gener Basallote J.M. 2012, 1–7.

¹⁴ Ferrer Albelda E., Prados Pérez E.. 2001–2002, 278–281.

ли экономическое воздействие на местных жителей. Под влиянием греков происходила аккультурация. Об этом свидетельствует, прежде всего, надпись из Пеш-Махо. В ней свидетелями торговых операций числятся некие люди негреческого происхождения. По сути, они являлись участниками торговли. Однако не все имена являются иберийскими. Некоторые из них, возможно, имеют лигурийское происхождение¹⁵.

Также для того чтобы вести торгово-обменные операции с греками иберийские племена стали изучать язык пришельцев. На этой основе возникла греко-иберийская письменность. Она охватывала относительно небольшую территорию (современные провинции Аликанте, Мурсия, Сарагоса, Валенсия, Таррагона и Херона). Точное время возникновения этой письменности определить невозможно, но все указывает на то, что это имело место быть в конце VI – начало V вв. до н.э.

При всем этом жители внутренних областей Иберии слабо контактировали с финикийской и греческой культурой. Проблема была в труднодоступности этих территорий. Многие племена жили непосредственно в горах. Товар пришельцев зачастую не доходил до этих областей. Из-за этого многие племена предпочитали совершать набеги. В период упадка финикийской культуры в Иберии в VI в. до н.э. начались крупные политические и экономические изменения. Кельты и кельтиберы стали продвигаться на юг Пиренейского полуострова. В результате в V в. до н.э. все западные поселения финикийцев (Сетубаль, Абуль, Ла се де Лисбоа и др.) были заброшены или захвачены кельтами¹⁶. Любопытно, что Гекатей Милетский (около 500 г. до н.э.) называет Менаку *κέλτικε πόλις*¹⁷. По данным Авиена, на юго-западе Пиренейского полуострова проживало кельтское племя кинетов¹⁸. Раскопки в Малаке показали, что в конце VI – начале V вв. до н.э. жители города начали укрепление городских стен¹⁹. Увеличилась как толщина стен, так и их протяженность. Бы-

¹⁵ *Santiago R.* 2003, 167–172.

¹⁶ *Neville A.* 2007, 166; *Asensio I Vilaró D.* 2005, 551–583; *Rodríguez Díaz A.* 1994, 11.

¹⁷ *Steph. Byz.* v Μαίνακη.

¹⁸ *Avien.* Or. Mar. 59–64.

¹⁹ *Mora Serrano B., Arancibia Román A.* 2018, 121.

ли построены новые сторожевые башни. Подобное произошло и в Гадирах²⁰. Там в начале V в. до н.э. возвели новую стену, используя наиболее прогрессивные технологии строительства того времени. Тоже самое происходит и в других факториях, где проживали финикийцы (Техада ла Вьеха, Ниэбля)²¹. Нет сомнений, что они строили новые фортификации против местных племен, которые хотели разграбить богатые финикийские города. Изучение, обнаруженного скелета в Гадирах, который относится к концу VI в. до н.э., некоторым образом подтверждает это. Смерть жителя Гадира была насильственной. Примечательно, что Юстину были известны эти события. В одном из фрагментов он упоминает интересное событие:

«...когда же соседние испанские племена стали завидовать росту этого города и начали нападать на гадитан, то карфагеняне послали помощь своим соплеменникам. В результате удачного похода карфагеняне, правда, защитили гадитан от несправедливых нападок [испанцев], но сами еще более несправедливо подчинили своей власти часть [этой] провинции» (пер. с лат. А.А. Деконский, М.И. Рижский)²².

Тартессийцы, бастулы и другие иберийские племена, которые смешались с финикийцами и жили рука об руку с ними, вряд ли стали бы нападать. Дикость проявили другие племена, которые двинулись с северной части на юг. Позже эти племена распространили свои варварские обычаи и традиции. Примечательно, что этот пассаж напоминает чем-то фрагмент про Массалию:

«И вот, когда Массилия достигла высшего расцвета и повсюду разнеслась слава о ее подвигах, изобилии ее богатств и ее юных силах, внезапно все соседние народы объединились для уничтожении массилиотов, точно на тушение угрожающего всем пожара» (пер. с лат. А.А. Деконский, М.И. Рижский)²³.

В античной литературе традиция нападать на богатые греческие и римские города закреплена за кельтами. Иберийские племена проявляли неукротимость и отчаянность во время борьбы с римля-

²⁰ *Niveau de Villedary y Mariñas A.* 2015, 230.

²¹ *Morgenroth U.* 2004, 37.

²² *Iust.* XLIII, 5, 1–3.

²³ *Iust.* XLIII, 5, 4.

нами, когда те захватывали их города. В остальных случаях они вели мирные переговоры.

Также следует напомнить, что во многих источниках иберийцы представлены как наемники и торговцы, которые участвовали в различных битвах. Геродот их упоминает в битве при Гимере²⁴ вместе с финикийцами, ливийцами, лигурами, элисиками и сардонами. Х.М. Бласкес Мартинес полагал, что это было связано с социально-экономическими отношениями, которые сложились в иберийском и кельтиберском обществе. Небольшие элитарные группы контролировали большую часть богатств, получаемых от природных ресурсов. Из-за этого многим жителям Иберии и Кельтиберии приходилось заниматься разбоем и наниматься в армии греков или карфагенян²⁵. При всем этом жители юга и юго-востока Пиренейского полуострова практически не упоминаются как наемники. Основная масса наемников являлись либо лузитанцами, либо кельтиберами. Их часто путали источники с иберийцами, которые преимущественно жили на юге и на восточном побережье Пиренейского полуострова. Поэтому античные авторы преувеличивали физическое варварство иберийских племен. Они не видели существенных отличий между племенными общностями Пиренейского полуострова.

Таким образом, Страбон и Диодор Сицилийский излишне подчеркивали дикость иберийских племен, не понимая разницу между различными племенами и их традициями. Обычаи, которые были распространены среди племен центральной и северной части отсутствовали у жителей юга и юго-востока Пиренейского полуострова. Тот же Страбон считал, что жители юга Иберии были наиболее культурными. Они имели письменность. Иберийцы юга и юго-востока Пиренейского полуострова были тесно связаны с финикийцами как экономически, так и культурно, и генетически.

²⁴ *Herod.* VII, 165.

²⁵ *García Gelabert-Pérez M.P., Blázquez Martínez J.M.* 1987–1988, 257.

РИМЛЯНЕ О ПРАВАХ ВАРВАРОВ

(I В. ДО Н.Э. – IV В. Н.Э.)

И.Е. Ермолова

Со времени знакомства древних народов, имевших письменность, с соседями, намечается тенденция к выделению собственного коллектива и противопоставлению его чужому. Один из ярких примеров — египетский роман о странствиях Синухета. У греков это противопоставление выразилось в появлении в ранних греческих сочинениях термина «варвар», который прочно вошел в последующую традицию.

Отношение греков к другим народам выражалось, в частности, в сознании своей исключительности¹, и радикального противостояния двух этнополитических комплексов². То же чувство превосходства на протяжении веков испытывали и римляне³. Люди довольно часто смотрят на своих соседей с подозрением и награждают их нелестными характеристиками, поэтому негативные ассоциации по отношению к варварам вполне закономерно появляются в источниках⁴. Достаточно рано собирательный образ варвара становится штампом массового сознания⁵. Некоторые стереотипы, раз появившись, потом переходят от одного литературного поколения к другому через всю античность⁶.

Не малую лепту в распространение негативного портрета варвара внесли римские авторы. Они всячески подчеркивали дикость, грубость, воинственность различных народов и как следствие подобных качеств — их агрессивность. Именно нравы, по мнению Цицерона, больше, чем язык, определяют принципиальное различие между культурами⁷. И это положение в полной мере реализовывали римские

¹ Маринович Л.П. 2006, 5.

² Фролов Э.Д. 2007, 19.

³ Dill S. 1910, 289; Sherwin-White A.N. 1967, 1; Labuske H. 1983, 99.

⁴ Goffart W. 1981, 277; Vogt J. 1967, 67; Dauge Jv.A. 1981, 342; 668.

⁵ Маринович Л.П. 2006, 25.

⁶ Каллистов Д.П. 1949, 88.

⁷ Cicero. De re publ. I. 37. 58.

писатели. Они не скупилась на описания различных проявлений, по их мнению, дикости варваров. Геты и сарматы, по словам Овидия, «люди, едва достойные этого имени, и имеют в себе больше дикого зверства, чем волки: они не боятся законов, но правда уступает силе» (здесь и далее цит. в пер. В.В. Латышева)⁸. На поэта, видимо, не в малой степени повлиял страх перед варварами, среди которых он вынужден был жить: «Если бы не бояться их, то можно бы ненавидеть, видя тела, прикрытые шкурами и длинными волосами»⁹. Цезарь указывает на грубость образа жизни германцев, галлов и жителей Британии: «homines feri ac barbari»¹⁰. А жители внутренней части Британии настолько дики, что «не засевают полей... и одеваются в шкуры» (здесь и далее цит. в пер. М.М. Покровского)¹¹. Отвращение римлян вызывает половая распущенность, присущая некоторым племенам:

«О тайфалах рассказывают, что это поганое племя погрязло в гадких пороках, так что у них мужчины вступают в мужеложную связь с юношами, которые и проводят свои молодые годы в этом позорном общении» (здесь и далее цит. в пер. Ю.А. Кулаковского и А.И. Сонни)¹².

По мнению Аммиана Марцеллина, обитатели всех областей Парфии «дики и воинственны (feri sunt... atque pugnaces)»¹³. Племена же отдаленных областей, как он считает, за редким исключением, почти недоступны из-за их чрезвычайной дикости, грубости и воинственности: «has nationes paene ob asperitatem nimiam inaccessas»¹⁴. Самую глубокую неприязнь у римлян вызывают кочевые народы, которые превосходят «всякую меру дикости (omnem modum feritatis excedit)»¹⁵. Признаком большой дикости античные писатели считали значительное влияние женщин на жизнь некоторых племен¹⁶.

⁸ *Ovid. Trist. V. 7. 45–46.*

⁹ *Idem. Trist. V. 10. 31–32.*

¹⁰ *Caes. B. G. I, 31; VIII. 25; V. 14.*

¹¹ *Idem. B. G. V. 14.*

¹² *Amm. Marc. XXXI. 9. 5.*

¹³ *Idem. XXIII. 6. 44.*

¹⁴ *Idem. XXIII. 6. 62.*

¹⁵ *Idem. XXXI. 2. 1.*

¹⁶ *Tac. Germ. 45; Ann. XIV. 35; Hist. III. 45.*

Обвинения варваров в свирепости и жестокости являются общим местом в римской литературе. Тацит пишет, что британцы во время восстания «расправились с побежденными, не упустив ни одной из жестокостей, какие только в ходу у варваров» (здесь и далее цит. в пер. А.С. Бобовича)¹⁷. Флор дает такую характеристику одному из галльских племен:

«Галлы-сеноны, племя по природе жестокое (*gens natura ferox*), с неупорядоченными нравами, с огромными телами и в такой же огромным оружием, настолько было страшно по виду, что, казалось, рождено для уничтожения рода человеческого и разрушения городов» (здесь и далее цит. в пер. А. Немировского, М. Дашковой)¹⁸.

Он же считает, что «самые свирепые (*inmanissimi*) народы: галлы, германцы и как бы отделенные от всего мира британцы»¹⁹. По Тациту, германцам присущи «алчность и природная жестокость (*saevitia ingenii et cupidine praedae*)» (здесь и далее цит. в пер. Г.С. Кнабе)²⁰.

Римляне приписывают варварам еще много негативных качеств, но наибольшее внимание акцентируют на том, что ведущим мотивом их набегов является жажда добычи. Цезарь пишет о галлах:

«...сюда сошлись во множестве со всей Галлии люди отчаянные и разбойники, которых отвлекала от земледелия и повседневного труда надежда на добычу и страсть к войне (*spes praedandi studiumque bellandi*)»²¹.

Тацит сообщает о германцах:

«...та же страсть к грабежам, та же алчность и любовь к скитаниям (*libido atque avaritia et mutandae sedis amor*) всегда гнала германцев в галльские земли»²².

Овидий жалуется:

¹⁷ *Tac. Agr.* 16.

¹⁸ *Flor.* I. 7. 4.

¹⁹ *Idem.* I. 45. 2.

²⁰ *Tac. Hist.* IV. 63.

²¹ *Caes.* B. G. III. 17.

²² *Tac. Hist.* IV. 73.

«Дикие тут племена — не счесть их! — войной угрожают; мнят позорным они жить не одним грабежом (sibi non rapto vivere turpe putant)»²³.

О сарацинах Аммиан Марцеллин сообщает, что они

«...в своих налетах то там, то здесь в один миг опустошали все, что им попадалось, словно хищные коршуны, которые, если увидят сверху добычу (praedam), похищают ее стремительным налетом, а если удастся схватить, летят прочь»²⁴, а гунны «пламенеют дикой страстью к золоту (auri cupidine immensa flagrantes) <...> Этот подвижный и неукротимый народ, воспаленный дикой жаждой грабежа (externa praedandi aviditate flagrans), двигаясь вперед среди грабежей (rapinas) и убийств, дошел до земли аланов»²⁵.

Античные авторы стремятся убедить своих слушателей и читателей в том, что именно грабеж является основным источником существования тех племен, с которыми контактируют римляне:

«...германцы, потратив все, что награбили (diripuere), и чувствуя снова голод, бросались снова на добычу (praedas)»²⁶.

Римские писатели явно лукавят, когда противопоставляют набеги военному делу как таковому, как будто можно было что-то награбить, не воюя, и стремятся вызвать еще более презрительное отношение к пришельцам, забывая, что римские победоносные войска никогда не возвращались из военных походов без добычи. Видимо, по их представлениям, для римлян естественным было храбро сражаться и обогащаться за счет побед, а для варваров эти действия были несовместимыми:

«...варвары, обрадованные возможностью грабежа и не расположенные к бранным трудам, обходя стороной крепости и гарнизоны, накидывались на то, что сулило особенно богатую добычу и недостаточно охранялось защитниками»²⁷; «сарматское племя роксоланов <...> вторглось в Мезию. Их конный отряд со-

²³ *Ovid. Trist. V. 10. 15.*

²⁴ *Amm. Marc. XIV. 4. 1.*

²⁵ *Idem. XXXI. 2. 11–12.*

²⁶ *Idem. XVI. 5. 17; 18; IV. 23.*

²⁷ *Tac. Ann. XIV. 33.*

стоял из девяти тысяч человек, опьяненных недавней победой, помышлявших больше о грабеже, чем о сражении»²⁸.

Тацит пишет с чувством превосходства:

«...между тем армия, обложившая этот город, которая состояла из хаттов, узипов и маттиаков, успела награть вдоволь добычи и сама сняла осаду»²⁹.

По мнению древних историков, римлянам не раз удавалось избежать полного разгрома только потому, что их противники забывали о сражении и начинали заниматься грабежом: в одной из битв во время восстания Цивилиса германцы

«...одержали было уже победу, но забыли о противнике и начали драться между собой из-за добычи»³⁰.

Безусловно, некоторая доля правды в тех негативных характеристиках, которые даются римскими авторами варварским племенам, имеется, но они намеренно преувеличены, чтобы создать отрицательное представление о соседях империи. Для античной литературы в целом вполне обычным явлением было искажение знаний в угоду выдвигаемым теоретическим концепциям³¹ и конструирование стереотипов³², так что древние писатели умело манипулировали общественным мнением.

А делалось это в значительной степени, в том числе и для того, чтобы оправдать жестокость, которую проявляли римляне к варварам. Беспощадные приемы обращения с ними не могли взволновать римское общество: отношение к варварам в античных государствах было однозначным на протяжении многих веков со времени Великой греческой колонизации. Представление о жестокости варварских народов развязывало римлянам руки. Вот как обращались с пленными фракийцами: «эти свирепейшие из врагов могли быть усмирены не иначе, как их же обычаями»³³. Цезарь хладнокровно уничтожил почти всех сдавшихся ему венетов:

²⁸ *Idem.* Hist. I. 79.

²⁹ *Idem.* Hist. IV. 37.

³⁰ *Idem.* Hist. IV. 78.

³¹ Куклина И.В. 1971, 10.

³² Rosen K. 1968, 114; Jacob L. 1983, 78.

³³ Flor. I. 39. 7: Nec aliter cruentissimi hostium quam suis moribus domiti.

«...он решил строго покарать их, чтобы на будущее время варвары относились с большим уважением к праву послов, и приказал весь их сенат казнить, а всех остальных продать с аукциона»³⁴.

Во время Маркоманских войн, да и не только, римляне ожидали от правительства безжалостного уничтожения опасных соседей:

«Язиги отправили к Марку посольство с просьбой о мире, однако ничего не добились, потому что Марк хорошо знал ненадежность этого племени, и, кроме того, после того как его обманули квады, он хотел истребить их полностью» (пер. п / р А.В. Махлаюка)³⁵.

Римские авторы транслировали идеологические представления, согласно которым

«...римское государство рассматривало себя как нечто не просто лучшее, чем то, что находилось за его пределами, а обладающее абсолютным и несомненным преимуществом»³⁶.

На такого рода взглядах основывалась идея о том, что

«...варварам не место там, где господствует римский порядок, и они подлежат планомерному систематическому уничтожению»³⁷.

Идеализирующая варваров тенденция в античной традиции тоже была, но значительно слабее негативной, и причиной появления сочинений, к ней относящихся, было либо критическое отношение некоторых авторов к своему собственному обществу, их желание показать испорченным, по их мнению, согражданам простые и чистые нравы первобытных племен, либо стремление тех или иных писателей показать свои знания всех правил и канонов, давно сложившихся в литературе³⁸. Во времена поздней античности, когда границы Римской империи постоянно подвергались набегам и вторжениям варварских народов, идеализировались только мифические племена. Так, Аммиан Марцеллин вспоминает о народах, названных Гомером:

³⁴ *Caes.* V. G. III. 16.

³⁵ *Dio* LXXII. 13. 2.

³⁶ *Хизер П.* 2011, 111.

³⁷ Там же, 114.

³⁸ *Куклина И.В.* 1971, 12; *Дмитриев В.А.* 2011, 87.

«...к северу живут, как рассказывают, абии, весьма благочестивый народ, равнодушный ко всему человеческому, на которых, как говорит Гомер, Юпитер взирает с горы Иды. <...> есть кроткие и благочестивые люди, каковы яксарты и галактофаги, о которых упоминает поэт Гомер в следующих стихах:

“...дивных мужей гиппомолгов,
Бедных, питавшихся только млеком,
справедливейших смертных”³⁹.

Таким образом, в римской литературе в описании реально существовавших варварских народов на протяжении веков превалировала негативная тенденция, намеренно преувеличивавшая пороки различных племен. Историки и поэты убедительно рисовали отрицательный образ варвара как такового, независимо от его конкретной этнической принадлежности, тем самым создавая идеологическое обоснование жестокой и непримиримой политики Римской империи по отношению к соседям.

³⁹ *Amm. Marc.* XXIII. 6. 53; 62; 67–68.

«КАК ЗОВУТ, ТАК И ОБЗЫВАЮТ»¹

ПРОЗВИЩА И ОСКОРБЛЕНИЯ СПОРТСМЕНОВ, АНТИЧНЫХ И СОВРЕМЕННЫХ

Л.Л. Селиванова

*Кто так обзывается,
тот сам так называется*

(Детская дразнилка)

Сегодня давно, казалось бы, забытый феномен варварства, переживает процесс реинкарнации, возрождаясь в новых формах и проникая во все области общественной коммуникации, в том числе и в язык. В наиболее жесткой и агрессивной форме деструкции это вербальное варварство особенно «весомо, грубо, зримо» проявляет себя в традиционно brutальных сферах общественной жизни: война и спорт. В силу накала, высокой конкурентности, риска, быстротечности карьеры, да и жизни спорт дает один из самых ярких примеров унижения соперника не только делом (прямым физическим насилием), но и словом, личным оскорблением, с использованием разных обидных прозвищ. И началось это не вчера. Истоки такого рода варварства берут свое начало в античной эпохе, когда и возник атлетизм, предшественник современного спорта. Когда и почему в языке цивилизованных греков и римлян появляются прозвища, словесные оскорбления атлетов, грубые насмешки в их адрес? Что общего с подобными явлениями в современном спорте? И возможны ли вообще такие сопоставления? Почему унижительные ярлыки, навешиваемые на другого человека в обществах, неизменно противопоставлявших себя варварскому, коротки, но хлестки? Рассмотрению этих вопросов на основе нарративных, эпиграфических и документальных источников и посвящена наша статья.

Главной особенностью древнегреческого общества была установка на всеобщую состязательность, агон. Стремление древнего грека к доблести (*арете*) и *калокагатии* (гармонии физического и

¹ *Даль В.И.* 1984, 173.

духовного начал в человеке)² носило отчетливый агональный характер, пронизывавший все стороны жизни³. Одним из проявлений этого агонального духа была война⁴, другим — агонистика, спорт (слова «агон» также означало «борьба, война»). Красивое, гармонично развитое тело считалось отличительным признаком свободного гражданина. Идеалы греческой аристократии во многом основывались на значении физической доблести⁵. Древние греки серьезно занимались спортом на протяжении всей своей истории: с первых Олимпийских игр 776 г. до н.э.⁶ до последних в 393 г. н.э. Расцвет агонистики пришелся на VI в. до н.э., когда учреждаются и другие Панэллинские агоны (Пифийские, Истмийские, Немейские, Панафиней). И кроме них было немало местных состязаний. Греки чествовали своих победителей венками, помпой, монументами, различными привилегиями, одами и торжественными гимнами. В выдающихся атлетах видели сверхлюдей, которым поклонялись как полубогам, и даже статуям их приписывали целительные функции. Кумиров боготворили, нередко олимпийщики становились полководцами и даже царями⁷.

Античный спорт, вышедший из потребностей культа⁸ и военного дела, представлял опасность не меньшую, чем война⁹. Вначале полувойенные упражнения аристократии носили общий характер: участники были многосторонними атлетами, владевшими разными

² Лосев А.Ф. 1960, 411–475; Ленская В.С. 2006, 69–82.

³ Зайцев А.И. 2000, 246, 113, 140–150, 279–285; Фролов Э.Д. 1986, 226–227; Буркерт В. 2004, 188–189; Vogt E. 1964, 136; Sweet W.E. 1987, vi; Poliakoff M. 1987, 104–115.

⁴ Вся история Греции — это история перманентной «войны всех против всех», да и сам полис был порожден бесконечной борьбой за место под солнцем. См.: Андреев Ю.В. 1998, 173–174, 193–194; Pritchett W.K. 1974, 219, no 44; Cartledge P. 1985, 112–113; Young D.C. 2004, 58–60; Bowden H. 2005, 134–151.

⁵ Biliński B. 1961, 16.

⁶ Lee H. 1988, 110–118.

⁷ Зельин К.К. 1962, 21–29; Селиванова Л.Л. 2015, 6–7; Moretti L. 1957, № 345.

⁸ Кузицин В.И. 2001, 6–7; Nilsson M.P. 1906, 159; Jüthner J. 1965, 74–77.

⁹ Зайцев А.И. 2000, 132; Golden M. 1998, 23–28.

видами состязаний. Честные поединки благородных бойцов, возводивших свой род к богам и героям, описаны еще Гомером в сцене тризны по Патроклу (Ил. XXIII), а эпиклесы прославляли победителей за их лучшие качества: первый в беге Ахилл — Быстроногий, Одиссей — Многоопытный, Хитроумный, Аякс — Проворный, Пеллей — престарелый Наездник, царь Менелай — Метатель копий... Существовал и свой кодекс чести. Так, кулачный боец Эпей в Илиаде, хоть и не вызывавший симпатий у ахейцев и Гомера, все же, согласно благородному обычаю, поднимает нокаутированного противника (Ил. XXIII. 695). Со временем начинает преобладать узкая специализация¹⁰, и появляются элементы профессионализма. С конца V в. до н.э. слово «атлет» приобретает значение «профессионал» и противопоставляется «любителю»¹¹. Раньше победа в Олимпии давала только масличный венок, но она, равно как и смерть на стадионе, занимала высшее место в шкале ценностей наравне со славой умереть за свой полис. С появлением профессионалов победа стала выгодной и материально. Рука об руку с выгодой шли такие неприглядные явления, как взяточничество, выступление за деньги, ложная клятва, нарушение правил, убийства соперников и проч. (*Paus.* V. 21. 2–4; VI. 18. 7). Присущая профессиональному спорту ставка на победу любой ценой неизбежно влекла за собой ужесточение и утяжеление экипировки участников, а также варварскую, бездумную жестокость на стадионах, ставшую обычным явлением. Самыми жестокими и кровавыми считались три вида единоборств: кулачный бой, борьба и комбинация обоих — панкратий, где использовались также удары ногами и головой (дальний предок современного кикбоксинга, тхэквондо и т.п.). К примеру, на Немейских играх¹² кулачный боец Кревга из Эпидамна сражался с сиракузянином Дамоксеном. Дело шло к вечеру, а перевеса никто не добился, поэтому договорились о свободном ударе («климакс» — «лестница»): противники бьют друг друга по очереди, не уклоняясь

¹⁰ *Young D.C.* 1996, 175–197.

¹¹ *Gardiner E.N.* 1910, 130.

¹² А.И. Зайцев датирует событие 401 г. до н.э. (*Зайцев А.И.* 2000, 133), Дж. Фрэйзер — ок. IV в. до н.э. (*Frazer J.G.* 1965 IV, 392), Р. Брофи — до 336 г. до н.э. (*Brophy R.H.* 1978, 375–376, 382).

и не защищаясь. Кревга обрушил кулак на голову Дамоксена. Тот в ответ ударил Кревгу вытянутыми пальцами с длинными ногтями под ребра, пробил бок, ухватил внутренности и вытащил их вон. Кревга, естественно, умер, а гелландики не только присудили ему победу, но и поставили его статую в храме Аполлона Ликейского в Аргосе (*Paus.* II. 20. 1). Дамоксена же изгнали, но не за убийство, как полагал Мель¹³, а за нарушение правил (*Paus.* VIII. 40. 4–5).

Тогда и появились прозвища, а потом та же тенденция обнаружилась и в Риме. Некоторые давались по происхождению (Ливиец, Тирренец), другие подчеркивали какие-то качества. Одним из самых ранних, дошедших до нас примеров, является случай панкратиаста Сострата из Сикиона, трижды побеждавшего в Олимпии (364–356 гг. до н.э.). Прозвище ему было Акрохерсит (греч. «край хейрон» – «края рук»), т.е. Ломатель пальцев. В начале поединка он хватал противника за пальцы, ломал их и не отпускал до тех пор, пока тот не сдавался. Таким беспроегрышным способом он одержал 12 побед на Истмийских и Немейских играх и две на Пифийских (*Paus.* VI. 4.1). Успешный бегун I в. н.э. Гермоген из Ксанфа, восемь раз побеждавший на Олимпийских играх, имел прозвище Конь. Другой бегун, трехкратный победитель в Олимпии в 213–221 гг. до н.э. в длинном беге, остался в истории безымянным, надпись сохранила только его прозвище — Старик¹⁴. Впрочем, греч. Γράϊς имело также значение «пена» и «морской краб». К сожалению, разрушенная надпись не позволяет восстановить контекст. Известны и оскорбительные прозвища. Так в конце II в. н.э. жил да был кулачный боец Гермин из египетского Гермополя, которого называли просто... Дурак, даром что он обладал рядом привилегий за свои заслуги и был членом международного объединения атлетов¹⁵. Панкратиаст Аврелий Зотик из Смирны носил кличку Мясник то ли по роду занятий отца, то ли из-за своей жестокости. Унижительный смысл прозвищу придавал феминатив, ибо звали атлета не Μάγειρος, как должно, а Μάγειρα, Магира. Пикантность объяснялась тем, что он долгое время являлся лю-

¹³ Jüthner J., Mehl E. 1962, 1312.

¹⁴ Decker W. 2008, 168.

¹⁵ Decker W. 2008, 166.

бовником императора Гелиогабала¹⁶. На мозаике III в. н.э. в одной из терм Остии были изображены четыре борца с подписанными рядом прозвищами. Один — Медведь (*Ursus*), другой — Жирдяй (*Luxurius*), третий — Обжора (*Pascentius*)¹⁷.

Принципиальным отличием римской атлетики от греческой было отсутствие агонального начала. Для грека агон — естественная, необходимая составляющая полисной жизни, общественный и религиозный долг. Римляне даже в период эллинофилии и «приобщения» к греческому атлетизму спорт презирали и им не занимались, считая, что необходимую физическую подготовку дает война, в каковой они постоянно и пребывали. Исключение составляли всякого рода кулачные бои, борьба и бег, на которые стекались толпы праздных зевак. Образованные же римляне интеллектуальные занятия стали много выше низменных утех, да и в целом греческий образ жизни, отождествлявшийся по большей части с гимнасиями и палестрами, где юноши занимались обнаженными и процветал гомосексуализм, был чужд «нравам предков» и раздражал моралистов. Собственная, италийская атлетическая традиция уходила своими корнями в культуру этрусков, где кровавые бои были обязательной частью погребальных ритуалов. И на римской почве спортивные состязания превратились в зрелища, развлечения, во всех смыслах этого слова плебейские, идейно ничего общего не имеющие с агонами греков. Именно в римское время появляются оскорбительные эпиграммы в адрес атлетов¹⁸. Латинские авторы не отказывали себе в удовольствии посмеяться, в особенности над кулачными бойцами и панкратиастами. Весьма колоритные портреты рисует поэт I в. н.э. Лукилий в своих эпиграммах:

Как и у всех, государь, у Олимпика этого были
Уши, была борода, брови, и веки, и нос.
Но, подвизаясь в кулачных боях, он утратил все это,
Да и в отцовском добре части лишился своей,
Так как, увидя портрет его прежний, предъявленный братом,

¹⁶ Decker W. 2008, 168.

¹⁷ Decker W. 2008, 170.

¹⁸ Опубликовано Луи Робером: Robert L. 1968, 179–295.

Судьи решили, что он — вовсе другое лицо.

АР. XI. 75. Пер. Л. Блуменау¹⁹.

Где только были в Элладе агоны кулачного боя,
Всюду участвовать в них я приходил, Андролей.
В Писе лишился я уха, без глаза остался в Платее,
В Дельфах с арены меня замертво вынесли вон.
Стали уже хлопотать мой отец Дамотел и наш город,
Чтобы хоть мертвым меня с места борьбы воротить.

АР. XI. 81. Пер. Л. Блуменау²⁰.

Светоний приводит эпиграмму Азиния Галла на бывшего боксера, ставшего учителем риторики:

«Голову влево!» — учил, а теперь языку обучает:

Как хорошо языку в пасти, беззубой от драк!

De gramm. 22. Пер. М.Л. Гаспарова

Благородная красота мужественности уступила грубой силе. Теперь на античных стадионах царила варварская жестокость, а кровопролития, увечья и убийства стали обычной повседневностью. Об одном из звероподобных героев той эпохи тот же Лукилий с едким сарказмом пишет:

Авл, кулачный боец, посвящает Зевесу свой череп,

Бережно все до одной косточки вместе собрав.

Коль из Немей вернется живым, посвятит Громовержцу

Шейные все позвонки (те, что остались пока).

АР. XI. 258. Пер. Ю.В. Шанина²¹

Соль эпиграммы — в пародии на приношение богу, в сравнении черепа со шлемом (бронзовые шлемы жертвовались победителями в храм Зевса Олимпийского). И редкий случай: другого боксера так сказать за деликатность противники даже отблагодарили:

Апис, кулачный боец, никого не поранил. За это

Был от соперников он статуей этой почтен.

АР. XI. 80. Пер. Ю. Шульца²²

¹⁹ Греческая эпиграмма. 1960, 220.

²⁰ Там же, 221.

²¹ Шанин Ю.В. 2001, 98.

²² Греческая эпиграмма. 1960, 221.

Любопытный пример оксюморона в имени и прозвище дает надпись из Олимпии II – нач. III в.н.э., эпитафия Агатосу Даймону, опубликованная в 1964 г. в *Bulletin de correspondance hellénique*²³. Написанная частично прозой, частично стихами, она гласит: «Агатос Даймон, известный также как Александрийский Верблюд, муж, кулачный боец, победитель Немейский,

Здесь, подвизаясь в боях, в поединке кулачном скончался,
Давши Зевесу обет: или венок, или смерть.
35 лет. Прощай».

Пер. наш. — Л. С.²⁴

Муж здесь — возрастной класс ἀνήρ. Агатос Даймон (Добрый Демон) — обычное теофорное имя у египетских греков эллинистического и римского времени. Прозвище Верблюд указывает не только на профессиональные качества атлета. Верблюд был символом упрямства, грубости и жестокости. Панкратиастов и кулачных бойцов также сравнивали и с быками: прозвище Никофрона из Милета было Тавр, Гераса из Лаодикеи Таврогастор — «С бычьей утробой»; имя вышеупомянутого Аписа говорит само за себя: египетский бык. Клятву Зевсу — победа или смерть — Верблюд сдержал.

Имеются ли общие черты с подобными явлениями в современном спорте, и можно ли проводить здесь сопоставления? Безусловно. Общее мнение античности о смертельной опасности боевых видов спорта остается таковым и сегодня. В современных единоборствах потери значительны даже при наличии максимально безопасных условий²⁵, включая неотложную медицинскую по-

²³ te Riele 1964, 169–195, 186–187.

²⁴ Подробней о надписи см.: *Селиванова Л.Л.* 2014, 15.

²⁵ Триггером стала смерть южнокорейского боксера Дук Ку Кима в поединке с американцем Рэем Манчини в ноябре 1982 г., после которого в профессиональном боксе были приняты реформы, направленные на усиление безопасности жизни и на охрану здоровья спортсменов. Манчини, за свой драчливый слагтерский стиль, получивший кличку Бум-Бум, накануне схватки заявил, что готовится к тяжелому бою. К войне на ринге готовился и Ким, за несколько дней до боя пророчески написавший на зеркале своего гостиничного номера в Лас-Вегасе слова: «Победить или умереть» (совсем как Александрийский Верблюд!). В бою 13 ноября 1982 г. оба были основательно избиты, ибо никто не хотел уступить. В начале 14-й трехминутки

мощь²⁶. Там, где ведется такая статистика (например, в США), результаты ужасают. С 1918 по 1982 гг. на рингах погибло 438 боксеров²⁷, а с 1890 по 2000 гг. — 1355²⁸ (далеко неполные данные, т.к. смерти после соревнований не всегда отслеживаются и регистрируются, а истинные причины зачастую скрываются). Сейчас только в США гибнет 20-40 человек в год, каждые три дня умирает молодой спортсмен.

Что касается различных прозвищ, которыми болельщики XX–XXI вв. награждали своих кумиров, то их огромное число. Одни даются по месту рождения, другие по манере игры, некоторые по чертам характера, но немалая их часть носит характер оскорблений²⁹. Так, американского боксера Эрни Шейверса зовут Желудем за полное отсутствие волос на голове, голландского бейсболиста Михаэля Рейзигера — Противоголом за своеобразную форму черепа, футболиста Игоря Нетто — Гусем за манеру недовольно шипеть на парт-

Ким был сбит с ног и, падая, сильно ударился головой о настил ринга. Он еще смог подняться, но рефери остановил побоище. Спустя несколько минут Ким рухнул без сознания и был госпитализирован. Нейрохирурги провели экстренную операцию по удалению субдуральной гематомы, но все оказалось тщетно. Спустя четыре дня, 17 ноября 1982 г. в возрасте 23 лет Дук Ку Ким умер, не приходя в сознание. Мучимый чувством вины рефери Ричард Грин покончил с собой 1 июля 1983 г., а спустя четыре месяца свела счеты с жизнью и мать Кима. Очень тяжело переживал случившееся и Рэй Манчини. Он не хотел больше выходить на ринг и уже никогда не был прежним разбитым Бум-Бумом. После этого случая боксерские организации отказались от регламента в 15 раундов, перейдя к 12-раундовому, и кардинально ужесточили доматчевые медицинские обследования боксеров, в частности, взвешивание, когда стало известно, что Ким нещадно истязал себя, сгоняя лишний вес и страдая от обезвоживания накануне боя.

²⁶ *Young D.C.* 2004, 41.

²⁷ *Brophy R., Brophy M.* 1985, 192, no 64. 438-ым как раз и был южнокорейский боксер Дук Ку Ким.

²⁸ *Svinth J.R.* 2007, Tab. 5, 6

²⁹ Рассмотрение комплиментарных прозвищ, которые, разумеется, тоже были, выходит за рамки данной работы. Перечислим некоторые: Черная Газель (темнокожая бегунья Вильма Рудольф), Белокурая Стрела (легендарный футболист Альфредо ди Стефано), Белая Молния (немецкий спринтер Хайнц Фюттерер), Альбатрос (пловец Михаэль Гросс).

неров по команде³⁰. Самыми устрашающими кличками наделяют, как и в древности, боксеров: Костолом (Джеймс Смит), Палач (Бернард Хопкинс), Мичиганский Убийца (Стенли Кетчел), Молотобоец из Манасы (Джек Дэмпси), Доктор Железный Кулак (Виталий Кличко), Железный Майк (Майк Тайсон), Туши Свет (Джеймс Тони), Дикая Бык Пампасов (Луис Фирпо), Атомный Бык (Оливер Макколл), Русский Танк (Олег Маскаев), Гром из преисподней (Константин Цзю). Больше всего досталось Николаю Валуге: Кинг-Конг, Снежный Человек, Человек-Гора, Зверь с Востока, Кувалда, Русский Гигант, Никола Питерский. Есть и исключения, которые трудно прямо назвать оскорблениями, однако в них присутствует плохо скрываемая насмешка, издёвка, а то и кощунство. Так, боксер Макс Бэр был веселым, жизнерадостным человеком до тех пор, пока от травм, полученных в поединке с ним, не скончался Фрэнк Кемпбелл. После этого Бэр получил прозвище Грустный Клоун. Сонни Листона дразнили Сыночком из-за большой привязанности к матери. Тревора Бебрика называли Проповедником за его подчеркнутую набожность (он даже на ринг выходил в трусах с нашитым изображением креста). Баскетболиста Эрла Монро окрестили Черным Иисусом за то, что он «истинный» и за то, что в него верили всегда³¹. Такие прозвища всегда коротки, но емки в силу своей хлесткости, желания обидеть и унижить другого. Подобное поведение превращает человека в варвара, в индивида с уродливой системой ценностей. Здесь, однако, следует задаться вопросом: а каково было отношение самих спортсменов к этому явлению, и считали ли они себя оскорбленными? Очевидно, что они так же, как и античные атлеты, либо смирялись в силу понятных причин, либо даже гордились, а то и кичились и бахвалились перед зрителями и менее удачливыми соперниками, подыгрывая разгоряченной толпе. Особенно когда дело касалось устрашающих кличек. При этом обоюдная склонность к насилию и доминированию не осознается ни спортивными кумирами, ни их фанатами, равно как и обществом, культивирующим саморазрушительные тенденции. Ведь обидные прозвища, агрессивное поведение спортсменов и болельщиков, «раскручивание» в СМИ машин для

³⁰ Селиванова Л.Л. 2014, 12–12, прим. 51.

³¹ Селиванова Л.Л. 2013, 229, прим. 56.

убийств³² отражают тягу к деструкции, то самое фрейдовское стремление к смерти (нем. *Todestrieb*)³³. Основатель психоанализа считал склонность к агрессии величайшим препятствием на пути цивилизации. В трактате «Недовольство культурой»³⁴ он писал:

«Мне кажется, что судьбоносный вопрос человеческого рода заключается в том, удастся ли и в какой степени его культурному развитию противостоять разрушению сосуществования, вызванному человеческой агрессией и стремлением к самоуничтожению. В этой связи, возможно, именно настоящее время заслуживает особого интереса. Овладев силами природы, люди дошли теперь до такой степени, что с их помощью им легко истребить друг друга до последнего человека. Вы знаете это, отсюда и значительная часть вашего нынешнего беспокойства, вашего несчастья, вашего тревожного настроения. И теперь следует ожидать, что другая из двух “небесных сил”, вечный Эрос, приложит усилия, чтобы выстоять в битве со своим столь же бессмертным противником»³⁵.

³² Как метко выразился Д. Кайл, современные масс-медиа разрушают наше чувство благоговения перед атлетикой, навязчиво демонстрируя нам анорексичных красоток и анаболических зверей. См.: *Kyle D.G.* 2004.

³³ Понятие введено Сабиной Шпильрайн в 1912 г. в статье «Разрушение как причина становления» (*Spielrein S.* 1912, 465–503). В 1920 г. оно было принято З. Фрейдом в работе «За пределами принципа удовольствия».

³⁴ Название представляет известную сложность для перевода, поскольку смысловое содержание существительного “*Unbehagen*” включает также значение болезненности (в англоязычной литературе обычно переводят как «Беспокойство в цивилизации»). Сам Фрейд предлагал назвать книгу «Дискомфорт человека в культуре», но в итоге остановился на заглавии «Недовольство культурой».

³⁵ «*Die Schicksalsfrage der Menschenart scheint mir zu sein, ob und in welchem Maße es ihrer Kulturentwicklung gelingen wird, der Störung des Zusammenlebens durch den menschlichen Aggressions- und Selbstvernichtungstrieb Herr zu werden. In diesem Bezug verdient vielleicht gerade die gegenwärtige Zeit ein besonderes Interesse. Die Menschen haben es jetzt in der Beherrschung der Naturkräfte soweit gebracht, daß sie es mit deren Hilfe leicht haben, einander bis auf den letzten Mann auszurotten. Sie wissen das, daher ein gut Stück ihrer gegenwärtigen Unruhe, ihres Unglücks, ihrer Angststimmung. Und nun ist zu erwarten, daß die andere der beiden “himmlischen Mächte”, der ewige Eros, eine*

В том же духе высказывался и ученик Фрейда Карл Густав Юнг, считавший, что рост числа душевных болезней связан с забвением современным обществом базовых принципов человеческого существования.

«Зло стало определяющим в этом мире, от него уже невозможно отделаться иносказаниями. Наша задача — научиться избегать его, поскольку оно уже *здесь*, рядом с нами; а возможно ли это, удастся ли нам избежать большего зла, сказать пока трудно... Соприкоснувшись со злом, мы каждый раз рискуем уступить ему»³⁶.

По мнению Вадима Михайлина, «возрождающий Олимпийские игры» барон де Кубертен, «прививал оливу к груше: и привил», «кубертенов клон ничуть не схож с оригиналом»³⁷. Это не совсем так, если иметь в виду конечный результат. Конечно, барон искренне верил в аутентичность собственных идей античным. В олимпийской декларации было прописано, что

«...к соревнованиям не допускаются те, кто профессионально занимается спортом, и те, кто получал в прошлом и получает теперь денежные вознаграждения за занятия спортом. Именно поэтому на международных Олимпийских играх никогда нельзя назначать денежные призы, а можно вручать только почетные награды».

Однако необходимо помнить, что этические и эстетические взгляды древних греков весьма существенно отличались от современных. Главным отличием античных игр были их сакральный характер, поскольку состязания являлись неотъемлемой частью культа³⁸,

Anstrengung machen wird, um sich im Kampf mit seinem ebenso unsterblichen Gegner zu behaupt» (*Freud S.* 1930, 43–44).

³⁶ Юнг К.Г. 2022, 58.

³⁷ Михайлин В.Ю. 2005, 310.

³⁸ Nilsson M.P. 1906, 159. «Великие игры Греции — Олимпийские, Пифийские, Истмийские и Немейские были, в буквальном смысле, преимущественно панегириями» (*Нильссон М.П.* 1998, 133–135). Очень точно выразился крупный отечественный филолог-классик М.Л. Гаспаров: «Фантастический почет, который воздавался олимпийским, пифийским и прочим победителям, стремление городов и партий в любой борьбе иметь их

а также неразрывно связанные с ними чисто греческие представления о гармонии, чести, доблести³⁹ и калокагатии.

«Спортивные состязания проводились не ради рекордов как таковых, которые сводились в таблицы, демонстрирующие их рост... Тот, кто одерживал победу в соревновании... рассматривался как приблизившийся... к божественному, он как бы прорывал свою человеческую оболочку и обретал некий божественный ореол... Вот почему... победитель... должен был обладать, кроме собственно высоких физических данных, тренированности мышц, еще и высокими нравственными качествами; человек злой, несправедливый, подлый... в принципе не мог добиться победы»⁴⁰.

Поэтому, когда в конце классического периода произошло размывание системы традиционных религиозных и нравственных ценностей⁴¹, кризис коснулся и агонистики. То же произошло и с современными Олимпийскими играми: изначальная честность любительского спорта выродилась в жестокую, беспринципную борьбу за лидерство, а выхолощенная религиозность была заменена эффектным внешним ритуалом: самая красивая девушка Греции в окружении свиты зажигает Олимпийский факел от лучей солнца на развалинах храма Олимпийского Зевса. Так что, в конце концов,

на своей стороне, — все это объяснялось именно тем, что в них чтили не искусных спортсменов, а любимцев богов. Спортивное мастерство оставалось личным достоянием атлета, но милость богов распространялась по смежности на его родичей и сограждан. Идя на войну, граждане рады были видеть в своих рядах олимпийского победителя не потому, что он мог в бою убить на несколько вражеских бойцов больше, чем другие, а потому что его присутствие сулило всему войску благоволение Зевса Олимпийского. Исход состязаний позволял судить, чье дело боги считают правым, чье нет». См.: *Гаспаров М.Л.* 1980, 363.

³⁹ Так, смерть на Олимпийских играх в греческой шкале ценностей приравнивалась к высшей славе гражданина, погибшего в бою за родной полис. А олимпийский победитель в Спарте получал особую почесть: идти в атаке впереди царя (Plut. Лус. 22).

⁴⁰ Кузищин В.И. 2001, 7.

⁴¹ «Благородство теперь измерялось не столько духовными талантами, сколько талантами золотыми» (*Шанин Ю.В.* 2001, 28).

«кубертеновские игры» повторили путь античных Олимпийских игр: профессионализм, коммерциализация, победа любой ценой, политика⁴², несправедливое судейство. Но в отличие от нынешнего спорта древнегреческие игры были религиозными праздниками, независимыми от средств массовой информации, ажиотажа и зрительских предпочтений. В представлении греков результаты зависели от богов, от удачи, от соблюдения этических норм⁴³. И даже последовавшие изменения не сделали Общегреческие игры светскими. Атлетика была порождением древнегреческой аристократии и сложилась во времена ее безраздельного господства. Однако с победой демократии ценности родового общества, хотя и не канули в Лету, но сильно деформировались, и старинно-аристократическая, родившаяся в недрах разлагающегося общинно-родового строя калокагатия заменилась общественно-показной, или общественно-демократической⁴⁴. Античный спорт, пока оставался любительским, был честным и благородным состязанием в силе и ловкости. Начавшаяся профессионализация привела к его вырождению, а с упразднением в 394 г. Олимпийских игр иссякли и физические упражнения.

⁴² Пол Картледж, перефразируя высказывание генерала Клаузевица, утверждал, что «античные Олимпийские игры были продолжением войны другими, политическими средствами». Поставив вопрос о соотношении спорта и политики, он идет еще дальше. «Античные греки разделили участь современной критики нацистской Германии 1936 г. и Советской России 1980 г.» [1936 г. — Олимпийские игры в Берлине, 1980 г. — в Москве. — *Л. С.*], из проведения которых нация-хозяин извлекла политический капитал». Как и в древности, Олимпийские игры так же бойкотировались по политическим причинам, как и современные Олимпийские игры (*Cartledge P.* 1985, 112–113, 115).

⁴³ *Kyle D.G.* 1990, 292–293, 300.

⁴⁴ А.Ф. Лосев предлагает следующую классификацию калокагатии (*Лосев А.Ф.* 1960, 416): 1) Старинно-аристократическая, родившаяся в недрах разлагающегося общинно-родового строя; 2) общественно-показная, или общественно-демократическая калокагатия, связанная с демократическим государственным устройством. Такая калокагатия проявлялась лучше всего на стадионах и в театрах; 3). Третий тип калокагатии выработало греческое мешанство, литературным выразителем которой был Ксенофонт.

Нельзя не согласиться с В.Ю. Михайлиным:

«Античные олимпиады и олимпиады, возрожденные бароном де Кубертенем, исходили из совершенно разных представлений о сути атлетических состязаний и о природе человека вообще. Но с ходом времени, стартовав из разных точек, две эти традиции привели примерно к одной и той же роли спорта в обществе»⁴⁵.

Опасность вербального варварства в этой области была и остается актуальной в наше время. Понижение планки уважения к человеку и его собственного самоуважения, навязанное обществом потребительское и жестокое отношение к человеческому достоинству, здоровью и самой жизни обесценивают все перечисленное как в глазах социума, так и самого унижаемого им члена, заставляя его смиряться со своим, по сути, рабским положением. А вместе с этим исподволь варваризуется и само общество, со временем принимающее такой уровень отношений как норму. Происходит одичание. Огрубляются нравы, исчезает эмпатия, люди приучаются думать только о самом насущном и жить одним днем, поскольку жизнь коротка и надо успеть взять у нее по максимуму, не раздумывая о способах и последствиях. Подобно плевелам и чертополоху, пробиваются и бурно прорастают сквозь рыхлую, окультуренную почву семена зла и насилия. Так проявляется варварство внутри цивилизации, практически нескрываемое, лишь слегка припудренное внешними эффектами буффонадного шоу.

«В таком мире, — писал великий французский философ-традиционалист Рене Генон, — нет больше места для интеллигенции или того, что является чисто внутренним, потому что здесь существуют вещи, которые нельзя потрогать, увидеть, сосчитать или взвесить... Не следует поэтому удивляться, что англосаксонская мания «спорта» завоевывает с каждым днем все большее пространство: идеал этого мира — это «человеческое животное», которое до максимума развило свою мускульную силу; его герои — это атлеты, пусть они будут даже грубыми, они вызывают народный энтузиазм, это их подвигами вдохновляется толпа»⁴⁶.

⁴⁵ Михайлин В.Ю. 2005, 328.

⁴⁶ Генон Р. 2004, 268–269.

В античную эпоху такое варварское явление возникло вследствие политического кризиса и размывания традиционной системы ценностей после победы демократического строя и отстранения от власти аристократии, доминировавшей не только в политической, социальной, военной, но и в культурной сфере общества. Возобновленные в конце XIX в., современные Олимпийские игры, вопреки воле их инициатора, романтика и подвижника П. де Кубертена, пошли по пути античного атлетизма эпохи упадка и деградации. И все же остается надежда на то, что агональный идеал древней Эллады еще возродится в веке нынешнем.

«Будущее должно быть не за бессознательными, а за осознанными, истинно человеческими формами соперничества, которые должны напоминать скорее не войну, а спортивные состязания, накал, бескомпромиссность Олимпийских игр, с честной, но все же дразнящей самолюбие борьбой атлетов-рыцарей, которые не затопчут в грязь уступившего им соперника, но увлекут отстающего за собой, вперед и выше, к новым рекордам, к новым свершениям»⁴⁷.

⁴⁷ *Томалинцев В.Н.* 2019, 105.

МЕЖДУ СЛОВОМ И ДЕЛОМ

ВАРВАРСКИЕ ДЕЛА И СЛОВА

АЛЕКСАНДР МАКЕДОНСКИЙ
И АРИСТОН ПЕОНИЙСКИЙ НА БЕРЕГАХ ТИГРА

А.А. Клейменов

Изучение особенностей вербального и невербального поведения представителей древних сообществ, сформировавшихся в условиях тесного взаимодействия и противостояния «варварского» и «цивилизованного» начал, является делом непростым. Помимо вполне ожидаемых трудностей, связанных с большой хронологической отдаленностью рассматриваемого явления и ограниченностью освещающих его источников, исследователь встречает и проблемы, порожденные колоссальной культурно-ментальной дистанцией, мешающей и выявлять, и анализировать проявления глубинного варварства, проступающего сквозь слой порожденных цивилизацией «культурных» моделей поведения. Из-за указанных обстоятельств особо ценны эпизоды, в рамках которых триггер в виде демонстративной инокультурности побуждал человека, внешне вполне цивилизованного обращаться к своей альтернативной «варварской» стороне. Именно такое происшествие имело место на берегах Тигра в судьбоносном 331 г. до н.э., сподвигнув Александра Великого показать, что он является частью социума, которому присуща не только эллинская цивилизованность.

Рассматриваемый случай напрямую связан с военными событиями, развернувшимися в период продвижения армии Александра к Гавгамелам, где завоевателю предстояло встретиться с войском

Дария III и в генеральном сражении решить судьбу державы Ахеменидов. На этом пути македонский царь пересек Тигр, а затем вступил в столкновение с кавалерией противника. Так как вскоре после форсирования Тигра произошло полное лунное затмение, то можно утверждать, что это военное событие произошло в конце второй – начале третьей декады сентября 331 г. до н.э.¹ О самом бое сравнительно подробно рассказывают всего два нарративных источника. Согласно Арриану, Александр спустя четыре дня после переправы узнал о нахождении впереди вражеского отряда из 1 000 всадников. Полководец, взяв царскую илу, еще одну илу гетайров и продромов из пеонов (wzq surqurpzc wxc S dlydc), стремительно бросился вперед. Персидские всадники, увидев быстро надвигающиеся силы Александра, стали отступать. Большинство спаслись, однако оставшие были убиты или взяты в плен. От этих пленных македоняне узнали, что Дарий с большим войском находится неподалеку (см. *Arr. Anab.* III. 7, 7–8, 2). Вторым источником является сочинение Курция Руфа. По его версии персидский военачальник Мазей, намеревавшийся сорвать переправу македонян, отправил на них, уже пересекших Тигр, 1 000 всадников. Александр приказал командиру пеонийских всадников Аристону (*praefectum Paeonum equitum Aristona*) скакать во весь опор и атаковать противника. В разыгравшемся сражении Аристон пронзил копьем шею начальника персидской конницы Сатропата (*Satropaten*), преследовал его и, ворвавшись в ряды врагов, отсек голову Сатропата, которую вынес из боя и со славой положил к ногам царя (см. *Curt.* IV. 9, 23–25). Примечательно, но чуть ниже Курций Руф приводит еще одно сообщение о стычке македонской кавалерии с персами, в большей степени пересекающееся с информацией Арриана. Согласно этому рассказу Александр, снявшись с лагеря, где находился после пересечения Тигра, узнал о наличии на его пути 1 000 персов и с небольшим отрядом (*cum paucis suorum*) настиг этих врагов, бегущих к своим, одних перебив, других захватив в плен (*Curt.* IV. 10, 8–11).

В трех приведенных блоках информации содержится много общего. Упоминание участия в событиях пеонов, тождественная

¹ О датировке событий см. *Bosworth A.B.* 1980, 287; *Polcaro V.F., Valsecchi G.B., Verderame L.* 2008, 57; *Marciak M., Sobiech M., Pirowski T.* 2020, 539.

численность персидского отряда, близкая географическая и хронологическая локализация позволяют признать явно ошибочным мнение о наличии двух разных боевых столкновений. В первом столкновении Аристон со своими пеонами самостоятельно разбил персов и обезглавил их командира. А во втором, имевшем место спустя четыре дня, уже участвовал сам Александр². Это была одна операция, во время которой македонский полководец стремительным кавалерийским наступлением рассеял отряд персидской конницы. При этом Курций Руф, опиравшийся на разные источники, при сопоставлении их данных ошибочно упомянул один бой два раза³. Со стороны армии Александра в атаке приняли участие царская ила, насчитывавшая, согласно наиболее распространенному среди специалистов мнению, около 300 всадников⁴ и еще одна ила гетайров, включавшая примерно 200 бойцов⁵. Вошедшие в сформированный конный отряд пеоны были легковооруженными всадниками, образовывавшими всего одну илу⁶. Таким образом, для противодействия 1 000 персидских кавалеристов Александр использовал около 700 своих всадников, а не одних пеонов, как следует из рассказа Курция Руфа. Согласно справедливому замечанию С. Пановского, предположение о том, что Александр принял решение отправить пеонийскую илу из 200 всадников на тысячный отряд противника, весьма сомнительно⁷. Пеонов, вошедших в смешанное кавалерийское соединение, действительно возглавлял Аристон, которого исследователи идентифицируют как одного из представителей пеонийского царствующего дома⁸. Видимо, во многом самостоятельный характер действий пеонов был обеспечен развитием событий: еще при приближении македонских сил или вскоре

² Green P. 2013, 286.

³ Heckel W. 2006, 245–246.

⁴ Нефёдкин А.К. 2019, 71; Milns R.D. 1966, 167; Bosworth A.B. 1988, 261–262; Ashley J.R. 1998, 30.

⁵ См. Секунда Н. 2004, 20; Hammond N.G.L. 1998, 407–408; Gaebel R.E. 2002, 161.

⁶ Нефёдкин А.К. 2019, 455; Brunt P.A. 1963, 27; Hammond N.G.L. 1998, 409.

⁷ Пановски С. 2022, 49. Мнение о том, что пеоны атаковали персов одни см. Nawotka K. 2010, 226.

⁸ Merker I.L. 1965, 45; Heckel W. 1992, 232; Wright N.L. 2012, 3–4.

после начала боя персы начали отступление и Александр, отдав упомянутый Курцием Руфом приказ, бросил в погоню за противником подвижный отряд пеонов, нанесший персам основные потери.

Это столкновение, конечно, носило локальный характер и не имело большого стратегического значения. Весьма сложно принять на веру информацию Курция Руфа о намерении Мазея полностью остановить переброску македонских сил через Тигр с помощью этого сравнительного скромного соединения. Кроме того, у персидских всадников могли быть и иные задачи. Так, благодаря Арриану (*Arr. Anab.* III. 7, 4) известно, что в период продвижения македонян от Евфрата к Тигру они сталкивались с персидскими разведчиками. Это позволяет признать не лишены оснований предположение, согласно которому назначением конного персидского отряда могло быть наблюдение за противником⁹. Помимо того, в данный промежуток времени персы под командованием Мазея выжигали местность за Тигром на пути следования сил вторжения (см. *Diod.* XVII. 55, 2; *Polyaen.* IV. 3, 18; *Curt.* IV. 9, 7–8; 9, 14; 10, 11–12). Соответственно, это дает возможность считать оправданной позицию Д. Энгельса, связавшего выдвижение отрядов персидской кавалерии к Тигру с попыткой использовать тактику «выжженной земли» и в какой-либо форме осложнить македонянам переправу, что для Дария и его подчиненных имело в большей степени морально-психологическое значение¹⁰. О первоочередных целях Александра также судить непросто. Возможно, прав Р. Гейбел, считающий главной задачей захват пленников для допроса¹¹. Однако нельзя исключать вероятность того, что македонский царь стремился, прежде всего, освободить маршрут для своей армии и не дать противнику осуществить планируемое разорение местности. О применении Александром подвижных конных отрядов для противодействия намерениям персов применить тактику «выжженной земли» на левом берегу Тигра античные авторы сообщают вполне определенно (см. *Curt.* IV. 10, 11–15; *Polyaen.* IV. 3, 18).

Каковы бы ни были изначальные планы сторон, верх одержал македонский полководец, вынудивший противника, терявшего людей убитыми и пленными, стремительно ретироваться. Самым яр-

⁹ *Worthington I.* 2004, 129.

¹⁰ *Engels D.W.* 1978, 70.

¹¹ *Gaebel R.E.* 2002, 175.

ким эпизодом боя, конечно, стало убийство Аристоном персидского командира, голова которого была доставлена Александру. Тем не менее, несмотря на подробный характер сообщения Курция Руфа, есть основания сомневаться в достоверности его указания на смерть Сатропата. Упомянутое лицо может быть тождественно сатрапу Мидии Атропату, оставшемуся в живых после битвы при Гавгамелах и в дальнейшем ставшему союзником Александра¹². Вместе с тем, приведенное в научной литературе мнение о полной недостоверности описанного римским автором эпизода¹³, представляется излишне категоричным. О примечательных действиях Аристана известно не только из сочинения Курция Руфа. В частности, Плутарх, приводя примеры щедрости македонского царя, указывает, что Аристон, предводитель пеонов, убил вражеского воина и показал его голову Александру, указав на наличие в его стране правила дарить за подобное золотой кубок. Царь посмеялся и ответил, что дарят пустой кубок, однако он, Александр, сперва выпьет за здоровье Аристана кубок, наполненный несмешанным вином (*ἀμιγῆ*) (см. *Plut. Alex.* 39). Еще одно подтверждение случившемуся, основанное на нумизматическом материале, нашел И.Л. Меркер, обративший внимание на пеонийские серебряные тетрадрахмы конца IV в. до н.э. с изображением всадника, повергающего противника в персидской одежде, и связавший этот сюжет с подвигом Аристана¹⁴. Несмотря на наличие вполне резонных сомнений в обоснованности этой трактовки рисунка на монете¹⁵, в нашем распоряжении есть хорошо перекликающиеся друг с другом сообщения античных писателей о победе Аристана над неким персидским командиром, чья голова была преподнесена Александру. Следует согласиться с выводом М. Мендозы: сейчас невозможно установить привлекавшиеся Курцием Руфом и Плутархом источники, однако не вызывает сомнений, что эти авторы рассказывают об одном событии, в котором первого заинтересовала военная сторона, а второго — взаимодействие Александра и Аристана¹⁶. По-

¹² Дьяконов И.М. 1956, 443–445.

¹³ Гафуров Б.Г., Цибукидис Д.И. 1980, 178.

¹⁴ Merker I.L. 1965, 44–45. Поддержку данного вывода см. Atkinson J.E. 1980, 384–385.

¹⁵ Wright N.L. 2012, 5–6; Sekunda N.V. 2013, 55–58.

¹⁶ Mendoza M. 2022, 57.

следнему аспекту, ярко раскрывающему особенности проявления варварской ментальности, следует особо уделить внимание.

Разбирая инцидент, прежде всего, нельзя не обратить внимание на то, что поступок пеона Аристонa, принесшего отрубленную голову вражеского командира и сделавшего явный намек на необходимость щедрой награды, являлся деянием однозначно варварским. Как убедительно показал Л.А. Трайtl, несмотря на наличие местами весьма ярких и подробных описаний надругательств над телами в эллинской легендарной традиции, в Греции исторической отрубание головы у поверженного противника было не принято и воспринималось как акт, свидетельствующий о варварской сути совершившего¹⁷. Сам Аристон объяснил свои действия ссылкой на пеонийские традиции. Об образе жизни пеонов, являвшихся северными соседями древних македонян, известно сейчас чрезвычайно мало. Как справедливо отмечено в историографии, в нашем распоряжении есть лишь отдельные упоминания в греческой письменной традиции, создатели которой практически не интересовались жившем на севере племенем, не сыгравшим сколь-нибудь существенной роли в истории Эллады¹⁸. В связи с этим при анализе рассматриваемого эпизода необходимо обратиться к материалам, проливающим свет на традиции и обычаи соседних представителей балканского варварского мира и, прежде всего, живших к востоку от пеонов фракийцев, о которых известно сравнительно больше. Основания для проведения подобных аналогий определены не только географической близостью указанных этнических групп, но и их генетической связью. Конечно, было бы неправильно воспринимать пеонов лишь как одно из фракийских племен¹⁹, однако в сложном процессе формирования этнической общности пеонов фракийский компонент, видимо, принял определенное участие наряду с иллирийским, греческим и, возможно, некоторыми иными²⁰. Обоснованность прове-

¹⁷ *Trittle L.A.* 1997, 131–132.

¹⁸ *Merker I.L.* 1965, 35.

¹⁹ К примеру, см. *Mendoza M.* 2022, 53.

²⁰ Об этом: *Macurdy G.H.* 1912, 250; *Merker I.L.* 1965, 35–36; *Katičić R.* 1976, 116–120; *Dell H.J.* 1980, 95. Туманный характер происхождения пеонов, тем не менее, не мешает принять вывод о том, что они являлись отдельной этнической группой (см. *Саракинский В.* 2022, 16).

дения пеоно-фракийских параллелей подтверждается и в рамках исследуемого инцидента. В частности, у фракийцев также присутствовал обычай сбора голов убитых противников в качестве трофея. Об этом известно благодаря прямому указанию, содержащемуся в оставленном Титом Ливием сообщении о бое у Каллиника 171 г. до н.э. (см. *Liv.* XLII. 60, 2), а также из ремарки Овидия, который, говоря о легендарных временах царя Диомеда, упоминает прибитые к фракийским жилищам черепа (*Ov.* Ep. IX. 87–88). Подобные обычаи варварского севера Балканского полуострова не были уникальными на фоне нравов древней Европы. Наиболее хорошо освещенной в античных источниках аналогией являются обычаи галлов, забиравших головы убитых врагов в качестве трофея (см. *Diod.* V. 29, 4; *Liv.* X. 26, 11; *Strab.* IV. 4, 5), однако схожая практика была характерна и для других европейских племен и народов железного века, причем не только для представителей разных частей Барбарикума, но и для солдат Римской империи²¹. С этих позиций варварское поведение Аристана, отрубившего голову поверженного врага и забравшего ее с собой, не выглядит таким уж удивительным. Тоже самое можно сказать и об указании пеона на обычай награждения золотой чашей. Комплекс разновременных античных свидетельств позволяет полагать, что практика дарения чаш и кубков была характерна и для фракийцев, а сравнительно частое присутствие подобных предметов в археологическом материале, в том числе в элитных погребениях, говорит об их особом престижном значении²².

Безусловно, Аристон, преподнеся Александру свой кровавый трофей и сделав намек на награду, обратил внимание македонского царя и его окружения на свой воинский подвиг. При этом пеонийский командир демонстративно следовал обычаям родной страны, которые хорошо позволяли подчеркнуть его личную доблесть. Эта цель Аристомом была достигнута в полной мере. Согласно Курцию Руфу (см. *Curt.* IV. 9, 25), поступок Аристана, возложившего голову убитого персидского командира к ногам царя, был встречен с большим почетом (*magna cum laude*). Плутарх пишет о согласии Александра наградить удалыца золотым кубком. Тем не менее, была

²¹ *Aldhouse-Green M.* 2006, 300.

²² *Mendoza M.* 2022, 56.

у действий Аристона, имевших неприкрыто варварский характер, еще одна важная составляющая. Проявив не ценимое носителями греческой цивилизации качество *σθένος* представляющее собой уравновешенную доблесть стойкого воина²³, а настоящую варварскую удаль, Аристон, может быть и не желая того, сделал отсылку к присутствующему в позднеклассическое время представлению об особых качествах живших к северу от Греции варваров. В наиболее явном виде оно прослеживается в знаменитом тезисе Аристотеля, заявившего, что европейские варвары отличаются мужеством, а азиатские — умом и искусностью в ремеслах (*Arist. Pol.* VII. 6, 1). Подобное мнение присутствовало не только в теоретических построениях знаменитого философа, но и бытовало в полиэтничном войске, возглавляемом его великим учеником. Сделать вывод об этом позволяет приводимая Аррианом речь Александра на собрании военачальников перед битвой при Иссе, в которой македонский царь назвал фракийцев, пеонов, иллирийцев и агриан самыми крепкими и мужественными из европейских варваров, противопоставив им слабых и изнеженных азиатов Дария (*Arr. Anab.* II. 7, 5). Это положение в других источниках прямо не встречается, однако его посыл хорошо совпадает с описаниями обращений македонского царя к иллирийцам и фракийцам в версиях Курция Руфа (*Curt.* III. 10, 9) и Юстина (*Just.* XI. 9, 4), где также подчеркивается превосходство европейских варваров над персами. Данное обстоятельство позволяет присоединиться к представленным в науке выводам, согласно которым приведенные поздними авторами речи возникли посредством переработки ранней литературной основы²⁴. В случае с Аррианом таким источником стало сочинение Птолемея, передавшего достоверные сведения об опоре Александра на порожденную ранее в Ионии концепцию о различиях европейских и азиатских варваров²⁵. Наличие этого убеждения превращало поведение Аристона из простого свидетельства его индивидуального воинского мастерства в демонстрацию особого природного мужества европейских варваров.

²³ Об этом компоненте эллинических представлений о воинских качествах см. *Lendon J.E.* 2005, 51–53; *Pritchard D.* 2010, 34.

²⁴ *Atkinson J.E.* 1980, 223; *Iglesias-Zoido J.C.* 2010, 226. Иное мнение см. *Pritchett W.K.* 1994, 91.

²⁵ *Bosworth A.B.* 1980, 204–206.

Ответ Александра на эти имеющие «двойное дно» действия Аристона можно оценить как не менее показательный. Македонский царь не только согласился дать пеонийскому храбрецу искомую награду за голову вражеского командира, но и указал на намерение выпить за здоровье Аристона чашу несмешанного вина. Усматривать здесь лишь проявление великодушия Александра, как это заявляется в литературе²⁶, было бы неправильно. Сказанное полководцем хорошо соответствует общей тенденции греческой письменной традиции, где неоднократно подчеркивалась склонность македонской элиты к бурным пирам и употреблению несмешанного с водой вина, что, помимо прочего, использовалось для указания на несоответствие поведения македонян нормам эллинской культуры и, соответственно, констатации их варварской сути²⁷. Это позволяет принять вывод о присутствии в литературном предании, сообщающем об общении Аристона и Александра, упоминания двух варварских с точки зрения греков обычаев²⁸. Кроме того, есть весомые основания полагать, что завоеватель Азии в ненавязчивой полушутливой форме указал на приемлемый для македонян, но нетипичный для эллинов способ употребления вина явно неслучайно.

Как справедливо отмечает К. Томас, негреческий вариант застолий был лишь частью целого комплекса «диких» с точки зрения южных греков македонских обычаев²⁹. При внимательном рассмотрении тех аспектов жизни македонской аристократии, что сближали ее с варварскими соседями, а не жившими южнее представителями эллинского полисного мира, набирается немало. И фракийская, и македонская военно-политическая элита были представлены царями и аристократией, получавшей материальное вознаграждение за участие в военных походах и воспринимавшей монарха скорее как военного командира, чем политического лидера³⁰. Это был особый «героический мир», представители которого сражались в битвах, а в свободное

²⁶ Merker I.L. 1965, 45.

²⁷ Younger W. 1966, 109–111; Asirvatham S.R. 2010, 109; Carney E. 2015, 225–228; Anson E.M. 2020, 8.

²⁸ Mendoza M. 2022, 55.

²⁹ Thomas C.G. 2007, 50.

³⁰ См. Hammond N.G.L. 1979, 156; Errington R.M. 1990, 221; Greenwalt W.S. 2015, 338–339.

время предавались пирам, охоте и другим «благородным» развлечениям. Здесь господствовал культ воинской доблести и личной храбрости, затрагивавший даже правителей. Македонский цари, также как и их подчиненные, должны были лично принимать участие в сражениях, разделяя все связанные с этим риски³¹. Образ яростных воителей был характерен и для фракийских царей³². Близкий по своему характеру социум обнаруживается в произведениях Гомера, что делает вполне ожидаемыми и понятными присутствующие в историографии многочисленные сравнения македонских военных, политических и культурных реалий с миром «Илиады» и «Одиссеи»³³. Впрочем, определенные черты «героической» гомеровской модели могут быть выделены и у фракийцев³⁴, а македонскую знать можно сравнить не только с участниками легендарной осады Трои, но и, к примеру, с германской элитой раннего средневековья³⁵. Свою варварскую брутальность, не свойственную грекам, македонская аристократия явно осознавала и, возможно, даже сознательно развивала через заимствование подходящих элементов культуры поведения у соседей³⁶.

Составляющие особого, чуждого полисного миру героического этоса сопровождали македонского аристократа на протяжении всей сознательной жизни и даже после ее окончания. В частности, успешность на охоте и в бою в Македонии были важным элементом социализации мужчины. Благодаря Афиней (Athen. I. 18a) известно сообщение Гегесистрата, согласно которому в период жизни Кассандра, являвшегося современником Александра, у македонян был обычай, запрещавший возлежать за столом тем, кто не убил на охоте копьем кабана. Аристотель передает информацию о более суровой македонской традиции минувших относительно его эпохи времен, предусматривавшей подпоясывание недоуздом человека, еще не убившего ни одного врага (Arist. Pol. VII. 2, 6). Подобные принципы инициации также заметно отличали македонян от греков, имея явно варварский

³¹ Carney E. 1996, 28–31; Anson E.M. 2013, 26; Greenwalt W.S. 2015, 347.

³² Marazov I. 2011, 141–143.

³³ К примеру: Белох Ю. 2009, 334; Griffith G.T. 1965, 126; Hammond N.G.L. 1999, 104; Mari M. 2021, 79.

³⁴ Златковская Т.Д. 1971, 200–201.

³⁵ Тарн В. 1949, 63; Samuel A.E. 1988, 1285–1286.

³⁶ Уортингтон Й. 2014, 30.

оттенек³⁷. Тоже можно сказать и о посмертной участи военной элиты царства Аргеадов. Если у балканских греков обычай захоронения предметов вооружения и драгоценностей исчез еще до начала классического периода³⁸, то характерной особенностью погребений македонских аристократов и их фракийских «коллег» являлось наличие воинского снаряжения, украшений и других ценных предметов³⁹.

Конечно, ставить знак равенства между македонскими и фракийскими аристократами нельзя. В классический период знать царства Аргеадов оценила и усвоила многие элементы греческой материальной и духовной культуры⁴⁰. Тем не менее, достижения высокой эллинской цивилизации здесь поразительным образом сочетались с балканскими варварскими традициями, отличавшимися большой устойчивостью⁴¹. Иногда подспудное, нехарактерное для греческой культуры начало не просто проступало наружу, но и принимало яркие и дикие для эллинов формы. Поразительно, но среди них присутствовала и практика обезглавливания убитого противника с вручением его головы вождю. Именно такой эпизод имел место при подавлении второго восстания Сатибарзана в Ариане зимой 330–329 гг. до н.э. Благодаря Курцию Руфу известно, что посланный для подавления этого выступления македонянин Эригий не только в бою лично убил Сатибарзана, но и позже преподнес его голову Александру (см. *Curt.* VII. 4, 33–38, 40). Других указаний на последнее обстоятельство нет, однако Арриан (*Arr. Anab.* III. 28, 3) и Диодор (*Diod.* XVII. 83, 4–6) также упоминают победу Эригия в единоборстве, причем большая схожесть рассказов последнего автора и Курция Руфа позволяют считать основой их сообщений данные

³⁷ *Thomas C.G.* 2007, 50.

³⁸ *Morris I.* 1992, 26–29.

³⁹ *Борза Ю.Н.* 2013, 346–347; *Archibald Z.* 2010, 332. Совпадения обнаруживаются не только в общем принципе, но и в отдельных деталях: в частности, в захоронениях и македонской, и фракийской знати в VI – первой половине V вв. до н.э. присутствовали однотипные золотые маски, что можно расценивать как свидетельство сближения элит этих обществ (*Сивкина Н.Ю.* 2012, 157).

⁴⁰ *Сивкина Н.Ю.* 2012, 158; *Hatzopoulos M.B.* 1996, 58–59; *Sawada N.* 2010, 407.

⁴¹ *Манцевич А.П.* 1948, 211; *Борза Ю.Н.* 2013, 359–360.

Клитарха⁴². Конечно, римский писатель мог несколько приукрасить содержавшееся в тексте его источника описание самого поединка⁴³, однако сравнение данных источников позволяет считать сообщение Курция Руфа о превращении головы Сатибарзана в трофей достоверным. Поступок Эригия оказался вполне понятен римскому автору, обозначившему голову Сатибарзана как *optimum belli decus*, но противоречил греческим обычаям, предусматривавшим трофеи в виде показательных элементов воинского снаряжения, но не частей тела⁴⁴. В предшествующие времена у македонян практика взятия с поля боя голов убитых врагов, видимо, принимала весьма широкие масштабы. Об этом позволяет судить упомянутый Аристотелем старинный македонский обычай, предписывавший не убившим ни одного врага подпоясываться недоуздом. Как именно подтверждался столь важный для социализации факт доподлинно неизвестно, однако есть основания предполагать, что доказательством выступала взятая в качестве трофея голова поверженного противника. Сравнительный анализ военной культуры различных архаических обществ дает возможность выявить немало примеров тесной связи практики сбора голов убитых врагов с обрядами инициации юношей, которые должны были продемонстрировать кровавую добычу в знак подтверждения своей состоятельности как воинов и полноценных мужчин⁴⁵.

Поступок Аристана, принесшего голову персидского командира, явно не являлся для Александра чем-то непонятным. Македонский царь отреагировал на произошедшее со смехом, видимо, оценив и личную отвагу пеонийского вождя, и его прямолинейное указание на предусмотренный традициями родины подарок, которое позволило одновременно призвать Александра к щедрости и выставить удаль Аристана естественным качеством варвара-пеона. Стоит признать в определенной степени изящным ответ Александра, со-

⁴² Hammond N.G.L. 1983, 61, 139.

⁴³ См. Pearson L. 1960, 240; Pausanias D. 2016, 90.

⁴⁴ Mendoza M. 2022, 66–67.

⁴⁵ См. Davie M.R. 2003, 140–144; Chacon R.J., Dye D.H. 2007, 2007, 18.

Констатация данной тенденции не исключает связи «охоты за головами» с разнообразными социальными, экономическими и религиозными факторами жизни первобытных и раннегосударственных сообществ. Подробнее: Шнирельман В.А. 1994, 141–145.

гласившегося выдать искомую награду и высказавшего намерение выпить за здоровье храбреца неразбавленного вина. Этим полководец в лаконичной форме дал понять, что он, являясь не представителем греческого полисного мира, а македонянином, разделяет ценности героического этоса европейских варваров, и, соответственно, не уступает им в природном мужестве. Содержавшийся в ответе царя посыл был вполне ясен не только македонянам и грекам, но и пеонийскому герою. Так, согласно прямому указанию Платона, фракийские мужчины и женщины пили несмешанное вино, не боясь проливать его на одежды (*Plat. Leg. I. 637e*), а Полиэн рассказывает о показательной привычке фракийцев напиваться перед боем (*Polyaen. II. 2, 6*). Даже весьма лаконичные сообщения античных авторов в совокупности с материалом фракийских гробниц показывают, что пиры с обильным употреблением вина были важной частью жизни фракийской элиты⁴⁶. Иными словами, культурно близкий фракийцам уроженец Пеонии должен был увидеть в македонском царе, готовом подарить золотую чашу в обмен за голову вражеского вождя и выпить неразбавленного вина, представителя своего «героического» мира.

Таким образом, инцидент, имевший место в сентябре 331 г. до н.э. после переправы армии Александра через Тигр, с военной точки зрения был локальным боевым столкновением, закончившемся рассеиванием тысячного отряда персидской кавалерии, освобождением пути для продвижения македонского войска и получением данных о расположении основных сил Дария III. Тем не менее, эти события имели весьма примечательное культурное преломление из-за действий пеонийского командира Аристора, ставшего настоящим «героем дня». Проявив личную доблесть и намерение следовать варварским военным обычаям своего народа, он высказал желание получить награду за принесенную голову предводителя персов, чем вынудил самого Александра в ответе показать, что македонский царь, будучи учеником Аристотеля, хорошо знакомым с достижениями высокой эллинской культуры, знает и разделяет ценности далекого от установок греческой цивилизации балканского героического этоса.

⁴⁶ См. *Понов Д.* 2009, 210–212; *Valeva J.* 2015, 198–199.

IMITATIO SPECIEI GERMANICAE

ИНОКУЛЬТУРНЫЕ НОВАЦИИ В ОБЛИКЕ ЭСТИЕВ И ПРУССОВ I–VI ВВ. Н.Э.

В.И. Кулаков

Проблема облика и образа жизни населения юго-восточной Балтии¹ в среднем железном веке никогда не вызывала прямой интерес у европейских историков и археологов. Как правило, разбор этно-культурных особенностей эстиев (разноэтничные предки пруссов²), сформировавших в римское время самбийско-натангийскую группу западнобалтской культуры, ограничивался выявлением в их среде групп восточных германцев, носителей традиций вельбарской культуры. Первый профессиональный исследователь прошлого имперской провинции Восточная Пруссия, профессор Кёнигсбергского Университета Иоганнес Фойгт (Рис. 1) считал, что в первой пол. I тыс. н.э. в местном западнобалтском обществе ведущие позиции последовательно занимали (восточные) готы, вандалы и видиварии³. Блестящая плеяда археологов прусской школы XIX – первой пол. XX в. — Отто Тишлер, Иоганнес Хейдек, Карл Энгель, Вольфганг Ла Бом — в разной степени признавали важную (в ряде случаев — ведущую) роль германского этно-культурного компонента в истории эстиев⁴. Задачей исследования является выяснение степени влияния упомянутого компонента на облик и образ жизни населения западного рубежа балтского мира.

¹ Эта территория, ограниченная устьями рек Вислы и Немана, находилась за пределами известного античным авторам *Barbaricum*, была занята носителями самбийско-натангийской группы (сокращённо — СНГ) западнобалтской культуры (Кулаков В.И. 2016, 5).

² Суворов В.С. 2000, 70.

³ Voigt J. 1827, 97–106.

⁴ Кулаков В.И. 2018, 147–149.

Рис. 1.
Профессор Иоганнес Фойгт (1786–1863 гг.)⁵.

Публий Корнелий Тацит даёт первое описание обитателей Янтарного берега:

«Что касается правого побережья Свебского моря, то здесь им омываются земли, на которых живут племена эстиев, обычаи и облик которых такие же, как у свебов, а язык — ближе к британскому. Эстии поклоняются праматери богов и как отличительный знак своего культа носят на себе изображения вепрей; они им заменяют оружие и оберегают чтящих богиню даже в гуще врагов...» (здесь и далее перевод А.С. Бобовича)⁶.

Считая эстиев германцами, римский историк приводит описание жителей берегов, скорее всего, Самбии (янтароносный Калининградский полуостров) с яркими чертами кельтского этноса. Присутствие групп кельтов из Среднего Подунавья (венеты античных письменных источников)⁷ в самом начале нашей эры на янтарных промыслах исторической Пруссии подтверждается отдельными археологическими признаками древностей эстиев (ингумационный

⁵ Изображение находится в открытом доступе сети Интернет.

⁶ Тацит Корнелий, 1970, 372.

⁷ Колобов А.В. 2004, 92.

погребальный обряд, гривны типа *Navor*, браслеты типа *armilla*, «самбийские» пояса с декором *opus interrasile*)⁸.

Контакты жителей Янтарного берега и Западной Европы, существовавшие и в эпоху бронзы, и в раннем железном веке, усилились на рубеже эр. Причина тому — прежде всего — янтарная торговля, интенсификация которой в Балтии приходится на I в. н.э. Она привлекла на Самбию не только отдельные группы иноземцев, но и стимулировала распространение среди местных балтов элементов убора жителей *Barbaricum*, в частности — германских и кельтских племён с окраин римских провинций. Упомянутые контакты видны на примере путей, которыми поступали к эстиям в обмен на балтийский «самоцвет» фибулы, важнейший аксессуар европейского убора римского времени. Особо в этом плане показательны производившиеся в западной части германского ареала фибулы типов AXI,238, AP, 42 (их массив в I в. н.э. маркирует скопление германского этнокультурного элементов на западе Самбии, в холмах *Alkgebirge*), перекладчатые застёжки, характерные для восточных германцев, носителей вельбарской культуры (AIV,126), фибулы *Monströse*⁹. В IV в. последние производились в ареале эстиев для германцев, осевших там ранее, и поставлялись для германцев запада и юго-востока Европы¹⁰.

Не стоит забывать о том, что янтарная торговля Империи с эстиями велась через посредников из массива вышеназванных племён, которые передавали балтам сведения как о событиях, бурливших в германском мире, так и о деяниях римлян. От упомянутых посредников римские историки получали сведения о жителях юго-восточной Балтии. У самих германцев в их племенной среде был особый спрос на янтарь¹¹, который мог использоваться не только как сырьё для изготовления украшений, но и шёл на медицинские и культовые цели.

Как и германцы, эстии были ослеплены блеском величия Рима и с большой охотой старались в своей системе украшений хоть в малой мере походить на обитателей Средиземноморья¹². Такого

⁸ Кулаков В.И. 2004а, 103.

⁹ Кулаков В.И. 2016, рис. 11, 16, 18, 45.

¹⁰ Кулаков В.И. 2016, 49, 50.

¹¹ Буданова В.П., Горский А.А., Ермолова И.Е. 2011, 13.

¹² Кулаков В.И. 2016, 28.

рода заимствования известны и на других примерах. Так, косицы и оселедцы в причёске тюркских народов степей Евразии стали деталями причёсок сначала викингов, а затем и запорожских козаков. И страшные для противников равносторонние секиры типа J.P.M., ставшие своеобразным маркером для североевропейских телохранителей византийских императоров XI–XII вв., при дворе русских монархов трансформировались в золочёные топорики-рынды уже упомянутой формы. Нет сомнений в том, что, заимствуя черты обрядности и формы артефактов у иных, славных своими подвигами народов, жители Евразии считали, что тем самым они унаследуют славу и авторитет этих народов. Согласно справедливому замечанию В.П. Будановой, «они (варвары. — К. В.) выше всего ценили свою племенную самобытность... если и подражали кому, то только пользующимся большей славой»¹³.

Результатом влияния племён, ареалы которых граничили с Янтарным берегом с запада и с юга, стали слова Тацита об эстиях, «обычаи и облик которых такие же, как у свебов, а язык — ближе к британскому»¹⁴. Эти впечатления римлян о жителях западной границы балтского мира как о «германцах» акцентировались и тем, что несколько черт местного погребального обряда раннеримского времени — труположения с северной ориентировкой, захоронение коня — было воспринято у западных германцев¹⁵. Конь являлся для них транспортом для доставки воина-копьемосца к месту битвы (Рис. 2).

Рис. 2.
Трёхмерная реконструкция внешнего вида германца начала нашей эры (Schulz W., 1939, Abb. 28).

¹³ Буданова В.П. 2000, 111.

¹⁴ Тацит Корнелий, 1970, 372.

¹⁵ Кулаков В.И. 2016, 24.

Некоторые другие черты обряда эстиев (каменные круги и ящички) связываются с влиянием скандинавов¹⁶. Правда, М. Казанский и А. Мастыкова, будучи неофитами в балтской археологии, так и не смогли в своей статье выяснить происхождение конских захоронений у ранних эстиев. Это — результат их слабого знакомства с русской историографией самбийско-натангийской группы западно-балтской культуры.

Если распространение в среде западных балтов черт германской обрядности было связано с высоким престижем германцев и их обычаев в варварской среде¹⁷, то обнаружение на могильниках Янтарного берега артефактов, прямо связанных с особенностями внешнего вида представителей германских племён может иметь несколько причин. Булавки с кольцевидным (2 экз.) или посоховидным (1 экз.) навершиями, найденные в воинских могилах раннеримского времени на территории современной Калининградской области, являются несомненной принадлежностью германской мужской причёски типа «свевский узел»¹⁸. Вместе с булавками указанных типов в погребениях найдены наконечники копий и / или дротиков, втульчатые топоры, боевые ножи — в целом набор оружия, присущий германцам запада Европы в I–III вв. н.э. (Рис. 3).

Рис. 3.
Реконструкция внешнего вида воина из погр. La-242 грунтового могильника Lauth / Б. Исаково (Гурьевский р-н) (Кулаков В.И. 2013, рис. 48).

¹⁶ Там же, 22; Казанский М.И., Мастыкова А.В. 2022, 154.

¹⁷ Кулаков В.И. 2016, 17.

¹⁸ Там же, 92.

Эти воины могут быть потомками женщин-германок (их погребения на Самбии маркированы фибулами типа АП, 42 — см. выше), попавших в историческую Пруссию в I в. н.э., видимо — на фазе В₁.

Примечателен факт использования эстиями, как и германцами, щитов с умбонами разных форм. В древностях остальных жителей Балтии римского времени находки щитов крайне редки. В ближнем бою пешие воины и германцев, и эстиев сражались исключительно короткими однолезвийными клинками. «Меч у них (эстиев. — К. В.) — редкость; употребляют же они чаще всего дреколь»¹⁹. В этом отрывке римский историк упоминает «дреколь», очевидно, дубины различных размеров, бывшие излюбленным оружием пруссов в ближнем и дальнем (метательные дубины-kula) бою вплоть до Нового времени. Примечательно то, что лук со стрелами не пользовался популярностью ни у германцев, ни у эстиев и у позднейших пруссов.

На фазах В₁-С₁ снаряжение и тактика боя у германских и балтских всадников Самбии весьма сходны. Эти воины (лат. *desulrores* — «соскакивающие») в качестве *foederates* входили в состав римских легионов и использовали коня не как боевое средство, а как транспорт для доставки к месту сражения, были сопровождаемы в нём пешим соратником (Рис. 4). Кони этих воинов в состав своего снаряжения включали кельтские по своему происхождению поводья типа *Vimose*²⁰, собранные из бронзовых колец (Рис. 5) и железные кольчатые удила с П-образно изогнутым грызлом. Эти детали удила представлены и в местах жертвоприношений на датских островах, и на грунтовых могильниках Янтарного берега.

С завершением Маркоманских войн на Самбию переселяются группы западных германцев, знаменуя становление «кимврского горизонта»²¹, что ещё больше усиливает тенденцию эстиев к формированию своего «германского» облика²². Правда, таких ярких черт внешности германцев, как «свебский узел», вышедший из употребления в позднеримское время, у эстиев не фиксируется.

¹⁹ Тацит Корнелий. 1969, 372.

²⁰ Кулаков В.И. 2003, 84–86.

²¹ Кулаков В.И. 2003, 246.

²² Казанский М.М. 2010, 128.

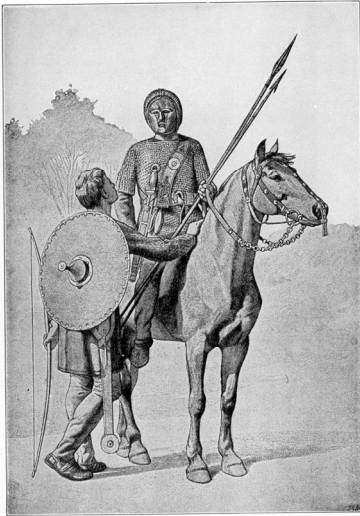

Рис. 4.

Конный и пеший воины-германцы по данным места болотного жертвоприношения в Thorsberg, Schleswig-Holstein (*Schulz W.*, 1939, Abb. 30).

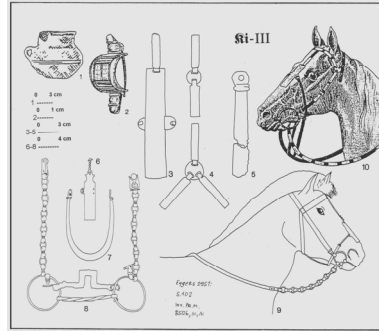

Рис. 5.

Конские удила типа Vimose в комплексе погр. Ки-III грунтового могильника Kirrehnen / Поваровка (Зеленоградский р-н) (*Кулаков В.И.* 2016, рис. 40).

Таким образом, к востоку от р. Вислы, на границе известной римлянам и населённой германцами и кельтами «земли варваров» (*Barbaricum solum, Germania Libera*) с территорией, определённой античным географом Клавдием Птолемеем как «Европейская Сарматия»²³, минимум со II в. существовала устойчивая тенденция автохтонов к обретению внешнего облика германцев.

В начале эпохи Великого переселения народов на юго-западном рубеже Янтарного края появляется новая группировка германцев.

Вот что пишет о ней готский историк Иордан:

²³ *Щукин М.Б.* 2005, 59, 60.

«На побережье океана, там, где через три гирла поглощаются воды Вистулы, живут видиварии, собиравшиеся от различных племен, за ними берег океана держат эсты, вполне мирный народ»²⁴.

Так как эти профессиональные воины «собрались от различных племён», то ожидать в их древностях какие-либо индивидуальные племенные признаки не приходится. Однако можно полагать, что одиноческие традиции, принесённые видивариями (в «Прусской хронике» Симона Грунау — «кимбрами») на берега Балтии, прочно утвердились в прусском культе²⁵. Общими признаками древностей видивариев в исторической Пруссии можно считать ножи-кинжалы и трёхлучевые фибулы.

Наконец, на завершающем этапе эпохи Великого переселения народов в археологии носителей прусской культуры на её ранней фазе и у жителей Мазурского Поозерья появляется значительное количество меровингских импортов и местных подражаний изделиям западноевропейских мастеров. Немалую роль в интересе пруссов к западным германцам могла сыграть некоторая близость их социальных систем (племенная (народная) «демократия»²⁶). Имеет смысл полагать некий ренессанс германской «моды» среди обитателей западной окраины балтского мира. Данный феномен стал результатом активных торговых, матримониальных и, разумеется, культурных контактов между населением окраин бывшего *Barbaricum*. Аналог этому весьма редкому явлению — заимствование одним народов черт материальной культуры другого — отмечен в материальной культуре ливов поздней фазы эпохи викингов²⁷.

В виду изложенного выше не вызывает удивления гипотеза известного лингвиста О.Н. Трубочёва, которая заключается в том, что этникон «прусы» возник не позднее IX в. в среде поморских славян благодаря внешнему сходству жителей Янтарного берега с фризами²⁸. В силу целого ряда причин торгового, матримониального и культурного планов пруссы стремились своим внешним видом уже

²⁴ *Иордан*. 1997, 36.

²⁵ *Кулаков В.И.* 2004б, 5.

²⁶ *Кулаков В.И.* 2015, 9.

²⁷ *Кулаков В.И.* 2022, 9, 10.

²⁸ *Трубочев О.Н.* 1965, 19.

с I–II вв. походить на западных (!?) германцев. Традиции *Barbaricum* таким образом перешагнули р. Вислу и распространились среди населения части *Sarmatia*. И это разительное отличие эстиев и пруссов от остальных балтских племён, у которых отсутствовали тесные связи с западом Европы.

Таким образом, выявлен интереснейший исторический феномен. Часть западных балтов, непосредственно граничивших с восточными германцами, с I–II в. по как минимум VII в. стремилась к подражанию как в деталях убора, так и внешнего вида, германцам, причём западным. Сами же германцы ко времени крушения Западной Римской Империи всё больше старались следовать провинциально-римской традиции. Даже первое готское государство в Италии, основанное в 476 г. Одоакром, формально считалось частью Восточной Римской империи. Упомянутые имитационные тенденции в сознании германцев позднеримского времени привели к возникновению лозунга *Imitatio Imperii Romanorum*, актуального при формировании основ будущей Священной Римской империи германской нации.

К эпохе викингов у пруссов постепенно исчезает традиция подражания западноевропейским артефактам. Возможно, это связано со становлением раннефеодальных христианских государств в Западной Европе. С X в. пруссы используют обряды для западных балтов украшения, но в своём внешнем виде (во всяком случае — мужчин-воинов), как показывают рельефы Гнезненских врат, мало отличаются от облика иных народов романской Европы.

К ВОПРОСУ О «НЕДОСТОЙНЫХ» И «НИЗКИХ» ЛЮДЯХ НА БОСПОРЕ В СЕРЕДИНЕ III В. Н.Э.

С.В. Ярцев, В.Г. Зубарев

Известно, что язык варварства проникал во все сферы коммуникации людей. Отчасти это оправдывалось тем, что на человека можно воздействовать не только прямым *физическим* воздействием (военная сила, оружие), но *словом*, которое легко могло ранить, убить, уничтожить, причинить боль и страдание другим людям. В этой связи, особый интерес вызывают события середины III в. н.э. на Боспоре, когда власть в государстве захватил Фарсанз. Последний, по-видимому, заключил соглашение с варварами, которым после прихода к власти передал корабли из состава боспорского флота за помощь в возведении на царский трон¹. В сложившейся ситуации Фарсанз, по-видимому, со стороны представителей лишившейся власти местной династии, получает довольно нелицеприятную характеристику, сохранившуюся у Зосима:

«Пока боспоряне имели наследственную монархию (царей, получавших власть по наследству от отца к сыну), они удерживали скифов вне Азии вследствие своей дружбы с римлянами, торговых сношений и ежегодно посылаемых им императорами даров. Однако, когда их царский род пресекался, некие недостойные и низкие люди встали во главе государства. Боясь за свою жизнь, они предоставили скифам проход в Азию через Боспор и даже переправили их на своих собственных судах, которые взяли обратно и возвратились домой»².

Казалось бы, речь в указанном тексте идет об узурпаторе, который вполне заслуженно был удостоен тех унижительных оскорблений, которые получил, скорее всего, от греко-римской аристокра-

¹ Кругликова И.Т. 1965, 8.

² Zosim., I, 31.

тии, отстраненной от власти на Боспоре. Тем не менее, не все здесь выглядит так однозначно. Дело в том, что мы не можем даже точно ответить на вопрос, чеканились ли статеры Рескупорида V и Фарсанза одновременно, ведь все эти монеты едины типологически, метрологически и по составу металла³. Мы не знаем, являлись ли указанные цари соправителями⁴ или же Фарсанз, полностью устранив от власти Рескупорида V, несколько месяцев правил единолично⁵. При этом нельзя считать, что если Фарсанз смог добиться от Рескупорида V только соправительства, то он превратился в союзника последнего против тех же варваров, а власть была разделена между двумя царями с целью более эффективного проведения военных операций в разных частях обширного государства⁶. Иногда даже говорят о полном разделе сфер влияния — Фарсанзу, отошел Европейский, а Рескупориду V — Азиатский Боспор⁷ или же наоборот⁸. Всем указанным предположениям противоречит кратковременность правления Фарсанза, после исчезновения которого на монетах Рескупорида V 254 г. н.э. появился венк — символ победы⁹. Поэтому вряд ли возможно связать придунайских варваров не с Фарсанзом, а с Рескупоридом V. Очевидно, что «некие недостойные и низкие люди вставшие во главе государства» и переправили варваров для грабежа северо-восточного побережья «на своих собственных судах»¹⁰. Учитывая, что длительное правление Рескупорида V в 242–275 гг. в интересующее нас время было прервано только

³ Фролова Н.А. 1980, 67.

⁴ Фролова Н.А. 1980, 65–68.

⁵ Кругликова И.Т. 1958, 137, прим. 18; 1965, 8; 1966, 17, 197; Голенко К.В. 1970, 93, прим. 38.

⁶ Фролова Н.А. 1980, 70.

⁷ Блаватский В.Д. 1964, 206.

⁸ Зубарь В.М. 1998, 139.

⁹ Фролова Н.А. 1980, 70. Предложенная версия лучше соответствует сложившейся на Боспоре ситуации, чем мнение, что после того, как якобы правивший до 252/253 года Рескупорид III передал власть Фарсанзу, последнего убрал с престола уже другой Рескупорид IV (Мельников О.Н. 2014, 61–62). Возможно, что именно победой над узурпатором могло быть вызвано появление нового монетного стиля Рескупорида V — боспорского царя, не желавшего иметь ничего общего с Фарсанзом, статеры которого традиционно повторяли прошлые боспорские выпуски.

¹⁰ Zosim., I, 31.

Фарсанзом в 253–254 гг., можно прийти к выводу о принадлежности последнего именно к упомянутым Зосимом недостойным людям. Конечно, в дальнейшем Рескупорид V, по-видимому, «боясь за свою жизнь»¹¹, также предоставлял варварам корабли боспорского флота, однако его чрезвычайно трудно представить узурпатором, прервавшим царский род. В ряде дошедших до нас надписей специально подчеркивается его происхождение от предков царей (КБН, 59, 60). Поэтому появление на Боспоре боранов более согласуется со временем воцарения на троне Фарсанза, чем с правлением Рескупорида V, который явно был враждебной стороной для подошедших с запада варваров. Следовательно, первый морской поход боранов мог произойти только в период короткого правления Фарсанза — летом 254 года¹².

Однако если мы отождествляем Фарсанза с указанными выше «недостойными и низкими» людьми, возникают очень серьезные противоречия, так как последний, судя по исследованиям, принадлежал к одной из самых прославленных династий Северного Причерноморья и никаким образом не мог являться незнатным «низким» человеком, даже с учетом совершенного им преступления. Указанная династия восходит к царю Асандру, который в свое время, будучи выходцем из какого-то варварского племени, утвердился на троне и женился на Динамии — внучке Митридата VI Евпатора¹³. Ранее мы уже высказывали предположение, что тамгой Асандра вполне мог являться один из родственных Аспургу символов¹⁴, например, достаточно похожий на него знак с «изломом» отростков в противоположную сторону под острым углом¹⁵. В связи с этим, мы согласны с мнением Ю.М. Десятчикова, что именно Асандра необходимо считать родоначальником новой сармато-иранской династии¹⁶. По-видимому, этот царь являлся вождем аспургиан¹⁷, часть

¹¹ Ibidem.

¹² Ярцев С.В., Зубарев В.Г., Бутовский А.Ю. 2015, 77–78, 83–84.

¹³ Сапрыкин С.Ю. 1996, 297–301, 311–315.

¹⁴ Ярцев С.В. 2016, 28, прим.4.

¹⁵ Яценко С.А. 2001, 48, 154, рис. 4/19.

¹⁶ Десятчиков Ю.М. 1974, 18.

¹⁷ Ptolem., V, 8, 17–25; Herod. Techn., VII, 180, 2; Tab. Peut., Col. 620; Steph. Byz. s.v. aspourgianoï.

которых возможно действительно базировалась где-то на землях между Фанагорией и Горгиппией¹⁸, например, в районе так называемой резиденции Хрисалиска¹⁹. По-видимому, здесь эти поселенцы, находясь на военной службе царя, охраняли границу, одновременно занимаясь земледелием и ремеслом²⁰. Учитывая, что античные авторы настойчиво называют данных варваров племенем, вероятнее всего основная масса аспургиан располагалась за пределами границ Боспора. В этой связи вполне допустимо отождествить последних с зубовско-воздвиженской группой памятников в районе среднего течения р. Кубань, где были отмечены яркие восточные элементы азиатских культурных традиций²¹.

Надо сказать, что в это время произошли важнейшие события, оказавшие влияние на всю последующую политическую историю Боспорского царства. По-видимому, по инициативе Тиберия, преследовавшего идею династической связи двух зависимых царств, Аспург женится на Гипепии — представительнице фракийского правящего дома Сапеев²². Считается, что два сына Аспурга от этого брака: Митридат VIII (III) и Котис I, фактически стали продолжателями боспорской сарматоиранской династии²³. Но если Котис I вместе с матерью выступил на стороне Рима, то Митридат VIII (III), полностью оправдывая свое имя, попытался освободиться, хотя бы частично, от римской зависимости. При этом если в начавшемся противостоянии на стороне римлян и Котиса выступили аорсы, то Митридата VIII (III) поддержали сираки²⁴ и, по-видимому, ольвиополиты. Тем не менее, Котису I и аорсам удалось победить Митридата VIII (III) и его союзников сираков²⁵. В связи с этим, учитывая безусловное наличие родственных центральноазиатских связей у аспургиан, будет считаться невероятным игнорирование Митрида-

¹⁸ *Strabo*, XI, 2,11.

¹⁹ *Сокольский Н.И.* 1976, 89

²⁰ *Ростовцев М.И.* 1914, 16; *Сапрыкин С.Ю.* 1985, 65–78.

²¹ *Туаллагов А.А.* 2008, 109.

²² *Сапрыкин С.Ю.* 1984, 141–152; 2002, 163–164.

²³ *Фролова Н.А.* 1997, 74–80; *Зубарь В.М.* 1998, 30–31; *Сапрыкин С.Ю.* 2002, 235; *Чореф М.М.* 2020, 94–95.

²⁴ *Tac. Ann.*, XII, 15–21.

²⁵ *Абрамзон М.Г., Винокуров Н.И.* 2016, 714–718.

том VIII (III) данного ключевого фактора в развернувшейся борьбе со своими врагами. Вряд ли такое могло быть в той реальной сложившейся ситуации. Ранее мы уже осторожно предполагали, что относительная хронологическая близость разгрома боспорского царя Митридата VIII (III) с появлением сначала в Северо-Восточном Причерноморье, а потом и на всем пространстве северопричерноморских степей нового грозного воинства Фарзоя, возможно, совершенно не случайна. Грозных кочевников могли специально пригласить на помощь потерпевшему поражение боспорскому царю (возможно, своему дальнему родственнику?), а также своим сородичам, насильственно сгоняемых со своей земли победителями²⁶. Однако когда подошла данная помощь, боспорский царь был уже передан римлянам. Поэтому, в новой изменившейся ситуации Фарзой и Инисмией, скорее всего, стали действовать исходя из собственных интересов, решив подчинить своей власти местные племена и установив особые отношения с Ольвией²⁷.

Конечно, такая условная схожесть родовых знаков не может являться доказательством родства появившихся в Северном Причерноморье Фарзоя и Инисмией с правящей боспорской сармато-иранской династией Асандра–Аспурга–Митридата VIII (III). Тем не менее, обращает на себя внимание то, что точные аналоги тамг Фарзоя и Инисмией, помимо Хакасии (тамга Фарзоя) и Юго-Западной Монголии (тамга Инисмией) малоизвестны в Азии и более всего связаны с Боспором, Ольвией и с прилегающими к античным государствам территориями²⁸. Кроме того, невозможно пройти мимо факта схожести отдельных изображений царя Фарзоя на ольвийских монетах с некоторыми портретами Митридата VIII (III) на боспорских статерах. Перед нами явное желание продемонстрировать окружающим близкую связь между этими людьми (как будто сын пытался подчеркнуть родство со своим мужественным, выступившим против Рима, отцом)²⁹.

²⁶ Ярцев С.В. 2014, 124.

²⁷ Ярцев С.В. 2014, 124–125.

²⁸ Яценко С.А. 2001, 48–50.

²⁹ Ярцев С.В. 2022б, 192.

По нашему мнению, появившиеся в Северном Причерноморье новые выходцы с востока являлись такими же родственниками боспорской сармато-иранской династии, как до этого и аспургiane и другие варвары, проживающие на царских землях, которых, например, тот же Аспург, по этой причине, даже не включил в список подвластных племен³⁰. Из таких варваров можно выделить некоторые родственные кланы, проникшие в Северное Причерноморье несколько раньше, чем основная волна кочевников Фарзоя и Инисмея. Здесь нам может помочь анализ ряда знаков на уникальном сарматском мече из Рошава-Драгове, на котором помимо тамги Инисмея, на самом навершии были размещены по кругу еще шесть тамг, специально разделенных фигурами «сердечек» на три пары. Судя по общему характеру оформления всей этой круговой картины, именно данные знаки могли иметь отношение к божественным предкам, которые в это время явно фигурировали в какой-то популярной легенде. Заметим, что шесть указанных предков-героев должны быть родственниками, так как во всех этих шести тамгах присутствует одинаковый обязательный центральный элемент — круг, что представляется важным и не случайным³¹.

Что же касается тамг данного комплекса, имеющих непосредственное отношение к собственно знакам царей Фарзочя и Инисмея, то здесь важно обратить внимание на две особые метки. Так, на указанном диске меча из Рошава-Драгове с помощью зеркального отражения одна из хорошо известных в Азии тамг, напоминающая современную цифру «2», специально была видоизменена для достижения формы знака зеркально отображенного двузубца с кругом посередине, позволяющего вызвать ассоциации с размещенной здесь же на ножнах царской тамгой реально существовавшего в то время царя Инисмея.

Это обстоятельство косвенно свидетельствует, что интересующая нас изначальная тамга «2», имела очень большой престиж в кочевом мире, где, скорее всего, была связана с культом неких прославленных предков, что, по-видимому, и послужило поводом для ее активного использования, в том числе и под стилизацию под дру-

³⁰ Сапрыкин С.Ю. 2002а, 212, 219.

³¹ Negin A., Kamisheva M. 2018, 48, fig. 5.

гие знаки. В нашем случае, представителями царской династии центральноазиатского происхождения Асандром — Аспургом — Митридатом VIII (III), которые, возможно имели отношение также и к варварским царям Фарзою и Инисмею, посредством таких манипуляций с тамгами, скорее всего, демонстрировали обществу важную связь своей правящей династии с легендарными родоначальниками.

Другая тамга с указанного меча из Рошава-Драгове, которая вызвала наш интерес, была специально выделена отдельно от указанных шести знаков и оформлена в божественном образе вращающейся по кругу (вокруг центра земли?)³². Она имела вид коромысла-ярма с крючкообразно загнутыми во внешнюю сторону концами, и возможно была семантически связанной с рогами архара). В дальнейшем именно у гуннов данная тамга приобретает особое значение и популярность (тамга самого родоначальника?).

Все сказанное выше свидетельствует о том, что представители династии центральноазиатского происхождения, и родственные им кланы, имеющие единых легендарных родоначальников, несмотря на то, что были отстранены от власти на Боспоре, продолжили свое существование и борьбу за свои права, как на территории Боспора, так и на просторах всего Северного Причерноморья. В противном случае, будет невозможно объяснить попытку Ининфимея и Фарсанза захватить власть на Боспоре в III в. н.э. Судя по именам и тамгам, они действительно относились к представителям сарматоиранской аристократии центральноазиатской династической линии — потомкам царей Фарзоя, Инисмея и возможно Митридата VIII (III)³³. С одной стороны, мы видим, что уже ко II в. н.э. варвары Фарзоя и Инисмея полностью растворились среди коренного населения Северного Причерноморья, что следует из полного исчезновения изделий полихромного звериного стиля, неизвестных уже носителям позднесарматской культуры³⁴. С другой стороны, сам факт борьбы за власть на Боспоре указанными людьми в более позднее время

³² *Negin A., Kamisheva M.* 2018, 48, Fig. 5; P. 49, Fig. 6.

³³ *Ярцев С.В., Зубарев В.Г., Бутовский А.Ю.* 2015, 61–74; *Ярцев С.В.* 2016, 34–35.

³⁴ *Засецкая И.П.* 2011, 256–257.

свидетельствует о том, что династия продолжила существование, и что ее представители прекрасно осознавали свои особые права и поэтому смело предъявляли претензии на боспорский трон. При этом главными врагами для них являлись люди, также принадлежащие к сармато-иранской аристократии, но только фракийской династической линии — потомки Котиса I и Рескупорида I. Подобная борьба за боспорский трон между людьми, относящимися к этим двум линиям сармато-иранской аристократии, характерная, в том числе, и для боспорской истории IV в.³⁵, безусловно, подразумевает наличие законного родства между варварами, представляющими, в первую очередь, центральные районы Азии (аспургиане, варвары подчеркивающие свое родство с царями Фарзоем, Инисмеем, собственно потомки указанных царей) и представителями сармато-иранской аристократии Асандром, Аспургом, Митридатом VIII (III)³⁶.

При этом, у представителей сарматоиранской аристократии центральноазиатской династической линии реальная возможность взять реванш и вернуть себе власть на Боспоре появилась лишь в период кризисных событий III в. н.э. Это хорошо просматривается по тамге пришедшего к власти боспорского царя Ининфимея (234 / 235–238 / 239 гг.), которая резко отличается от знаков своих предшественников с их традиционными «триденсами»³⁷. При этом она явно принадлежала к типу тамг сарматских царей I в. н.э. Фарзоя и Инисмея. Более того, созвучие имен боспорского и сарматского правителей (Ининфимей-Инисмей) свидетельствует о том, что все это не случайно³⁸. Наличие в титулатуре «друга цезаря и друга римлян» Ининфимея родового имени Тиберия Юлия (КБН, 1249) означает, что перед нами законный представитель правящей династии, возможно, являющийся выходцем из нижнедонской группировки поздних сарматов³⁹, тесно связанной с теми же танаитами.

³⁵ Ярцев С.В. 2016, 35–38; 2022а, 23–33.

³⁶ Ярцев С.В. 2022б, 193.

³⁷ Тамга Ининфимея, в основном сохранилась на нескольких строительных плитах из Танаиса в период лихорадочного ремонта там городских стен в 236–239 гг. (Яценко С.А. 2001, 55).

³⁸ Яценко С.А. 2001, 55; Шаров О.В. 2009, 22.

³⁹ Яценко С.А. 2001, 56.

Пока нам известны только два претендента на власть после Инифимея — Рескупорид V и Фарсанз. Если исходить из факта жесткого противостояния между ними в 253 / 254–254 / 255 гг.⁴⁰, не исключено, что борьба за власть этих двух претендентов на трон могла начаться гораздо раньше указанного времени. В этой связи обращает на себя внимание схожесть имен Фарсанза и Фарзоя. При всем скепсисе к созвучиям такого рода, они все же вызывают ассоциации другого подобного примера: Инифимей-Инисмей. По-видимому, имена боспорских царей Инифимей и Фарсанз являлись производными от имен знаменитых сарматских правителей I в. н.э. и поэтому их необходимо рассматривать в качестве единого феномена. Косвенно это свидетельствует о том, что Фарсанз вполне мог принадлежать к группировке нижнедонских сарматов и танаитов, откуда происходил и его предполагаемый родственник Инифимей. Возможно, что требования представителей данного клана своей доли власти в государстве в условиях разрыва отношений с сарматами и усиления аланского племенного союза и привели к острому политическому кризису на Боспоре. Во всяком случае, появление института соправительства в государстве, похоже, было связано именно с этой ситуацией. Данное обстоятельство также позволяет допустить появление Фарсанза на исторической сцене еще в конце 30–40-х гг. III в. н.э., когда он, вероятно, впервые попытался занять царский трон после Инифимея. Исходя из вышесказанного, трудно не прийти к заключению о том, что, хотя нам и неизвестна тамга Фарсанза, ее существование более чем вероятно. В отличие от этого варварского ставленника, у его противника — Рескупорида V, правившего достаточно длительное время, царский знак, бесспорно, отсутствовал. Его нет ни на монетах, ни на строительных и посвячительных надписях⁴¹. Это позволяет предположить, что основная линия раскола боспорской знати в интересующее нас время проходила по двум хорошо известным группировкам: римско-фракийской и сармато-иранской, причем напомним, что царские знаки-тамги являлись особенностью исключительно последней группы претендентов на трон⁴². Учитывая, что в 242–243 гг. чеканка боспорских монет

⁴⁰ Фролова Н.А. 1980, 58–76; Анохин В.А. 1986, 122–126.

⁴¹ Яценко С.А. 2001, 57.

⁴² Шаров О.В. 2009, 18–23.

была возобновлена Рескупоридом V, можно сделать вывод о победе на Боспоре римско-фракийской партии.

Таким образом, очевидно, что у местной боспорской аристократии принадлежавшей к римско-фракийской династической линии, абсолютно не было повода унижать пришедших к власти представителей центральноазиатской династической линии. Эти люди не только имели все законные права на царский трон, но и принадлежали к известной прославленной династии, имеющей в достаточной степени знатное происхождение. Ориентировка элитарных групп на тех или иных варваров в борьбе за власть также была распространенным явлением, и вряд ли в обычной ситуации могла вызвать серьезный общественный резонанс за такой стандартный подход в решении внутривосточных катаклизмов. Тем не менее, представители центральноазиатской династической линии, вернувшие себе власть в государстве, были названы «недостойными и низкими людьми». Скорее всего, причиной такого откровенного использования разрушительного потенциала вербального варварства, лежит в плоскости высокой степени варваризации местной боспорской элитарной культуры. Кроме того, очевидно также, что представители боспорской аристократии подобным унижением своих политических конкурентов, явно подчеркивали варваризированную культуру и связь с варварами, пришедших к власти на Боспоре людей. Не исключено также, что еще и антиримская позиция последних, в значительной степени повлияла на уничижительные словесные оскорбления последующие в адрес новых правителей Боспора. Все это свидетельствует о том, что вербальное варварство, как деструктивное проявление, чуждое цивилизованным правилам и нормам бытия, на северной периферии греко-римского мира, оказалось характерным не только собственно для варваров, но и для представителей местной элитарной культуры.

КАППАДОКИЙСКИЕ ВЫПУСКИ ТЕТРАДРАХМ АНТИОХА VII

К ПРОБЛЕМЕ «НЕВАРВАРСКИХ ПОДРАЖАНИЙ»
В ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОЙ НУМИЗМАТИКЕ*

С.В. Смирнов

Проблемы обращения и типологии так называемых «варварских подражаний» эллинистическим монетам весьма детально исследованы в современной нумизматике. К этому вопросу обращались и мы в 2021 году на страницах данного издания¹, где на материалах «варварских подражаний» монетам Селевкидов рассмотрели ключевые особенности иконографии таких подражаний. Однако проблема подражаний в эллинистической нумизматике представляет собой более сложный экономический и культурный феномен, выходящий далеко за рамки только «варварских подражаний». Так, составляющей частью корпуса подражаний (или копирований)² в эллинистическом монетном деле являются случаи воспроизведения монетного типа эллинистических монархий не варварскими народами, для которых подражания, как отмечал Е.В. Зеймаль³, были лишь начальным этапом монетной чеканки, но сложившимися политическими образованиями с уже существовавшей традицией монетного производства и использования монеты. Случаями такой чеканки можно считать так называемые выпуски Сиде с легендой КЛЕУХ, поздние посмертные выпуски от имени Александра, производившиеся в полисах Малой Азии и Причерноморья

* Работа выполнена в рамках гранта РФФИ No 22-28-01213 «История Каппадокийского царства (IV в. до н.э. – I в. н.э.). Политика, экономика, культура». Acknowledgments: Russian Science Foundation (No. 22-28-01213).

¹ *Смирнов С.В.* 2021, 219–233.

² Подражания (копирования) монетных типов известны еще в архаический период. Подробнее об этом см.: *Коваленко С.А.* 2007, 115–123.

³ *Зеймаль Е.В.* 1975, 56.

во II в. до н.э., фракийские тетрадрахмы имитировавшие выпуски Фасоса, серии родосских драхм, выпускавшиеся в Македонии при царе Персее, а также знаменитые выпуски афинских тетрадрахм нового стиля от имени Марка Лукулла, выпущенные Суллой. Все эти подражания (копирования) представляли собой иной, отличный от «варварских подражаний» вариант заимствования «чужой» монеты. В чем же разница между «варварскими» и «неварварскими подражаниями»? Заключается ли она только в проблеме стилистического копирования или имеет иные особенности? Всегда ли подражания определены экономическими причинами? Попробуем ответить на данные вопросы, рассмотрев примеры из монетного дела государства Селевкидов, которое демонстрирует редкий пример как «варварских», так и «неварварских подражаний».

Говоря о «неварварских» копированиях монет Селевкидов, стоит вспомнить два наиболее ярких примера: коммагенские имитации драхм Деметрия I и каппадокийские выпуски монет Антиоха VII. Первые мы рассматривали в рамках нашей работы о «варварских подражаниях»⁴, поэтому главное внимание в данной работе мы сосредоточим на втором примере. Тем не менее, стоит сделать несколько замечаний. Прежде всего, важно обратить внимание на то, что серия коммагенских подражаний (SC 1767–1775) стилистически близка «варварским подражаниям» (Рис. 1).

Рис. 1.

Подражание драхме Деметрия I из Коммагены. Из архива автора.

⁴ Смирнов С.В. 2021, 223–225.

Копируя реальную монетную серию драхм Деметрия I, выпущенную на монетном дворе Антиохии на Оронте (SC 1642) по типу «голова Деметрия/рог изобилия», данные подражания все же имеют существенные стилистические отличия, в том числе очевидную художественную деградацию портрета, утратившего детализацию и ставшего более схематичным. Важной особенностью данных подражаний стоит признать монетную легенду, передача которой подчас не всегда соответствовала оригиналу, что в некоторых случаях позволяет считать данные имитации не столько подражанием (копированием), сколько переосмыслением и адаптацией монет Деметрия I⁵. Отметим, что особенностью именно «варварских подражаний» является смысловая деградация легенды, переход от текстового нарратива к бессмысленному набору графических знаков, имитировавших древнегреческий текст, бесполезный для потребителя таких монет — жителя варварской периферии государства Селевкидов. Другой особенностью данной серии является вариации портрета правителя, помещенного на лицевой стороне монет. Так, эмиссия 1769, по классификации А. Хутона и К. Лорбер⁶, демонстрирует портрет правителя в львиной шкуре, который ассоциируется с Александром⁷, что не встречается на оригинальных монетах Деметрия I. Весьма любопытно, но данные выпуски коммагенских монет демонстрируют стилистическое и семиотическое развитие. Всего можно выделить четыре группы таких монет⁸. Первые две полностью копируют драхмы Деметрия I, а третья и четвертая имеют ряд отличий: на монетах третьей группы появляется портрет Александра в образе юного Геракла в львиной шкуре, на монетах четвертой — легенды, не соответствующие монетам Деметрия I. Таким образом, так называемые коммагенские подражания монетам Деметрия I сто-

⁵ В некоторых случаях была сохранена оригинальная легенда — ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΔΗΜΗΤΡΙΟΥ ΣΩΤΗΡΟΣ, но встречаются, как и искажения данной легенды — ΒΑΣΙΛΕ... ΔΗΥΤ... ΩΤ (SC 1769), так и в принципе другие варианты, содержащие имена других правителей ΣΕΛΕΥΚΟΥ (SC 1773), и даже другой перечень титулов, не встречавшийся у в селевкидском монетном деле — ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΒΑΣΙΛΕΩΝ ΝΙΚΑΤΟΡΟΣ (SC 1772).

⁶ SC 1769.

⁷ Jakobsson J. 2013, 4.

⁸ Hoover O. 1998, 73.

ит отличать от «варварских подражаний» периферии государства Селевкидов. Ключевым отличием здесь является переосмысление художественного (портретного) жанра и нарратива монетной легенды, что привело к формированию собственного монетного типа.

Исторические обстоятельства чеканки данной подражательной серии остаются предметом дискуссий⁹. Так, О. Хувер, предложивший типологизацию данных монет, высказал предположение, что эта подражательная серия выпускалась партиями (всего, четыре) на протяжении правления первых двух правителей Коммагены: Птолемея и Митридата Калинника¹⁰. Д. Джакобссон связывает выпуск этих монет с политической ситуацией, сложившейся в государстве Селевкидов в конце правления Деметрия I, и возвышением Александра Балы. Так, по мнению Д. Джакобссона, коммагенский правитель Птолемей, вероятно, уже будучи независимым от власти Селевкидов, был заинтересован в союзе с Деметрием I против Александра Балы, что и стало главной причиной для начала чеканки серии подражаний антиохийским драхам Деметрия и должно было подчеркнуть лояльность коммагенского правителя. В целом, ввиду недостатка исторического материала, любая попытка связать выпуск монет данной серии с конкретным политическим событием выглядит спекулятивной, однако, стоит отметить, что причины для чеканки монет данной серии могли быть исключительно экономическими. Так, Коммагена, которая никогда прежде не чеканила собственную монету, после обретения независимости вынуждена была так или иначе начать монетное производство. Вполне допустимо, что первая монетная серия мелкого разменного серебра, часто предназначавшаяся для выплат воинам, копировала уже хорошо знакомый и распространенный монетный тип. К слову, с производства таких подражаний (копий) уже известной монеты начиналась чеканка и крупных эллинистических государств, включая самих Селевкидов.

Другим примером «неварварских подражаний» являются выпуски тетрадрахм Антиоха VII из Каппадокии (Рис. 2).

⁹ См.: Hoover O. 1998, 71–93; Jakobsson J. 2013, 2–4.

¹⁰ Hoover O. 1998, 83.

Рис. 2.

Подражание тетрадрахме Антиоха VII из Каппадокии
(правление Ариарата VI).

Уникальная особенность данных подражаний (копий) заключается в том, что они отличаются от всех остальных монет подобного типа практически точным воспроизведением оригинала, без каких-либо стилистических изменений. Действительно, данные выпуски так точно воспроизводят несколько серий тетрадрахм Антиоха VII из Антиохии на Оронте типа «голова Антиоха / Афина», что на протяжении довольно долго времени они атрибутировались как севекидские. Однако появление в 2002 году монеты данного типа с портретом Антиоха VII и от имени Ариарата VII стало поводом для масштабной ревизии имеющегося материала. Стоит отметить, что для монетного дела Каппадокии выпуск тетрадрахм был весьма нехарактерным и крайне редким явлением¹¹. Тем не менее серия тетрадрахм Ариарата VII типа «голова Ариарата/Афина» была хорошо известна¹². Тетрадрахма, обнаруженная в 2002 году, и известная ранее тетрадрахма Ариарата VII были отчеканены общим штемпелем оборотной стороны, что в совокупности с наличием общих монограмм позволило предположить каппадокийское происхождение монет данной серии¹³. Сравнительный анализ монограмм на тетрадрахмах, выпущенных от имени Антиоха VII, с монограммами на каппадокийских драхмах показал масштабность и продолжитель-

¹¹ *de Callatay F.* 2012, 186–187.

¹² *Mørkholm O.* 1978, Pl. 42, 14.

¹³ *Houghton A., Lorber C., Veselý P.* 2006, 49.

ность каппадокийских подражательных эмиссий. Так, было установлено, что данные монеты чеканились на протяжении нескольких десятилетий со 129 по 78 гг. до н.э. при пяти царях династии Ариартидов: Ариарате VI, Ариарате VII, Ариарате VIII, Ариарате IX и Ариобарзае I. При этом обычно выделяется ранняя серия подражаний¹⁴ и поздняя¹⁵. Ранние подражания дублируют монограммы монетного двора Антиохии, напротив, поздние используют общие монограммы с царскими выпусками каппадокийских драхм. Как полагают Э. Кренгель и К. Лорбер, опираясь, главным образом, на данные так называемого клада «посмертных монет Антиоха VII», происходящего с территории Сирии, чеканка подражаний монетам Антиоха VII началась еще при Нисе, матери и регенте Ариарата VI, в самом начале его правления, то есть в начале 120-х годов до н.э. Дату начала чеканки поздней серии помогает определить клад из Кассаба (Сирия)¹⁶, состав которого позволяет датировать начало чеканки 105 / 4 годом до н.э.

Одним из ключевых вопросов, возникающих при работе с данным материалом, является причина начала выпуска данных подражаний (копий). Как мы уже отмечали ранее, чеканка тетрадрахм был крайне редким явлением для монетного дела Каппадокии, главной монетной продукцией которой были драхмы. Учитывая объемы и продолжительность чеканки тетрадрахм от имени Антиоха VII, можно предположить, что эти монеты были первыми постоянными выпусками монет крупных серебряных номиналов в Каппадокии. По оценкам А. Хутона и К. Лорбер общий объем выпуска каппадокийских тетрадрахм, выпущенных от имени Антиоха VII, составлял ок. 65–70% от объема оригинальных выпусков Антиохии на Оронте¹⁷. Об объемах каппадокийских выпусков может говорить и их довольно обильное присутствие в музейных собраниях. Так, в российских музейных собраниях хранятся 40 тетрадрахм Антиоха VII типа «голова Антиоха / Афина», при этом 24 из них были выпущены в Каппадокии.

¹⁴ *Krenzel E., Lorber C.* 2009, 52–53.

¹⁵ *Houghton A., Lorber C., Veselý P.* 2006, 49–97.

¹⁶ IGCH 1568.

¹⁷ *Houghton A., Lorber C., Veselý P.* 2006, 58.

В качестве причины начала серийной чеканки тетрадрахм можно назвать сложную политическую ситуацию, связанную со вторжением вифинского царя Никомеда III в 104–103 гг. до н.э. в Каппадокию¹⁸. А. Хутон и К. Лорбер предлагают несколько конкретных причин, включая: необходимость финансирования войны с Никомедом III, возможные выплаты Никомеду, если предположить, что он добился какого-то временного успеха, содержание вифинских гарнизонов, а также потребность в деньгах Ариарата VII после восстановления его власти Митридатом VI¹⁹. Выпуск остальных серий каппадокийских тетрадрахм, выпущенных от имени Антиоха VII, также мог иметь конкретные политические причины: конфликт Ариарата VII с Митридатом VI, противостояние между Ариаратом VIII и Ариаратом IX, приход к власти Ариаборзана I.

Однако главным, на наш взгляд, вопросом остается выбор каппадокийскими правителями (именно Ариаратом VII) прототипа для создания столь массовой эмиссии подражаний. Действительно, иконографически антиохийские тетрадрахмы Антиоха VII полностью соответствовали каппадокийским драхам, выпускавшимся по тому же самому типу — «голова правителя / Афина»²⁰, что могло быть эстетической и, возможно, идеологической причиной для выбора прототипа. И все же, вероятно, ключевым обстоятельством все же было экономическое. Нет сомнений, что монетная продукция антиохийского монетного двора, ориентировавшегося на аттический весовой стандарт вплоть до последнего десятилетия II в. до н.э., была хорошо знакома на эллинистическом Востоке. Многочисленные кладовые комплексы, включающие тетрадрахмы Антиоха VII и происходящие из Сирии, Малой Азии, Мидии, Месопотамии, а также Закавказья, хорошо подтверждают это. Однако монеты Антиоха VII, известные также в кладах, обнаруженных на территории Каппадокии, представляют собой скорее исключение, поскольку монеты Селевкидов не так часто проникали в данный регион. Это обстоятельство несколько усложняет задачу, поскольку потенциальным

¹⁸ *de Callatay F.* 1997, 78–79. О.Л. Габелко (*Габелко О.Л.* 2005, 360) вслед за Д. Глью (*Glew D.* 1987, 43) датирует эту экспедицию 105 г. до н.э.

¹⁹ *Houghton A., Lorber C., Veselý P.* 2006, 59.

²⁰ См. *Simonetta B.* 1977; *Simonetta A.* 2007.

получателем каппадокийского подражания должен был быть тот, кто прежде был знаком с монетой самого Антиоха. Можно допустить, что первыми получателями данной монеты были наемники из Сирии, которым была знакома данная монета, однако, такое предположение все же условно и не находит подтверждения в источниках. С другой стороны, совместное обращение каппадокийских подражаний и антиохийских тетрадрахм Антиоха, засвидетельствованное монетными кладами, показывает их равное использование населением. Стоит отметить, что подражание (копирование) монет, пользовавшихся общим доверием, было весьма распространенной практикой в период эллинизма и не подразумевало утрату выпускающим лицом политической независимости²¹.

В целом, как это было показано на материалах монетных кладов, тетрадрахмы Антиоха VII (как оригинальные, так и каппадокийские подражания) оказались весьма популярной и распространенной валютой в восточной Малой Азии и Закавказье. У нас нет прямых указаний на то, что монеты данного типа проникали на территорию Северного Кавказа, но допустить это все же возможно. Так, в собрании музея города-курорта Сочи хранится каппадокийская тетрадрахма Антиоха VII (МИГКС ОФ 8214/52), впрочем, в музей она попала как таможенный конфискат. Изначальное ее происхождение, к сожалению, неизвестно. Также нам известно о находке плакированной подделке каппадокийской тетрадрахмы Антиоха VII на территории Воронежской области. Однако, обстоятельства находки и ее точная локализация остаются неизвестными. Косвенным подтверждением распространенности данных монет может служить воспроизведение портрета Антиоха VII на монетах средневековой восточно-малоазийской династии Артукидов (XII–XV вв.), адаптировавших для своих выпусков иконографию некоторых античных и византийских монет.

В чем же отличие «варварских» от «неварварских» подражательных выпусков? Прежде всего отметим, что, используя термины «варварский» и «неварварский», мы не подразумеваем доминирование (стилистическое, экономические и, в целом, цивилизационное) одного над другим. Термин «варварское подражание» стал общим

²¹ См. *Meadows A.* 2001, 53–63.

местом в историографии для обозначения копий или имитаций античных монет в культурах, географически периферийных античной ойкумене. Как мы отмечали в нашей работе, «варваризация» в данном случае подразумевает не упрощение или примитивизацию оригинального нарратива, но построение нового нарратива на базе иной знаково-иконической системы²². Точно таким же образом, под «неварварскими» мы понимаем имитации, выпущенные не на слабо эллинизированной периферии, а в политических образованиях, хорошо знакомых с монетой.

Весьма логично, что и «варварские», и «неварварские» подражания используют в качестве прототипа узнаваемую монету, к которой у целевого потребителя существует определенное доверие. Иными словами, можно считать, что эти выпуски были вызваны, прежде всего, стремлением извлечь определенную экономическую выгоду. Разница заключается лишь в том, что в случае с периферией, где оригинальные монеты обращались только эпизодически, возможны стилистические девиации, в то время как подражания, относящиеся к продукции эллинистических государств, практически в точности копируют оригинал.

Куда более существенное различие между этими двумя типами подражаний заключается в особенностях их обращения. Так, «варварские подражания» имеют относительно локальное хождение. Действительно, такие подражания редко встречаются в кладах вместе с оригинальными выпусками, что говорит о их относительно небольшой роли даже в локальной экономике. Судя по количеству известных экземпляров, объемы эмиссий «варварских подражаний» не были велики, а сами выпуски не были системны. Напротив, «неварварские подражания» участвовали в обращении и вместе со своими прототипами, и самостоятельно. Они нередко и обильно присутствуют в кладах, демонстрируя весьма существенную роль в денежном обращении отдельных регионов. При этом, подражания из Коммагены не представляют собой в этом смысле единую категорию. Так, если первая группа этих подражаний соответствует аттическому весовому стандарту, то остальные три никак с ним не коррелируют, что подразумевает их локальное обращение²³.

²² *Смирнов С.В.* 2021, 226.

²³ *Hoover O.* 1998, 73.

Как уже было отмечено, можно признать и разницу стилей «варварских» и «неварварских» подражательных выпусков, заметную даже при первом, самом поверхностном знакомстве с материалом. Однако в этой разнице не стоит, на наш взгляд, видеть художественную деградацию «варварских подражаний». Дело в том, что эти подражания не были рассчитаны на совместное обращение с оригиналом, а также не предназначались для аудитории, хорошо знакомой с монетой-прототипом. Напротив, подражания (копии), например, монетам Антиоха VII из Каппадокии полностью копируют оригинал, поскольку предназначались для денежного обращения, частью которого были оригинальные выпуски Антиоха VII из Антиохии²⁴. Любопытный пример демонстрируют коммагенские подражания драхам Деметрия I. Первая группа этих подражаний полностью копирует монеты Деметрия и, вероятно, предназначалась для совместного обращения. Напротив, три остальные стилистически сильно отличаются от оригинала (искаженная легенда, упрощенное портретное изображение и т.д.), что сближает их с «варварскими подражаниями».

Итак, анализ подражаний монетам Селевкидов, выпущенных на территории древней Коммагены и Каппадокии, демонстрирует различие между так называемыми «варварскими» и «неварварскими» имитациями не только в вопросах стилистики, но и в особенностях обращения. Стоит отметить, что для периферийных народов, слабо знакомых с монетой, выпуски подражательных серий должны были восполнить отсутствие оригинальной монеты. В случае же с чеканкой подражаний эллинистическими государствами, эмиссии этих монет, игравшие важную роль в экономике, были только дополнением либо регулярно производившейся собственной монеты (как в Каппадокии), либо уже известной и обращавшейся иностранной монеты (как в Коммагене). Именно это обстоятельство и можно считать ключевым в определении отличий двух типов подражаний.

²⁴ Объяснить появление таких подражаний только влиянием моды едва ли возможно. Как отмечает С.А. Коваленко (*Коваленко С.А.* 2007, 118–119), в классический период, действительно, представления о престиже могли быть причиной заимствований, но, скорее, только отдельных мотивов или изображений, но лишь в редких случаях монетного типа целиком.

Стилистические особенности, как было показано на примере коммагенских подражаний, не всегда были признаком «варваризации». Напротив, то, что можно было бы назвать стилистической деградацией изображения, подразумевает не общекультурный и цивилизационный упадок, но, скорее, локальное предназначение монет с данным изображением.

ОТ СЛОВА — К ДЕЛУ

ВЕРБАЛЬНОЕ И ФИЗИЧЕСКОЕ ВАРВАРСТВО КАК ИНДИКАТОР ЦИВИЛИЗОВАННОГО ОБЩЕСТВА

М.В. Кузьмина

Цивилизация как культурная парадигма может определить и осознать себя только через сопоставление с иной парадигмой, которая с ней не совпадает. При этом эта иная парадигма, в данном случае, варварство, противопоставляется цивилизованности — основной характеристике цивилизации¹ — и играет роль индикатора отклонения от этой характеристики. Цивилизованность имеет в виду такие отношения и действия людей, которые являются конструктивными, направленными на улучшение жизни, способствующими развитию и обогащению цивилизации. Нецивилизованность напоминает людям о дикости и варварстве, выражает насильственный, агрессивный характер отношений и действий для достижения своих эгоистических и низменных целей в противовес цивилизованности, которая обозначает мирный, ненасильственный характер человеческих отношений во всех сферах жизнедеятельности людей².

Современное определение варварства включает дикость, жестокость, бесчеловечность, невежество, бескультурие, разрушение ценностей, нарушение законов и принятых норм общественной жизни, отсутствие дисциплины и ответственности перед обществом³. Эти проявления имеют в своей основе как социальные, так и физиологические факторы, особенно если мы анализируем гендерные отношения, в которых злонамеренные варварские действия порождены противоположностью мужского и женского начал⁴. Одна-

¹ Алексеев С.В. 2007, б/с.

² Мельник В.И. 1999, 28–32, 53.

³ Буданова В.П. 2022, 13–14.

⁴ Буданова В.П. 2022, 15–19.

⁵ Dictionnaire ancien français (Moyen Âge). — www.lexilogos.com (октябрь, 2023).

ко характеристики, в целом присущие варварскому поведению, тем не менее в конкретных социокультурных условиях могут приобретать специфические черты и смысловые нюансы. Так словарь средневекового французского языка, основывающийся на лексике средневековых текстов, определяет варвара — «barbare» — как «étranger» — то есть, того, кто не принадлежит к определённому обществу, иностранец; кто не входит в семью, не относится к кругу близких; враждебный; у кого странный характер; и как «sauvage» — дикий, нецивилизованный, избегающий общества (из-за застенчивости), жестокий, иностранец, страшный, неумелый⁵.

При этом общество может не определять поведение своих членов как варварское, но понимая пагубность последствий таких злонамеренных действий, оно всегда вырабатывает те или иные формы противодействия этому, по сути, варварскому, самовыражению, наносящему вред социальному порядку.

Для варварского поведения в психологическом измерении характерны вспышки агрессии, получающие зримый выход, когда по каким-либо причинам внутренние природные механизмы не смогли эту агрессивную вспышку сдержать. И если некоторые индивиды могут ограничиться вербальными провокациями, то другие сразу, без предварительных попыток уйти от конфликта, переходят к физическому насилию⁶.

Насилие не всегда имеет отношение к варварству, например, выраженное в определённых формах насилие государства над своими гражданами. Но бытовое насилие в семье, ущербные межличностные отношения в виде насилия одного человека над другим, выражающееся в попытках одной стороны принудить другую к чему-либо не только словами, но и через применение грубой физической силы — это однозначно можно квалифицировать как варварское поведение. Агрессия и насилие связаны не только с физиологией, психологией человека, но они имеют и социокультурные причины, имеющие внешнее выражение в абсолютном пренебрежении интересами других людей, неуважении и несоблюдении морально-этических норм социума, в попытках любыми, даже выходящими за пределы дозволенного, способами добиться желае-

⁶ Буданова В.П. 2022, 18.

мого. Цель варварского поведения, зачастую не имеющего рациональных интенций, нанести ущерб — моральный и материальный, что, в свою очередь, влечёт за собой проблемы как в рамках социальной группы (семья, профессиональное объединение, сословие и т.д.), так и в масштабах всего общества.

Можно предположить, что для периода позднего Средневековья (XIV–XV вв.) первенство модели варварского поведения в виде физического насилия в межличностных отношениях не всегда очевидно, что было характерно для варварских сообществ раннего этапа средневековой истории⁷, хотя невозможно и отрицать распространённость применения физического насилия как одного из действенных способов достижения целей. Зачастую этому может предшествовать стадия вербальных конфликтов, участники которых пытаются нанести вред, подвергая диффамации, унижая, оскорбляя друг друга в глазах сообщества, и доходя в этом до осознанного распространения клеветы, порочащих слухов и сплетен.

Цель статьи состоит в том, чтобы показать на французском материале XIV–XV веков формы проявления вербального и сопряжённого с ним физического варварства, которые социум пресекал, а с какими из них, вынужден был отчасти мириться.

Человек — существо социальное, но подвластное и природным инстинктам, в которых агрессия играет важную роль. Внутривидовая агрессия, по словам К. Лоренца, характеризующая отношения не только между животными, но и людьми, весьма опасна. Если агрессия в основе своей и является инстинктом, направленным на сохранение вида, то для социума она опасна своей непредсказуемостью, спонтанностью возникновения, и, следовательно, влечёт за собой тяжкие последствия. Она возникает и по различным психофизиологическим причинам (например, невозможностью удовлетворить свои основные инстинкты, различные болезненные состояния и болезни и т.д.), но также и из-за недостаточности (а для современного общества можно, вероятно, говорить и о переизбытке) социальных контактов или из-за их полного исчезновения⁸, невозможностью реализация себя в обществе. Однако и варварское поведение может

⁷ Буданова В.П. 2022, 18.

⁸ Лоренц К. 1994, 16–27.

стать причиной отторжения индивида из той социальной среды, к которой он принадлежит.

Вербальное варварство выражается в использовании обсценной лексики: уничижительных слов, грязных намёков (эвфемизмов) и оскорблений, вульгарных слов, проклятий. Это непристойная лексика, недопустимая, запрещённая в конкретном сообществе, социальной группе. Хорошие манеры, напротив, в социальной жизни играют важную роль торможения агрессии, в создании социальной общности между её членами⁹.

Вербальное и физическое варварство часто дополняют друг друга. При этом формы, в которых варварство проявляется, довольно многообразны: от нарушения морально-этических норм до самых грубых поступков и преступных деяний.

Очень интересный материал по обозначенной в статье проблеме дают так называемые «письма прощения» (помилования), которые от верховной власти во Франции XIV–XV вв. получали люди, повинные в совершении разного рода преступлений. Выдавая такие письма, власти, очевидно, полагали, с учётом причин совершения преступления, что последствия от таких поступков не несут серьёзной угрозы социальному миру, а люди, их совершившие, не нарушают радикально общественный порядок, ибо в противном случае они были бы казнены. В одном из писем читаем следующее:

«Сен-Жермен-ан Лэ, январь 1399 г. [От имени короля Карла VI]... Мы получили смиренную просьбу от близких друзей Робена Руссея из города Рони, бедного молодого человека, крестьянина...: Совсем недавно он отправился в дом Гийома Рикедана в городе Блатрю (Blatru), где он выпивал и ужинал с этим Рикеданом и его женой. Во время ужина они принялись разговаривать и развлекаться, обсуждая, у кого больше membre (пенис). Рикедан поспорил на две пинты вина, что у него penis больше, чем у Робена. И как только упомянутый Робен первым показал свой penis, он сказал, чтобы и Рикедан сделал то же самое, или он не получит вина. Рикедан не захотел. Поэтому Робен схватил Рикедана за рубашку, чтобы тот не ушёл, и потребовал показать penis. Это не понравилось Рикедану, он отбежал со словами, что если Робен ещё раз дотронется до него, это све-

⁹ Лоренц К. 1994, 38–39.

дёт его с ума. Тогда Робен, злой от стыда, что он-то показал свой пенис, а также от того, что Рикедан тоже разозлился на него, взял маленький нож, лежавший на столе, и бросил (без замаха) в Рикедана, не ранив его (*sanz lui faire sanc*). В ответ Рикедан двинулся на Робена, выкрикивая ругательства и отвратительные оскорбления. Робен, возбуждённый этим и будучи сильно пьяным, взял палку для игры (*billart*), которую принёс с собой в дом и которой играл в этот день в шары, и ударил ею Рикедана по голове так, что тому пришлось присесть у очага. Совершив это, упомянутый Робен вышел из дома, а Рикедан сам закрыл двери. Робен отправился туда, где, как ему казалось, будет лучше. Наутро же Рикедан умер (расстался с жизнью)...

[Получено прощение... Робен получил 2 месяца закрытой тюрьмы и поражение в гражданских правах]¹⁰.

Сделаем акцент на нескольких моментах. Во-первых, состояние агрессии у одного из спорщиков, подогретых алкоголем (что также может являться одной из усвоенных с детства норм мужского поведения, как и модель агрессивного поведения в быту в целом¹¹; доминирование мужчины в социальной жизни и в гендерных отношениях¹²), вызвано нанесёнными словесно оскорблениями, предосудительным поведением одного из участников конфликта, которое было инициировано сомнениями в мужской состоятельности, поскольку мужские гениталии — это символ власти, силы, сексуального успеха у противоположного пола. Во-вторых, попытки соучастника попойки решить конфликт мирным путём, то есть цивилизованно, провалились под натиском утратившего самоконтроль агрессора. В результате от оскорблений и ругани он перешёл к делу — ударил мужчину по голове, что привело того к смерти. Вербальный конфликт перешёл в прямое физическое столкновение, так как слова умиротворения не оказали должного эффекта. Пред-

¹⁰ *Choix de pièces inédites*. 1864, 240–241. Перевод текстов источника здесь и далее сделан мной — *М.В. Кузьмина*.

¹¹ *Иоффе Е.В.* 2017, 53.

¹² *Иоффе Е.В.* 2017, 53. Исследователи выделяют несколько компонентов мужской роли: необходимость отличаться от женщин; необходимость добиваться успеха и опережать других мужчин; необходимость быть сильным, независимым и не показывать слабость; необходимость обладать властью над другими; сексуальность.

положим, что варварское в поведении проявляется сначала в вербальной форме, а затем непосредственно в физическом насилии, в основе чего лежит неспособность (по разным причинам) и нежелание идти по пути мирного разрешения конфликтной ситуации. Вербальная стадия — брань и оскорбления, наносимые с целью унижения противника — также являющиеся чертами варварского поведения в межличностных отношениях, и могут служить индикатором отступления от норм поведения цивилизованного человека. Переход к физическому насилию может не следовать за первой фазой, а грубое насилие не всегда является более опасным в этом обществе, где безусловное главенство вербальных форм общения и передаваемая изустно информация, способны погубить доброе имя и деловую репутацию, исторгнуть человека из его среды с утратой поддерживающих его связей. Таким образом, диффамация, может рассматриваться как не менее опасное явление, чем убийство или драка. Наказание поэтому оказалось довольно мягким. Возможно, власти сочли, что в намерение не входило убийство, а оскорблённый унижением человек достоин снисхождения, поскольку нанесенный ущерб его реноме — социальному идентификатору. При этом варварские, по сути, действия нападавшего, приведшие к убийству соучастника пирушки, могут не рассматриваться в данном контексте как нецивилизованные. Это вопрос приоритетов, когда одна нецивилизованная форма отношений и действий замещает другую — более опасную и угрожающую более серьёзными социальными последствиями. Таким образом, варварские формы поведения постоянно возобновляются и продолжают функционировать.

Следующий пример также демонстрирует столкновение двух типов поведения: варварского и цивилизованного, когда одна из сторон пытается решить вопрос путём уговоров в рамках норм поведения, принятых в обществе, а другая — только в форме вербального и физического унижения противной стороны.

«Париж, февраль 1390. Прощение (помилование) купцу, продававшему ножны, фуляры, ларцы на ярмарке в Крепи, что в Валуа, который, ввязавшись в ссору с монахом (religieux) по поводу своего товара, убил его. [От имени короля Карла VI]...

Со стороны близких друзей Жеана ле Воля (Jehan le Voel¹³), скромного торговца ножнами, проживающего некоторое время назад в Санлисе, нам было представлено следующее:

В день Святого Арнуля в прошлом году названный Жеан ле Воль поехал в Крепи в Валуа на ярмарку. У него были на продажу несколько ножен и маленьких ножей, подвешенных на шест, сундуки и другие товары (degrées), которые купцы обычно имеют. На ярмарке к этому шесту подошла одна благородная дама (demoiselle) в сопровождении экуйе¹⁴ (escuier) и начала торговаться по поводу одного из 10 сундуков, украшенного латунными накладками и который Жеан продавал ей за 10 парижских су, а она давала за него 4 су. В это время мимо проходил бенедиктинский монах по имени Рено Биллуар (Regnault Billoirt), спросивший у упомянутой дамы, что она тут делает. Та ему ответила, что хочет купить сундук и предлагает за него 4 су. На что монах сказал, что этот сундук стоит не больше 2 су. Упомянутый Жеан возразил монаху, что сундук стоит больше. Монах же снова сказал ещё громче, что сундук стоит не больше 2 су. Жеан ответил: «Я не знаю, кто вы, купец ли вы, но если бы у вас был сундук с замком, вы бы не смогли украсить его металлом за 2 су, а если бы вы были купцом, то нигде не смогли бы заработать на продаже больше, чем мне предлагаете». И тогда этот монах взял упомянутый сундук, бросил его на землю и растоптал ногами. Жеан воскликнул: «Господин! (Sire) Что вы делаете? Что вам нужно от моего товара?». Монах тут же взял другой сундук, говоря: «Паренёк, ты будешь побит», и бросил этот второй сундук в Жеана, который, чтобы не получить удар и не пораниться, увернулся. Сундук упал на шест с товаром, в результате чего отсоединилось кольцо с висящими на нём ножами. Сразу после этого монах снова обратился к Жеану со словами: «Паренёк, ты будешь избит прежде, чем покинешь этот город», на что Жеан ответил: «Господин, я не мальчик, также как и вы. Я прошу оставить меня с миром (в покое). Вы нанесли мне

¹³ Считаю возможным предложить перевод имени «Jehan» не как «Жан» (Jean), а как «Жеан» (или в женском варианте — Жеанна (Jehanne)). Немая «h», стоящая в середине слова, служит разделительным знаком между гласными и в современном французском языке, что даёт основание для такого прочтения.

¹⁴ Дворянин без титула.

ущерб, и если бы здесь был бальи¹⁵, я на вас ему пожаловался бы». После этого он снял нож со своего шеста и тихо сказал монаху: «Господин, отойдите и больше меня не бейте. Если вы меня ударите, я вас тоже ударю». Когда монах увидел, что не может достать Жеана, он схватил упаковку с ножнами и другим товаром и, сделав вид, что хочет её кинуть в голову Жеана, бросил всё на землю. Добрые люди, присутствовавшие при этом, говорили монаху: «Господин, вы неправы, что вы требуете от этого купца? Он от вас ничего не требует». А монах ответил: «Кровью Христовой (клянусь) (par le sang Dieu), что он будет побит». Затем он отошёл, чтобы взять палку и тотчас вернулся к Жеану, который собирал свой товар, разбитый монахом, и снова сказал ему: «Кровью Христовой клянусь! Чего бы это мне ни стоило, ты будешь побит». Монах, показав всем своим видом, что собирается этой палкой стукнуть Жеана по голове, крепче сжал палку руками, вытянул её вперёд и снова попытался ударить. Тогда Жеан, видя, что тот старается его ударить и оскорбляет (féru et vilené) без причины, чтобы прекратить буйство и насилие со стороны этого монаха, опасаясь, что тот может или его убить или лишиться рассудка, выбил палку, обхватил монаха руками и маленьким ножом, который он снял со своего шеста, ударил его в бок, от чего последовала смерть этого монаха (la personne d'icellui religieux). [Жеан был изгнан из страны. Прощение адресовано бальи Санлиса с примечанием, что этот монах был человеком сварливым (скандальным) и любителем учинять ссоры, дурного поведения (de mauvaise vie), развратным и любителем устраивать скандалы и драки...]¹⁶.

Купец Жеан ле Воль, выступая в описанной ситуации стороной, которая в соответствии с принятыми нормами поведения христианина, пытается выйти из сложной ситуации путём соглашения с нападающим на него монахом, не только оскорбившим его, но и испортившим товар, то есть причинившим ещё и материальный ущерб, являет (наравне с присутствующими на ярмарке «добрыми людьми») цивилизованную модель поведения. Возможная апелляция к бальи — представителю власти — также указывает на то, что

¹⁵ Представитель короля, осуществляющий от его имени административную, судебную и военную власть на территории административно-территориальной единицы — бальяжа.

¹⁶ Choix de pièces inédites. 1864, 142–145.

такого рода конфликты с нанесением материального ущерба и публичных оскорблений находились в зоне внимания королевской власти и судебных органов как нарушающие социальный порядок и мир. Именно поэтому за убийство монаха ле Валь не понёс серьёзного наказания, тем более, что монах Рено Биллуар был охарактеризован как сварливый (скандальный), любитель учинять ссоры, устраивать скандалы и драки, в целом дурного поведения (*de mauvaise vie*), развратный. Можно сказать, что перед нами портрет средневекового варвара, чей облик далёк от образа истинного христианина, который по определению не может быть варваром.

Конфликт прошёл две стадии, и, как говорится, стороны перешли от слов к делу: от вербальных грубых форм, подогревавших стороны, к прямому физическому насилию. В этом случае убийство — акт, выходящий за рамки цивилизованного поведения, тем не менее, был оценен мягче, чем можно было бы ожидать, поскольку поведение убитого монаха постоянно нарушало социальный мир, который важнее жизни отдельного человека с такой ужасной репутацией.

Понятие «варвар» в конкретных исторических условиях приобретает специфические характеристики, отражающие особенности исторического периода.

«Париж, октябрь 1408. [От имени короля Карла VI]... Мы получили смиренную просьбу (прошение) Гийомена Буржуа (Guillemin Bourgoiz), бедного молодого человека, обжимщика простыней (foulon), проживающего в Пуасси.

*В день ... Пасхи в этом году, около 8 часов вечера он перебросился несколькими словами с Марион, в то время горничной и служанкой Жеана Кана (Jehane Cane), священника и викария церкви Нотр-Дам де Пуасси, и с женой... просителя. Сам проситель и его жена говорили и обвиняли эту Марион в том, что она их обвинила перед священником из Пуасси. О причине, по которой их обвиняли, они знали и сожалели. Марион ответила, что не имеет причины кроме той, что с тех пор как они пришли жить на их улицу, постоянно случаются шум и ссоры, и что этот человек (проситель) ничего из себя не представляет, его называют *негодяем (larron)*, он остерегается показываться в своём краю и даже стоял у позорного столба (*il avoit esté tourné au pi-**

logy¹⁷). После этих слов Гийомен сказал Марион, что ей не стоит так говорить, что она врёт как *подлая шлюха (faulse putin), сожительница священника и проститутка (maquerelle prestresse)*, коей и является. После сказанных слов проситель удалился в своё жилище, чтобы лечь спать. Это жилище находилось рядом с домом, в котором жила Марион.

Проситель, раздетый, в одной рубашке, находился в своей комнате, когда прислушался и услышал, как Марион говорит, что она пойдёт жаловаться на него к прево¹⁸ Пуасси. А жена просителя находилась внизу дома и держала дверь полуоткрытой, поэтому сказала Марион и другим людям, которые там были, чтобы они с Богом отправлялись спать. Услышав эти слова, появился покойный Жеан Реаль (Jehan Réal), который также жил на этой улице и в доме, который граничил с домом просителя. Он возразил в ответ на слова жены просителя, чтобы она сама отправлялась спать, и что с тех пор, как она и её муж стали жить на их улице и в этом доме, они только и делают, что устраивают шум и ссоры. И повторил, таким образом, всё то, что уже говорила Марион, или нечто похожее, или часть того, что было сказано. Проситель, услышав эти слова, разозлённый и распалённый, словно искушаемый врагом (дьяволом), вышел из своего дома почти раздетый, лишь в одной рубашке, держа в руке нож, и пошёл, туда, где на улице стоял Реаль. Он схватил его и ударил этим ножом один раз по голове, и от этого удара Реаль умер через три или четыре дня, или около того. По этой причине проситель был изгнан из королевства...»¹⁹.

Этот случай более сложный, чем описанные выше. Взаимные оскорбления были довольно серьёзными, поскольку подвергали сомнению реноме участников как порядочных людей, чьё положение

¹⁷ Слова в текстах источника здесь и далее выделены мной. — М. К. Кузьмина. Возможно, речь идёт о специфической пытке, поскольку pillori – «столб с колесом, к которому привязывался осужденный, выставленный на всеобщее обозрение. В Париже это было небольшое сооружение в форме ажурной башни, в центре которой вращался карцер и через отверстия в башне были видны голова и руки осуждённого, просунутые в отверстия» // www.lexilogos.com — Dictionnaire ancien français (Moyen Âge)

¹⁸ Чиновник, осуществляющий от имени короля судебную власть на определённой территории.

¹⁹ Choix de pièces inédites. 1864. 190–191.

в социуме, хотя и не самое высокое, всё же обеспечивало им достойное место в социальной иерархии. Ситуация осложнялась тем, что фактически Марион и священник прилюдно обвинялись в адюльтере — в тяжком грехе, одном из разновидностей греха прелюбодеяния, а Марион ещё и была названа проституткой — женщиной маргинальной профессии, необходимость которой хотя и признавалась обществом, но продолжала всё же считаться презренным занятием. Сам проситель также подвергся диффамации — его назвали «негодяем» (хотя слово *laron* можно перевести и как «вор», «грабитель»), но ведь речь могла идти и о клевете, поскольку бездоказательно было заявлено, что он подвергался публичному наказанию за какое-то преступление. При этом была убита не Марион, а тот, кто публично и, вероятно, очень громко повторил оскорбления и клевету. Попытка просителя замять конфликт на первой стадии, не продолжать скандал не удалась. Агрессия в отношении Марион, всё же решившей закончить перебранку, вылилась на соседа, который продолжал публично порочить просителя и его жену, разрушая репутацию пары. Но и сама семейная пара была обвинена в нарушении соседского мира и порядка на улице, где проживала и, возможно, во всём приходе, поскольку не соблюдала устоявшиеся нормы поведения и проживания. Все участники конфликта проявили нетерпимость и, следовательно, своё внутреннее варварство, приведшее в конечном итоге к физическому насилию. Слова послужили прелюдией к делу, поскольку порог сдерживания внутренней агрессии был усилен вербальной несдержанностью убийцы, и с этим уже нельзя было мириться. Вероятно, суд принял это обстоятельство во внимание и простил убийцу. Все понимали, что разрушенное репутацию, опозоренное имя человека и его семьи может стать причиной потери своей социальной среды, превращая людей в изгоев, т.е. фактически привести к смерти социальной. Цивилизованное общество именно поэтому не может позволить безнаказанно чернить своих членов. В данном случае убийство несдержанного на язык соседа было, вероятно, в конечном итоге прощено и по этим мотивам, то есть фактически оправдано.

На сегодняшний день в психологии существует много теорий о причинах возникновения агрессии. Согласно теории «агрессивного инстинкта», агрессия рассматривается как естественное свойство

человека, а сторонники теории фрустрации делают акцент на том, что агрессия рождается как результат любой неприятной ситуации, причём агрессия не обязательно должна разряжаться на первопричину²⁰, что может объяснить отчасти и поведение бедного обжимщика простыней, о котором мы говорили выше. Теория фрустрации, кстати, объясняет возникновение такого состояния агрессивности негативным опытом человека: неудачами, проигрышами, подавлением его в социальных отношениях²¹.

Теория патриархата выводит существование насилия в семье из главенствующей роли мужчин, а теория гендерных ролей заостряет внимание на роли мужчины в семье и обществе в целом в рамках традиционных представлений, когда вероятность проявления насилия увеличивается в случае появления у мужчины чувства своей бесполезности в жизни и угрозы своей маскулинности. Негативную реакцию может вызывать и излишнее культивирование соперничества между мужчинами, когда насилие становится способом укрепления своего авторитета²². Экстраполирование опыта современной психологии на объяснение поведения людей другой эпохи, полагаем, вполне допустимо, поскольку в каждой из теорий есть то, что помогает историкам, не имеющим возможность непосредственного наблюдения над объектами своих исследований, хотя бы отчасти объяснить внутренние интенции, побуждающие людей вести себя так или иначе.

Примером специфической формы вербальной агрессии (варварского поведения), отразившим реалии французской истории XIV–XV вв., является следующий случай.

«Париж, 5 декабря 1403 г. [От имени короля Карла VI]... Мы получили смиренную просьбу (прошение) близких друзей нашего любимого (amé) и верного (féal) шевалье и шамбелана (chambellan)²³ Филиппа де Виллера (Viller), сеньора де Ласи (Lacy) и д'Эрменонвиля (Ermenonville), содержащую следующее:

Это произошло в понедельник 22 октября этого года. В этот день Филипп де Виллер ужинал в Люзарше (Lusarches) вместе

²⁰ Клёцина И.С., Иоффе Е.В. 2015, 5–6.

²¹ Клёцина И.С., Иоффе Е.В. 2015, 8.

²² Клёцина И.С., Иоффе Е.В. 2015, 9.

²³ Высокий придворный чин.

с нашим любимым и преданным (amé et féal) шевалье Раулем де Гокурром (Gaucourt), сеньором одной части (en partie) упомянутого города Люзарша, и в его доме. После ужина они оба отправились в отель дю Серф (du Cerf), где проживал Жеан Савар (Jehan Savare), а с ним находились покойный Гийом Биллар (Guillaume Billart), в то время прокурор и казначей нашего любимого и верного шевалье и шамбелана Жеана Бета (Jehan Bétas) — сеньора другой части Люзарша, и некоторые другие люди. В присутствии этих людей Филипп де Виллер сказал, что в этом городе и по всей округе он владеет 24 арпанами²⁴, за которые, согласно обычаю (coustumes), он должен платить только 24 парижских су в год, а с него требуют за каждый арпан 4 денье. На что упомянутый Гокур ответил, что Виллер имеет лишь 12 арпанов, за которые должен платить по 4 денье за каждый арпан, а де Виллер продолжал говорить иное. В результате этого спора были принесены регистры, в которых и нашли то, что упомянутый Виллер владеет лишь 12 арпанами, хотя он и говорил, что всегда и по сию пору владеет 24 арпанами. Поэтому Рауль де Гокур возмутился. Много слов они сказали друг другу, в то время как Гокур говорил о том, что это будет стоить ему в будущем уже 500 франков, а из наследства Виллера ему ничего не достанется. После этих слов вмешался в спор Гийо Биллар (Guillot Billart), сказав Виллеру, что и ему ничего не отойдёт из наследства его сеньора. Виллер ничего не ответил Биллару, не сказал ему ни одного слова, продолжая говорить и желая слушать только о своём праве и об этом деле, но потом, разозлившись и возмущившись, назвал Биллара «проклятым вилланом» и «опасным жаком» (*sanglant vilain, treiste jaques*). Биллар ответил, что он не таков, и повторил это несколько раз. А Филипп распалился ещё больше и обозвал Биллара «вилланом, опасным жаком, грязной собакой, сукиным сыном» (*villan, treiste jaques, chien mastin, filz de putin*)²⁵, возражал Биллару и угрожал ему. В свою очередь, Биллар заявил, что Виллер лжёт, говорил о том, что он находится под нашей охраной, поскольку он — прибли-

²⁴ Арпан — старинная французская мера длины, равная $\approx 58,5$ м, квадратный арпан был равен $\approx 3424,6$ квадратным метрам.

²⁵ Chien mastin — буквально «большая домашняя собака», выражение, используемое в качестве оскорбления, filz de putin — сукин или шлюхин сын, treist jaques — «жаками» называли крестьян — участников восстания во Франции в 1358 году, villan — простолюдин (не дворянин).

жённый и должностное лицо Бета, нашего шамбелана, и имеет право на взимание королевской пошрины, то в курсе всего в Люзарше. На что Виллер ответил: «Пусть нас сравнят». И Биллар с достоинством сказал: «Пусть нас сравнят, меня и Филиппа». От этого упомянутый Филипп — знатный человек (noble), из уважаемого линияжа (lignée) и с большим наследием в стране, был оскорблён и унижен словами Биллара — скромного человека (petit), низкого положения (de bas estat) и скромной репутации (petite renommée). В присутствии стольких людей он ударил Биллара кулаком и положил на него руку, одновременно вынув меч, намереваясь им ударить, но его удержал Гокур и другие присутствующие. После этого, ничего не сделав, Виллер первым сел на лошадь и уехал в свой дом в Эрменонвиле, пригрозив отомстить Биллару через 2 или 3 дня. Виллер, обозлённый и разгорячённый нанесённым оскорблением и другими словами Биллара, в ту же ночь или на завтра, но до наступления дня, отправил назад в Люзарш на двух конях экойе Колена дю Кенеля и Симонне де Лориса по прозвищу Секуа (Secoiz). Направив своих слуг и приближённых, вооружённых обоюдоострыми ножами, к Гийо Биллару, он дал им поручение и приказал избить и ранить его ... на следующий день, в среду 23 октября месяца, поздно утром в доме кузнеца и плотника, находившегося рядом с домом покойного Гийо Биллара, они сели в засаду и отправили дочь этого ремесленника узнать, дома ли Биллар, чтобы она потом пришла к ним и рассказала. Та пошла и затем доложила, что он дома и охотно выйдет к ним. Они сели на лошадей и поехали к входу в дом Биллара. Увидев Биллара, один из них нанёс ему удар мечом по голове, причинив серьёзное повреждение, вызвавшее кровотечение. Вонзили также ему большой нож в ногу ниже колена так сильно, что почти что её отрезали. Биллар закричал: «Караул! Убивают!» (Haro! Au murte!). Колен и Симонне сбежали в Эрменонвиле к Виллеру, своему хозяину, который их принял и оставил у себя. От этих побоев и ран упомянутый Гийо Биллар скончался (est alez de vie à trespassement). Из-за совершённого Виллер, сомневающийся в справедливости правосудия, покинул страну... (Получил прощение с выплатой штрафа Раулю де Гокуру)²⁶.

²⁶ Choix de pièces inédites. 1864. 48–51.

Ярко выраженную социальную подоплёку столкновения, когда уважаемому, имеющему хорошее реноме и обширные связи человеку противостоял другой — незнатный, не имеющий подкреплённого родственными связями статуса, хотя и занимающего важную должность, подчеркнула использованная одним из них обценная лексика.

Виллер, униженный только предполагаемой возможностью сравнения его с более низким по происхождению человеком, впал в агрессивное состояние и в вульгарной форме оскорбил оппонента. Достойное поведение визави, посмевшего спорить, спровоцировало выброс грубых оскорблений, призванных указать на низкий социальный статус Биллара — «виллана», «опасного жака», «сукина сына» (по сути — «сына шлюхи»). Таким образом, в арсенал вербальных средств унижения и оскорблений в этот период вошли определения, связанные с историческими событиями и отразившие напряжённые социальные отношения в обществе. Более высокий статус убийцы и его реноме помогли ему избежать слишком сурового наказания.

Любые всплески агрессии — от вербальных до физических — помимо внутренних сдерживающих механизмов, выработанных в ходе эволюции, сдерживаются и контролируются традициями, устоями общества, которые диктуют жёсткие нормы поведения и контроля²⁷. Однако, как можно видеть, люди могут легко переступить через запреты и ограничения даже под угрозой серьёзного наказания. Так средневековое общество, не отрицая роли женщин, всё-таки считало вполне естественным доминирование мужчин над ними, когда физическое насилие, хотя и не поощрялось, но было, как и другие виды насилия, вполне допустимым в определённых ситуациях. Правда, не во всех.

«Париж, март 1381. [От имени короля Карла VI]... Нам — со стороны части близких друзей Пьера Адама и его жены Жеанны (Jehanne) из прихода Эстюиль (d'Estuille) диоцеза Бовэзи, было представлено следующее:

Жеан Дюссар (Jehan Dussart), родившийся в местечке Бетюн названного прихода, своевольно, не сказав никаких любовных слов (*amoureuces*) упомянутой Жеанне, не оказав ей не одного знака любви, пытался несколько раз днём и ночью прийти в сад

²⁷ Лоренц К. 1994, 40–55.

этой супружеской пары и проникнуть в их дом против их желания для того, чтобы иметь плотскую связь с этой Жеанной, которая является добропорядочной женщиной (*bonne femme*), не имеющей не единого упрека в каком-либо плотском грехе (*réchié de corps*). Чтобы добиться желаемого, он несколько раз публично на улице, где она живёт, обозвал её *шлюхой* (*putin*). Это стало известно официальным лицам (*official*) в Бове, и этот Жеан был вызван в суд, где был принужден объясниться и возместить ущерб по этому факту, поскольку он был женат. Было объявлено, что должен быть заключён мир в присутствии судьи, так как Жеан своими действиями разрушает и разбивает эту семейную пару. Он отказался от мира, и исчез на четыре или более недель. Вернувшись в город в прошедшее Сретенье Господне (*Purification*) в сопровождении двух персон, вооружённых луками, стрелами, пиками и боевыми топориками, упомянутый Жеан в воскресенье после Сретенья в час ночи отправился к приходскому кладбищу, где были люди, которые танцевали, и в том числе эта супружеская пара. Держа в руке лук и стрелы, со щитом и с большим ножом за поясом, он схватил эту Жеанну за руку против её воли, чтобы потанцевать. Она тотчас вырвала свою руку, но он снова приблизился к ней. Тогда Пьер сказал ему, чтобы он оставил его жену в покое, а тот ответил, что не сделает этого и не будет сожалеть, при этом продолжая им угрожать. Чтобы прекратить ссору и шум и воспрепятствовать низкому желанию Жеана, оба супруга ушли с этого праздника, отправившись домой. Они удалились довольно далеко, когда Жеан, вознамерившись исполнить своё гадкое желание, последовал за ними и как только оказался рядом, вытащил меч и взял в руку пику. Когда Жеанна узнала его, она сказала своему мужу Пьеру: «Берегитесь!». Тогда Пьер, тоже взяв меч и щит в руки, обратился к Жеану: «Я вас прошу, оставьте нас в покое, мы же ничего у вас не просим». А Жеан, не останавливаясь, побежал к Пьеру, чтобы его ударить, ранить или убить. Пьер, чтобы защититься, схватил его руками, бросил на землю себе под ноги и ударил ножом так, что тот от этого удара умер... За это супруги были изгнаны из страны»²⁸.

Не слишком суровые последствия. Варварское поведения одного — угрозы, оскорбления, непристойные предложения, позоря-

²⁸ Choix de pieces inédites. 1864, 131–133.

щие супружескую пару с хорошим реноме, попрание многих христианских этических норм (в частности, нападавший был женатым человеком, что усугубляло его вину в отношении чужой жены) и покушение на убийство, было подавлено таким же варварским актом — убийством агрессора, поскольку цивилизованно решить проблему было уже невозможно. Причины, вызвавшие такую агрессию и злонамеренное упорство в достижении неприглядной цели, фактически попытки изнасилования, следует искать в социокультурных особенностях средневекового французского общества. Воровство, наравне с убийством, фальшивомонетничество в середине XIV в. уже считалось тяжким уголовным преступлением, за которое полагалась смертная казнь. Если кража признавалась совершённой впервые и украденное было возвращено владельцу, то преступника наказывали изгнанием из родного города, а его собственное имущество отходило в королевскую казну²⁹.

По моему мнению, проявление вербального и физического варварства является одним из наиболее явных показателей уровня цивилизованности общества. Грубость, жестокость, неуважение к принятым нормам, проявление «дикого» в человеке — характерные черты варвара, помогающие распознать, охарактеризовать его и принять меры противодействия, которые вырабатывает любое цивилизованное общество. В то же время вербальные формы варварства отражают особенности, характерные для конкретного социума на определённом этапе истории, подтверждая мысль, что определение варвара и варварского поведения не статично.

Цивилизованность как стиль поведения в рамках средневековой цивилизации тесно граничит с варварским поведением, некоторые формы которого продолжают вполне терпимо восприниматься обществом, если они не переходят границы допустимого. В таком случае общество в попытках защитить себя от наиболее опасных, вредоносных проявлений варварства, нарушающих мир и порядок, может оправдать наименее варварские по своим последствиям, с точки зрения гуманности данного общества, деяния.

Диффамация как способ разрушения реноме человека, наносившая урон его социальной жизни, играла в средневековом обще-

²⁹ *Тогоева О.И.* 2006, 69.

стве роль своеобразного регулятора взаимоотношений. Потеря ре-
номе угрожала разрывом социальных связей как внутри группы, так
и на уровне социума в целом, а это уже представляло угрозу уста-
новленному порядку этого общества, где каждый должен занимать
определённое место и выполнять определяемые этим местом функ-
ции. Именно поэтому вербальные формы варварского поведения,
замешанные на унижении имени, репутации, принижении статуса
(достоинства) — даже мнимых — могли пресекаться жестоко тем,
кто стал объектом агрессии. Человек был вынужден сам прибегнуть
к вербальной, а затем и к крайней форме проявления варварства —
убийству. Варварский метод решения проблемы несколько оправ-
дывался причинами, приведшему к нему, что и отразили «письма
прощения» (письма о помиловании).

В ЛАБИРИНТЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

СОВРЕМЕННЫЙ ДИСКУРС О ПРОИСХОЖДЕНИИ БРЕТОНЦЕВ ТЕНДЕНЦИИ КЕЛЬТОСКЕПТИЦИЗМА

М.К. Любарт

Не так давно уверенность, в том, что бретонцы, населяющие западный французский регион Бретань, — по своему происхождению кельты, казалась незыблемой. Выражения типа «Бретань — кельтский регион», «бретонцы — одна из шести кельтских наций» и подобные, являются распространенными клише.

В науке точка зрения о кельтском происхождении бретонцев — выраженная в огромном количестве трудов, статей в энциклопедиях, и т.д. была, пожалуй, общепринятой на протяжении около двух столетий. Существуют и многие формальные проявления признания бретонцев кельтским народом в научной институционализации. Например, с 1969 г. в Университете Западной Бретани (г. Брест) ведет свою работу «Центр бретонских и кельтских исследований» (Centre de recherche bretonne et celtique — CRBC), существует специализация и диплом по кельтологии (с включением в нее бретонской истории и культуры) как в рамках высшей школы, так и в специализации старших классов средней школы региона Бретань.

Кроме того, является фактом признание бретонцами себя частью кельтского мира, что выражается в их участии во многих международных интеркельтских сообществах и культурных мероприятиях, в существовании идей панкельтизма и общекельтской символики, в том, что бретонские города являются побратимами с городами в других кельтских странах. Не говоря уже о том, что

репрезентации принадлежности Бретани к кельтской истории и культуре столь многочисленны в общественном городском и виртуальном пространстве.

Идея о кельтском происхождении является одной из главных составляющих (этно) культурной идентичности бретонцев, развивавшейся на протяжении долгого времени. Она укреплялась в значительной степени интересом к древней и загадочной культуре кельтов, — кельтоманией, точнее даже несколькими ее волнами.

Однако в последнее время в научных работах, прессе и научно-публицистических публикациях на просторах интернета встречается все больше размышлений и о том, кто такие кельты, и сомнения в том, что бретонцы по своему происхождению являются кельтским народом. Заголовки в периодике типа «Говорят, бретонцы не являются кельтами» («*Qu'on se le dise : les Bretons ne sont pas celtes*» газеты «*La nouvelle Republique*»¹), «А кельты ли бретонцы?»² появляются все чаще.

Сомнения в устоявшейся точке зрения стали заметными в научных публикациях около десятилетия назад, хотя в устном выражении мне доводилось их слышать и раньше, в том числе и от специалистов CRBC.

В 2022 г. — с 18 марта по 4 декабря в Музее Бретани (г. Ренн) прошла выставка, посвященная истории и культуре Бретани, с говорящим названием «*Celtique?*» («Кельтская?»). Экспозиция сопровождалась научным изданием исследователей музея, рассуждающих на тему начальных этапов формирования бретонцев и Бретани с учетом новых позиций. Вопросительный знак в названии выставки вызвал небывалую волну реакции тех, для кого утверждение, что бретонцы — кельты, является неопровержимой истиной. Дискуссия имеет отклик в СМИ, интернете, научном пространстве.

Что же случилось, что привело к сомнению столь устоявшихся взглядов на то, что бретонцы — народ кельтского происхождения? Как такое возможно, учитывая, что признание бретонцев «кельтским народом» имеет немало исторических обоснований и большую ис-

¹ См.: <https://www.lanouvellerepublique.fr/france-monde/qu-on-se-le-dise-les-bretons-ne-sont-pas-celtes> (октябрь, 2023).

² *Le Lez J.-J.* Les Bretons sont-ils des Celtes ? — <https://www.retro29.fr/les-bretons-sont-ils-des-celtes> (октябрь, 2023).

торическую традицию? Как быть с тем «железным фактом», что бретонский язык, с его четырьмя диалектами, относится к бриттской группе кельтских языков и родственен языкам других кельтских народов, прежде всего валлийскому и корнскому? Как быть с тем, что многие элементы бретонской культуры имеют немало сходства с культурой других «кельтских наций»? Что эти народы чувствуют свою общность, которая манифестируется в разных формах — от международных фестивалей и сообществ, до создания общекельтской символики. И кто же они тогда, эти бретонцы, которые сами, кстати сказать, относят себя к кельтским народам и так очевидно демонстрируют свою гордость этим обстоятельством?

Предлагая читателю свою точку зрения на эти вопросы, я исхожу из того, что попытки пересмотра этой составляющей происхождения бретонцев, являются довольно важными и с исторической точки зрения, и с точки зрения проблем этнологии и социокультурной антропологии.

Обращение к изучению глубокой древности, истоках происхождения народа, в частности бретонцев, находятся в двух парадигмах — научного дискурса о проблемах европейской протоистории, и общественно-политического — дискурса весьма идеологизированного, который является частью процессов построения идентичности. Ведь поиск исторических корней, их мифологизация, направленная на доказательство идеи об «особом» происхождении народа, — весьма характерная черта конструирования идентичности, в особенности, когда стоит задача ее «коррекции» в более привлекательную сторону.

Мифологизация своих корней и происхождения — знакома этнологам на примере целого ряда народов. Она была характерна и для историй о происхождении бретонцев: в разные исторические эпохи «обосновывалось» их появление от легендарных троянцев, римлян, галлов, кельтов (в более широком понимании), финикийцев. Представление о том, что народ, его государство не могут существовать без какого-либо престижного «начала» своей истории было важным для людей далекого прошлого, видимо для того, чтобы «легитимировать» свое существование, обосновать свой суверенитет.

В Средние века истории происхождения изобретались священниками и летописцами, которые выбрали для бретонцев троянско-римских предков, что позволило связать начало их истории с (пре-

стижной) древностью греко-латинского мира и Книгой Бытия. Эти версии просуществовали несколько веков (IX–XVI вв.), наиболее распространенная из них отражена, например, в «*Historia Brittonum*» (ок. 829 г.), приписываемой Неннию, где предпринимается попытка составить генеалогию мифического Брута, правнука Энея Троянского, от имени которого будто бы произошло название Британии и бриттов. Эта «генеалогия» Брута с XII в. была поддержана Гальфридом Монмутским в «*Historia regum Britanniae*» (1136 г.), автор которой разработал более полную версию о легендарном Бруте.

«Игра слов между именем героя Britto, Britus или Brutus и названием народа бретонов, Brito, Britones, должно быть, повлияла на эту воображаемую конструкцию»³.

«История» Г. Монмутского на долгое время стала неким «историческим справочником», к которому относились как к авторитетному. К версии «начала» бретонцев от Брута впоследствии добавилась и история, связанная с именем Конана Мериадека, еще одного героя с Британских островов, считавшегося родоначальником независимых правителей Бретани.

В Средние века политические или воображаемые истории, часто связывают Бретань с кельтскими отсылками. С Бретанью связываются события так называемых романов «бретонского цикла», с такими героями как король Артур, волшебник Мерлин, Тристан и Изольда.

Бретонские версии своего происхождения и представлений о себе находились в некоторой «конфронтации» с тем, как их воспринимали соседи, — франкские, а затем и французские авторы, которые не слишком жаловали королевство, а затем герцогство Бретань, казавшееся им «неплодородной землей, с народом неверующим и неверным, с непонятным языком»⁴. Не лестным образом описывал бретонцев Эрмольд Черный в своей поэме «Прославление Людовика», посвященной походу Людовика Благочестивого в Бретань (в 818 г.). Рауль Глабер в XI в. описывал бретонцев как «совершенно чуждых любой цивилизации», а в том же столетии Гийом де Пуатье характеризовал их как имеющих нравы «на манер варваров»⁵.

³ Rio J. 2008, 21.

⁴ См. об этом: Cornette J. 2008, 157–158.

⁵ Le Coadic R. 1998, 119; Cornette J. 2008, 156.

Некоторые «характерные черты», которые средневековые авторы находили у бретонцев, приписывались им и позднее, в том числе, когда Бретань (в 1532 г.) уже была присоединена к Франции. Так, не вызывал положительных чувств бретонский язык, сильно отличавшийся от французского, например, в 1629 г. у Ж. Де Лей. Он утверждал, что «вместо того, чтобы говорить, они, кажется, издают всплески голоса и скрежет зубов», подобные высказывания встречались и у других авторов в начале Нового времени и позднее⁶. Неприятные высказывания о других элементах бретонской культуры, приверженности к суевериям, можно было встретить еще и в конце XIX в. Со времен средневековья стало также принятым порицать бретонцев за пристрастие к алкоголю⁷.

Понятно, что такой «пезоративный имидж» не мог нравиться бретонцам, которые к тому же, имели большой исторический опыт государственной самостоятельности, своеобразия культуры.

Эпоха Гуманизма и Реформации — время формирования национальных государств и утверждения идей национального своеобразия, — пробудило в Бретани интерес к поиску других, более специфических, «альтернативных» начал своего народа. В XVII в. вопросами происхождения народов Европы стали интересоваться все более активно, было «открыто» кельтское прошлое, актуализированное в частности в связи с идеями построения более приемлемой идентичности для народов кельтского происхождения Британских островов. Среди всех «версий» возникновения бретонцев — не очень похожих и по языку, и по культуре, на другое население Франции, — кельтская версия приобрела самые сильные позиции.

Впрочем, кельтская (галльская) версия происхождения оказалась привлекательной и для тех мыслителей, кто обосновывал происхождение французов — Паскье, Бодена, Ла Попелиньера, провозвестников идей кельтомании, которые дадут о себе знать позже в связи с размышлениями о прошлом Галлии⁸.

Французские и бретонские историки, а также политические деятели все более отворачиваясь от троянцев, обращали внимание на

⁶ *Le Coadic R.* 1998, 121.

⁷ *Ibidem.*

⁸ См.: *Dubois C.-G.* 2002, 100.

галлов и кельтов. Труды античных авторов — Цезаря, Тацита, Ливия, Диодора Сицилийского, Страбона и других, — теперь читались с тем, чтобы увидеть доблесть в воинских подвигах галлов, своеобразии их культуры и религии, политических обычаев. Стало казаться очевидным, что именно галлы, появившиеся на территории Галлии еще до римской колонизации, и являлись истинными предками страны. Во времена Французской революции конца XVIII в. «кельтский» вопрос возник в новом ракурсе: на повестке оказалось обсуждение вопроса о происхождении самих французов и той роли, которую сыграли галлы в образовании французского народа. Революция конца XVIII в. утверждала идею о галльском происхождении народа⁹ в противовес предполагаемому франкскому происхождению дворянства.

Однако, несколько парадоксальным выглядит то, что, считаясь одним из основных предков французов, галлы редко ассоциировались собственно с кельтами. Чаще речь шла о галло-римской цивилизации, романизированных («цивилизованных») кельтах. С термином же «кельты» ко времени Революции на французской территории ассоциировались, прежде всего, бретонцы, они воспринимались как последние носители галльского языка, но также и как чужеродное тело, которое нужно ассимилировать. Представления о том, что бретонский язык является потомком галльского языка, одно из тех заблуждений той эпохи, которое остро критикуется современными французскими учеными, даже как «шизофреническое», поскольку сегодня считается, что бретонский язык происходит от островных кельтских языков¹⁰.

В самой Бретани интерес к идее о кельтском происхождении и кельтском прошлом вызвал самый большой интерес. И это, конечно, не удивительно, если принять во внимание потребность бретонцев в формировании положительного представления о себе. Кельтское прошлое ассоциировалось с народными традициями, которыми отличалась Бретань, и интерес к ним был проявлен еще в XVIII в. Первыми фиксаторами старинных обычаев были лица духовного звания, — каноник Ж. Маэ (1760–1831), а позднее — аббаты Ж.М.

⁹ *Mazeau G.* 2020, 77.

¹⁰ *Botorel A.* 1982, 4.

Кадик (1844–1917) и Ф. Кадик (1864–1929). Необычайный интерес к кельтской истории и культуре в Бретани приобретал еще больший резонанс в связи с тем, что в кельтских регионах Великобритании шли подобные процессы. В XVIII в. интересующиеся стариной, охваченные загадочной кельтоманией, даже приписывали кельтам дольмены и менгиры и все доримские древности вообще.

Уже в самом начале XIX в. в Бретани действовала целая плеяда светских наблюдателей и фиксаторов народной старины (Ле Гонидек, Ж. Камбри). В 1804 г. эти энтузиасты создали центр изучения кельтских культур — «Кельтскую академию». Они старались найти и зафиксировать следы древней кельтской культуры, пережитки «кельтского прошлого», которые они искали в традициях и обычаях крестьян. Затем исследования были продолжены «Королевским обществом антикваров Франции» (1814 г.), которое породило так называемое движение фольклористов, любителей старины. Деятельность представителей этого направления, которые часто называются «фольклористами», «антикварами», «традиционалистами», ярко проявилась во второй половине XIX в¹¹.

Кельтомания охватила и бретонских аристократов, среди которых были Ж. де ла Рю с его работой «Исследования работ бардов Армориканской Бретани», Эймар де Блуа, фактически возглавивший целую плеяду собирателей народных бретонских песен разных жанров, граф Ж.-Ф. Кергарю, Б.-Э. де Сен-При, Ж.-М. де Пангерн, Г.-Р. Керамбран. В эту когорту входил и виконт Т. Э. Ла Вийльмарке (1815–1895), опубликовавший в 1839 г. свое знаменитое собрание бретонских народных песен — «Varzaz-Breiz», и другие. Среди собирателей бретонского фольклора и старины такие видные фигуры как Эмиль Сувестр (1806–1854), Ф. Люзель (1824–1895), А. Ле Бра (1859–1926), археолог П.Авено де ла Грансьер (1862–1942) и другие¹².

Огромная подвижническая работа, предпринятая собирателями, составила обширное научное и культурное наследие Бретани, способствовала формированию во Франции таких наук как археология, фольклористика, этнография. Этот корпус материалов составил ос-

¹¹ Postic F., Simon J.-F. 2006, 6.

¹² Подробнее см.: Любарт М.К., Симон Ж.-Ф. 2009, 78-100.

нову не только дальнейшей научной работы, но и позднее — во время «культурного возрождения» Бретани (с 1970-х гг.) приобщения к этим знаниям и практикам самих бретонцев.

Увлечение кельтскими древностями сказалось на эстетике искусства и архитектуры модерна, живописи, прикладном искусстве, в том числе ювелирном искусстве и книжном оформительском деле. Вместе с тем кельтомания в научной, литературной, художественной среде способствовала появлению таких явлений как неodruidизм, кельтизм (панкельтизм) с их культурными практиками.

Что касается панкельтизма, то он развивал и укреплял желание нескольких народов (валлийцев, шотландцев, ирландцев, мэнкцев, корнуолльцев и бретонцев) презентовать свою идентичность и опираться на взаимную поддержку в этом вопросе.

Пристрастие к кельтской теме, панкельтскому дискурсу, сохранилось на многие десятилетия и породило целый комплекс культурных явлений, — фестивалей, конкурсов, других культурных событий. В 1899 г. была создана Кельтская ассоциация с целью организации таких совместных акций. Кельтский Конгресс (возник в начале XX в., регулярно собирается с 1917 г.) с ежегодными конференциями по вопросам кельтской культуры, куда входит и Бретань. Главными его целями

«...являются борьба мирными средствами за обеспечение политической, культурной, социальной и экономической свободы независимых кельтских наций, а также их активное сотрудничество в этих сферах¹³.

В 1920-х годах в Бретани были организованы первые кельтские фестивали. Затем, в межвоенный период, националистические группы, присвоили эти идеи: именно в интеркельтизме они видели надежду на возрождение «бретонской расы».

Однако во Франции, с ее характерной государственной политикой национальной унификации, к кельтомании уже в начале XX в. стали проявлять скептицизм. Это было заметно и в научной сфере: в то время как именно Бретань была неким «полигоном» изучения народных традиций, и прежде всего бретонских (кельтских), огромная работа, которую проделали фольклористы, виделась в другом

¹³ Шестакова Н.Ф. 2023, 500, 505, 506.

свете и не получила должного признания. Отношение к фольклору и старине имело pejоративный оттенок: в них виделся уход в пассивизм, воспевание устаревших традиций, торможение общественного (и научного) развития, и даже культивирование сепаратизма. Формирование такого отношения происходило, с одной стороны на фоне усиления, подъема национального самосознания и национального возрождения провинций, в том числе Бретани, рождением и стремительным развитием движения народных праздников. Так, например, в 1905 г. Теодор Ботрель организовал в Пон-Аване первый праздник бретонской народной культуры — «Золотой утёсник». Подъем национального самосознания, нашедший яркое выражение в этих красочных и многолюдных действиях, вызывал настороженность со стороны центра, работа фольклористов, видимо, осмыслялась в этой связи и потому не получала должного признания. Межвоенный период и годы Второй мировой войны в Бретани действительно характеризовался оживлением националистических и сепаратистских идей, в которых не последнюю роль играли отсылки к кельтскому своеобразию.

На послевоенный период приходится новый период подъема бретонского этнического самосознания. Большую роль в этом сыграли деятели культуры и энтузиасты возрождения бретонской культуры (Ф. Фалькан, Л. Ропар, музыкант Ж. Ле Панван, археолог П.-Р. Жьб, и, конечно же, писатель П.-Ж. Элиас), бретонские культурные ассоциации, благодаря активной деятельности которых была создана некая общественная атмосфера повышенного интереса к родной культуре, которая понималась как основанная на бретонских (кельтских) традициях.

В середине 1970-х годов бретонская культура попала в «лучи прожекторов» общественного внимания. Долго воспринимавшаяся во Франции как отсталая и консервативная, она предстает теперь в ином свете — своего фольклорного обаяния, многовековой глубины и неповторимости. Это время (1970–1990-е гг.) называют «бретонским культурным возрождением». Его предвестником были 1960-е гг., когда «кельтские регионы» охватывает волна «кельтского музыкального возрождения», положившая мощное начало новой волне кельтомании. В Бретани ее началу во многом способствовал А. Стивель (род. в 1944 г.), являющийся сегодня культовой фигурой не только в Бретани, но и далеко за ее пределами. Он вернул к жиз-

ни кельтскую арфу в Бретани, был одним из тех, кто положил начало волне интереса к «кельтской музыке», ее популяризатором. В последние десятилетия «кельтская музыка» разных жанров (кельтский рок, фольк, поп, бретонский рэп, панк, прогрессивный рок, кельтский хип-хоп, и т.д.), выйдя за пределы регионов «кельтской культуры» приобрел необычайную популярность в мире, немалую роль в этом сыграли бретонцы Франции. Об огромном интересе к ней свидетельствует успех творчества большого количества музыкальных групп и таких ярких исполнителей как А. Стивель, Т. Янн, Ж. Серва, Д. Прижан, и другие.

«Бретонское» / «кельтское» возрождение породило в Бретани целый ряд культурных мероприятий, в том числе международного значения. К таковым относится, например, «Интеркельтский фестиваль», ежегодно действующий в бретонском г. Лорьяне, «Cornwall Festival» в Кемпере и «Vieilles Charrues» в Карэ, собирающие многие тысячи участников.

Стали признанным культурным явлением бретонские *багады* («*bagad*» — брет. — отряд, группа) – музыкальные ансамбли типа небольших оркестров, состоящий из духовых (вольтка, бомбарда) и ударных, исполняющий чаще всего мелодии традиционного бретонского репертуара. Танцевальные вечера *фес-ноз* (*fest-noz* — брет. — ночной праздник), где люди танцуют традиционные бретонские танцы под соответствующую музыку стали настолько популярны, что в 2012 г. фес-ноз по представлению Франции был включен в Список мирового культурного наследия ЮНЕСКО.

Новая волна кельтомании, далеко вышедшая за ареал «кельтских наций», была связана также с интересом к кельтской мифологии, ирландским и бретонским танцам и праздникам, имеющим отношение к кельтским регионам (как День Св. Патрика, а также Хэллоуин, Самайн, Самхейн и др.), литературных фэнтези с отсылками к кельтской мифологии и фольклору, романов Толкиена, кельтских миров в различного рода компьютерных играх, кино- и видеопродукции. Напомним, что в ряде современных компьютерных игр существует даже раса «бретонов».

Такой интерес к кельтской культуре, во многом способствовал формированию привлекательного имиджа Бретани, которая с ней ассоциировалась.

Вместе с тем кельтомания имела, конечно же, и некоторые негативные стороны, в том числе — неоправданную романтизацию прошлого, акцентирование одних и забвение (упущение) других сторон картины реального прошлого, появление не вполне научно доказанные теорий и идей.

Возможно, определенную роль в этом сыграло явление «популярной истории» или «публичной истории». Интерес к кельтской древности, во многом загадочной, привел к многочисленным ее интерпретациям в массовой культуре, в которой большое место заняла не историческая истина, но образ исторической реальности, возможность авторского мифотворчества, появлению книг популярного жанра в этом ключе. Кельтская мифология, в которой немало лакун из-за недостатка реальных знаний о той бесписьменной цивилизации, оказалась очень удобной и продуктивной для современных фантазий, интересных для массовой культуры.

В это время в научной сфере, в том числе благодаря исследованиям уже упоминавшегося центра CRBC (Университет Западной Бретани), появляются новые изыскания и труды герменевтического характера, относящиеся к ранним этапам этногенеза бретонцев. А историческая кельтомания, которой была затронута и наука, порой подвергается критике.

Самым влиятельным представителем направления кельтоскептицизма, коррекции истоков бретонской истории, является, пожалуй, известный археолог, исследователь CNRS, Янник Лесер, несколько десятилетий ведущий раскопки на территории региона. Он является автором многих книг¹⁴, как предназначенных для научного, академического сообщества, так и обращенных к более широкой аудитории. Его позиция, послужила определенной точкой поворота в современных представлениях о бретонцах, имеет немалый общественный резонанс и изложена им также во многих выступлениях в СМИ, на специализированных сайтах интернета.

Рассмотрим основные положения концепции Я. Лесера, относящиеся к древней истории Бретани (полуострова Арморика). В книге «Доисторическая Бретань»¹⁵, которая является плодом его

¹⁴ См. например: *Lecerf Y.* 2014a; 2014b; 2017; 2023.

¹⁵ *Lecerf Y.* 2014a.

работы как археолога в течение 40 лет, автор рисует картину последовательных поселений на Армориканском полуострове на протяжении очень долгого времени. Согласно его исследованиям, эта территория была заселена в глубокой древности (первые следы человека появляются здесь около 750 тыс. лет назад), а поселения людей сменяли друг друга от палеолита до римского завоевания (52 г. до н.э.).

Хорошо документированное исследование повествует о том, как шла эволюция населения полуострова: люди адаптировались к окружающей среде в ходе непростых изменений климата, из охотников-собирателей они стали скотоводами-земледельцами, возводили мегалиты, чттили своих умерших, создавали вещи, в том числе такие, которые даже для современных людей имеют эстетическую ценность. Знаменитые менгиры, по мнению Я. Лесера, возводились в ознаменование событий, важных для племени и обычно располагались вдоль путей сообщения.

Однако, племена, жившие здесь со времен палеолита до римского завоевания, вовсе не были кельты. Это было население, известное как племена культур неолита, бронзового века, те самые строители мегалитических памятников-дольменов, менгиров и других сооружений из больших камней, создание которых в XIX веке долгое время приписывалось кельтам. Это население Я. Лесер обобщенно называет «народами атлантического побережья», его следы, мегалитические сооружения, свидетельства контактов, обнаруживаются по атлантическому побережью континента и Британских островов. Археологические свидетельства, о которых говорят, что это была «продолжающаяся» культура, без больших вторжений иноплеменников. Язык (по всей видимости, единый, общий на этой территории) также не был кельтским. Бретонцы Арморики являются, прежде всего, потомками этого населения. Свое убеждение автор подтверждает не только археологическими данными, но и данными палеогенетики.

Итогом его исследований является убеждение, что кельты, пришедшие с Черного моря, расселяясь по Европе, никогда не вторгались в Бретань: никаких следов кельтов на этой территории — ни типичных кельтских поселений оппидов (*oppidum*), ни кельтских святилищ или гробниц с колесницами не найдено. Другими словами, кельтская волна, достигшая Европы (Восточной Франции, Западной

Германии) и распространившаяся широко по Европе (ее часто называют группой кельтов Центральной Европы), начиная с V в. до н.э., не достигала п-ова Бретань.

В период миграций кельтов по обширным пространствам Европы, они так и не дошли до Армориканского массива и полуострова.

«Археологические исследования показывают, что кельты пришли из Центральной Европы и были разделены на две группы, одна из которых вернулась в Англию, Шотландию и Ирландию через Бельгию и Нормандию; другой спускается к Пиренейскому полуострову через центр Франции, минуя Бретань»¹⁶.

Почему же кельтские племена обошли Бретань? Автор дает этому обстоятельству два объяснения.

«Во-первых, потому что кельты, народ-мигрант, не интересовались полуостровами. Но я думаю, что главная причина в том, что кельты, которые стремились слиться с населением, не смогли интегрироваться в бретонские сообщества из-за их сильной идентичности [т.е. значительных отличий от кельтов. — *М. Л.*], сложившейся в период неолита»¹⁷.

Таким образом, бретонцы скорее всего являются потомками более древнего населения, чем кельты, потомками населения мегалитической культуры (чем они вполне могут гордиться)¹⁸. А сильная культурная идентичность, отмечающаяся в Бретани, могла брать свое начало от населения, гораздо более раннего, чем то, которое предлагал мифический кельтский дискурс.

Выдвигаемые археологические и исторические аргументы автора разработаны и сопровождаются иллюстрациями, облегчающими понимание: это 80 фотографий, 19 схем, воссоздающих символические места обитаний, 7 топографических карт позволяют проследить различные пути и морские маршруты, включая маршруты отдельных групп мигрантов, местонахождение конкретных стоянок. Хронологическая схема, подробная и точная, представлена

¹⁶ Цит. по: Qu'on se le dise: les Bretons ne sont pas celtes. (интервью) / la Nouvelle République.fr. — <https://www.lanouvellerepublique.fr/france-monde/qu-on-se-le-dise-les-bretons-ne-sont-pas-celtes/> (октябрь, 2023).

¹⁷ Ibid.

¹⁸ Ibid.

в начале работы. Это позволяет расположить во времени различные факты и культурные отсылки, приписываемые кельтам.

Я. Лесер считает, что кельтские отсылки к происхождению бретонской культуры были по существу подделаны в XIX веке, когда дольмены, менгиры и другие мегалитические памятники приписывались кельтам. На самом же деле они являются продуктом гораздо более ранних культур.

Даже если население Арморики что-то, так или иначе, заимствовало от кельтов Центральной Европы, бретонцы Арморики, происходящие от народов бронзового века, являются, прежде всего, наследниками неолитических культур. Однако Бретань — страна легенд, где мифы часто преобладают над реальностью, и эти мифы, по мнению Я. Лесера и некоторых других специалистов, распространены и живучи. В одном из своих выступлений исследователь заявил:

«Многие следы кельтской цивилизации были обнаружены на большей части Европы, в Испании и Франции. Но, ни капли следа кельтов в Бретани. Парижане, жители Страсбурга или «Руана больше кельты, чем бретонцы. Об этом свидетельствуют новейшие миграционные карты, составленные благодаря раскопкам археологов в соответствующих регионах»¹⁹.

Позиция Я. Лесера была поддержана многими представителями ученого сообщества (хотя далеко не всеми). Так, например, Ж.-Ж. Ле Лез²⁰, в подтверждение его идей обращает внимание на данные генетических исследований, открытие

«...генетических признаков, общих для больших популяций, по которым можно проследить прошлые миграции по всему миру. Полученные данные часто совпадают с фактами, уже установленными историками»²¹.

Та группа, которую имеет в виду Я. Лесер, говоря о неолитическом населении Бретани, — это так называемая атлантическая кельтская ветвь Rb1 L21, к ней принадлежали и бритты из Уэльса, те са-

¹⁹ Цит. по: Un chercheur met les Bretons au régime sans celte. — https://www.ouest-france.fr/breta_gne/dol-de-bretagne-35120/un-chercheur-met-les-bretons-au-regime-sans-celte-4245572/ (октябрь, 2023).

²⁰ *Le Lez J.-J.* Les Bretons sont-ils des Celtes?

²¹ *Ibid.*

мые мигранты, которые прибыли на полуостров Бретань в IV–VI веках нашей эры.

Ле Лез обращает внимание, что на территорию Бретани в разные периоды прибывали разные группы мигрантов — пришельцы эпохи неолита, бронзового века, галлы «железного века», римляне и галло-римляне, бритты из Уэльса, франки, викинги. Однако роль этих пришельцев в формировании бретонцев была далеко не равной. Ведь они приходили на землю, где уже жили люди, которых нужно было либо оттеснить, либо подчинить себе, истребить или ассимилировать. Они были далеко не одинаковы и в своей стратегии расселения. Кроме того, в разных областях Бретани разной была и интенсивность вторжений и смешения населения. Это могли быть и малочисленные мигранты (как, например, римляне), и целые народы (бритты). Некоторые прибывшие на полуостров почти не оставили следов, слившись с местным населением (как, например, викинги). Разной была интенсивность, численность расселения прибывающих. Чем дальше на восток, тем больше влияние европейских народов (франков).

Ле Лез поднимает и вопрос о языке, ситуация с ним тоже могла быть очень разной на протяжении столь долгого времени — язык / языки при иноплеменных вторжениях могли и сохраняться в различной степени, и изменяться, и исчезать. В бретонском языке, например, от 40 до 60% бретонских слов латинского происхождения.

Что касается кельтского вопроса, то Ле Лез отмечает, что племена бриттов, которые считаются главным кельтским компонентом в формировании бретонцев, прибывшие на полуостров Арморику (Бретань) в IV–VI вв., были в основном из Уэльса. Но к этому времени сам Уэльс, очень отдаленный, не подвергался никаким крупным вторжениям. И его население, как представляется автору, происходит непосредственно от людей мегалитов (даже если язык действительно кельтский). Генетические данные свидетельствуют, что «у валлийцев, особенно с севера, встречающиеся гаплогруппы отличаются от таковых у англичан, шотландцев и корнуолльцев»²². То есть население Уэльса, ко времени миграций на континент, были «людьми мегалитов» (*peuple des Mégalithes*). В этой волне принима-

²² *Le Lez J.- J. Les Bretons sont-ils des Celtes ?*

ли участие также люди, происходившие из Корнуолла, крайнего юга Шотландии. Именно они, называемые в литературе часто «островными бретонами» (*Bretons insulaires*) и пересекли Ла Манш, вытеснив по прибытии коренное население с севера и запада Арморики. В общей сложности число переселенцев, как предполагается, было около нескольких десятков тысяч. Остается неясным, жили ли здесь люди до бретонов (бриттов), были ли это потомки местного древнего (мегалитического) населения, были ли здесь (и в каком количестве) пришельцы эпохи галлов.

Понятно только, что бретонцы генетически отличаются от остальных французов, в этногенезе которых немалую роль сыграли кельты (галлы). Однако и сведений о «людях мегалитов» мало, и более того, под ними обобщенно понимаются две «различные цивилизации», — сначала цивилизация менгиров, а затем — дольменов.

Ле Лез приходит к выводу, что современные бретонцы

«...в гораздо меньшей степени кельты, чем мы думали раньше, и, вероятно, гораздо более "смешанные", будь то процент людей с редкой гаплогруппой, люди мегалитов или отдельные группы людей, у которых есть черты людей эпохи неолита (но также и викингов, германцев, франков)»²³.

Современные данные палеогенетики позволяют утверждать, что «люди мегалитов не исчезли, это мы (мы исходим от них). Мы можем проследить Rb1 в наше время. Тем не менее

«...кельтская культура, похоже, более жива на крайнем западе [Европы. — М.Л.], потому что современные кельтоязычные народы сохранили черты характера и культуры, утраченные дальше на восток, например, под влиянием германских миграций. Население, говорящее на индоевропейских языках, намного больше, чем индоевропейские потомки, несущие гаплогруппу R1b»²⁴.

То есть языки, в том числе индоевропейские, и в том числе кельтские, гораздо легче заимствовались, чем мы представляли прежде, а кельтский язык вполне могло воспринять население иного

²³ Ibid.

²⁴ *Le Lez J.-J.* Les Bretons sont-ils des Celtes ?

происхождения. Культура в целом также легко распространяется путем ассимиляции. Во Франции R1b-L21 в основном присутствует в исторической Бретани и в Нижней Нормандии. Этот регион был вновь заселен в результате массовой иммиграции островных бретонцев в V в. после давления англосаксонских захватчиков. Однако возможно, что L21 присутствовал в Арморике с бронзового века или железного века, учитывая, что племена армориканской конфедерации древней Галлии уже были отдельной идентичностью от других галлов и поддерживали тесные связи с Британскими островами, по крайней мере, со времен Атлантического бронзового века²⁵.

Высказанную точку зрения поддерживает и П. Галлью, историк, археолог и профессор Университета Западной Бретани, автор многих книг²⁶.

«Любопытно, что если сегодня Бретань является французским регионом, наиболее отмеченным кельтскими образами, то исторически он был одним из наименее занятых этой мигрирующей индоевропейской цивилизацией, утвердившейся, в частности, на востоке Франции, в Северной Италии, в Венгрии. [...] П. Галлью уточняет: «Бретань не была древним центром кельтского мира. Здесь было обнаружено немного археологических следов кельтов, в отличие от долин Мозеля и Среднего Рейна»²⁷.

Свое слово сказали и исследователи, готовившие нашумевшую выставку в Музее Бретани (Ренн, 2022 г.), она отражена в коллективной работе «Celtique? La Bretagne et son héritage celtique»²⁸, содержащей статьи специалистов-кельтологов Университета Западной Бретани (UBO), CRBC, Университета г. Ренна, CNRS, музейных работников, — Р. Кальве, Н. Бланшар, Э. Жаго-Жуен, С. Карней, Ж. Обер, М. Кумер, Ф. Фаверо, А.-М. Тьес, А. Вийяр-Ле Тьек. Откликаясь на дискуссию, авторы этой книги, ведущие специалисты в этих областях, подводят итог современным изысканиям, обращая внимание на то, что идеи, представления, история, часто конструи-

²⁵ Ibid.

²⁶ См. например: *Galliou P.* 1989; *Cunliffe B., Galliou P. et collabs.* 2005; *Galliou P. et alii.* 2009.

²⁷ *Halimi F.* Bretagne insolite: esprit celte, es-tu là?

²⁸ *Celtique? La Bretagne et son héritage celtique.* 2022.

руются, порождая мифы. В аннотации книги весьма показательно выражается скептическая позиция:

«В популярной культуре Бретань часто ассоциируется, а иногда и путается с кельтскими фантазиями, населенными трискелями, друидами, кельтской музыкой или легендарными лесами. Что делать с этим кельтским наследием? Мы воспринимаем это как модную концепцию, продающий маркетинговый продукт, обыденность, историческую реальность или всего понемногу одновременно»²⁹.

«Действительно ли мы знаем, кто такие кельты? Что означает этот термин? А также названия, прилагательные, производные от него понятия, такие как кельтский, кельтомания, кельтизм...»³⁰.

«Наряду с восстановлением кельтских символов в повседневных потребительских товарах мы находим в популярной современной культуре (литература, кино, комиксы, видеоигры и т.д.) множественные отсылки к кельтским историям или культурным фактам. "Кельтская" тема интригует, очаровывает, объединяет, особенно во время крупных культурных мероприятий, таких как Межкультурный фестиваль в Лорьяне. Это также источник прочного и постоянно обновляемого художественного вдохновения. Но знаем ли мы при всем при этом, к чему оно на самом деле относится?»³¹.

Интересна с этой точки зрения статья «Вы говорите "Кельтский"? Роль кельтов в истории Армориканского полуострова»³² М. Жандри, которая является и ответом на выступления в прессе Я. Лесера, и своего рода обзором дискуссий о «кельтском наследии» Бретани.

Автор считает, что принятая прежде теория центральноевропейской кельтской колыбели цивилизации, связанная с археологическими открытиями Гальштата и Ла Тена в XIX в., предполагала экспансионистскую, миграционную модель распространения этой

²⁹ См.: *Celtique? La Bretagne et son héritage celtique.* — <https://www.locus-solus.fr/product-page/celtique/> (октябрь, 2023).

³⁰ Ibid.

³¹ Ibid.

³² *Gendry M. Vous avez dit «Celtique» ?*

культуры. Однако, последние археологические открытия говорят о существовании разных центров добычи железа в Восточной и Западной Европе и миграциях только регионального масштаба, отсутствии следов значительных вторжений³³. Искусственная концепция кельтов, созданная извне и завещанная Античностью, приводит, по мнению М. Жандри в тупик.

«На большом европейском пространстве существовало разнообразие народов. [...] Армориканский полуостров был частью этого пространства, а не территорией, населенной только галльскими племенами осисмиев, венетов, куриосолитов, ридонов, намнетов и до них — тех, галлов и / или кельтов, следы которых уже потеряны. [...] Сегодня вызывает споры и идентичность популяций, принадлежавших к этому пространству»³⁴.

Учитывая большую традицию соотнесения Бретани с кельтской культурой, как в науке, так и в общественном мнении, не удивительно, что подобный, весьма кардинальный пересмотр ее исторических корней, рождает у некоторых специалистов, и далеких от науки бретонцев, реакцию неприятия.

Она выражается как в СМИ и особенно интернет пространстве³⁵, где на некоторых площадках такую позицию даже называют «стигматизацией бретонской идентичности»³⁶, так и некоторыми исследователями. Причем диапазон несогласий с концепцией Я. Лесера весьма широк — от полного расхождения, до больших и малых уточнений той роли, которую сыграли кельты в формировании бретонцев и их культуры. К числу самых ярких отказов усомниться в том, что Бретань — кельтская — относится позиция знаменитого музыканта А. Стивеля и других деятелей бретонской культуры.

В академическом мире подобную позицию занимает известный специалист по проблемам идентичности бретонцев Р. Ле Куадик³⁷.

³³ Une résidence de la noblesse gauloise. 2020.

³⁴ Gendry M. Vous avez dit «Celtique?»

³⁵ См. например: *Boquen M.* L'exposition «Celtique?» contrarie les Bretons.

³⁶ *Yann-Vadezour ar Rouz.* 2022: Le musée de Bretagne contraint de revoir le contenu de l'exposition «Celtique?».

³⁷ *Le Coadic R.* (Professeur à l'université Rennes 2. <https://lecoadic.net>). —

Анализируя нашу шумевшую выставку Музея Бретани, он заявляет, что посредством этой выставки Музей Бретани пытается выдать за «исследование» то, что на самом деле является лишь предвзятой демонстрацией, противоречащей научной этике и неуважительной к публике. Среди его замечаний несогласие с утверждением, что «бретонское движение стремилось к «кельтству», оно всего пыталось изменить клеймо негативной идентичности бретонцев. Неправильно утверждать, что нет прямой связи между сегодняшними культурными фактами и культурой древнего населения, тогда как между современными кельтскими языками и языками древних кельтов существует прямая лингвистическая связь. Неправильным является и то, что организаторы выставки проигнорировали исследования ученых, имеющих другую точку зрения (например, известного этнолога Д. Лорана³⁸, Ж. Кийяндра, Д. Жиродона и других, которые показывают культурную преемственность между кельтским населением древних времен и современным населением³⁹).

Дискуссия о роли кельтов в этногенезе бретонцев продолжается. В то время, когда я пишу эту статью, проходит научный симпозиум «Кельтская Бретань... коллоквиум!»⁴⁰, который предваряет знаменитый ежегодный Интеркельтский фестиваль в Лорьяне, организованный лабораторией «Celtic VLM» Университета Ренн II и Институтом культуры Бретани. Пятница, 4 августа, первый день Фестиваля, анонсирован как день, посвященный кельтскому измерению Бретани. В нем участвуют знаменитый музыкант Алан Стивель, борец за бретонскую идентичность и культурное возрождение Бретани, и специалисты по древнему и современному кельтскому миру, представляющие разные точки зрения. Симпозиум

<https://blogs.mediapart.fr/r-le-coadic/blog/100822/exposition-celtique-de-la-partialite-la-post-verite-1>; Exposition «Celtique?»: de la partialité à la post-vérité? (октябрь, 2023). См. также: *Le Coadic R. Manipulation idéologique au musée de Bretagne*. Mediapart, 29 juin 2022. — <https://blogs.mediapart.fr/r-le-coadic/blog/290622/manipulation-ideologique-au-musee-de-bretagne/> (октябрь, 2023).

³⁸ *Laurent D.* 1990, 255-292.

³⁹ *Le Coadic R.* Manipulation idéologique au musée de Bretagne.

⁴⁰ Colloque Bretagne... celtique!

в свою очередь является доказательством того, что бретонская культура остается живой, развивающейся и значимой для бретонцев.

Прошлое Бретани оказывается очень актуальным сегодня. Поэтому полемика продолжается. Очевидным является, пожалуй, только тот факт, что именно то самое прошлое бретонцев, которое столь долго однозначно считалось кельтским, сегодня представляется гораздо более сложным.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ РИМСКОЙ ИСТОРИИ ЦАРСКОГО ПЕРИОДА В ХРИСТИАНСКИХ АПОЛОГИЯХ

И.В. Хорькова

Интерпретация исторических событий и их морально-нравственная оценка как феномен общественного сознания имеет многовековую историю. Чаще всего такая интерпретация является составной частью идеологии, а перетолкование истории становится особенно актуальным на стыке эпох, в борьбе идеологий и ценностных систем. В настоящей статье мы хотим поговорить об интерпретации ранней римской истории — а именно истории царского периода — в сочинениях христианских апологетов. Материал по этой теме довольно объемён, поэтому необходим его критический отбор. Мы будем руководствоваться, прежде всего, этнолингвистическим принципом, поэтому ограничимся латиноязычными авторами. Помимо латинского языка апологетов этой группы объединяет общий ментальный субстрат, полемические приемы, а также общие источники информации. Мы собираемся проанализировать несколько примеров интерпретации латинскими апологетами событий римской истории царского периода с целью определения ее общих черт и задач.

При рассмотрении ранней римской истории мы будем придерживаться хронологического принципа, поэтому начнем традиционно с основателя Города — Ромула. Этот персонаж привлекает особое внимание христианских авторов. Рождение Ромула и его брата-близнеца Рема окутано тайной. Все римские и греческие историки, писавшие о началах Рима, сообщают легенду о рождении и воспитании близнецов¹. Уже языческие историки сомневаются в божественном происхождении Ромула и Рема. Ливий пишет, что весталка Рея-Сильвия сделалась жертвой насилия, родила двойню и

¹ *Liv.* Ab urbe con. I. 3–4; *Ovid.* Fasti III. 11–48; *Plut.* Romul 3–4; *Dion. Hal.* I. 76–79.

объявила отцом бога Марса, «то ли веря в это сама, то ли потому, что прегрешенье, виновник которому бог, — меньшее бесчестье» (здесь и далее перевод В. М. Смирин)². Дионисий Галикарнасский сообщает, что Илия (=Рея-Сильвия) посещает священную рошу Марса, где подвергается насилию со стороны кого-то.

«Некоторые рассказывают, что это был один из женихов девушки, влюбленный в нее с детства. Иные сообщают, что это был Амулий, по злему умыслу прикрытый доспехами, так что смог сделать свою известную всем внешность неузнаваемой» (перевод Н.Г. Майоровой)³.

В связи с этим интерес представляет позиция Аврелия Августина, который, даже не останавливаясь на бытовом истолковании легенды, уже предложенном языческими авторами, значительно большее внимание обращает на религиозно-правовую составляющую. Он пишет⁴:

«Nullo divini concubitus obtentu matris Romuli causa defenditur. Fuit autem sacerdos illa Vestalis, et ideo dii magis in Romanos sacrilegum illud flagitium... vindicare debuerunt. Nam et ipsi Romani antiqui in stupro detectas Vestae sacerdotes vivas etiam defodiebant (Преступление матери Ромула не находит для себя оправдания ни в каком божественном совокуплении. Ведь Сильвия была жрицей Весты, и потому боги должны были бы отомстить римлянам... Сами древние римляне уличенных в прелюбодеянии жриц Весты зарывали в землю живыми)»⁵.

Свое индифферентное отношение к сомнениям языческих авторов относительно божественного происхождения Ромула и Рема Августин объясняет так:

² *Liv. Ab urbe con.* I. 4.

³ *Dion. Hall.* I. 77.

⁴ В связи с тем, что предметом нашего специального интереса являются сочинения христианских апологетов, мы приводим цитаты из них на латинском языке с переводом.

⁵ *Aug. CD* III. 5. Перевод здесь и далее приводится по изданию: *Блаженный Августин. О граде Божием* в 22 книгах. М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1994.

«Inridere fabulas fortassis existimor nec grauitur agere tanti ponderis causam (Подумают, пожалуй, что я смеюсь над баснями, а не рассуждаю серьезно о предмете такой важности)»⁶.

То есть, сомнения в истинности легендарных событий для него — это этап, уже пройденный языческой историографией, для истолкования ранней истории ему нужны другие, более серьезные методы. И одним из таких методов является правовая оценка события. Об этом красноречиво свидетельствует соответствующая лексика, ведь происшедшее с Реей-Сильвией Августин именуется *sacrilegium illud flagitium* (это святотатственное дело). Слово *flagitium* — одно-коренное с глаголом *flagitare*, одно из значений которого «вызывать в суд, привлекать к судебной ответственности», что в данном контексте не случайно.

Воспитание братьев-близнецов также не остается без внимания христианских авторов. В соответствии с традицией Ромул и Рем были взяты на воспитание пастухом Фаустилом и его женой Аккой Ларенцией⁷. Уже языческие авторы смешивают легенды об Акке Ларенции и волчице, вскормившей близнецов. Ливий сообщает, что, по мнению некоторых авторов, не было никакой волчицы, а легенда появилась в связи с тем, что Ларенция была женщиной легкого поведения, за что именовалась пастухами *lupa* (волчица)⁸. Лактанций в сочинении «*Divinae institutiones*» (Божественные установления) приводит эту версию со ссылкой на Ливия и прибавляет, что *lupa* (волчица) — это *meretrix* (блудница), почему и публичные дома называются *lupanar*⁹. Более всего его возмущает, что волчице, вскормившей Ромула, римляне воздают божеские почести. Он пишет:

«Et ferrem si animal ipsum fuisset, cuius figuram gerit (Я бы еще снес, если бы она была животным, чье имя носит!)» (здесь и далее перевод В.М. Тюленева)¹⁰.

Лактанций объединяет две версии, но цель его — не сбор мате-

⁶ *Aug.* CD III. 3.

⁷ *Dion. Hal.* I. 79. 9–10; *Liv.* Ab urbe con. I. 4. 7; *Ovid.* Fasti III. 55–58; *Plin.* NH XVIII. 2. 6.

⁸ *Liv.* Ab urbe con. I. 4. 7.

⁹ *Lact.* DI I. 20. 1–2.

¹⁰ *Lact.* DI I. 20. 1.

риала, не исчерпывающее изложение возможных событий, не антикварный интерес, как мы видим это у его языческих предшественников, а негативная этическая оценка.

Следующее событие в жизнеописании Ромула — убийство брата-близнеца. Августин называет это преступление *parricidium* (убийство ближайшего родственника) и пишет далее:

«Nec nos itaque in ea re diligentius requirenda per multorum scriptorum perpensa testimonia demoremur (Итак, мы не будем останавливаться на более тщательном расследовании уже проверенных свидетельств многих писателей об этом деле)»¹¹.

Отметим, что Августин вновь привлекает юридическую лексику — *parricidium* (убийство кровного родственника), *testimonia* (свидетельства). Кроме того, он переносит ответственность за это убийство на весь Рим, поскольку Город не осудил его. Но Рем тоже основатель Города, значит преступление должно классифицироваться уже не как братоубийство, а как отцеубийство, что еще преступнее. Лактанций также винит Квирина-Ромула в братоубийстве¹².

Следующий пассаж — о кончине Ромула. Известно, что он исчез во время сходки у Козьего болота, был вознесен на небо и стал богом-покровителем Римского государства под именем Квирина. Ливий сообщает, что во время смотра войска

«...внезапно с громом и грохотом поднялась буря, которая окутала царя густым облаком, скрыв его от глаз сходки, и с той поры не было Ромула на земле»¹³.

Ливий критически относится к свидетельству Прокула Юлия о его встрече с Ромулом-богом, но все же приводит его¹⁴. Он же сообщает о распространившихся в народе слухах, что царь растерзан руками сенаторов¹⁵. Такую же информацию передает Плутарх¹⁶. Дионисий Галикарнасский сообщает несколько различных версий о

¹¹ *Aug.* CD III. 6.

¹² *Lact.* DI I. 15. 29.

¹³ *Liv.* Ab urbe con. I. 16. 1.

¹⁴ *Liv.* Ab urbe con. I. 16. 5–8.

¹⁵ *Liv.* Ab urbe con. I. 16. 4.

¹⁶ *Plut.* Numa. 2.

кончине Ромула, включая мифологическую (о вознесении на небо) и историческую (о его убийстве патрициями или новыми римскими гражданами)¹⁷.

Христианские авторы поддерживают версию о насильственной смерти Ромула. Арнобий пишет:

«...nonne ipsum Romulum patrem senatorum manibus dilaceratum centum et Quirinum esse Martium dicitis et sacerdotibus et pulvinariibus honoratis et in aedibus adoratis amplissimis et post haec omnia caelum ascendisse iuratis? (Не называете ли вы самого отца Ромула, растерзанного руками ста сенаторов, Квирином Марсовым, не чувствуете ли его через жрецов и пиршества, не молитесь ли ему в великолепнейших храмах и не клянетесь ли, что он поднялся на небо?)» (здесь и далее перевод Н.М. Дроздова)¹⁸.

Августин склоняется к тому же: «...eum propter ferocitatem a senatu discerptum esse dixerunt (он был расцелен на части сенатом за жестокость)»¹⁹. Вознесение Ромула на небо он называет «баснословной лестью» (*adulatio fabulosa*), сочиненной для успокоения народа. Лактанций более подробно останавливается на версии об обмане народа:

«Ob hoc desiderium facilius creditum est Iulio Proculo mentienti, qui subornatus a patribus est, ut nuntiaret plebi vidisse se regem humano habitu augustiorem, eumque mandasse ad populum, ut sibi delubrum fieret, se deum esse, et Quirinum vocari. Quo facto, et ipsi populo persuasit Romulum ad deos abiisse, et senatum suspicione caedis regiae liberavit (Вследствие скорби легче оказалось поверить лгуну Юлию Прокулу, который был отправлен отцами-сенаторами известить народу, что видел, мол, того царя (Ромула. — *И. Х.*) в сиянии славы, превосходящем облик человеческий. И что он передал народу, чтобы тот воздвиг ему храм, [а также] что он бог и имя его — Квирин. Тем самым он убеждал народ в том, что Ромул отправился к богам, и снял с сената подозрение в убийстве царя)»²⁰.

¹⁷ *Dion. Hal.* II. 56.

¹⁸ *Arn.* AN I. 41.

¹⁹ *Aug.* CD III. 15.

²⁰ *Lact.* DI I. 15. 32.

Понятно негодование апологетов по поводу мнимого вознесения Ромула. Этот эпизод сопоставлялся с Вознесением Иисуса Христа и представлялся им святотатственным. Отсюда единодушная поддержка версии о политическом убийстве.

Итак, прославленный основатель Города и первый римский царь в пассажах христианских авторов предстает как бастард, воспитанный неотесанным пастухом и блудницей, братоубийца, за жестокость убитый собственным народом. Все сведения об этом есть в сочинениях языческих авторов, но акценты у христианских писателей расставлены по-иному.

Вторым римским царем был сабинянин Нума Помпилий. По преданию Нуме принадлежит основание многих жреческих коллегий, учреждение праздников в честь традиционных римских богов, утверждение порядка жертвоприношений. Конечно, христианские апологеты не могли пропустить такую знаковую фигуру. Лактанций пишет о втором римском царе следующее:

«*Narum vanitatum apud Romanos auctor et constitutor Sabinus ille rex fuit, qui maxime animos hominum rudes atque imperitos novis superstitionibus implicavit: quod ut faceret aliqua cum auctoritate, simulavit cum dea Egeria nocturnos se habere congressus* (Автором и устройтелем той лжи в Риме (имеются в виду различные культы языческих богов. — *И. Х.*) был царь-сабинянин, который многие грубые и невежественные души людей опутал новыми суевериями; он сделал вид, будто имеет ночные соития с богиней Эгерией, чтобы наделить нововведения особой значимостью)»²¹.

В.М. Тюленев считает, что Лактанций дает позитивную оценку введению религиозного почитания языческих богов²². Приведенная выше цитата заставляет в этом усомниться.

Лактанций упрекает Нуму в лицемерии и чуть ли не в атеизме, опираясь на свидетельства о найденных после его смерти сочинениях на греческом языке, где второй римский царь опровергает религиозные представления²³. Действительно, уже Ливию известно, что

²¹ *Lact. DI I. 22. 1.*

²² *Тюленев В. М. 2000, 70–71.*

²³ *Lact. DI I. 22. 5.*

найденные на Яникуле книги Нумы были сожжены как подрывающие основы богопочитания по приказу претора Квинта Петилия²⁴. Об этом событии сообщают также Плиний и Плутарх²⁵. Таким образом, сам факт известен языческим писателям, Лактанций же использует его для привлечения внимания к безнравственному и циничному поведению римского царя, который, пользуясь невежеством народа, заставляет его верить в то, во что сам не верит.

Арнобий в своей апологии приводит большой рассказ о том, как Нума Помпилий узнал о средствах очищения при ударе молнии²⁶. По совету нимфы Эгерии он отправил непорочных юношей к месту водопоя Фавна и Марсова Пика. Рядом с этим местом он оставил вино с медом. Фавн и Пик обнаружили вино, изрядно выпили и уснули. Двенадцать юношей связали уснувших, а при пробуждении их Нума стал спрашивать об интересующем его предмете. В обмен на свою свободу они объявили Нуме, как можно вызвать Юпитера с неба. Затем Нума совершил жертвоприношение на холме Авентин, вызвал с неба Юпитера и спросил его о способах очищения от молний. И тогда состоялся интересный диалог между богом и царем, в результате которого Нума склоняет Юпитера принимать жертву за удар молнии в виде головки лука, человеческих волос и мелкой рыбки. И это вместо человеческой головы, изначально назначенной богом в качестве жертвы. Нума фактически перехитрил Юпитера неопределенностью слов. Этот миф содержится также в биографии царя у Плутарха и в «Фастах» Овидия²⁷. Однако в отличие от языческих авторов Арнобий использует приведенный пример для подробного разбора содержащихся в нем нелепостей. Он задает целую серию риторических вопросов. Можно ли верить, что боги Фавн и Пик испытывали жажду, что они напивались допьяна и были бессильны перед людьми? Возможно ли, что гнев Юпитера может быть смягчен при помощи таких странных средств, как головка лука, волосы и мелкая рыбешка? Неужели человеческое лукавство посмеялось над верховным богом римского пантеона? Рассуждениям

²⁴ *Liv.* Ab urbe con. XL. 29.

²⁵ *Plin.* HN XIII. 87; *Plut.* Numa 22.

²⁶ *Arn.* AN V. 1.

²⁷ *Plut.* Numa 15; *Ovid.* Fasti 285–344.

на эту тему посвящены три следующие за пассажем главы апологии²⁸. Прекрасно владея риторическими приемами, Арнобий берет для показательного обличения этиологический миф, представляющий собой попытку объяснить религиозный обряд, смысл которого утрачен с течением времени. Это благодатный материал для рациональной критики. Кроме того, прославленный и уважаемый римский царь предстает в этом мифе как отъявленный хитрец. Упоминание двенадцати юношей говорит о связи рассмотренного мифа с учреждением жреческой коллегии салиев, которых было тоже 12 и которые проводили свои обряды на Авентине.

Августин в своем сочинении уделяет две главы рассуждениям о царствовании Нумы²⁹. Основной вопрос, который он освещает, можно ли считать мир в государстве, установившийся во время правления второго римского царя, результатом введения им многочисленных языческих культов. Августин отвечает отрицательно, утверждая вполне материалистически, что Рим обязан своим долгим миром не введению Нумой различных культов языческих богов, а бездействию соседей, которые не нападали на Город³⁰. Так одним ударом он обесценивает обе основные заслуги, которые римляне вменяли Нуме, — важнейшие религиозные установления и мир во время его царствования. Наш апологет пишет:

«Illi vero homini pro tanto otio gratulandum fuit, si modo id rebus salubribus scisset impendere et perniciosissima curiositate neglaecta Deum verum vera pietate perquirere (Этот человек действительно заслужил бы благодарность за такой мир, если бы умел воспользоваться им для полезных дел и, оставив гибельное любопытство, с истинным благочестием искал истинного Бога)»³¹.

Для Августина религиозные искания Нумы, если таковые вообще имели место, это лишь гибельное любопытство. Ему вторит Лактанций, называя Нуму строителем бессмысленных религий (*institutor ineptarum religionum*)³².

²⁸ Arn. AN V. 2-4.

²⁹ Aug. CD III. 9-10.

³⁰ Aug. CD III. 10.

³¹ Aug. CD III. 9-10.

³² Lact. DI I. 22. 9.

Таким образом, христианские апологеты в своих сочинениях выставляют второго римского царя лжецом и лицемером, хитрым и циничным правителем, заставившим народ поверить басням о языческих богах.

Большой интерес с точки зрения интерпретации ранней истории представляет материал о конце царской эпохи у Аврелия Августина. Он обращается к историческому преданию о самоубийстве благородной матроны Лукреции из-за насилия, совершенного над ней сыном царя Луция Тарквиния Гордого³³. Эта история была хорошо известна аудитории Августина, поэтому он не приводит ее целиком. Полный текст фрагмента можно найти у Ливия³⁴. Вот что гласит предание. Добродетельная матрона Лукреция по закону гостеприимства принимает в своем доме царского сына Секста Тарквиния и ночью подвергается насилию с его стороны. На следующий день она призывает мужа и ближайших родственников и рассказывает о случившемся. Будучи не в силах перенести позор, она закалывает себя ножом в надежде, что родственники отомстят обидчику. Организацию отмщения берут на себя муж несчастной Тарквиний Коллатин и родственник Луций Юний Брут. В результате царь Тарквиний Гордый был низложен и изгнан из Рима вместе с сыновьями. Царская власть была упразднена. Вместо царя римляне избирают двух консулов — Юния Брута и Тарквиния Коллатина. Рассмотренный пассаж отображает поворотный момент в ранней римской истории — переход от царской власти к республике. Именно это предание Аврелий Августин выбирает для назидательного рассмотрения. Острые его критики направлены против матроны Лукреции, на примере которой учились многие поколения римлян. Августин ставит под сомнение ценность поступка всем известной героини. Он пишет:

«Dicimus corpore oppresso nequaquam proposito castitatis ulla in malum consensione mutato illius tantum esse flagitium, qui opprimens concubuerit, non illius, quae oppressa concumbenti nulla voluntate consenserit (Мы говорим, что в случае совершенного над телом насилия, если обет чистоты не нарушается никаким

³³ *Aug.* CD I. 19.

³⁴ *Liv.* Ab urbe con. I. 58–59.

соизволением на зло, то злодеяние совершается только тем, кто совершает насилие»³⁵.

Так сочувствовала ли Лукреция совершаемому над ней насилию или нет? Если нет, то «*duo fuerunt et adulterium unus admisit* (было их двое, но прелюбодеяние совершил один)»³⁶. Тогда наказание постигает невинную, которая не совершила прелюбодеяния. Нельзя наказывать целомудрие. Августин пишет:

«*Vos appello, leges iudicesque Romani. Nempe post perpetrata facinora nec quemquam scelestum indemnatum impune voluistis occidi. Si ergo ad vestrum iudicium quisquam deferret hoc crimen vobisque probaretur non solum indemnatum, verum etiam castam et innocentem interfectam esse mulierem, nonne eum, qui id fecisset, severitate congrua plecteretis? hoc fecit illa Lucretia; illa, illa sic praedicata Lucretia innocentem, castam, vim perpessam Lucretiam insuper interemit. Proferte sententiam. Quod si propterea non potestis, quia non adstat quam punire possitis, cur interfectricem innocentis et castae tanta praedicatione laudatis? (К вам обращаюсь, законы и судьи римские! Вы и после действительно совершенного преступления не позволяете безнаказанно убивать никакого злодея, пока он не будет осужден. Итак, если бы это преступление было передано кем-нибудь на ваш суд, и вы бы нашли, что убита женщина не только не осужденная, но и чистая и невинная, - неужели вы не подвергли бы соответствующему строгому наказанию того, кто это сделал? А сделала это Лукреция: она сама, столь прославленная Лукреция, невинную, чистую, потерпевшую насилие Лукрецию вдобавок ко всему умертвила! Произнесите ваш приговор. Если не можете произнести его потому, что нет на лицо кого вы могли бы наказать, то зачем же вы с такою похвалою отзываетесь об убийце этой невинной и чистой женщины?)»³⁷.*

Слова, описывающие факт, программируют восприятие, выступают в роли «словесных рамок». Поэтому один и тот же факт можно вставить в другую рамку. Таким образом у читателей меняется способ видения факта, формируется новая точка зрения на реальность. Слова могут оказать большее влияние на аудиторию,

³⁵ *Aug.* CD I. 19.

³⁶ *Ibid.*

³⁷ *Aug.* CD I. 19.

нежели фактическое положение вещей³⁸. Августин пытается изменить восприятие аудитории с позитивного на негативное. И снова он обосновывает свое мнение с точки зрения юриспруденции, о чем говорит привлечение различных юридических понятий: смертная казнь (*summum supplicium*), свидетель (*testis*), сообщница (*socia*), преступление (*scelus*), человекоубийство (*homicidium*)³⁹. Августин облакает свою мысль в эффектные хиазмы:

«Non amitti corporis sanctitatem manente animi sanctitate etiam corpore oppresso, sicut amittitur et corporis sanctitas violata animi sanctitate etiam corpore intacto (При сохранении святости душевной не теряется и святость телесная, хотя бы тело и потерпело насилие; так же точно, как при нарушении святости душевной теряется святость и телесная, хотя бы тело оставалось неприкосновенным). *Aliena libido... non polluet, si aliena erit; si autem polluet, aliena non erit* (Не осквернит сладострастие, если будет чужое, а если осквернит, то не будет чужим)»⁴⁰.

Но контекст может быть и иным. Если Лукреция убила себя, не будучи виновной в прелюбодеянии, то ею движет болезненное чувство стыдливости, а не любовь к целомудрию. «*Romana mulier laudis avida nimium* (Римская женщина до крайности жаждала доброго мнения о себе)»⁴¹. Она боялась прослыть сообщницей насильника. Неблаговидная причина поведения Лукреции — ложный стыд, а значит — гордыня. Этот порок занимает особое место в христианском списке смертных грехов. Такая характеристика уничтожает возможность положительно оценить поступок Лукреции. Но ответ на поставленный Августином вопрос может быть и другим. Лукреция в тайне сочувствовала насильнику, поэтому и убила себя. Тогда она не может считаться невинной. Рассматриваемый пассаж из труда Августина изобилует риторическими вопросами.

«*An forte ideo ibi non est, quia non insontem, sed male sibi consciam se peremit? Quid si enim (quod ipsa tantummodo nosse poterat) quamvis iuveni uiolenter inruenti etiam sua libidine inlecta consensit*

³⁸ Трунов И.Л., Мельник В.В. 2011, 260.

³⁹ *Aug.* CD I. 18–19.

⁴⁰ *Aug.* CD I. 18.

⁴¹ *Ibid.*

idque in se puniens ita doluit, ut morte putaret expiandum? (Или может быть она умертвила себя не невинную, а чувствующую за собой преступление? Что если она, увлеченная сладострастием юноши, сочувствовала ему, хотя он и употребил против нее насилие, и не прощая себя за это, сокрушалась до такой степени, что полагала возможным искупить свое преступление только смертью?)».

Далее Августин прибегает к эффектной антитезе:

«Si adulterata, cur laudata; si pudica, cur occisa?» (Если она прелюбодействовала, за что ее хвалят, а если осталась целомудренной, за что она убита?)»⁴².

Автор просто не оставляет аудитории шансов на положительное суждение о Лукреции.

Итак, подытоживает Августин, величие духа в том, чтобы перенести грубое рабство над телом и невежественное мнение толпы, а не бежать от этого⁴³. Таким образом, поступок Лукреции, признанной героини римской истории, ничто иное как слабость, которая не может перенести несчастье⁴⁴. Любимый персонаж римской истории, наделенный добродетелью (*virtus*), из положительного и уважаемого превращается в слабого и заслуживающего сожаления. Ни о какой добродетели здесь уже речь не идет.

Само обоснование блаженным Августином недопустимости суицида носит юридический характер. Он экстраполирует признаки убийства на самоубийство и причисляет последнее к разряду уголовных преступлений. Самоубийство, по Августину, есть преступление человека против себя и Бога. Для большей убедительности он привлекает юридическую терминологию, обращается к римским судьям и законам. С христианской точки зрения, самоубийство недопустимо ни ради приобретения бессмертия, ни во избежание зла. Заповедь «не убий» относится и к себе, и к ближнему. «Neque enim qui se occidit aliud quam hominem occidit» (Ибо кто убивает себя, убивает ничто иное, как человека)⁴⁵. Нельзя не отметить, что как

⁴² *Aug.* CD I. 19.

⁴³ *Aug.* CD I. 22.

⁴⁴ *Aug.* CD I. 23.

⁴⁵ *Aug.* CD I. 20.

моральная, так и юридическая недопустимость суицида, аргументированно обоснованная Августином, сформировала негативное отношение к этому явлению не только в христианском вероучении, но и в коллективном сознании в целом.

Итак, подведем итог нашего небольшого исследования. Обращает на себя внимание тот факт, что христианских авторов более всего привлекают личности трех римских царей: Ромула, Нумы Помпилия и Тарквиния Гордого. Такой выбор обусловлен тем, что это ключевые фигуры царского периода. Ромул — основатель великого Города, Нума Помпилий — реформатор сакральной сферы, Тарквиний — виновник смены политического режима. Обличить этих царей значит скомпрометировать весь царский период, дискредитировать седую древность, почитавшуюся римлянами.

Конечно, рассмотренные пассажи не равнозначны. Некоторые из них, как например, сюжет о внезапной смерти Ромула во время бури, становятся практически общим местом в сочинениях христианских апологетов. Другие сюжеты редки и упоминаются только у одного автора. Тем не менее, появление их в христианских апологиях всегда связано с единой задачей дискредитации римской старины. Обычаи предков (*mores maiorum*) высмеиваются и компрометируются. А.Ю. Братухин отмечает как характерную черту сочинений Тертуллиана «переоценку ценностей» принятых в обществе⁴⁶. Надо сказать, что эта черта присуща всем проанализированным здесь текстам.

Средства для дискредитации ранней римской истории, к которым прибегают апологеты, можно определить, как рациональную критику, негативную морально-нравственную и правовую оценку.

Общим для христианских авторов является тенденциозный отбор соответствующего исторического материала среди различных версий, приводимых их языческими источниками. Обращает на себя внимание также мастерское риторическое оформление рассмотренных пассажей у христианских писателей.

Почему ранняя римская история так популярна среди христианских авторов? Во-первых, события, сильно отдаленные от времени их жизни и творчества, уже приобрели легендарные черты, обросли чу-

⁴⁶ Братухин А.Ю. 2016, 185.

десами и вымыслом. А это наиболее удобный материал для рациональной критики. Во-вторых, многие нравственные ценности, доминировавшие в царский период, изменились ко времени написания исследуемых нами трудов. Для обоснования новых христианских взглядов и моральных приоритетов как нельзя лучше подходили полузабытые и не всегда понятные реалии царской эпохи. В-третьих, сами языческие писатели рационалистического толка уже достаточно дискредитировали события ранней истории. Христианские авторы зачастую используют сочинения своих предшественников — анналистов и антикваров — и опираются на их же аргументацию.

«Раннее христианство, осознавшее себя целителем человечества, стремилось лечить его, забыв на первых парах древнюю медицинскую истину о том, что горькое лекарство должно быть подслащено медом»⁴⁷. Действительно, римские древности подвергаются резкой уничтожающей критике со стороны христианских авторов, которые преследуют благую цель — отвратить язычников от ложных ценностей.

⁴⁷ Бычков В.В. 1995, 166.

БАСТАРНЫ

ПРОБЛЕМА ИСТОРИЧЕСКОЙ И ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ

М.Г. Гусаков

*Памяти моих друзей ленинградцев
К.В. Каспаровой, М.Б. Щукина, Д.А. Мачинского*

В исторической и археологической науке давно известно имя европейского народа — бастарны. Изучение истории бастарнов породило много мифов и противоречивых идей. Я вспомнил о нем и его истории в связи с пятилетней научной темой «Погребальные памятники эпохи Гальштата и Латена Восточной Пруссии (по материалам охранных раскопок)». Передо мной встал вопрос, какому народу могли принадлежать памятники поморской культуры? На одном из памятников я вел раскопки на западном берегу Калининградской области недалеко от посёлка Янтарный в 1985 и в 1988 гг. Выяснение этнической принадлежности поморской культуры привело меня к изучению этого вопроса у всех ее соседей. Так я вернулся к своему прежнему научному увлечению, а именно, истории зарубинецкой культуры и её соседей. И начну я, пожалуй, с краткого экскурса в историю изучения культур «полей погребений» на территории бывшей СССР.

В конце XIX (1898 г.) века В.В. Хвойко под Киевом вскрыл несколько погребений, характер погребального обряда которых сразу вызвал волну толкований и разночтений. Так возникла дискуссия о присутствии германских племен на территории Российской империи. В период революций и войн на время страсти «по германцам» утихли. Но в результате новых находок в 50–60-е годы, спор о принадлежности племен к «славянам» или «германцам» разгорелся с новой силой. Пожар дискуссии горел долго — почти без малого 40 лет, пока и не ушел в небытие вместе с участниками этого спора. Сегодня вряд ли найдется человек, помнящий досконально, о чем шел спор, кроме тех, кто в те времена ходил «в коротких штаниш-

ках». Сегодня острота проблемы растворилась и приняла вид прозрачного раствора, только вкус этой воды отдает слабой горечью былых баталий. И горечь в том, что до сих пор неясно ради чего «боролись», сходились «врукопашную», зачем губили и делили людей «на своих и чужих». Сегодня, очевидно, все это было напрасно. В пылу спора никто не заметил, как на берегах Вислы, тихо и без ажитации сложилась и обрела четкие контуры концепция «праславянской прародины». Так для всего европейского мира родиной славян стала Польша, а не Украина или Белоруссия, и уж тем более не Россия. Однако в конце 70-х годов прошлого века К. Годловский и ряд немецких исследователей выступили в печати с поддержкой идеи о поисках славянской прародины в Среднем Поднепровье в ареале киевской культуры, высказанной ещё П.Н. Третьяковым и И. Вернером в 70-е годы¹.

К настоящему времени уже известно около 500 памятников зарубинецкой культуры, поселений и могильников². Раскопано и опубликовано более 1500 погребений. Зарубинецкая культура существовала сравнительно недолго. Появившись в конце I-го тысячелетия до н.э. в районах Полесья, Среднего и Верхнего течения Днепра, она в I в. н.э. исчезла, оставив значительный след в сопредельных северных археологических культурах³. Мы располагаем данными о заселении представителями этой культуры большой территории бассейна реки Припять с ее правыми притоками. Первоначально была заселена территория Припятского бассейна, а потом уже Среднее и Верхнее Поднепровье. Ю.В. Кухаренко не включал памятники Верхнего Подесенья в зарубинецкие. Напротив, украинский археолог Е.В. Максимов считал, что первоначальной зоной сложения зарубинецкой культуры явилось именно Среднее Поднепровье⁴. В 60-е годы XX в., в связи с выходом работ Д.А. Мачинского, началась дискуссия о принадлежности к зарубинецким древностям еще одной археологической группы — прутско-днестровской, это были материалы так называемой культуры поянешти-лукашевка. Д.А. Мачинский, рассматривал её, как четвертую

¹ Третьяков П.Н. 1970; Godlowski K.Z. 1979.

² Кухаренко Ю.В. 1964; Максимов Е.В. 1993.

³ Седов В.В. 1970, 2005; Тертиловский Р.В. 2004.

⁴ Кухаренко Ю.В. 1964; Максимов Е.В. 1978; 1993.

группу зарубинецкой культуры⁵. Однако вопрос, кто такие «зарубинцы» так и остался на многие годы нерешенным.

Прошло почти четверть века как в журнале STRATUM plus была опубликована статья М.Б. Щукина о бастарнах. Эту работу Марк Борисович посвятил памяти другу и коллеге К.В. Каспаровой безвременно ушедшей от нас, теперь нет и самого М.Б. Щукина⁶. Я вспомнил об этом не только для того, чтобы почтить память уже ушедших товарищей, но и о том, чтобы напомнить, что М.Б. Щукин был последним, кто писал об этом «странном народе» который до сих пор ставит перед историками и археологами немало вопросов. Правда, в конце 70-х годов вышла маленькая заметка Ю.В. Кухаренко о так называемых зарубинецких памятниках в Подолии, где автор определенно высказалась за принадлежность к бастарнам культуры поянешти-лукашевка⁷. Однако, новых предположений относительно того, кто же такие бастарны, увы, слишком мало. Я не стану подробно вовлекать читателя в тему историографического изучения проблемы бастарнов. Литература по этой теме огромна, тем более Марк Борисович достаточно ёмко и точно передал ее в сжатой форме и мне здесь добавить нечего⁸. Сразу хочу оговориться, что у меня нет сомнений в том, что М.Б. Щукин был совершенно уверен, причем ещё с 60-х годов прошлого века, что бастарны и археологическая зарубинецкая культура — суть одно и то же. Также это относится и к культуре поянешти-лукашевка⁹. Однако, это предположение ему и его коллегам пришлось довольно долго доказывать. И со временем эта мысль стала для всех вполне привычной. В настоящей статье я намерен остановиться на других аспектах, которые, на мой взгляд, остались «за кадром». Речь пойдет о некоторых конкретных археологических аргументах, которые, к моему сожалению, в работах М.Б. Щукина, оказались не совсем развернутыми.

Начну с того, что я разделяю в целом идею М.Б. Щукина и его коллег о принадлежности зарубинецкой культуры и культуры поянешти-лукашевка распространенных в конце I тыс. до н.э., на терри-

⁵ *Мачинский Д.А.* 1963;1966а; 1966б; 1973.

⁶ *Щукин М.Б.*1999.

⁷ *Кухаренко Ю.В.* 1978.

⁸ *Щукин М.Б.* 1999.

⁹ *Мачинский Д.А.* 1966а; 1966б; *Щукин М.Б.* 1994; 1999.

тории западнее Днепра к бастарнам, пришедшим из Центральной Европы. Первый вопрос, который напрашивается сам собой, что означает термин — «бастарны, бастарней». Я не припоминаю, чтобы в специальной литературе давалось объяснение этому этнониму. Почему этнониму, да потому, что практически единодушно под «бастарнами» подразумевают племя германского этнического происхождения. Однако, в работе В.П. Будановой специально посвященной этнонимии племенного мира Западной Европы читаем, что

«...этническое определение этих племен (*бастарны* [бастерны]. — выделено М. Г.) остается спорным. Одни исследователи считают бастарнов сармато-фракийскими племенами, или кельтизированными иллирийцами, другие — германцами. Древние авторы, начиная с I в н.э. причисляли бастарнов к германским племенам. Размещались бастарны по течению р. Прут вплоть до дельты Дуная (Страбон, Тацит, Плутарх, Птолемей, Аппиан, Иордан)»¹⁰.

Бастарны стали известны с III в. д. н.э. Так утверждают многие исследователи¹¹. Они исходят из того, что имя «бастарны» было хорошо известно греческим и римским авторам. Наиболее информированным из них был, на мой взгляд, Страбон. Он пишет:

«Что касается германцев, то, как я уже сказал, северные германцы населяют океанское побережье. Известны, однако, только те племена, что живут от устьев Рена до Альбия; из этих племен наиболее известны сугамбры и кимвры. Области же за Альбием близ океана нам совершенно неведомы. Действительно, я не знаю никого из людей прежнего времени, кто бы совершил это прибрежное плавание в восточные области вплоть до устья Каспийского моря; и римляне ещё не проникали в земли за рекой Альбием; равным образом и сухим путем никто не проходил туда. Однако если идти по долготе к востоку, то мы встретим области, лежащие около Борисфена и к северу от Понта, это ясно из «климатов» и параллельных расстояний. Но что находится за Германией: нужно ли принять, что там живут *бастарны* [выделено. — М. Г.] (как думает большинство), что между ними обитают другие народности — *языги* [выделено. — М. Г.] или *рок-*

¹⁰ Буданова В.П. 1991, 44

¹¹ Более подробно см.: Щукин М.Б. 1994.

соланы [выделено. — М. Г.] или какие-либо другие из кочующих кибитках, сказать трудно. Нелегко решить, обитают ли они вплоть до океана, по всей длине побережья, или какая-либо часть страны необитаема из-за холода или по другой причине, или даже другая народность, сменившая германцев, живет между морем и областью восточных германцев. То же самое неведение господствует у нас и относительно прочих, непосредственно следующих за ними северных народностей. Действительно, я не знаю ни бастарнов, ни савроматов, ни вообще народностей, обитающих над Понтом; не знаю даже, как далеко они отстоят от Атлантического моря и граничат ли их области с ним» (здесь и далее пер. Г.А. Стратановского)¹².

Обратим внимание на то, что в этом пассаже прозвучала идея о кочующих народах. И греки, и римляне знали, что языги и роксоланы — кочевой народ. Но причем здесь бастарны? Да притом, что если переводить с греческого, то слово «*Βαστάρναι* (или *Βαστέρναι*), *bastarne*, *basterna*» означает паланкин для женщин, или кибитку с крышей из шкур или ещё каких-либо покрытий. Следовательно, возможно, бастарны кочевники? Но какие кочевники? Греки знали скифов, сарматов или савроматов, роксолан и другие племена. И Страбон к этим «кочевникам» присоединил ещё и бастарнов. Но, говоря о бастарнах, он не дает им четкой этнической характеристики и говорит о них удивительно уклончиво. Только в одном месте он позволяет себе пассаж, при описании Борисфена и народов его населявших, где пишет:

«...Вся страна, расположенная над упомянутым побережьем между Борисфеном и Истром, состоит, во-первых, из «Пустыни гетов», во-вторых, из области тирогетов, за которой идет область изаигских [скорее всего, здесь следует читать языгских. — М. Г.] сарматов, страны так называемых царских сарматов и страны ургов, по большей части кочевников (хотя немногие занимаются земледелием). Эти народности, как говорят, живут также по Истру, нередко по обим сторонам этой реки. В глубине страны обитают бастарны, граничащие с тирегетами и германцами; бастарны также, быть может, германская народность и делятся на несколько племен»¹³.

¹² *Strabo* VII. II, 4.

¹³ *Idem*. VII. III, 17.

У бастарнов есть ещё одно имя — *певки* или *певкины*. Так называли жителей острова Певка, в устье Дуная, где были сосредоточены бастарны. Остров Певка — место проживания бастарнов и певкинов¹⁴.

И все же перед исследователями остается открытым вопрос, кто в действительности мог оказаться на рубеже III–II вв. до н.э. в устье Дуная? Ответ на него достаточно сложен и неоднозначен.

С V–III вв. д.н.э. в Юго-Восточной Европе развернулось значительное по масштабам движение кельтских племен. От верховьев Дуная и Рейна кельты мигрируют на Балканы на территорию Греции. Движение кельтов шло по левому берегу Дуная¹⁵. Надо сказать, что эта миграция не была одномоментным процессом, а растянулась на многие годы. Период кельтской экспансии длился более трех столетий с усилением или ослаблением движения в юго-восточном направлении. На археологических картах, которые представил в своей работе Я. Филипп, достаточно красноречиво видна зона распространения кельтских поселений и могильников, охватывающих территорию вокруг русла Дуная¹⁶. Не исключено, что именно движение кельтов вытолкнуло бастарнов из первоначальных мест обитания. На основании письменных источников путь бастарнов выглядит следующим образом:

1. Историк Помпей Трог сообщает между 233–229 гг. до н.э., что бастарны в период римско-македонских войн перемещались по землям восточнее Балкан.
2. Деметрий из Каллатиса помещает бастарнов в низовье Дуная в 216 г. до н.э.
3. Тит Ливий под датами 182–179 гг. до н.э. сообщает, что было послано посольство Македонского царя Филиппа V к бастарнам, чтобы склонить их к союзу против Рима.
4. Орозий под датой 175 г. до н.э. сообщает, что против дарданов (на Балканах) действовал отряд бастарнов под руководством Клондика.

¹⁴ Буданова В.П. 1991, 156–157.

¹⁵ Шкунаев, С.В. 1988, 492–503; Колосовская Ю.К. 1988, 504–512.

¹⁶ Филипп Я. 1961.

5. В течение I в. до н.э. бастарны были постоянными союзниками боспорских городов в борьбе с Римом¹⁷.

Второй не менее известный в письменной исторической традиции миграционный процесс в Европе был зафиксирован во II–I вв. до н.э.¹⁸. Он связан с движением кимвров и тевтонов. Они начали свой путь на юг от побережья Северного моря и, совершая многочисленные повороты в Центральной Европе, оказались у границ Римской республики. Здесь, в предгорьях Альп, кимвры и тевтоны были разбиты Гаем Марием. Однако, М.Б. Шукин считал, что движение началось ещё в III в. до н.э. и шло по Эльбе. Именно нестабильность этого региона привела в движение и другие племена, населявшие эти места. Они, в свою очередь, вероятно, сдвинули племена, населявшие территории между Одрой и Вислой. Возможно, здесь в это время могли находиться бастарны? М.Б. Шукин обращает внимание на то, что тевтоны и кимвры были германцами, но при этом это уже сильно кельтизированные германцы¹⁹. В качестве возможных кандидатов на «звание» бастарнов М.Б. Шукин выдвигает археологические культуры третьего «мира» и латенизированные культуры полей погребений с лощеной и храповатой керамикой. Третий «мир» — это варварский мир Центральной и Северной Европы от Нижнего Рейна до Карпат. Здесь представлено многоцветие разнообразных памятников культур «полей погребений». Они отличались общими чертами обряда погребения — сожжение, кости помещены в урны — лощеные или храповатые или и то и другое вместе. В каждой культуре представлены миски с иксообразными ручками, большие вазы, налепы в виде пупа или полумесяца²⁰. Очень важная деталь, все эти культуры — «фибульные». После столкновения с кельтами представители этих культур, используя поясные крючки и фибулы, изменили свой стиль одежды²¹. Обратим внимание на эти культуры, которые своими корнями уходят в эпоху бронзы:

¹⁷ Шукин М.Б. 1999; Shchukin M., Kazanski M., Sharov O. 2006.

¹⁸ Шелов-Коведяев Ф.В. 1994.

¹⁹ Шукин М.Б. 1994.

²⁰ Он же. 1994; 1999.

²¹ Филипп Я. 1961.

1. Ясторфская (правобережье Эльбы), в основе лужицкая культура с её локальными вариантами (биллендорфской и горицкой). Начало культуры относится к VI в. до н.э. К сожалению, обобщающих исследований по этой культуре нет. Хромает и хронология сделанная Г. Швантесем²².
2. Поморская культура с лужицкой подосновой и некоторой долей участия носителей культур домовидных и лицевых урн. Идет дискуссия о поморской и подклошевой, как единой культуре, или двух разных²³.
3. Из поморской во II в. до н.э. выделяются две культуры — оксывская и пшеворская. В погребениях появляется оружие²⁴.
4. Культура поянешти-лукашевка, между Днестром и Прутом²⁵.
5. Зарубинецкая культура — Припять, Киевское Поднепровье и Верхнее Поднепровье²⁶.

Стоит обратить внимание и на то, что все названные культуры могли стать основной территорией, где впоследствии сформировались германцы, славяне и балты.

Первое письменное упоминание о германцах относится к середине I в. до н.э., когда Юлий Цезарь столкнулся с германцами на Рейне, в земле белгов. Эта территория являлась пограничной зоной, контактным регионом между кельтами (галлами) и германцами. Это подробно проанализировано в исследованиях Р. Хахмана и его коллег²⁷. Археологическое воплощение древних германцев — ясторфская культура в её латенских хронологических вариантах — зеедорф и рипдорф²⁸. Область распространения — бассейн Одры и бассейн Эльбы. С восточной стороны от Ясторфа располагаются археологические культуры на Висле. Поморская культура, располо-

²² Schwantes G. 1909; Urbanek H. 1941.

²³ Okulicz J. 1973; Malinowski T. 1979a; 1979b.

²⁴ Okulicz J. 1973; Wolagiewicz R. 1977.

²⁵ Мачинский Д.А. 1966а.

²⁶ Кухаренко Ю.В. 1964; Максимов Е.В. 1993; Мачинский Д.А. 1966б.

²⁷ Hachman R., Kossack G., Kuhn H. 1962; Hachman R. 1970; Амброз А.К. 1969; 1974.

²⁸ Kossinna G. 1927; 1934; Schwantes G. 1911.

жила от среднего течения до устья Вислы, время VI–IV вв. до н.э.²⁹. Восточнее поморской культуры, на территории Восточной Пруссии, в тоже время, появляется культура западно-балтийских курганов³⁰. Лужицкая культура VIII–VI вв. до н.э., в финальной своей фазе синхронна поморской культуре и продолжала существовать на юге до образования подклошевой культуры. Подклошевая культура появляется в IV в. до н.э. и охватывает центральную и южную Польшу³¹. Итак, начало Латена представлено на Висле тремя формированиями: север, низовье Вислы, — поморская культура; юг, верховье Вислы — подклошевая культура; северо-восток, за Вислой — культура западнобалтийских курганов.

Материальная основа всех трех культур находилась на одном уровне. Только у культуры западнобалтийских курганов много меньше вещей, чем в двух других. Но главное, что все три культуры имеют одинаковый погребальный обряд: урновые и безурновые погребения, в них есть каменные склепы (домовины) с небольшим по количеству погребальным инвентарем. Все три культуры имеют помимо грунтовых могильников — курганные погребальные сооружения, в которых от одного до нескольких погребений. Все три культуры с универсальным хозяйством: подсечно-огневая система земледелия, приусадебное скотоводство, при сохранении охоты, рыболовства. Поселения открытого типа — селища. Есть городища. Тут же заметим, что соседняя с ними ясторфская культура идентична названному. Однако, в середине латенской эпохи, во III–II вв. до н.э. происходит трансформация старых культур в новые: на севере, на месте поморской возникает оксывская культура; на юге на месте подклошевой — пшеворская культура. На северо-востоке, от Вислы культура западнобалтийских курганов продолжает свое существование, однако и здесь много вопросов, но это уже отдельная тема. Все три культурные формирования доживают до рубежа эр³².

На востоке и на севере от названных культур, в зоне широколиственных лесов, расположились археологические культуры, разви-

²⁹ Okulicz J. 1973; Malinowski T. 1979a; 1979b.

³⁰ Jankuhn H. 1933.

³¹ Dabrowska T. 1977.

³² Czapok S. 1989; Щукин М.Б. 1994; Гусаков М.Г. 2005.

тельно отличающиеся от них. Речь идет о культурах штрихованной керамики, милоградской, юхновской, днепро-двинской, верхнеокской, дьяковской, городецкой. Эти культуры имеют свои особенности:

- Все культуры «городищенские».
- У них нет погребального обряда аналогичного как у латенизированных культур. Погребения в земле отсутствуют. Какие у них были погребения, пока неясно.
- Погребения милоградской и юхновской культур так же неясны, не исключено, что они не относятся к данным культурам³³.
- В этих культурах мало металла, вещи из цветного металла малочисленны. Изготовление вещей из железа началось не ранее V в. до н.э.
- Керамика лепная и носит следы бронзовой архаики. Форм посуды подобным вышеописанным нет.
- Лесные культуры лежат не территориях с балтскими и финскими гидронимами.
- У них есть «грузики дьякова типа».

М.Б. Шукин считал, что западные лесные культуры эпохи раннего железного века — протобалтские (культура штрихованной керамики, милоградская, и днепро-двинская), а восточные — протофинские (юхновская, верхнеокская, дьяковская и городецкая). Однако, он тут же высказывал и другое мнение, что эти культуры могли отражать хронологический период, когда существовала балто-славянская общность³⁴. Вывод из всего этого предельно прост — лесные культуры совершенно не похожи на культуры висленского и днепровского бассейнов. Это был совершенно другой мир варварских племен.

Уже в XIX в. сложилось мнение, что ясторфская культура, как и все культуры, расположенные западнее Одры — оставлены *германцами*³⁵. Вполне логично, что славяне и балты должны быть где-то рядом. Можно предположить, что славяне, а точнее — протосла-

³³ Гусаков М.Г. 2008.

³⁴ Шукин М.Б. 1994, 58-59.

³⁵ Jankuhn H. 1933; Kossinna G. 1905; 1912; 1927; 1934; Schwantes G. 1909; 1911.

вяне и протобалты, должны были иметь погребальный обряд идентичный ясторфскому, т.е. остатки сожжения в урнах и безурновые погребения. Допустим, что это так. Но меня не оставляет сомнение, как, вероятно, проявление естественной рефлексии историка-исследователя, а почему мы считаем, что германцы в эпоху раннего Латена — уже германцы? Цезарь первым сообщил, кто такие германцы и это было во второй половине I в. до н.э., т.е. намного позже начала ясторфской культуры. Мы так же не знаем, кто были кимвры и тевтоны в этническом смысле — кельтами, или германцами? А может они относились к доиндоевропейскому населению, народу между германцами и кельтами³⁶. То же можно сказать и о балтах, и славянах³⁷. Ясно одно, германцы перестают вызывать сомнение только в первом веке н.э.

В археологической литературе давно принято считать, что ряд культур эпохи раннего железного века, особенно Латена, испытали кельтское влияние. Например, культуры поянешти-лукашевка и зарубинецкая. Но при внимательном анализе данного материала, якобы «кельтского» в них только то, что керамика, и притом не вся, а только часть погребальной, носит специфический чернолощенный облик. Из погребального инвентаря выделяются фибулы — ранне- и среднелатенских схем, которые скорее были сделаны на месте, в подражании «модным» моделям. Еще можно назвать браслеты и пронизки. Сделать их могли бродячие мастера. Вот, пожалуй, и весь «кельтский элемент» в данных культурах.

На самом деле, все так называемые «латенизированные» культуры, и восточноевропейские в том числе, как и кельты, претерпели долгую эволюцию и прошли через межплеменное смешение. Чернолощенная посуда и многие элементы погребального обряда раннего железного века — вышли из Гальштатской эпохи. В качестве полигона, где смешивались многие компоненты западных и восточных культур, была лужицкая культура с её хронологическими вариантами и локальными группами. И вполне уместен вопрос — о каком кельтском влиянии на востоке от Карпат может идти речь в эпоху Латена? Если археологические культуры на территории южной

³⁶ *Nachman R., Kossack G., Kuhn H.* 1962.

³⁷ *Третьяков П.Н.* 1966; *Седов В.В.* 1970; 2005.

Польша ещё могли испытывать кельтское влияние, то культуры восточнее Вислы никак нет. Мы всегда должны помнить, что:

- Кельты давно знакомы с гончарным кругом. В то время как зарубинецкая и подклошевая культуры его не знали. Чтобы сделать посуду в восстановительной среде (чернолощеную), они должны были иметь гончарные горны, но они не найдены. Максимум, что они могли сделать, так это «обварить» свою посуду в мучнистом растворе³⁸.
- Браслеты, фибулы явно местные и их удивительно мало! Фибулы с треугольным щитком встречаются не только на Балканах. Такие фибулы были найдены в Крыму в Неаполе Скифском и южной Германии, но они мало похожи на зарубинецкие. Поянштские фибулы — это обычные, латенские и широко распространенные.
- Знаменитые вазы, столь популярные в эпоху Латена, на самом деле представляют собой образцы, которые все вышли из культуры Террамар и Альпийского Гальштата. Но кто из археологов когда-либо проверял их на степень сходства?

Надо сказать, что М.Б. Шукин и его единомышленники проделали огромную работу по поиску и выявлению не только памятников, но и самих археологических предметов, которые давали бы прямые соответствия кельтским образцам. Но меня совершенно удивило, что никто не анализировал сам погребальный обряд (я говорю о его археологическом воплощении), в частности, как устроено само погребение. На самом деле погребальный обряд при всей его монотонности и однообразии дает далеко не однозначную картину. В этом мне довелось убедиться, когда я в течение нескольких лет работал над темой об эволюции погребального обряда в Восточной Пруссии в эпоху Гальштата и Латена по материалам местных могильников³⁹. Для того, чтобы выяснить хронологию погребений из могильника Покровское, потребовалась провести сравнительную процедуру по всем выделенным типам погребений с синхронными и асинхронными могильниками соседних земель.

³⁸ Бобринский А.А. 1978.

³⁹ Гусаков М.Г. 2005, Табл. 1–3.

Для этого пришлось просмотреть и проанализировать материалы грунтовых (безкурганных) могильников, а также и курганных из Германии, Польши, Чехии, Белоруссии, Украины и Молдавии, относящиеся к эпохам Гальштата и Латена. Всего было использовано 33 могильника, в хронологическом диапазоне от 1300–1100 гг. до н.э. по рубеж н.э. Всего была использована информация из 4371 погребений. Остановлюсь кратко на отдельных деталях состояния дел в погребальном обряде. Исследуемые памятники делятся на несколько неравных групп не только по хронологическому, но и по обрядовому признаку.

В первой группе представлены памятники лужицкой культуры, относящиеся к позднему этапу эпохи бронзы (могильники Черновоны и Скважиницы, 1300–800 гг. до н.э.). Следует обратить внимание на то, что это грунтовые могильники, в которых практически нет погребений в каменных ящиках. Зато представлены урновые, безурновые и кенотафы — погребения в ямах. Есть одно погребение в каменном ящике. В тоже время интересно, что в курганных погребениях каменные ящики присутствуют, и являются доминирующей формой в погребальной практике.

Вторая группа могильников Гальштата (11 могильников — 2158 погребений, в диапазоне 800–400 гг. до н.э.) представлена всеми типами погребений: от каменных ящиков до кенотафов. Прежде всего, достаточно представлены погребения в каменных ящиках, как целых, так и разрушенных (1038 погребений). Это практически половина погребений, если учесть, что захоронений неясного типа в этой группе только 108. Подклошевых погребений в ямах 168; урновых в ямах 580; безурновых в ямах 200; кенотафов 64. Из этого перечня ясно, что погребальный обряд строился на основе конструкции с каменными ящиками. Из 2158 урновых захоронений в каменных ящиках 831; в клошевых 150; урны в ямах 525.

Третью переходную группу между Гальштатом и Латеном можно определить, как первую фазу Латена (500–200 гг. до н.э.). Сюда вошло 8 могильников, представленных 402 погребениями, 40 из которых находились в разрушенном состоянии. В этой группе число погребений в каменных ящиках сильно снижается. Если в Гальштатское время во второй группе погребений в каменных ящиках 1051 (из 2129 захоронений). Я исключил из рассуждений неясные / разрушен-

ные погребения, тогда как в «переходную эпоху», в ранний Латенский период, наблюдается явное снижение использования данного обряда (95 из 402). Ямные погребения во второй группе Гальштатских погребений составляют 1018 из 2129, тогда как в эпоху Латена в третьей группе 282 из 402. Также снижается и количество подклошевых погребений (24 из 193). В переходной группе налицо уменьшение погребений в ящиках и под клошем, и наблюдается явный рост захоронений в грунтовых ямах. Но что любопытно, урновые погребения значительно преобладают над безурновыми (235 против 167).

Относительно двух могильников Горошков и Доброво важно отметить, что они могут вполне составить отдельную группу. К сожалению, эта группа невелика, всего 220 захоронений. В данном случае мне представляется, что здесь надо было бы увеличить количество наблюдений, хотя с точки зрения статистики, этого числа вполне достаточно, чтобы включить их в третью группу.

Четвертая группа состоит из памятников зарубинецкой культуры и памятников культуры поянешти-лукашевка. Только на польском могильнике Подвеськ из оксывской культуры сохранились слабые следы предшествующих культур. В четвертой группе представлены 10 памятников, которые содержат 1637 погребений. Главная их черта в том, что здесь почти отсутствуют погребения в каменных ящиках (всего 5, и 2 с клошем в Подвеське). Все 1630 захоронения сделаны в грунтовых ямах, в них же устроены и урновые погребения (352), тогда как безурновых захоронений 1157, а кенотафов 92. Эта группа может быть названа периферийной, так как состоит целиком из памятников, расположенных за пределами Вислы. В качестве сравнения были привлечены материалы исследования могильника Подвеськ из оксывской культуры. Этот могильник большой (505 погребений), достаточно репрезентативный и может быть использован в качестве сравнительного материала. Отмечу главное. В этом могильнике 5 погребений, где каменный ящик как таковой почти отсутствует, его контуры едва читаются. Скорее всего, это слабая имитация каменной ограда. Вполне правомерно считать, что захоронений в каменных ящиках здесь тоже нет, как и в памятниках зарубинецкой и поянешти-лукашевка. Но зато в этом могильнике значительный процент погребений в урнах (126 против 308 безурновых), тогда как в зарубинецких могильниках их много

меньше (187 против 827). К напримеру, в Чаплинском могильнике зарубинецкой культуры, расположенном в Верхнем Поднепровье, представлено 4 урновых погребения против 273 безурновых.

Можно предположить, что в эпоху Латена в фазах С3-С2 (200-100 гг. до н.э.) практически полностью меняется процедура устройства погребения. Каменный ящик исчезает не только в периферийных районах, но и на местах его прошлого бытования, на севере Польши. К сожалению, у меня нет данных по этому времени о германских погребальных комплексах, и я не имею возможности здесь их сравнить. Однако предположение о переходе к более простым действиям в устройстве погребений вполне подтверждается материалом из могильников пшеворской культуры, который был использован в работе. Речь идет о двух могильниках: Малые Ленгоницы (45 погребений) и Ново Место (27 погребений) (50 до н.э. – 50 гг. н.э.) Оба могильника не имеют погребений с каменными ящиками, нет у них и клошевых погребений. В обоих могильниках есть 10 урновых и 45 безурновых, что статистически вполне согласуется с общей картиной типичной для конца Латена.

Итак, заключая обзор погребального обряда в Латене, можно утверждать, что с III в. до н.э. по рубеж н.э. происходит смена погребальных сооружений, и процедура устройства погребения значительно упрощается. Она сводится к рытью ямы, куда ссыпаются собранные после сожжения кости покойного и остатки погребального инвентаря. Остатки кремации часто не очищаются, а ссыпаются в могильную яму вместе с остатками золы и древесного угля, что, типично для оксывской культуры. В конце Латенской эпохи появляются погребения с оружием, как правило, нарочито сломанным и обрядово «обезвреженным». Однако это наблюдается не везде. В эпоху Латена мы фиксируем полную нивелировку в обряде погребения, и эта нивелировка продолжится в последующую эпоху римского времени.

В итоге было выделено несколько типов, вариантов и видов захоронений в качестве «оболочки» для урны или просто праха. В качестве таковых выступают:

Каменный ящик, камера подквадратной формы из плит или валунов Чаще всего это место для групповых погребений, в нём стоят несколько сосудов, от одного до десятка. Причем, часть сосудов мо-

гут содержать кости праха нескольких человек, а часть форм остаются пустыми. Здесь может стоять урна с прахом, либо кости лежат в кучке на полу, а сосуд (сосуды) стоит пустой. Вариантов много.

Клошевое погребение, урна и погребальный инвентарь под большим горшком клошем (колпак) в грунтовой яме. Часто в качестве клоша воспринимают позицию, когда сосуд-урна покрыта простой миской. Это не клош, а обычная практика закрытия крышкой, часто специально сделанной для этого. Сосуд-клош представляет собой большой сосуд, покрывающий несколько форм с вещами. Под клошем может стоять урна (урны) с прахом или кости лежат просто на полу.

Урновое погребение, в обычной яме стоит урна, рядом могут быть сосуды-приставки и инвентарь. Возможен вариант, когда в яме около урны с прахом лежат кости праха на полу и рядом стоят сосуды приставки.

Безурновое погребение, в яме лежат отдельной кучкой кости праха и сосуды с вещами, или просто кости праха и больше ничего.

Кенотафы, в яме находятся только сосуды и вещи, праха нет. Или все раздельно, сосуды отдельно от вещей.

Разрушенные погребения, погребения (остатки погребения), в которых содержится только часть из того, что названо выше.

Внутри каждой выделенной группы есть свои особенности.

Здесь необходимо отметить:

Первое, в погребении (ящике, яме, клоше) кости праха могут быть положены в урну, ларец, шкатулку, мешок (последние три до нас, естественно, не доходят), или просто положены в виде кучки на пол каменного ящика, ямы, под клош.

Второе, помимо целых и неповрежденных вспашкой, современными грабителями и т.д. захоронений, есть погребения, которые были повреждены ещё в древности. Таких достаточно в каждом раскопанном могильнике и не только у нас, но и в Польше и Германии.

Третье, есть погребения, в которых стоящие урны полностью заполнены кальцинированными костями, почти под край венчика, и тут же есть погребения, в которых найдено две — три косточки.

Четвертое, есть погребения, где кости покойного тщательно отмыты, а есть, когда кости перемешаны с костровой золой и древесным углем.

Пятое, есть погребения, где вещевой инвентарь имеет полный спектр, от оружия до мелких украшений, в то же время есть погребения, где две косточки и один черепок.

Шестое, есть погребения, где стоят целые сосуды (сосуд) и прах, а есть погребения, где только черепки и прах.

Таким образом, внутри довольно стройного и простого обряда с кремацией, наблюдается достаточно много вариантов и видов устройства погребений, и они не всегда отражают хронологические различия. Часто эти различия связаны с полом и возрастом погребенных. На каждом могильнике своя ситуация. В конечном итоге все эти наблюдения завершаются одним из немаловажных вопросов: почему внутри довольно жесткого по ритуалу действий обряда, существуют такие «разночтения»? Вряд ли стоит относить их к глубоко «территориальным» различиям. Тем более, что эти явления присущи всем погребальным комплексам, как на Эльбе, так и на Одре, Висле и Днестре.

Мне представляется, что здесь отражен довольно своеобразный механизм мировосприятия и мироустройства представителей вышеназванных археологических культур. Прежде всего, мы имеем дело с населением, основным занятием которого является подсечное земледелие. Подсека — это не только способ добычи съестных припасов, но и определенная «идеология» земледельца, обрабатывающего поля при помощи огня. Область первобытной идеологии выражена в религиозных обрядах и традициях. Главную роль в обрядовой жизни этих людей, на мой взгляд, играл огонь. Вся Северная и Восточная Европа за исключением южных районов лежала в лесном поясе. Леса подвергались постоянной расчистке под сельскохозяйственные нужды, римская и греческая агрикультура пришли сюда довольно поздно, только в средневековье. До этого времени господствовала подсека. Подсека это постоянная смена мест обитания. Смена мест порождает «подвижный образ жизни». «Всё свое ношу с собой», как гласит римская поговорка. И покойников тоже, тем более они представлены в виде праха, компактной массы, собранной в сосуд или мешок. Эти подвижные родовые семейные группы, приходя на новые места, приносили Своих, прах своих старших родственников и предков. Конечно, часть костного материала оставалась на первых кладбищах, но другая часть могла рас-

пределяться среди родственников, как «мощи» предков. Мне представляется, что культ святых мощей именно так и возник. Приведу высказывание известного историка античности Г.С. Кнабе:

«На ранних стадиях исторического развития ограниченные, этнически относительно однородные коллективы обычно воспринимают противостоящие им иные коллективы и все вообще лежащие за пределами освоенной ими территории географическое пространство как нечто неизведанное и потому опасное, как угрозу своему существованию и целостности, как царство враждебных сил. Естественной защитной реакцией древнего человека были обереги, реликвии и религиозные обряды»⁴⁰.

В древности так же был широко распространен обычай — апотропей (от др. греческого *αποτροπαιος* — отвращающий беду, талисман, в основе корень *τροπαεum* — трофей, памятник победы, знак, *τροφο* — кормить), обычай связан с использованием предмета, который наделяемого магической силой. Этот предмет защищал от действия злых сил, часто таким предметом были кости умерших предков⁴¹. Нам известно, что кости умершего предка, становились реликвиями с древнейших времен. Для этого погребения не зарывались изначально в землю, а обставлялись камнями в виде ящика. Кости праха помещались в урны и ставились среди поля в ящики, которые устраивались в священных рощах. Другими словами «покойники» не погребались в землю, а «закладывались»⁴². Вполне возможно, что разрушенные погребения были именно связаны с такой ситуацией, когда перед уходом в другие земли родственники забирали своего похороненного предка (или некую часть праха), родственника.

И наконец, последнее. Меня часто удивляет, что при констатации миграций бастарнов не пытаются обсудить причины таких движений. Чаще всего исходят из простого тезиса, что природная катастрофа заставила этих «бродяг» бросить «родимый край» и совершенно забывают, что Европа в конце Латена достаточно четко делилась на две огромных области: приморскую (средиземномор-

⁴⁰ Кнабе Г.С. 1985.

⁴¹ Там же.

⁴² Длугош Я.1962; Зеленин Д.К. 1994.

скую и припонтийскую), где действовали первые европейские цивилизации, и европейскую лесную — варварскую (или как её часто называют *Barbaricum*). Если первая область жила за счет производящего хозяйства, то варварская половина Европы жила за счет присваивающего хозяйства. Главной особенностью южной Европы было оседлое ведение хозяйства, тогда как варварская Европа вела кочевой образ жизни. Кочевниками были не только степные номады, но и кочующие подсечные земледельцы лесостепи и леса. Основной особенностью земледельцев-кочевников было постоянное движение на значительные пространства. Все племена варварской Европы, сведения о которых мы знаем в искаженной передаче случайных информаторов из письменных источников, постоянно перемещались по Европе. И зона перемещений все время сужалась, не только в связи с возрастающей активностью кельтских племен, но и неумолимо расширяющейся сферой римского владычества. К началу первого века до н.э. в Европе только и осталось сравнительно безопасное перемещение в пространстве между Одрой, Вислой и Днестром. Наряду с движением на юго-восток в Причерноморье в III в. до н.э. германских племен, независимо от них вполне можно представить движение племен поморской культуры, памятники (поселения и могильники) которой достаточно представлены по течению Западного Буга и северных притоков верхнего Днестра⁴³. Поэтому мне представляется, что вполне правомочно видеть в носителях культуры поянешти-лукашевца представителей поморской культуры. Тем более, что пришли они в междуречье Прута и Днестра только в начале III в. до н.э. При этом заметим, что в письменных источниках ничего не говорится о движении германцев. Не думаю, что подобное движение могло пройти незамеченным для греческих и римских историков того времени. Другое дело, что перемещения достаточно значительных племенных групп по Висле от низовьев к верховьям, по Западному Бугу и по Днестру, могло пройти незамеченным, так как движение шло по незнакомым для европейских наблюдателей землям⁴⁴.

Есть ещё одна немаловажная деталь. В начале прошлого века археологи обнаружили в поморской и ясторфской культурах «дом-

⁴³ *Никитина В.Б.* 1965, 196-197.

⁴⁴ *Tackenberg K.* 1929.

ковые» и «лицевые» урны, которые стали предметом долгого исторического спора⁴⁵. Нет сомнения в том, что впервые вскрытые памятники поморской культуры в Польше, практически идентичные, памятникам в Германии (Саксонии и Силезии), привели немецких ученых к заключению, что это тоже древние германцы. А поскольку это так, то движение на юго-восток, к Черному морю было воспринято как движение древних германцев и лишь на том основании, что материалы из могил были похожи на археологические материалы Хвойко, а также Румынии и Польши. Но пионерами этого мифа стали два Густава. Густов Коссинна с его идеями «германского приоритета», и «сенсационные» в начале прошлого века раскопки в Саксонии Густава Швантеса. В итоге, это дало толчок новой идее — представлению о «германском движении на юг» к теплому морю, на остров Певку⁴⁶. Но это уже новая тема, к которой еще предстоит вернуться.

В заключении отмечу, что проблема, затронутая в настоящей статье, требует самого тщательного анализа и иного объема изложения. Многое пришлось оставить за «кадром». Я, прежде всего, стремился передать часть своих наблюдений, которые возникли у меня в период работы над темой, польским и немецким материалом. Не спорю, многие выводы, к которым я пришел, для меня самого неожиданны и непривычны. По-видимому, необходимо время для должного их осмысления.

⁴⁵ *Ebert M. 1926–1932; Malinowski T. 1979b.*

⁴⁶ *Tackenberg K. 1929.*

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДИФФАМАЦИЯ И ПУБЛИЧНОЕ НАСИЛИЕ ПРИ МЕРОВИНГСКОМ ДВОРЕ В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ VI ВЕКА

А.А. Сазонова

В варварских королевствах раннего Средневековья сочетание злонамеренности в вербальном поведении с публичным проявлением жестокого насилия и агрессии определялось особенностями германской специфики. Это была межличностная и политическая культура вероломства и обмана как оборотная сторона социальных институтов кровного родства, гостеприимства и побратимства, верности клятве и воинскому братству, перераспределению богатств через одаривание. Неизвестно, какое божество франков соответствовало общегерманскому воплощению изобретательного ума и коварства на примере скандинавского бога Локи. Возможно, его сниженным инвариантом был культурный герой Вёлунд. В древнегерманских мифах об этом волшебном кузнеце актуализировалось архаическое проявление жестокости и физического насилия, а одной из характеристик вербального поведения героя было коварство и обман. Архетипы Локи, Одина-Вотана и Вёлунда отсылали к высокому социальному статусу представителей родовой элиты, проявляя теневую сторону древнегерманского идеала воинской славы и личной доблести.

Наказанию за клевету в форме персональных оскорблений (гомосексуалист — «*cinitus*» (малбергская глосса: *quintuc*), обгаженный — «*conca(ca)tus*», блудница — «*meretrix*», трус на поле битвы — «*quod scutum suum iactasset*», доносчик — «*dilator*», лжец — «*falsator*», лисица — «*vulpes*», заяц — «*lepus*», колдун — «*herburgius*», т.е. «*strioportius*» («*stria*»+«*portare*»), ведьма — «*stria*») и за общественную диффамацию с обвинениями в ложных преступлениях (в краже, в принесении ложных присяги и свидетельства, в колдовстве) посвящены отдельные статьи и пункты «Са-

лической правды»¹. Все это говорит о бытовой традиции словесных поношений и клеветнической практики у германцев. Вербальная хула перед поединком стала иллюстрацией культурного кода индоевропейцев по сохранившимся источникам на древнегерманских языках². Словесные перебранки воинов и королей из «Песни о Нибелунгах» являются финалом художественной рефлексии по общегерманской традиции *лживых слов*, когда в коварных поношениях отображается средневековое понимание военной хитрости, политического коварства и подлости на фоне социальных противоречий подчинения и доминирования.

Для событий VI в. колоритные портреты авторитарных правителей, изворотливых политиков и опытных военачальников живописал на страницах «Истории франков» в красках латинской культуры Григорий Турский. Среди наследников Хлодвига доминантной чертой природной лживости и коварства автор наделил короля Хильперика. В данной статье продолжает исследоваться гендерное варварство меровингского периода, исходя из особенностей вербального поведения королевы Фредегонды при описании ее несправедных деяний франкскими историками. Злодеяния преступной четы нейстрийских правителей манифестируют под пером турского историка попрание норм христианской морали и злоупотребление физическим насилием по германским обычаям. Цена обвинительных слов Фредегонды оказалась убийственно высокой для ее политических и личных противников, и тем «красноречивее» турский

¹ Салическая правда. XVIII. О том, кто обвинит пред королем безвинного человека; XXX. Об оскорблении словами (мой вариант перевода: *cinitum* — кинед-гомосексуалист (*cinaedus*); *conca(ca)tum* — обгаженный или оскверненный; *vulpe* — лисица); XLVIII. О лжесвидетельстве; LXIV. О прислужнике при колдовстве; Капитулярий VI. 12; 15 (см.: Салическая правда [Lex Salica]. 1950, 26; 34; 48; 58; 77–78; Lex Salica. 1991, 94).

² О словесных поединках перед воинским единоборством в древнегерманской культуре см.: Матюшина И.Г. 2011. Оценочное суждение Хадубранда (Hildebrandslied. 36–44) о вражеском предводителе гунского войска (*du bist dir — du ewin inwit fortos*) отображает архетипы воинской культуры в ментальных координатах бинарности для словесного обмана (*spenis mih mit dinem wortun*) и вероломного насилия (*wili mih dinu speru werpan*) см.: Матюшина И.Г. 2019, 112.

епископ оценил молчание Хильперика по щекотливым обстоятельствам трагедий и скандалов внутри его семейства.

От словесного обмана к королевскому убийству

Турский автор «Истории франков» (далее — HF) не уделил внимания раннему этапу отношений Фредегонды с Хильпериком в 660-х гг., до того, как она официально стала королевой. Для его читателей, которые не являлись современниками тех событий, последующая роль Фредегонды в трагическом финале второго брака нейстрийского короля оценивалась как исключительно значимая. Как известно, анонимный сочинитель «*Liber historiae Francorum*» (ок. 727) (далее — LHF) был настроен пронеистрийски, поэтому он очернял Брунхильду и пытался частично обелить Фредегонду. С одной стороны, он обошел молчанием судебное дело Хлодвига и расправу над Аудоверой, хотя с другой стороны, записал пикантную версию убийства Хильперика (LHF. 35). Аноним замалчивал политические неудачи Фредегонды (как свадебное путешествие ее дочери Ригунты), но дополнил пересказ текста Григория Турского об убийстве Галсвинты интригующей историей о разводе Хильперика с его первой королевой. Приписывая расторжение брака наущению королевской наложницы, он демонстрирует, как Фредегонда впервые блеснула преступным умом, предательски завлекая свою госпожу в политическую ловушку.

Сначала коварная советчица убеждает королеву Аудоверу окрестить новорожденную принцессу до возвращения Хильперика из военного похода, затем уговаривает королеву стать крестной матерью для собственной дочери. Прибывшему с сакской войны королю она сообщает о неканоническом крещении, из-за чего дальнейшее супружество Хильперика с Аудоверой стало невозможным, и поэтому Фредегонда предлагает себя в королевские наложницы. В каждом случае аноним вложил в уста ловкой интриганки логичные доводы, которые побуждают королеву и короля следовать ее советам. Автор называет (LHF. 31) такое хитроумие Фредегонды *злоумышлением*: *per ingenium consilium dedit*³. Таким образом, он

³ В средневековой латыни на первый план выходит значение «злого умысла» для *ingenium* (*per malum ingenium*) см.: *Du Cange*. 1938, 360–361. В «Салической правде» *per malo ingenio* юридически точно фигурирует в статье о краденой вещи, которую злоумышленник подбрасывает невинно-

наделяет ее равно теми же личностными и политическими качествами, что и меровингского короля, используя оценочную лексику Григория Турского в отношении природных способностей Хильперика (HF. IV, 28: *ille per ingenia dissimulans*)⁴, противопоставляя им *простоту* Аудоверы (LHF. 31: *per simplicitatem tuam*). Безусловно, лукавые речи соблазнительницы являются художественной выдумкой, но посыл авторской мысли о том, что злокозненные происки Фредегонды расторгли брак Хильперика с первой королевой, — не вызывает сомнений. Эту дерзкую, хитроумную и расчетливую интригу можно назвать политическим дебютом новой фаворитки нейстрийского правителя.

му человеку, чтобы затем ложно обвинить того в краже (Lex Salica. XXXIV, 4: *Si quis per malo ingenio in curte alterius aut in casa vel in quolibet aliquid de furto miserit, hoc est nesciente domino...*). В авторском словаре Григория Турского *ingenium* имеет однозначно негативную коннотацию: в Анделотском договоре это — козни, каверзы и злоумышления действием (HF. IX, 20), при описании искусно сделанных фальшивых монет саксов (HF. IV, 42), при упоминании обманчивой привлекательности *nigromantici ingenii* (HF. IX, 6), в пересказе анималистических ругательств короля Гунтрамна (HF. VIII, 6: *vocans eos saepius vulpis ingeniosas*). Последний пример интересен еще и тем, что это оскорбление фигурировало в законе см.: Lex Salica. XXX, 4. *Si quis alterum vulpe clamaverit, solidos III culpabilis iudicetur*. Самым показательным является использование *ingenium* в характеристиках отрицательных персонажей «Истории франков» — королей Хильперика (HF. IV, 28; V, 22; VI, 46) и Теодобальда (HF. IV, 9: *Hunc Theodovaldum ferunt mali fuisse ingenii*), готского посла Агилы (HF. V, 43: *virum nulli ingenii* — здесь отрицается *разумность* арианина) и герцога Раухинга (HF. VIII, 26), священника Риккульфа (HF. V, 49) и нанятого Фредегондой клирика-убийцы (HF. VII, 20).

⁴ Автор «Истории франков» пересказывает клеветническое содержание подложного письма, в котором вестготский король предлагает Фредегонде задержать возможный поход франкского войска в Испанию, используя ее *ingenio* (HF. VIII, 28). Итоговая характеристика анонима (LHF. 35: *Erat autem Fredegundis regina pulchra et ingeniosa nimis atque adultera*). В описании качеств юной Брунхильды аноним используется тот же эпитет (LHF. 31: *Erat enim puella elegans opere, pulchra ac ingeniosa*), у Григория Турского были подобраны другие слова (HF. IV, 27: *Erat enim puella elegans opere, venusta aspectu, honesta moribus atque decora, prudens consilio et blanda colloquio*).

В научной литературе рассматривают данный эпизод как курьезный анекдот⁵. По моему мнению, совокупность фактологических данных (временное союзничество Хильперика с Сигибертом в войне против саксов, обстоятельства и датирование официального развода, аутентичное имя меровингской принцессы, изгнание епископа) игнорировать нельзя. Камнем преткновения для научной оценки стала невозможность верификации этих событий по другим источникам. Основное недоумение и скептическую предвзятость исследователей, очевидно, вызывал сам крестильный повод, ставший причиной развода. Но историчность такой ситуации подтверждается на франкском материале начала и середины IX в., а М. Хартманн признает, что казус Аудоверы мог быть хронологически ранним примером церковного развода из-за духовного родства⁶. Предлагаемая мной интерпретация хитроумных козней Фредегонды не как ее личных амбиций, а как инструментального исполнения замысла Хильперика, желавшего получить официальный развод, позволяет объяснить странное поведение епископа и назначенной крестной. Только властный ресурс правителя мог изолировать готовящуюся к очередным родам королеву от ее окружения, которое занялось бы подготовкой крещения принцессы. Только закулисным сговором короля с молодой интриганкой можно объяснить результативность вербальных манипуляций Фредегонды.

Сама же история выглядит искусно продуманной на уровне нарратива, автор снабдил повествование как точными историческими подробностями, так оставил место для читательских умозаключений по контексту и подтексту событий. На мой взгляд, Фредегонда представлена здесь придворной дамой королевы, а не одной из королевских наложниц⁷. Автор тонко выдерживает характер героини в этом эпизоде, где (по сравнению с историей второго брака короля) амбициозная интриганка почтительна и предупредительна к короле-

⁵ *Ewig E.* 1991, 37; 60–61; *Ewig E.* 1974, 32. Сомнения в достоверности ухода Аудоверы с дочерью в монастырь в Руане см.: *Hartmann M.* 2004, 224. *Pancer N.* 2010, 68.

⁶ *Hartmann M.* 2004, 224. Брак с крестной матерью запрещался Римским собором 721 г.

⁷ В королевский «гарем» Фредегонда вошла не ранее 564 г., исходя из рождения сына (565). Гипотетически дату ее рождения относят к середине 540-х гг. см.: *Ewig E.* 1974, 52.

ве, она только вступает на путь к вершине королевской власти. Самой структурой нарратива аноним подчеркивает психологизм словесного манипулирования Фредегонды в каждом из трех актов мини-спектакля (LHF. 31). В первом обращении к Аудовере подстрекательница взывает к королевскому долгу супруги меровинга, безальтернативно настаивая на крещении принцессы до возвращения короля-победителя домой. На следующем этапе расставленной для королевы ловушки Фредегонда апеллирует к социальному статусу Аудоверы (с ее королевским достоинством не может равняться ни одна матрона), коварно убеждая ту заменить отсутствующую крестную мать для новорожденной дочери. Затем соблазнительница первой встречает короля, открыто провоцируя Хильперика на прогнозируемый выбор, и превращает свой донос в дерзкое заигрывание. В сравнении с тем, как искусно вербальным образом Фредегонда творит политическую реальность по своему усмотрению, устные волеизъявления короля, отославшего королеву в монастырь, а епископа в изгнание, выглядят по-мужски прямолинейными.

Таким образом, в данном эпизоде автор «Книги истории франков» выводит на первый план словесный обман, из которого коварная Фредегонда соткала предательскую сеть для королевы Аудоверы, прожившей в браке с королем около пятнадцати лет и родившей ему трех наследников и двух дочерей. Трагическую развязку 580 г. пока ничего не предвещает, но второй брак Хильперика будет драматически скоротечным, обнажив подлинную жестокость политических решений короля и всю безудержность рвущейся к власти Фредегонды.

Григорий Турский выделяет три этапа в истории Галсвинты: матримониальные переговоры, сам брак и события после убийства королевы. Структурно автор не случайным образом разбивает повествование на два нарративных фрагмента, хронологически разделенных временным промежутком. Основная фактография (HF. IV, 28) была представлена в официальном варианте и с необходимой автору степенью подробностей, а в тексте Анделотского договора (HF. IX, 20) раскрываются условия королевского брака. Автор «Decem Libri Historiarum» пытался убедить читателей, что движимый завистью к Сигиберту Хильперик повел матримониальные переговоры с вестготами (HF. IV, 28). Григорий вербально обыгрывает

неприкрытое стяжательство короля, когда саркастически объясняет его любовь (*magno amore*) к вестготской принцессе размером ее отцовского приданого (*magnos thesauros*). Хильперик, как полигамный обладатель «гарема», дает Атанагильду два обещания — оставить всех прежних жен и (не буквально) сделать принцессу Галсвинту единственной королевой. Однако уже Фредегар расширенно интерпретирует эти слова Григория (или использует сторонний источник), когда пишет, что Хильперик клялся готским послам никогда не лишать вестготскую принцессу королевского достоинства, т.е. не разводиться с ней и не объявлять другую жену королевой⁸.

Публичное проявление королевского лицемерия турский епископ видит в показном изъявлении меровингом почета и любви новой супруге, авторская ирония заключена в сравнении *cum magnis opibus — cum grande honore*. Но этот «большой почет» вскоре перерастет в *grande scandalum* из-за прежней любви Хильперика к Фредегонде. Григорий не проясняет в деталях те несправедливости, что претерпевала Галсвинта, но прямо заявляет, что она не обрела при дворе подлинного достоинства королевы. На мой взгляд, к 568 г. Фредегонда имела неофициальный статус королевы (как Ингунда и Арнегунда при Хлотаре) в качестве матери признанного меровингского наследника Хлодоберта и (новорожденной) принцессы Ригунты⁹. То есть изначально матримониальные обещания Хильперика готам были ложными, как и его последующие заверения Галсвинте.

Хотя Григорий скрыл последовательность событий, хронология несчастливого брака привязывается к разделу королевства Хариберта (рубеж 567–568 гг.) и решающей фазе переговоров по приданому, затем к отъезду свадебного каравана из Толедо (июль 568 г.) и бракосочетанию в Руане в конце лета (или начале осени). Роковым событием для Галсвинты стала смерть ее отца в октябре 568 г. Турский епископ не указывает, сколько времени продлился второй брак коро-

⁸ Аноним «*Liber historiae Francorum*» не пишет об этапе брачных переговоров, целиком возлагая вину и делая главным инициатором убийства Фредегонду.

⁹ Рождение Ригунты следует относить, по моему мнению, к 566–568 гг., исходя из того, что летом 580 г., во время церковного суда над Григорием Турским, она была совершеннолетней (12–14 лет). Только в этом случае автор мог называть ее *королевой* (HF. V, 49: Riginthis regina).

ля¹⁰, но следует отметить, что большая часть политических событий начала 570-х гг. выпала из «Истории франков». Динамичный рассказ церковного историка подразумевает быстрый переход от супружеского и придворного скандала к просьбе Галсвинты о возвращении домой и ответным действиям Хильперика:

«Но из-за любви короля к Фредегонде, прежней его жене, между ними [Хильпериком и Галсвинтой] возник большой раздор. <...> И так как Галсвинта постоянно жаловалась королю на то, что терпит обиды, и говорила, что, живя с ним, не пользуется никаким почетом, она попросила его, чтобы ей разрешили вернуться свободной на родину, а сокровища, привезенные с собой, она оставит ему. Король ловко притворился и успокоил ее ласковыми словами (*Quod ille per ingenia dissimulans, verbis eam lenibus demulsit*). В конце концов он приказал слуге удушить ее и как-то нашел ее мертвой в постели» (здесь и далее пер. В.Д. Савуковой)¹¹.

Автор не стал записывать для потомков фиктивные заверения Хильперика, а взамен дал свою оценку коварному и лживому характеру меровингского короля (не привязывая только к этому эпизоду, а распространяя на его вербальное поведение по жизни). Описание Григория («Он, по натуре притворный, ее нежными словами обладал» (пер. А.Сазоновой) отсылает, безусловно, к личному опыту общения с королем¹², когда *per ingenia* становится квинтэссенцией вероломного злоумышления Хильперика как человека и политика. Аноним «*Liber historiae Francorum*», который наделил преступной инициативой Фредегонду, опускает эту характеристику личности короля, а передает затаенное коварство меровинга через экспрессивное действие глаголом: «*Sed ille eam mollibus verbis blandiebatur*»

¹⁰ На мой взгляд, была велика значимость вестготского фактора с полугодовым периодом анархии, приходом к власти Лиувы (568–571/3) и его соправителя Леовигильда (569–586), взявшего в жены королеву-вдову Гойсвинту, мать Галсвинты. О вестготских событиях после смерти Атанагильда см.: *Collins R.* 1983, 40; 43–46.

¹¹ HF, IV, 28.

¹² Личная обида Григория сквозит в словах (HF, VI, 46) о злоречии Хильперика в адрес епископов из знаменитого текста *проклятия памяти* королю см.: *Сазонова А.А.* 2021, 273–275.

(«Но он ее вкрадчиво обольстил словами» (здесь и далее пер. А. Сазоновой)).

Ударная фраза всей истории у турского епископа — «Ad extremum enim suggillari iussit a puero, mortuamque reperit in strato» («В итоге же приказал слуге задушить и нашел мертвой на ложе» (пер.А. Сазоновой) — не вызывает разночтений при переводе¹³. Однако словесные манипуляции автора задавали мыслям читателей опасное направление: Хильперик сам присутствовал при убийстве в спальне. А следующий логический шаг в детальном осмыслении воссоздаваемого злодеяния делает аноним, буквально понимая завуалированные интенции Григория. Он пишет: «После чего по наиковарнейшему совету Фредегонды ночью ее на ложе своем удавил»¹⁴. Нарративной стратегией сочинителя «Liber historiae Francorum» стало дистанцирование от авторской лексики турского историка (*verbis eam lenibus demulsit vs. eam mollibus verbis blandiebatur; per ingenia vs. per consilium pessimum; suggillari iussit vs. strangulavit*), но с сохранением семантического поля вербального коварства и вероломного злодейства. Таким образом, аноним, склонный к политическому анализу, пытался верифицировать и прояснить темные намеки многоумного современника тех событий¹⁵.

По мысли автора «Книги истории франков», Хильперик совершил убийство по прямому наущению Фредегонды и, подразумевается, в состоянии аффекта (так как ночью в постели). Турский епископ приписывает преступление слуге, заявляя этим о продуманном рас-

¹³ Ср. *Fredegarius*. III, 60: *Postea transcendens sacramentum, quem Gothorum legatis dederat, ne umquam Gachyloisindam de culmine regni degradarit, ipsamque suggillare fecit.*

¹⁴ LHF. 31: *Post haec per consilium pessimum Fredegundis eam per noctem in strato suo strangulavit.*

¹⁵ Автор сделал три важных дополнения к тексту «Истории франков» — преступление по совету Фредегонды, в ночное время и на кровати в спальне короля. Уже во времена Григория Турского австразийцы обвиняли Фредегунду в убийстве Галсвинты. Так епископ приводит слова короля Хильдеберта (переданные через послов), которыми он обличал преступления нейстрийской королевы против меровингской династии, начиная с душения Галсвинты (HF. VII, 7: *Redde homicidam, quae amitam meam suggillavit*).

чете короля. По моей гипотезе, выбранное место для убийства говорит о попытке выдать смерть королевы за естественную. Авторской новацией Григория стало употребление глагола *suggillare* («избивать до кровоподтеков, ставить синяк под глазом») исключительно в значении «душить». В «Истории франков» рассказывается о нескольких случаях убийств путем удушения (и об одной попытке) в королевских семьях и среди знати, используя этот глагол. По-моему, во всех эпизодах исполнителями было выбрано удушение не случайно, так как преступление совершали (сами или руками слуг) ближайшие родственники. Во избежание божественного преследования за пролитие родной крови они выбирали бескровную и быструю (без мучений) смерть для своих детей и родителей.

Хронологически убийству Галсвинты предшествовали два эпизода сыноубийств, когда бургундский король Сигизмунд по наущению супруги-мачехи приказал слугам задушить первенца (522 г.)¹⁶, и во втором сюжете Хлотарь повелел воинам сжечь плененного сына Храмна с его семьей (560 г.)¹⁷. В обоих случаях речь шла об обдуманных решениях королей-отцов по убийству взрослых принцев, не оружием и не обычной казнью. Описания Григория указывают не просто на бескровную смерть (Сигерих был задушен пьяным во сне мгновенно, сопротивляющегося Храмна на скамье душили несколько воинов), а на возможность ритуального *квазиповешения* лежащих жертв, которое платком совершали несколько человек. Такое древнегерманское посвящение жертвы могло нести особый смысл в рамках кровной мести среди самой родни. Следующий эпизод отличается от других четырех случаев колоритной ситуативностью и взрывом женских эмоций. Это — покушение Фредегонды на жизнь Ригунты, когда мать-вдова почти придушила взрослую дочь тяжелой крышкой от сундука с сокровищами¹⁸. Этот фрагмент текста украшен язви-

¹⁶ HF. III, 5.

¹⁷ HF. IV, 20.

¹⁸ HF. IX, 34: И когда та опустила руку в сундук и стала вынимать вещи, мать схватила крышку сундука и опустила ее на затылок дочери. Она с такой силой навалилась на крышку и ее нижним краем так надавила ей на горло, что у той глаза готовы были лопнуть. Одна из девушек, которая находилась там, громко закричала: «На помощь, ради бога, бегите сюда, мою госпожу душит ее мать! (ecce! domina mea a genetrice sua *graviter*

тельным диалогом ненавидящих друг друга женщин. Но если вдуматься, то спонтанный удар обитой железом крышки сундука отсылает к германской архаической казни, когда распростертому осужденному перебивали горло бревном, ломая шейные позвонки. В «Истории» (HF. X, 8) описаны преступления клермонского графа Евлалия, которого ранее обвиняли в матереубийстве во времена епископства Каутина (551–571). Граф обратился за помощью к понтифику (отлучившему его от Церкви), чтобы всенародно оправдаться, и тот возложил решение его дела на милость Бога и городского святого патрона. По тексту Григория видно, что сам он считает того убийцей и клятвopреступником, хотя формально Евлалий прошел через церковное причащение и позже был назначен графом Оверни. Хронологически этот случай произошел синхронно или чуть ранее смерти Галсвинты.

Поэтому Хильперик, обдумывая способ убийства второй супруги, отказался от бытового отравления¹⁹ и остановился на таком способе исполнения, чтобы сакрально минимизировать германскую кровную месть. Насколько можно интерпретировать, расчет меровингского короля был прагматичным и хладнокровным. Так как на месте убийства никто не был пойман с поличным, и потом никто не был задержан по результатам расследования, то Хильперик могли приписывать только намерение, возможность преступного приказа слуге, а также мотив (правда, не оглашенный турецким историком). В такой ситуации по церковным и светским нормам он мог очиститься от подозрений в заказе убийства своей королевской клятвой на алтаре и перед святыми мощами, перед братьями-королями, привлекая в качестве соответчиков представителей светской и церковной элиты королевства. И в дальнейшем, по-видимому, он собирался

suggillatur)». И в комнату ворвались те, что ожидали за дверью. Они избавили девушку от угрожавшей ей смерти и вывели ее оттуда.

¹⁹ Об убийстве мачехой старшего сына короля Гунтрамна отравленным питьем (HF. IV, 25) и об отравлении епископа Марахара ядом в голове, съеденной им рыбы (HF. IV, 36). К тому же вариант с отравлением зависел от действия доступного тогда яда, который был, по-видимому, «не тихим убийцей», а вызывал длительные и страшные мучения жертвы, позволяя окружающим без каких-либо сомнений говорить о злоумышленном отравлении.

унаследовать половину приданого умершей супруги, если такие нормы его капитулярия были уже введены в действие²⁰.

Самое многословное свидетельство о Галсвинте оставил Венанций Фортунат, который был свидетелем прибытия ее свадебного каравана в Пуатье²¹. Однако резюме его витиеватого плача по убитой королеве можно свести к двум строкам (Carm. VI, V. 247–248): «O dolor insignis quid differt tempora fletus // lugubresque uices plura loquendo taces?» (О несравненная скорбь, что час отлагаешь ты слезный, // Что о злосчастных делах в длительной речи молчишь? здесь и далее пер. Р.Л. Шмаракова). Итальянский поэт в своем сочинении хитроумно не упомянул имени Хильперика в истории о брачной трагедии Галсвинты и прямо не назвал ее смерть *убийством*. Однако, по моему мнению, Фортунат позволил себе два поэтических намека, когда символами злодеяния нейстрийского короля стали отдельные слова. Сначала обыгрывается способ убийства через *задушенная* — «без-дыханная» (Carm. VI, V. 255–256: *Infelix nutrix, audito funere alumnae // exanimam ad corpus uix animata uolat*) с противопоставлением прерывистому дыханию кормилицы (*uix animata*), затем используются разные значения существительного *funus* — «погребение, труп, *смерть*, убийство, *гибель*» («audito funere alumnae»; «funere rapta fuit»)²².

При сопоставлении текстов Венанция Фортуната и Григория Турского выявляются два значимых расхождения, которые, на мой взгляд, свидетельствуют об информативном приоритете слов поэта. Второе различие отмечается при описании чуда со стеклянной лампадой на могиле Галсвинты (Carm. VI, V. 365–366), которая, упав на каменный пол, не разбилась и продолжила гореть. В «Истории» (HF. IV, 28) другой вариант — горящая лампада наполовину вошла в каменный пол и не потухла. По-моему, вода на каменном полу вокруг саркофага королевы может указывать на время года (не дождей)

²⁰ Салическая правда. Капитулярий V. Эдикт государя Хильперика короля. § 4: А если при таких же условиях умрёт женщина, то подобным же образом муж пусть берет себе половину, а (другую) половину пусть получают родственники этой женщины.

²¹ *Fortunat.* Carm. VI, V. 223–227.

²² *Fortunat.* Carm. VI, V. 251–252: *Nam breue tempus habens consortia nexa iugalis // principio uitae funere rapta fuit.*

вода на полу церкви, а растаявший снег с обуви и одежды прихожан), когда проводилось погребение — это зима или ранняя весна 568–569 гг. Первое расхождение в источниках является самым важным. Оно, по моей гипотезе, указывает на то, что Хильперик отсутствовал во дворце на момент убийства, и поздняя версия турецкого епископа (о том, что король нашел мертвое тело) является продуктом официальной пропаганды. По тексту Фортуната труп королевы в спальне был найден верными прислужниками, которые сразу послали за кормилицей вестготской принцессой²³, для получения дальнейших инструкций в такой ситуации.

После надлежащего траура (HF. IV, 28: *eam mortuam deflessit*), меровингский правитель официально делает Фредегонду королевой. По моей версии тех событий, совместное участие Хильперика и Фредегонды в интригах и преступлениях против Аудоверы и Галсвинты несомненно, по мнению других исследователей — это признается вероятным²⁴, за отсутствием прямых доказательств. Властная Фредегонда могла словесно угрожать Галсвинте как физической расправой, так и тем, что после развода с королем ее запрут во франкском монастыре (как произошло с Аудоверой) и лишат всего приданого. Хильперик мог отослать вестготскую принцессу после развода домой (как в 607 г. поступит внук Брунхильды Теодерих с Эрменбергой²⁵), но из-за официально переданных им в утренний дар и супружеское приданое пяти франкских городов (HF. IX, 20), он авантюрно пошел на политическое убийство²⁶. Реакция Сигиберта и Гунтрамна на злодеяние сводного брата не была мгновенной, они об-

²³ *Фортунат Венанций*. О Галесвинте. 255–258: Бедна кормилица, лишь услышав питомицы гибель, // К телу безжизненному еле живая летит. // Верных прислужниц она посреди склонившись, первой // Скорбью замкнутую речь так наконец изнесла.

²⁴ «Les meurtres de Galswinthe et d’Audovère, dont on ne sait exactement s’ils furent l’initiative de Frédégonde, de Chilpéric ou le fruit de leur action concertée, dévoilent le climat de violence qui régnait dans la *domus regia*» см.: *Pancer N.* 2010, 69.

²⁵ По настоянию Брунхильды дочь вестготского короля Виттериха через год после свадьбы будет отослана обратно к отцу без приданого (*Fredegarius*. IV, 30).

²⁶ Сомнительная, с моей точки зрения, версия тех событий см.: *Дюмезиль Б.* 2012, 154-166.

думывали, как представить дело и обосновать свое решение. Об этом свидетельствует уклончивый характер горестной элегии Фортуната, заказанной Сигибертом с целью, по моему предположению, разъяснить вестготам, что королева-мать Гойсвинта не получит положенного ей по германским законам утреннего дара и приданого умершей бездетной дочери. По заключению братского «суда» Гунтрамн передал пять городов Галсвинты в качестве «вергельда» по убитой сестре австразийской королеве Брунхильде, а Хильперика изгнали из королевства²⁷. Таинственность этих слов Григория объясняется мною тем, что он был вынужден вуалировать два очевидных исторических последствия такого выбора. Во-первых, после решения (*per iudicium*) Гунтрамна новый виток гражданской войны между Сигибертом и Хильпериком закончился братоубийством (хотя Гунтрамн пытался в 573 г. заглушить конфликт), а во-вторых, сам бургундский король не собирался исполнять собственное постановление, при его жизни Брунхильда получила лишь Ка(г)ор по условиям Анделотского договора.

Политическая месь в парадигме горевания

Феномен мерovingской жестокости предметно изучался в работах Дж. Уолласа-Хадрилла, Р. Коллинза, Й. Вуда, Г. Халсолла, исследовательские ракурсы статей Рона Ньюболда и Ниры Пансер более соответствуют проблематике моей работы по анализу роли политической диффамации при нейстрийском дворе Хильперика и Фредегонды. Так Р. Ньюболд каталогизировал разнообразные проявления жестокости и страха («природу страха») перед лицом личных и политических катаклизмов и способы их преодоления в конкретных ситуациях из «Истории франков»²⁸. Обращение к авторскому словнику по вторичным реакциям на страх и горе в латинском нарративе Григория Турского продуктивно репрезентировало ключе-

²⁷ HF. IV, 28: *Post quod factum reputantes ei fratres, quod sua emissione antedicta regina fuerit interfecta, eum a regno deieciunt.* Аноним знал, что в реальности никакого изгнания или свержения нейстрийского короля не было, и поэтому сделал логичное дополнение к словам турского историка о братском намерении (LHF. 31): «*Quo facto, fratres Chilperici hoc indignantes, eum de regno eiecere voluerunt.*»

²⁸ О проявлениях жестокости и страха см.: *Newbold R.* 1994; *Newbold R.* 2007.

вую лексику по этим эмоциям у церковного автора²⁹. Нира Пансер в рамках своей гипотезы интерпретирует жестокое и мстительное поведение меровингских королей, стремящихся сохранить свою женскую честь, как «обмен насилием». Такая формулировка и определение статуса чести через стремление к насилию вызывает сомнение и скепсис³⁰. Другие положения гипотезы Н. Пансер верифицируются и не вызывают возражений, как, выявление особого ритуала мести у Фредегонды (по ходу процесса возмездия), часть которого она проводила на публике с максимальным эффектом³¹.

Вербальное поведение представителей элиты по отношению к королеве, как и ее ответная реакция, провоцировали повторяющиеся всплески мстительной жестокости, сопровождая фазу острого горя у нейстрийской правительницы, переживающей глубокие страдания и душевную боль. По моей гипотезе, основные злодеяния Фредегонды не просто хронологически выпадают на периоды ее горевания по умершим детям, но сам Григорий Турский заложил именно такое понимание событий в своем нарративе. Поэтому, выделяя три этапа в личном и семейном горе Фредегонды в пиковые 577, 580, 584 гг., с одной стороны, можно отметить нарастание по тексту «Истории» демонизации образа мстящей королевы с нагнетанием все более жутких подробностей ее деяний. Однако, с другой стороны, церковный автор в каждый последующий раз с большим пониманием относится к ответной реакции карающей Фредегонды на выпады ее политических врагов. В итоге оказывается, что образ жестокой королевы по тексту столь же негативен, как и портреты убитых ею жертв.

Начальный период событий 575–577 гг. стал, по моему мнению, своеобразной моделью для механизма карательных действий Фредегонды в других эпизодах. Дело о реальном политическом заговоре принца Меровея, который женился на королеве Брунхильде (576 г.), переросло в судебный процесс по церковному осуждению епископа Претекстата (ок. 550–586), закончившись трагически для сына Хильперика. Излагая эту многоходовую историю (HF. V, 2–3; 14; 18; 22), Григорий не синхронизирует насильственную гибель

²⁹ *Newbold R.* 2006.

³⁰ *Gradowicz-Pancer N.* 2003, 16.

³¹ *Gradowicz-Pancer N.* 2003, 14–16.

Меровея со смертью маленького сына Фредегонды, умершего в разгар общефранкской эпидемии «дизентерии», от которой погибли и оба сына короля Гунтрамна³².

В истории Меровея, Брунхильды и Претекстата в 570-х гг. автор «*Decem Libri Historiarum*» не прописывает прямой роли Фредегонды³³, но приписывает расправу над руанским понтификом интересам королевы (HF. V, 18: *ut in eius causis contrarius non existam*). Сначала она выступает пострадавшей стороной во время военных осад Турне (в момент рождения ею принца Самсона) и Суассона (576 г.), а затем на церковном суде над Претекстатом (577 г.) всплывает ее закулисная активность³⁴, пугающая заседающих епископов, принуждая их к молчанию и осуждению митрополита³⁵. Весь заговор Меровея разворачивался на глазах автора «Истории», принц посетил Тур и лично епископа по дороге в Руан, на бракосочетание с вдовой убитого дяди, пытаясь, по-видимому, привлечь турецкого иерарха в политическую оппозицию против короля-отца³⁶. А позднее беглец потребовал и нашел церковное убежище под покровом святого Мартина. Его двухмесячное убежище (*asylum*) доставило местному церковному главе серьезные проблемы из-за разорения войском короля турецких окрестностей и святотатственного требования Хильперика выдать мятежного сына из святого места. Дискредитированный присутствием и поведением Меровея, церковный

³² HF. V, 17.

³³ Григорий дает «голос» разгневанной королеве, когда она обвинила в шпионаже прибывших ко двору турецкого диакона и супруга племянницы епископа, приказав арестовать их (HF. V, 14).

³⁴ HF. V, 18. Автор без дополнительных объяснений заявляет, что суд был организован по наущению и подстрекательству (*instinctus*) королевы, ярость (*fugor*) которой пугала епископов до немоты. Однако действующим лицом на судебной сцене и при личных переговорах с турецким епископом выступал только Хильперик. И закулисная встреча короля с Григорием была выдержана в тонкой визуальной и предметной символике, польстившей турецкому прелату.

³⁵ Церковный суд превращается в театрализованное действие с публичной сценой и кулисой, подкупом, угрозами и ночными визитами см.: *Keely A.* 1997, 134–139.

³⁶ Тур был, возможно, самым значимым городом австралийцев в их западных владениях см.: *Halsall G.* 2007, 310–311.

автор вынужден многое скрывать в своем повествовании, и главным из его умолчаний стала элиминация подлинных целей и мотивов принца³⁷. Турский епископ подменил обсуждение этого вопроса пересказом слов пророчицы: «А будет так, что в этом году умрет король Хильперик, и король Мервей будет править всем королевством (*omni cariat regnum*), избавясь от братьев (*exclusis fratribus*³⁸)», которые он услышал от политического интригана Гунтрамна Бозо.

Возможно, в такой форме автор «Истории» впервые заявил о династических интересах Фредегонды, вступившей в стратегическую схватку за королевское наследие для своих сыновей (Хлодоберту исполнилось десять, Самсону — несколько лет, а Ригунта скоро войдет в брачный возраст). Старший из трех сыновей Хильперика от Аудоверы недавно погиб на поле брани (575 г.), а Мервей неожиданно бросился в предательскую авантюру. Тайный сговор нейстрийского принца с австразийскими союзниками свидетельствовал о кризисной ситуации в его отношениях с отцом и властолюбивой мачехой. Говорить только о личных происках коварной Фредегонды против взрослых пасынков не приходится³⁹, так как внутрисемейная стратегия самого Хильперика была направлена на ограничение независимости старших сыновей, ни один из них не был официально женат и не имел детей (в тексте об этом нет упоминаний). Поэтому реконструировать план действий Мервея крайне сложно. Возможен первый вариант по историческому прецеденту войны Храмна против отца Хлотаря (HF. IV, 13; 16–18; 20)⁴⁰. Но у этого принца была помощь со стороны дяди Хильдеберта

³⁷ Желание принца, без подробностей, проговаривается в сцене гаданий (HF. V, 14: ...что будет с ним, чтобы по божьему знаку он узнал, сможет ли получить королевство или нет).

³⁸ Глагол *excludere* в значении «изгонять», «лишать дома».

³⁹ Автор, усиливая впечатление, вкладывает в уста короля слова об особой роли королевы (HF. V, 14): «Признаюсь, что епископ сразил меня своими речами, и я понимаю, что то, что он сказал, — правда. Что же теперь мне делать, чтобы выполнить желание королевы?».

⁴⁰ Скрытую параллель между восстанием Храмна и заговором Мервея по обретению королевской власти можно, на мой взгляд, усмотреть в сходных обращениях к суеверному гаданию на церковных книгах (HF. IV, 16; V, 14).

и знатного тестя, он нашел военных союзников в Бретани, а после разгрома на поле битвы пытался с семьей уплыть на кораблях. Второй меровингский случай зафиксирован у Фредегара⁴¹, когда принц Дагоберт при серьезной поддержке (или, вернее, в качестве политической марионетки) могущественных магнатов получил от отца Хлотаря II в независимое управление королевство Австразию. На мой взгляд, Меровея хотел сепарироваться от Хильперика, официальный брак с королевой-вдовой (почти ровесницей) легитимировал его самостоятельность и, по-видимому, наделял германским правом требовать от отца выделения части земельного наследства. В дополнении он мог гипотетически претендовать на получение земель и городов Брунхильды из «вергельда» за убийство Галсвинты. Таким образом, (без австразийских земель, но с частью аквитанских городов Сигиберта) с учетом Бордо, Лиможа и Ка(г)ора принц мог выкроить небольшое королевство, для чего требовалось только одно — добрая воля и согласие Хильперика. О возможности такой интерпретации событий говорит, на мой взгляд, поведение укрывшихся в церкви молодоженов, которые изначально рассчитывали на примирение с королем-отцом, а тот не был настроен на жесткую расправу с ними⁴². И в обвинениях Претекстата на суде король сначала заявлял, что тот подкупал людей, собираясь *изгнать* его из королевства (*per virus, qui me a regno deiecerent*)⁴³.

Однако австразийская часть заговорщиков (из бывших приближенных Сигиберта) ориентировалась на военное разрешение конфликта с нейстрийцами: скорая осада Суассона и внезапное союзничество Меровея с Гунтрамном Бозо, в сражении с которым погиб его брат Теодеберт (HF. IV, 50). Все это позволило Хильперiku на церковном суде выдвигать политические обвинения Претекстату, крестному отцу принца, в покушении на свое убийство с целью захвата Меровеем королевской власти. В результате обмана Претекстат оговорил себя на суде перед королем (HF. V, 18): «ego sum homicida nefandus; ego te interficere volui et filio tuo in solio tuo eregere». Церковное судилище над руанским митрополитом стала

⁴¹ *Фредегар.* IV, 47; Деяния Дагоберта, короля франков. 12–14.

⁴² HF. V, 2.

⁴³ Глагол *dejicere* имеет также значения «свергнуть» и «убить».

своеобразной формой *замещения* светского суда над меровингом Меровеем. Как снежный ком, история заговора Меровея обрастала на каждом этапе все более опасными поворотами событий с участием разных политических сил, ожидаемо закончившись для принца самоубийством от руки верного слуги. И вот с этого момента Фредегонда, возможно, уже потерявшая младшего сына и сама, только выжившая после тяжелой болезни⁴⁴, берет германское правосудие в свои руки.

Максимально жестоким пыткам был подвергнут Гайлен, который, будучи наперсником Меровея, знал всю подноготную заговора. Но большее символическое значение играло то, что от удара его оружием принял смерть меровингский принц, что наносило сакральный ущерб всей династии. Остальных спутников, которых захватили вместе с Меровеем, пытали и казнили (HF. V, 18). Очевидно, что карал предателей и их австразийских союзников «по законам военного времени» Хильперик, который прибыл на место сразу после самоубийства задержанного принца. Однако Григорий Турский, оба раза ссылаясь на слухи, приписывает тайное убийство Меровея людям Фредегонды, а обман, связанный с пленением беглого меровинга, объясняет личным сговором нейстрийской королевы с ее тайными союзниками из Австразии. Таким образом, он наделяет мстительную королеву инициативной ролью как в деле Претекстата, так и в гибели старшего пасынка. По сути, епископ подразумевает, что Фредегонда находилась в обоих случаях во власти сильных чувств и эмоций, вызванных либо чрезвычайными причинами, либо обусловленных ее женской природой и индивидуальными особенностями психики. И тогда следует пристальнее взглянуть на *дымовую завесу* из словесных пересказов автором речей Меровея, ворожеи-пифии и судебных обвинений Хильперика. Так в словах принца об обретении власти над королевством не проговаривается механизм ее достижения. В первом («правдивом») высказывании короля на суде речь идет о его предполагаемом изгнании из королевства, а во втором («фальшивом», из самоговора Претекстата) говорится о свержении Хильперика с трона путем его убийства. И только лживые слова (*falsa esse*) ворожеи (*ariola*), наня-

⁴⁴ HF. V, 22.

той Гунтрамном Бозо, о скорой неминуемой смерти короля и об изгнании его остальных сыновей могли вызвать у Фредегонды сначала страх за жизни детей и свою, а затем королевский гнев и жажду (превентивной) мести.

Через год (579 г.) супруга Хильперика вновь беременна, но рождение принца Дагоберта (580 г.) омрачают крайне неуместные слухи об адюльтере Фредегонды с епископом Бордо Бертрамном (577–585)⁴⁵. Могущество нейстрийского правителя находится в апогеи, и его политические враги бросают тень на супружескую честь королевы⁴⁶, пытаясь опорочить ближайшего советника короля, являвшегося к тому же его, по-видимому, троюродным братом. По стечению обстоятельств диффамационный взрыв привел к церковному суду над Григорием Турским (август 580 г.), который был обвинен бывшим турским графом Левдастом и двумя турскими клириками Риккульфами (священником и иподиаконом) в распространении клеветы о неверности королевы⁴⁷. Местный турский конфликт епископа Григория по коварному замыслу его церковных и светских врагов принял государственный масштаб (HF. V, 47), сопровождаясь наветами (*doli*) в измене и диффамации королевской четы, подрывом меровингской легитимности новорожденного принца⁴⁸.

⁴⁵ Автор предварил историю о клевете на Фредегону пересказом эпизода о супружеской неверности среди приближенных Хильперика, что привело к самоубийству обвиненной женщины (HF. V, 32).

⁴⁶ Мой анализ эпизодов позволяет согласиться с выводом статьи (см.: *Dolan A.* 2012, 9–10; 14) о том, что диффамация меровингских королей (включая слухи, сплетни и клевету личного характера) использовалась как действенный механизм влияния мужчинами-политиками, которые манипулировали репутацией супруг королей в своих интригах.

⁴⁷ Григорий описал случай клеветы представителя светской знати на церковнослужителя с обвинением того в диффамации королевы Брунхильды (HF. VI, 37). Этот эпизод закончился трагически, ибо оправданный аббат был в итоге жестоко убит и расчленен слугами разгневанного графа-клеветника, фаворита королевы.

⁴⁸ Словесные оскорбления меровингских королей были распространенной политической практикой того времени. Так дерзкая хула бургундских епископов (HF. V, 20) на королеву Австригильду была связана, вероятно, не только с ее низким происхождением, но с сомнениями в меровингском отцовстве для сыновей короля Гунтрамна. Содержание гру-

На удивление, суд над турским понтификом по такому шекотливому обвинению проходил по тексту «Истории» вполне мирно, правда, единственным публичным защитником опороченной репутации церковного главы оказался столяр Модест, которого за это по приказу королевы арестовали, пытали и заковали в оковы⁴⁹. Епископ Григорий респектабельно оправдался клятвами на алтаре, прибывший на королевскую виллу Венанций Фортунат (об этом не говорится в «Истории») зачитал перед королевским двором и собравшимися епископами панегирик королю Хильперiku и Фредегонде⁵⁰. А королевское правосудие переключило внимание на злостных клеветников-обвинителей⁵¹. К несчастью, во франкских королевствах разразилась очередная эпидемия. Менее чем через месяц после завершения церковного собрания, после болезни и выздоровления самого Хильперика, погибают оба сына Фредегонды, сначала младенец Дагоберт, а за ним старший брат Хлодоберт, которому уже исполнилось пятнадцать лет.

Показательно, что второй раз турецкий епископ не стал *сам* делать акцент на теме божественного воздания Фредегонде за преследование прелатов. Он контекстуализировал материнское горе нейстрийской королевы, рассматривая его в череде потерь в меровингской династии и шире — на фоне всеобщего горевания франков в годы эпидемий (577 и 580 гг.). Григорий записывает самые щемящие слова (HF. V, 34):

бых высказываний австрзийской знати о королеве-вдове Брунхильде турецкий историк не конкретизирует, но, по-видимому, политическая диффамация вестготки включала в себя и обвинения в неподобающих сторонах фаворитизма. Фредегар (IV, 24; 26–27) прямо заявил о ее любовной связи с римлянином Протадием, назначенным ею майордомом.

⁴⁹ HF. V, 49.

⁵⁰ *Fortunat*. Carm. IX. 1, 115–126; 129–132 (прославление Фредегонды). Анализ панегирика в историческом контексте см.: *George J.* 1989. О нюансах меровингской мужественности Хильперика и похвальных достоинствах королевы см.: *Smith J.* 2009, 231–239.

⁵¹ Левдаст, который отказался от явки на допрос епископов, как клеветник и инициатор скандала (*ut sator scandali, infitiator reginae, accusator episcopi*) был отлучен от Церкви, а король издал против него эдикт об изгнании (HF. V, 49).

«Эта болезнь, начавшаяся в августе месяце, прежде всего поражала детей и уносила их в могилу. Мы потеряли милых и дорогих нам деток, которых мы согревали на груди, нянчили на руках и сами, приготовив пищу, кормили их ласково и заботливо».

Церковный автор вкладывает в уста женщины⁵², чьи дети находятся при смерти, не просто вербальное самобичевание и признание собственной греховности, но именно Фредегонда, «охваченная поздним раскаянием» и бьющая себя в грудь кулаком, энергично призывает Хильперика сжечь все налоговые книги. Фактически прощаясь с умирающими сыновьями (*Ecce! iam perdimus filios. ... Ecce quod pulchrius habebamus perdimus! ... etsi dulces natos perdimus...*), в своем горе и неизбывном страдании меровингская королева поднимается до высот почти библейской фигуры.

При описании дальнейших событий историк замалчивает важное обстоятельство — причину, по которой Хильперик дал горюющей Фредегонде полную свободу действий в отношении последнего своего сына Хлодвига и его матери Аудоверы. В этом эпизоде внутрисемейной борьбы Григорий Турский впервые рассматривает обвинение в колдовстве, ставшее основанием политической расправы королевы с принцем-пасынком. Однако еще до того, как из окружения Фредегонды донесли о заговоре Хлодвига с применением вредоносной магии против ее детей, королева вынудила Хильперика отослать принца на виллу Берни, где тогда свирепствовал мор, надеясь, как пишет автор «Истории», на его гибель⁵³. Поведение короля-отца выглядит необъяснимо⁵⁴, возможно, он испытывал чудовищную вину перед супругой из-за гибели сыновей (мог сам их заразить или вовремя не отослать из очага эпидемии). К тому же в панегирике Фортуната есть намек на новую беременность королевы

⁵² О переключке и «similarity» посылов речи Фредегонды и авторскими интенциями из программно-предисловия пятой книги см.: *Halsall G.* 2007, 303–304.

⁵³ HF. V, 39.

⁵⁴ Исследовательница полагает, что Григорий снимал с королей ответственность за убийство детей, перекалывая основную вину за их преступления на королев-подстрекательниц. В данном случае речь идет о маскировке внутрдинастийного конфликта Хильперика с сыном, который отражал нестабильность в вопросах престолонаследия см.: *Joye S.* 2010, 81-82.

(очевидно, уже после рождения Дагоберта)⁵⁵, то есть во время болезни Хильперика и сыновей она могла потерять и (третье) нерожденное дитя.

Если первый акт судебных расследований в 580 г. разрешал в правовом поле коллизию по защите королевской чести, емко сформулированной в словах Хильперика: «*Crimen uxoris meae meum habetur obprobrium*». То второй акт псевдосудебного разбирательства воспринимался Григорием Турским крайне негативно, он подчеркивал надуманность злоумышлений и козней Фредегонды, сквозь которые проступал германский архетип коварной мачехи (как, история с убийством сына короля Сигизмунда). Демонстративная реакция королевы, которая лично избивала любовницу Хлодвига (мать которой, из ее придворного окружения, и была обвинена в зловредном колдовстве), а затем символически приказала вывесить обретенные волосы девушки на шесте перед дворцовыми покоями принца⁵⁶, на мой взгляд, свидетельствует о сочетании безудержной ярости и холодного расчета, о политической озабоченности Фредегонды возможностью заключения принцем Хлодвигом официального брачного союза и появления новой королевы. Избранное в качестве обвинения использование колдовства объясняет манипулятивные механизмы придворной интриги с проявлениями женской зависти, ревности и соперничества в отношении более удачливых конкуренток, которых надо оклеветать и, не допустив их социального возвышения, расправиться всеми доступными средствами. По-моему, в этой истории речь идет о женском заговоре, рожденном в женском придворном окружении, которое чутко реагировало на эмоциональное состояние Фредегонды и ее повышенную суеверность вокруг темы детской смертности⁵⁷.

Прямой отсылкой к этому делу станет сюжет из событий при австрзийском дворе (589 г.), когда королева Файлевба, болевшая

⁵⁵ *Fortunat.* Carm. IX. 1, 131: Tempore sub longo haec te fructu prolis honoret. О сложностях интерпретации этих строк (127–132) см.: *George J.* 1989, 13–14.

⁵⁶ HF. V, 39.

⁵⁷ HF. V, 39: Post dies vero aliquot adveniens quidam ait reginae: 'Ut urbata de filiis sedeas, dolum id Chlodovechi est operatum. Nam ipsi concupiscens unius ancillarum tuarum filia, maleficiis tuos per matrem eius filios interficit...!'

после родов и потерявшая младенца, неожиданно раскрыла опасный политический заговор⁵⁸, целью которого было изгнать ее и Брунхильду из королевства, а короля Хильдеберта либо женить на подходящей невесте, либо устранить с помощью колдовства, чтобы править от лица малолетних принцев. Роженица-королева, очевидно, находясь на грани нервного срыва в горячечном бреду, странным образом объединила в одном заговоре челядь из ближайшего окружения (кормилицу своих детей и их придворного воспитателя) с двумя государственными деятелями — референдарием и графом королевской конюшни. Существенным отличием австразийского правосудия от действий нейстрийских правителей стало финальное наказание без смертоубийств⁵⁹. Хильдеберт и Брунхильда ограничились разными пытками (включая каленое железо), ссылкой на тяжелые рабские работы для слуг и частичной конфискацией имущества с изгнанием для двух придворных.

И здесь следует отметить, что автор, осуждая подлое убийство Хлодвига, *объясняет* преступление Фредегонды (к тому же оклеветавшей пасынка перед отцом) охватившим ее ураганом сильных чувств. Ведь принц словесно угрожал ей (HF. V, 39: «non condecibilis detractabat» — «illa ... pavore nimio terrebatur»), вызвав иррациональный страх и королевский гнев, усугубленный потерей детей (Tunc regina timore perterrita, furore succensa, nova orbitate conpuncta). Второй нарративной особенностью стало недвусмысленное *обеление* Хильперика, который приказывает арестовать сына и передать на расправу королеве, а сам уезжает на охоту, «умыывая руки» (как в эпизодах с Аудоверой и Галсвинтой), затем он «закрывает глаза» на очевидную ложь о самоубийстве принца (с отсылкой к обстоятельствам смерти Меровея) и санкционирует своим молчанием убийство со-

⁵⁸ HF. IX, 38.

⁵⁹ По-моему, надуманность заговора осознавалась современниками, поэтому за представителей знати ходатайствовали епископы из посольства Гунтрамна. Однако вскоре пыточные показания графа Суннигизила стали формальным поводом для ареста и суда над Эгидием Реймским (HF. X, 19). Кормилица под пытками призналась, что прежде с помощью колдовства убила мужа, но даже за это признание ее не казнили. Пыткам подвергли челядь — лицо кормилицы было обезображено, а воспитателю отрезали уши и срезали волосы (HF. IX, 38).

сланной Аудоверы. Фактически Хильперик предал *проклятию памяти* последнего сына Аудоверы Хлодвига (отказав в родовом погребении вслед за Меровеем), а королева по-женски расправилась с его матерью (*crudele morte negata*), захватив ее имущество и приданое отосланной в монастырь сестры, принцессы Базины⁶⁰. Хлодвиг держался на допросах Фредегонды, требовавшей имен его союзников, с достоинством и отказался признать свое участие в заговоре, а сломленная под пытками женщина (которая *наболтала* на принца — «*locuta fuerat*») по дороге на костер кричала о самооговоре, но это не спасло несчастную от сожжения заживо (НФ. V, 39). Григорий, несомненно, присутствовал тогда при королевском дворе, его слова — это речь подлинного свидетеля тех шокирующих событий.

Понимания формальную шаткость подобных обвинений, нейстрийские правители огласили *посмертное расследование дела* Хлодвига для раскрытия его перед знатью и народом в качестве политического заговора⁶¹. Гибель принца по внесудебной расправе должна была выглядеть не только личной мстостью королевы-мачехи, но и разоблачением придворного переворота. Выбор Фредегонды пал на иподиакана Риккульфа⁶², показания которого после мучительных пыток использовали для обвинений по делу принца:

В самом деле, он висел, подвешенный к дереву, с трех часов дня, с завязанными назад руками, в девять часов его сняли, растянули на дыбе, били палками, прутьями и ремнями, сложенными вдвое, и не один и не два человека его били, а столько людей, сколько могли подступить к телу несчастнейшего. И лишь тогда он открыл правду и обнародовал тайны интриги, когда был уже на краю гибели. Он говорил, что королеву обвинили с целью ее изгнания из королевства, чтобы Хлодвиг, убив братьев и отца, за-

⁶⁰ О судьбе Базины см.: Сазонова А.А. 2022, 253–257.

⁶¹ Интересным поворотом в логике повествования (или очередным умолчанием) стало то, что Григорий не объединил два разных обвинения по заговору Хлодвига — о государственном перевороте со слов Риккульфа и о колдовстве по самооговору придворной дамы, также епископ не оценил достоверность хвастливых слов принца и его угроз Фредегонде.

⁶² Странным образом, священник Риккульф (личный враг Григория) не привлек интереса королевского следствия, его преследование организовал сам турский епископ, но не добился желаемого результата (НФ. V, 49).

владел королевской властью, а Левдаст — герцогской, а Риккульф [пресвитер], который уже со времени блаженного епископа Евфрония был другом Хлодвига, получил бы епископство, а ему, клирику Риккульфу, обещали архидиаконство (HF. V, 49).

По моей гипотезе, на суде в Берни Григорий Турский закулисно пришел к личному соглашению с королем Хильпериком о союзничестве. Хотя изначально, судя по провокативным действиям светских властей Тура, король был настроен на смещение понтифика с кафедры. Церковное оправдание далось турецкому епископу легко (за него к тому же молилась принцесса Ригунта), но политический шлейф вокруг дела о клевете на королеву оказался крайне опасным. По моему предположению, Григорий был вынужден молча согласиться на дальнейшее раскручивание дела Фредегондой, избравшей в жертвы последнего сына Хильперика. Оправдываясь за пассивное участие в кознях королевы, церковный автор делает акцент на своих попытках спасти людей⁶³, оказавшихся в паутине «слова и дела» жестокой правительницы⁶⁴. Считается, что Фортунат в витиеватых местах поэтического утешения для королевской четы (Carm. IX. 2, 13–14: открывая каталог библейских примеров убийством Авеля Каином) следовал официальной позиции о виновности Хлодвига в заговоре против отца и братьев, как прежде в своем панегирике намекал на вооруженное восстание Меровея (Carm. IX. 1, 71: *Ne ruat armatus per gallica rura rebellis*)⁶⁵.

В 582 г. Фредегонда своевременно рождает наследника нейстрийского королевства. Фиксируя это радостное событие, автор сразу

⁶³ Григорий способствовал спасению Модеста, добился освобождения арестованного королевой казначея Хлодвига, вымолил жизнь для иподиакона Риккульфа, а также он будет предупреждать Левдаста, стремясь образумить того от опасного поведения.

⁶⁴ Григорий использует своеобразный аналог для «слова и дела» (*crimen dixisse*), говоря о клевете Левдаста на «клеветующего» турецкого епископа (HF. V, 49: *me crimen in Fredegundem reginam dixisse*), со слов Риккульфа обвинения против королевы также названы *crimen obiectum*.

⁶⁵ Дюмезиль Б. 2012, 193; 196. Сначала поэт написал пространное утешение коронованным родителям (Carm. IX. 2), далее сочинил эпитафии обоим принцам (IX. 4–5) и, наконец, короткое утешение, наполненное весенним настроением в ожидании Пасхи (IX. 3).

пишет о великом горе, к которому затем приведет смерть маленького принца Теодериха⁶⁶. В разгар очередного витка гражданской войны (583 г.) Левдаст предпринял новые усилия для своей реабилитации, заручившись помощью епископов и снискав милость короля. Бывший граф не учел эмоционального состояния королевы, которая была, по-видимому, вновь беременна, и бросился к ней в ноги прямо в церкви, умоляя о прощении. На такое нарушение сакральной приватности и душевного равновесия (когда суеверная Фредегонда обращалась к Богу, быть может, давая обеты на благополучное протекание беременности), она публично выказала королевский гнев и потребовала справедливости у короля, окончательно решив судьбу Левдаста (HF. VI, 32): «По приказу королевы его положили на землю, под затылок ему подсунили большое бревно, другим ударили по горлу (*iussu reginae in terram proiecitur resupinus; posito ad cervicem eius vecte immenso, ab alio ei gulam verberant*). Так, постоянно ведя жизнь, полную вероломства, он окончил ее заслуженной смертью»⁶⁷.

В 584 г. во время подготовки к свадебным торжествам принцессы Ригунты от дизентерии умирает двухлетний сын Фредегонды (HF. VI, 34). Новое горе матери вновь запускает маховик судебной расправы с обвинениями знатного недоброжелателя в зловредном колдовстве (HF. VI, 35: *nuntiantur reginae, puerum, qui mortuus fuerat, maleficiis et incantationibus fuisse subductum*). Префект Муммол действительно вел у себя дома не подобающие разговоры, о его пьяном хвастовстве, что он мог спасти принца от смерти настоем трав, донесли разгневанной Фредегонде:

«Между тем после того как в городе Париже схватили женщин, королева пыталась их и вынудила их под плетью признаться в том, что им известно. И те сознались в том, что они колдуньи, и сказали, что они виновны в смерти многих, прибавив то, чему я никак не могу поверить (*quod nulla ratione credi potest*): “Мы отдали, — сказали они, — жизнь сына твоего, чтобы сохранить

⁶⁶ HF. VI, 23.

⁶⁷ Высказанное *между строк* предположение о связи такой казни с вербальным характером преступлений Левдаста (см.: *Dolan A.* 2012, 12) выглядит интересно, но представляется маловероятным. По моей версии, второй раз публично оскорбленная королева выбрала особую казнь для личного врага, подчеркивая традиционную архаичность наказания.

жизнь префекту Муммолу». Тогда королева, подвергнув женщин еще более тяжелым пыткам, одних убила, других сожгла, третьих колесовала, переломав им кости (Tunc regina, tormentis gravioribus mulieribus affectis, alias enegat, alias incendio tradit, alias rotis, ossibus confractis, innectit)» (HF. VI, 35).

Муммол отрицал на допросе у короля использование колдовства против умершего принца, но его саркастические высказывания и провокативное поведение под пытками стали личным вызовом Хильпериду. Такое оскорбительное безрассудство можно объяснить только тем, что он осознал и принял мысль о неизбежности своей смерти, памятуя о предыдущих расправах Фредегонды. Мстящая своему политическому врагу королева (quem iam diu regina invisum habebat) после дополнительных пыток Муммола на дыбе (когда его стегали до полусмерти и загоняли под ногти иглы) потребовала заменить казнь с отрубанием головы мечом на публичное унижение бывшего префекта, отослав его чуть живого на осмеяние в родной город.

Новым дополнением на третьем этапе горевания королевы по умершим сыновьям стала своеобразная погребальная жертва, когда Фредегонда приказала сжечь все вещи принца, а его драгоценности переплавить. Турский епископ по-христиански объясняет это сожжение эмоциональным порывом, «чтобы ничего не осталось в прежнем состоянии, что могло бы вызывать у нее печальное воспоминание о сыне»⁶⁸. На мой взгляд, суеверная королева пыталась найти утешение в своей скорби, обращаясь к архаичной практике принесения погребальных жертв. Это должно было возыметь эффект отведения беды⁶⁹, ввиду того, что она была на последних сроках беременности или только родила принца Хлотаря (в мае-июне месяце). Прежде бургундская королева, умирая от дизентерии в 580 г., взяла с Гунтрамна предсмертную клятву, что он убьет после ее смерти врачей, которые не смогли ее вылечить⁷⁰. Турский епи-

⁶⁸ HF. VI, 35.

⁶⁹ Во время болезни Хлотаря королева на выздоровление сына сделает богатый вклад базилике святого Мартина и прикажет освободить военнопленных (HF. X, 11), но эти богоугодные действия *по форме* признаются христианскими.

⁷⁰ HF. V, 35. Из клятвы очевидно, что Австригильда требовала у короля человеческого жертвоприношения во время своего погребения, но

скоп с отвращением сравнил презренную Австригильду с Нероном (Herodiano more). Обе франкские королевы, испытывая крайнюю степень горя и отчаяния, обратились к языческим традициям своих предков, одна — связывала детские смерти с колдовством ведьм, которых следовала заживо сжечь, другая — мстительно требовала от супруга человеческих жертв.

Хильперик сделал собственный вывод из обстоятельств смерти сыновей, чтобы вырваться из порочного круга политических интриг и младенческой смертности, он отослал новорожденного сына от королевского двора на виллу, спрятав там его от нежелательного и опасного для здоровья внимания⁷¹. Когда нейстрийский король погиб от руки подосланного убийцы (в конце сентября 584 г.), наследнику исполнилось только четыре месяца, поэтому Фредегонда, пытаясь, по-видимому, подстраховаться и упрочнить свое положение королевы-матери, на приеме у короля Гунтрамна в Париже публично заявила о новой беременности посмертным ребенком (HF. VII, 7)⁷². По политическим мотивам бургундский король, официальный опекун младенца Хлотаря и покровитель его матери Фредегонды, был заинтересован в скорейшем крещении нейстрийского наследника, чтобы выступить его крестным отцом. По не проясненным у Григория Турского причинам хитроумные воспитатели принца и сама королева несколько раз переносили церемонию крещения младенца. И тогда Гунтрамн выдвинул нейстрийцам особые условия (HF. VIII, 9) для признания маленького Хлотаря меровингом и крестным сыном: от королевы, местной знати и епископов требовалась клятва для подтверждения отцовства Хильперика (585). Это требование — тонкое оскорбление и политическое манипулирование со стороны Гунтрамна, но оно было вызвано опасением, что скрываемый от публичного контроля подлинный меровинг мог умереть, а затем быть подменен.

церковный автор сделал акцент на временном разрыве (*peracto ex more iusticio*), христианском трауре.

⁷¹ HF. VI, 41.

⁷² Турский епископ приписал изумление королю Гунтрамну на слова Фредегонды, но сам использовал этот эпизод для выражения сомнений о меровингской легитимности нейстрийского принца.

Фредегонда умерла своей смертью, пережив короля Гунтрамна и Григория Турского, и описания автором ее злодеяний позволяют говорить о том, что турский понтифик всерьез не опасался за свою жизнь (если бы рукопись была похищена и содержание труда стало бы известно королеве), намекая на вполне деловые отношения с нейстрийской правительницей. Поэтому историк позволил себе в неприглядных подробностях рассказать, как мстительная королева, подводя итог своему гореванию по детям, своеобразно «закрывает гештальт», расправившись с последним противником по судебным делам. На следующий год после гибели Хильперика (585 г.) королева-вдова приказала убить прямо в церкви во время службы епископа Претекстата⁷³, который возвратился в Руан из изгнания. Григорий осознает беспрецедентность такого преступления⁷⁴, с подлинным психологизмом повествуя о тех событиях. Авторский интерес вызывает эмоциональное состояние торжествующей Фредегонды в ее личном противостоянии Претекстату, когда она прибыла в сопровождении свиты в дом умирающего епископа, вопрошая у того, кого он считает инициатором заказного преступления, и предлагая ему медицинскую помощь своих лекарей⁷⁵. Затем вдовствующая королева проявляет подлинное коварство, когда в королевском гневе заставляет знатного франка с помощью вербальных манипуляций выпить отравленную чашу гостя. Для нее было невыносимым оскорблением, что тот прибыл в ее усадьбу, чтобы призвать к ответу за убийство руанского митрополита. И в третий раз королева проявляет чудеса политического хитроумия, когда формально удовлетворяет кровную месть племянника Претекстата, выдавая ему на расправу одного из своих слуг⁷⁶.

* * *

Результаты исследования показали, что меровингская политическая культура позволяла королеве, ставшей политическим объек-

⁷³ Между епископом и королевой произошла ожесточенная словесная перепалка (HF. VI, 31: *verba amaritudinis*).

⁷⁴ Следующее убийство епископа произойдет в 607 г. см.: *Фредегар*. IV, 32.

⁷⁵ HF. VI, 31.

⁷⁶ Фредегонда утверждала, что слуга на нее клеветал (HF. VI, 41).

том вербальных наветов и злокозненного колдовства, законным образом добиваться смертного наказания для своих недоброжелателей. Фредегонда использовала подобное обвинение в злонамеренной клевете как эффектный прием в собственной диффамационной стратегии против личных и политических врагов. Персональной особенностью нейстрийской королевы признается чрезмерная жестокость в удовлетворении чувства мести, когда, формально оставаясь в правовом поле, она обращалась к архаическим видам казней и пыток. Турский епископ ужасался кровожадности и вероломству Фредегонды, между строк возмущаясь ходом королевских следствий и тайных внесудебных расправ при дворе. Следует признать, что Григорий Турский с глубокой осознанностью подбирал и использовал специальную лексику (*ingenium, sug(g)illare, calumniator, instinctus, maleficum, maleficium, crimen dixisse, tu hoc blasphemium super me intulisti*), отдельные слова из которой стали символами злоумышления и злодеяний, словами-триггерами для доносов и словами, провоцирующими следственные действия на применение пыток.

Другим выводом статьи стало дифференцирование по «Истории франков» двух уровней публичного насилия у Меровингов — судебной парадигмы (пыточные признания и телесные наказания, физическое уродование по неписанным законам и германские казни) и символического и социального унижения (церковное отлучение, проклятие памяти в форме отказа в статусном погребении, принудительный и вынужденный уход в монастырь). Нира Пансер заявляет об отсутствии гендерной разницы в политических мотивациях и властных стратегиях поведения у членов меровингской династии⁷⁷. Вывод моей работы говорит об обратном, судебные обвинения в колдовстве можно квалифицировать как преимущественно женские, вербально исходящие от женщин для варварской расправы с другими женщинами.

В работе было выявлено, что на примере действий Фредегонды автор «Истории» раскрыл индивидуальное сочетание расчета и коварства с повышенной суеверностью и женской агрессивностью, окрашивающих германскую жестокость к врагам личным горем,

⁷⁷ *Pancer N. 2010, 72.*

чувствами страха и гнева⁷⁸. Анализ трех этапов горевания королевы показал эмоциональную уязвимость роженицы и отчаявшейся матери, теряющей одного сына-наследника за другим, когда актуализировались латентные отсылки к архаическим жертвоприношениям на погребение и практика языческих посвящений в христианской форме. Таким образом, задействуя разные формы и механизмы политической борьбы внутри меровингской семьи, переходя от словесного обмана и вербальных угроз к тайным убийствам и судебным казням, Фредегонда при поддержке короля Хильперика обрела при нейстрийском дворе подлинную власть официальной королевы и матери наследника короны.

⁷⁸ О гендерном ракурсе агрессии и насилия с акцентом на женскую экспрессивность в крайних варварских формах см.: Буданова В.П. 2022, 17–20.

«ВАРВАРСКОЕ ПРОШЛОЕ» ИЛИ «ДРЯХЛАЯ СОВРЕМЕННОСТЬ»?

ФОРМИРОВАНИЕ КОНЦЕПТА
«ПРИУМНОЖЕНИЕ ЗНАНИЙ»
В ЭПОХУ КОРОЛЕВЫ ЕЛИЗАВЕТЫ И ЯКОВА I*

Г.В. Шнак

Истоки представления о разрыве в научном знании и преодолении заблуждений прошлого следует искать в так называемой «борьбе древних и новых»¹.

Устойчивое представление о том, что древнее знание на порядок превосходило современное, восходило не только к деятельности университетов и поклоняющихся перед методом Аристотеля схоластам, но и к более широкой теоретической концепции упадка природы и постепенного ее увядания. Во многом этим обусловлен подъем гуманистических переводов, нацеленных на очищение древнего знания от последующих наслоений².

Поклонение перед древними прекрасно видно в практике авторов XVI века. Английский дипломат Томас Элиот (ок. 1496–1546) был одним из первых, кто настаивал на использовании в литературе национального языка, а не латыни. При этом он являлся автором первого англоязычного словаря латинских слов, изданного в 1538 г. В 1536 г. он опубликовал на английском языке трактат «Замок Здоровья» (*Castel of Helth*). Во введении он отвечает на упреки в несовершенстве своих знаний:

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 22–18–00488 «Кризис ценностей и стратегии преодоления: Идея “Общего блага” в интеллектуальном дискурсе Британии и России (1650–1750)»).

¹ *Bury J.* 1920; *Jones R.* 1961.

² О гуманистической традиции обновления переводов «древних» текстов см. *Hall M.* 2013.

«...когда я написал эту книгу, я не был невеждой в медицине (*in phisicke*), ведь, когда мне было двадцать лет, почтенный философ (*Phisition*), один из самых известных в то время в Англии, видя, что я по своей природе склонен к знаниям, читал мне сочинения Галена о темпераментах, естественных способностях, введение Иоанниция (*the introduction of Iohannicius*), некоторые из афоризмов Гиппократ. Затем я самостоятельно прочел большую часть сочинений Гиппократ, Галена, Орибасия, Авла Цельса, Александра Траллиана, Цельса, первого и второго Плимуса и Диоскорида»³.

Таким образом, чтение древних для него является достаточным основанием для медицинских изысканий.

В трактате Уильяма Бюллейна 1562 г. «Оплот защиты от всех болезней» среди авторов «капитанов», к которым он возводит свой труд, перечислены: Моисей, Давид, Соломон, Гиппократ, Гален, Авиценна и пр.⁴. Гален и Гиппократ считались отцами современной медицины, знание которых было необходимо для медицинской практики (*Phisitions*).

Первый на английском языке трактат о садоводстве «Самый краткий и приятный трактат, обучающий тому, как обустроить, сеять и ухаживать за садом» Томаса Хила (1563 г.), в свою очередь отсылает нас к текстам древних, утверждая что его трактат является первым переводом на английский язык текстов, собранных ученым кардиналом и философом (*a learned Cardinall and Philofopher*) Фердинандо Понцетти «из арабских, греческих и древних физиков (*phisitions*), писавших на латинском языке»⁵.

Важную роль в пересмотре ценностей играла концепция неизбежного конца мира. В текстах то и дело встречаются наблюдения, касающиеся упадка современности. Золотой век прошлого, недосягаемый Эдем, остались далеко позади, а современности достались только крохи знания, постижение которых, вкупе с обновлением переводов классических текстов сможет хотя бы отчасти компенсировать старение мира. Как отмечает Ричард Фостер Джонс:

³ *Elyot T.* 1595.

⁴ *Bullein W.* 1579.

⁵ *Hill T.* 1569. (Preface).

«Ослепленные возродившимся светом прошлого, елизаветинцы настолько облачили древних в одеяния власти, что последние стали оракулами, сомневаться в которых граничило со святотатством»⁶.

Священник Фрэнсис Шеклтон в сочинении 1580 г., посвященном изменениям, происходящим в природе, оспаривает идею о вечности мироздания. Он предлагает обратить внимание на те изменения, которые произошли в окружающем мире. Наводнения происходят все чаще, моря наступают, затопливая города и целые области, то и дело в мире случаются пожары или землетрясения⁷. «И чем еще могут быть эти странные перемены, как не очевидными доводами в пользу того, что миру придет конец?»⁸ — восклицает он. Как неопровержимый аргумент в защиту своей концепции он упоминает изменения, происходящие в небе:

«...некоторые утверждают, что расстояние между Солнцем и Землей, которая является центром мира, теперь почти на четвертую часть меньше, чем было во времена, когда жил Птолемей»⁹.

Все это доказывает, что мир стареет, а старость в его понимании сопряжена со слабостью и дряхлостью. Растения и травы теряют свою силу. Время жизни людей сокращается.

«Поэтому кажется неизбежным, что скоро произойдет конец и завершение мира, потому что он стареет и становится слаб во всех частях»¹⁰.

⁶ *Jones R.* 1961. 9.

⁷ Большое впечатление на англичан оказало так называемое «Пасхальное землетрясение» или «Землетрясение в Дуврском проливе», которое потрясло юг Англии 6 апреля 1580 г. Был опубликован целый ряд брошюр и стихов, посвященных этому событию. Брошюра Авраама Флеминга получила название «Яркое и пылающее предостережение, предупреждающее всех мудрых дев заправить светильники перед приходом жениха. Содержит общую доктрину различных знамений и чудес, особенно землетрясений. Беседа о конце этого мира: Воспоминание о недавнем землетрясении, случившемся 6 апреля, около 6 часов вечера 1580 года. Молитва об умиротворении гнева и негодования Божия».

⁸ *Shakelton F.* 1580.

⁹ *Ibid.*

¹⁰ *Ibid.*

Представление о дряхлости современности будет настолько устойчивым, что, даже описывая последние географические открытия, Сэмюэль Перчейс в 1613 г. заявляет, что единственно благодаря великой работе Бога (*great worke of God*) в этот старый и дряхлый век мира (*in the old and decrepit Age of the World*¹¹) человеку открываются новые знания.

Образ увядающего мира будет частым приемом, используемым проповедниками. В одной из воскресных проповедей 1640 г. Джон Донн заявляет, что Бог специально наполнил мир знаками, сообщающими о его старении:

«Времена года неравномерны. Солнце становится все слабее. Люди стали меньше ростом и жизнь их стала короче. Никакого обновления, но только все новые виды червей, и мух, и болезней, свидетельствующих о все большем разложении, порождающем их»¹².

Более того, даже ангелы уже не идут на контакт с людьми столь охотно, как делали это в прошлом.

Но наиболее детально концепция упадка мироздания изложена в сочинении симпатизировавшего католикам англиканского епископа Годфри Гудмана «Упадок человечества или несовершенство природы, доказанное светом естественного разума» (1616 г.). Гудман заявляет, что будет опираться в своих доказательствах на доводы «естественного разума»:

«Так как человек в соответствии с его состоянием руководствуется чувством из-за отсутствия лучшего проводника, я возьму на себя полномочия вести его от чувственных объектов при свете его собственного разума к познанию духовных вещей»¹³.

Он опровергает суждение, что только духовным взором можно познать божественные истины, чем повторяет концепцию Ф. Бэкона:

«...естественный разум, признаюсь, сам по себе ущербен и не может постичь таинств веры; но, однажды исцелившись, будучи

¹¹ *Purchas S.* 1614. 48–49.

¹² *Donne J.* 1640. 357.

¹³ *Goodman G.* 1616. 6.

просвещен верой и озарен благодатью, он послужит для утверждения и укрепления оснований и принципов веры...¹⁴».

Как ни парадоксально, но именно опираясь на доводы естественного разума Гудман доказывает испорченность и увядание мира, упоминая многочисленных червей, мух, монстров, современные пороки и болезни — «они суть признаки разложения»¹⁵. В соответствии с идеей упадка мира он заявляет, что «лучшими авторами являются самые древние из дошедших до наших дней»¹⁶. Ему приходится отстаивать достоинства древних перед лицом современного знания. Он разбирает одну из главных метафор XVII в., говорящую о карлике на плечах великана¹⁷:

«Этот великий ученый век (*great learned age*) нашел метафору, согласно которой мы будто бы превозносим Древних, но на самом деле очень хитро принижаем их, изображая их своими скамеечками для ног»¹⁸.

Изображая себя в виде карликов, сидящих на плечах гигантов, люди выдают собственные суждения за результат работы древних авторов, однако эта метафора вызывает у Гудмана целый ряд возражений. Большим вопросом, — говорит он, — является то, как карлики попадают на плечи гигантов и как держатся на них, ведь

«...следует опасаться, что, увидев крутой обрыв, они скорее упадут от головокружения, чем смогут правильно судить об объектах, по крайней мере, они будут сбиты с толку многочисленностью знаний их отцов»¹⁹.

¹⁴ Ibid. 10.

¹⁵ Ibid. 19.

¹⁶ Ibid. 360.

¹⁷ Метафора о карликах на плечах великанов восходит к XII веку. Первое упоминание этого афоризма приводит в XII в. Иоанн Солсберийский в труде «Металогик», приписав его Бернару Шартрскому. На протяжении средневековья афоризм использовался в качестве предписания христианам избегать высокомерия в отношении своих достижений.

¹⁸ *Goodman G.* 1616. 361.

¹⁹ *Ibidem.*

Он задает современникам вопрос о том, каким образом они надеются сравняться с древними: «неужели вы полагаете, что сможете сравниться в качестве и остроте зрения с великанами, бесконечно превосходящими карликов в длине и силе?»²⁰.

К началу семнадцатого века в рядах протестантов-милленаристов была распространена концепция скорого начала тысячелетнего царствования святых. Считается, что именно это представление о будущем искуплении и благоденствии лежит в основе идеи прогресса в натурфилософии²¹.

Помимо елизаветинцев, риторическая власть которых преобладала внутри университетов и в церковных институтах, в Англии во второй половине XVI в. начинает усиливаться влияние еще одна корпорация, стремящаяся к накоплению новых данных. Для торговых компаний практический опыт мореплавателей был на порядок важнее сведений, зафиксированных в текстах прошлого. Опыт ремесленников, фермеров, земледельцев мог иметь большую значимость, чем абстрактные категории качеств, постулируемые перипатетиками.

Согласно инструкции, составленной Себастьяном Каботом для первой английской торговой экспедиции в Московию 1553 г., все лица «искусные в писании» должны вести наблюдения, «описывать и запечатлевать в памяти плавание каждого дня и ночи». Собранные данные должны сопоставляться между собой для сохранения наиболее достоверных: «после достаточного обсуждения, когда придут к общему заключению, весь материал должен записываться в общую постоянную книгу»²².

Математик Томас Диггес в работе 1576 г. «Идеальное описание небесных сфер» (*A Perfit Description of the Celestiall Orbs*) придерживается гелиоцентрической модели, утверждая, что, исправляя различные ошибки прошлого, он решил пересмотреть «модель мира и положение небесных и элементарных сфер, согласно учению Птолемея», которое «поддерживается университетами, сподвигнутыми

²⁰ Ibid. 362.

²¹ *Iliffe R.* 2000. 431.

²² Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. 1937, 30.

на это авторитетом Аристотеля»²³. В тексте Диггеса слышна идея превосходства его времени над прошлым:

«Но в наш век один редкий ум, видя постоянные ошибки, которых время от времени обнаруживается все больше, а также бесконечную нелепость их теорий, отрицающих какую-либо подвижность Земли, долгим изучением, болезненной практикой и редким изобретательством (*long study, painful practice, and rare invention*) создал новую теорию или модель мира, показывающую, что Земля покоится не в центре всего мира, а только в центре нашего брэнного мира или сферы элементов (*Globe of Elements*), заключенной в орбиту Луны и, вместе со всей смертной сферой (*Globe of mortality*) ежегодно обращающейся вокруг Солнца, которое, подобно царю, правит посреди всего и дает законы движения всему остальному, сферически рассеивая свои великолепные лучи света по всему священному Небесному храму»²⁴.

Развитие знаний о мире становится важным аргументом в пользу превосходства современных методов. Уильям Барроу в предисловии к работе Роберта Нормана «Новое притяжение, содержащее краткий рассказ о магнетите или магнитном камне и, среди прочего, о его достоинствах, о новом обнаруженном секрете и тонком свойстве, касающемся склонения иглы к линии горизонта» (1581 г.) сообщает, что авторы прошлого не смогли дать хоть сколько-нибудь полезной информации, касающейся магнитного камня²⁵ и призывает моряков и путешественников изучать арифметику и геометрию, «которые являются основанием всех наук (*Science*) и некоторых искусств». Он утверждает, что их изучение не только позволит достичь понимания работы известных устройств, но и даст возможность «самому исправлять и изобретать новые и не только в навигации, но и во всех механических науках»²⁶.

Сведения, добытые на собственном опыте, более релевантны, чем данные, полученные из книг. В письме к королеве Елизавете Уильям Барроу в 1598 г. утверждает, что истинное знание может быть

²³ *Digges L.* 1585.

²⁴ *Ibid.*

²⁵ *Norman R.* 1581.

²⁶ *Ibid.*

основано только на личном опыте, отмечая, что гидрографическая теория не существует отдельно от практического мореплавания, тесно связанного со знанием астрономии и космографии, арифметики и геометрии, «составляющих два устоя всех наук», «так, необходимейшим образом наука и разум зависят от практического опыта»²⁷.

Мореплавателю Роберту Норману в упомянутой выше работе утверждал, что основывает свой труд только «на опыте, разуме и доказательствах, которые являются основанием искусств»²⁸. Он выступает за то, что знание, добытое на собственном опыте моряками, не может быть хуже знания, полученным в университетах из книг, в некотором смысле либерализируя возможность получения достоверной информации о мире. Он критикует знание, добытое в древности, сообщая, что

«...не только эти, но и многие другие басни были написаны людьми древнего времени (*those of ancient tyme*), которые, так сказать, выдавали собственное воображение за бесспорные истины, и это больше всего касалось географии и гидрографии или навигации»²⁹.

Он заявляет, что только опыт может быть надежным основанием для путешественников и мореплавателей:

«...я хочу, чтобы опыт руководил авторами в этих искусствах и определял их труды, чтобы последователи не были введены ими в заблуждение, как это часто бывает»³⁰.

Но наиболее последовательным противником древнего знания из числа елизаветинцев стоит назвать Уильяма Гилберта, опубликовавшего в 1600 г. знаменитый трактат «О магните». В нем У. Гилберт превозносит преимущества опытного знания над устаревшими текстами прошлого, позволившего ему обосновать собственную концепцию устройства мироздания:

²⁷ Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. 1937, 90.

²⁸ *Jones R.F.* 1961, 14.

²⁹ *Ibid.*, 15.

³⁰ *Ibid.*

«...при наших ежедневных опытах выяснились новые и неведомые особенности и благодаря тщательному рассмотрению вещей философия обогатилась в такой степени, что мы получили возможность приступить к объяснению с помощью магнитных принципов внутренних частей земного шара и его подлинной сущности и к ознакомлению людей с Землей (всеобщей матерью), как бы показывая на нее пальцем посредством истинных доказательств и опытов, прямо воспринимаемых нашими чувствами»³¹.

Знания эти прежде были упущены по причине «невежества древних или нерадивости новых ученых»³². Гилберту приходится доказывать, что «новое и неслыханное» не значит ложное, подкрепляя свою позицию экспериментами и приводя их подробное описание с целью, чтобы каждый при желании мог воспроизвести их сам, а также вводя «новые и неслыханные слова» и обосновывая необходимость их употребления. Но Гилберту недостаточно обосновать свою концепцию магнетизма, ему необходимо аргументированно доказать превосходство нового знания над текстами прошлого. Превосходство новой терминологии для него неоспоримо, поскольку «греческие аргументы и греческие слова не могут ни остроумнее доказать истину, ни лучше разъяснить ее»³³. Египтяне, греки, латиняне оставили множество заблуждений, придерживаясь которых «полузнайки блуждают среди вечного мрака»³⁴. Первая глава трактата «О Магните» фактически представляется собой ранний историографический разбор сложившихся заблуждений:

«В прежние времена, когда философия, еще грубая и неразработанная, пребывала во мраке заблуждений и невежества, были подмечены и познаны лишь немногие свойства и особенности вещей; леса, деревья и травы оставались дикими, добывание металла не было известно, познание камней было в пренебрежении»³⁵.

³¹ Гилберт В. 1956, 7-8.

³² Там же. 8.

³³ Там же. 9.

³⁴ Там же. 10.

³⁵ Там же. 21.

У. Гилберт приводит упоминания о силе магнита, встречавшиеся в прошлом, и последовательно опровергает их. Его трактат символизирует начало традиции, в которой безусловной истиной станет вера в преумножение наук и будущее совершенство научного знания:

«...однако, после того как в дальнейшем изложении будет раскрыта исследованная благодаря нашим трудам и опытам природа магнита, скрытые и недоступные причины такого действия магнита станут ясными, доказанными, очевидными и объясненными»³⁶.

Математик Эдвард Райт, написавший предисловие к трактату Гилберта, старается выражаться осторожнее, не отрицая полностью заслуги прошлого или, по крайней мере, выводя из-под числа подвергшихся критике работ Священное писание.

«Моисей и пророки не имели, по-видимому, намерения обнаруживать остроумные открытия в математике или физике. Они хотели приноровиться к пониманию и способу выражаться толпы, подобно тому как кормилицы обычно приноравливаются к младенцам, а не соблюдать ненужную точность в мелочах»³⁷.

Это предположение кажется очень важным для понимания эпохи, в которую сталкивались два лагеря — тех, кто отвергает познавательные возможности современности и настаивает на приближении конца и тех, кто отрицает все, что было написано в древности, и рассуждает о грядущем расцвете знания.

Именно к этому времени относится знаменитая цитата из Гамлета: «Есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам». В оригинале она звучит: «Есть многое на земле и в небе, что даже не снилось вашей философии» (*There are more things in heaven and earth, Horatio, Than are dreamt of in your philosophy*). С. Шейпин интерпретирует эту фразу как вызов, противопоставляющий новый подход, основанный на опытном знании классическому представлению философов³⁸.

³⁶ Там же. 29.

³⁷ Там же. 16.

³⁸ Деар П., Шейпин С. 2015. 337.

Позицию У. Гилберта о значении опыта разделяет Ф. Бэкон, хотя и не является сторонником его рассуждений о Душе мира. Однако позиция У. Гилберта кажется нацеленной исключительно на познание некой абсолютной истины, в то время как Ф. Бэкон говорит о том, что знание должно приносить пользу и служить на благо общества. То есть для юриста и лорд-канцлера Ф. Бэкона утилитарное значение знания для нужд государства является более существенным, чем окончательное познание устройства мира, в возможности реализации которого Ф. Бэкон сомневался.

В предисловии к «Восстановлению наук» Ф. Бэкон критически высказывается об успехах, сделанных в области познания в прошлом: «люди не были осчастливлены ни доверием, возлагаемым на других, ни собственным усердием в отношении наук (*sciences*)»³⁹ и использует ту же аллгорию, что и Гилберт, говоря, что человек из-за обманчивости указаний сбивается с дороги и блуждает в поисках верного пути. Ф. Бэкон боролся с догматизмом и приверженностью теориям, пытаясь выработать инструментальную программу, следуя которой любой желающий сможет приблизиться к истине: «Я не стремлюсь ограничивать людские суждения, но веду их к самим вещам»⁴⁰.

Для Ф. Бэкона «истина» являлась продуктом своего времени, то есть была необходима для реализации современных ей потребностей общества. Ранняя работа Ф. Бэкона на эту тему «*Masculus Partus Temporum*», написанная в 1603 г., содержит подзаголовок «Великое восстановление империи человека во вселенной» и включает рассуждение о том, что, именно освободив свое сознание от фантазий и упорядочив знание, человек придет к вере. Бэкон критикует схоластов, опирающихся на логику Аристотеля, и заявляет, что Бог своей милостью способен направить ум человека и остановить разрушительное действие времени⁴¹.

Первое издание «Эссе» (*Essays: Religious Meditations. Places of Perswasion and Disswasion. Seene and Allowed*) Бэкона 1597 г. содер-

³⁹ The Works of Francis Bacon in 15 vols. VIII. 32.

⁴⁰ Ibid. 34.

⁴¹ The Works of Francis Bacon in 15 vols. VII. 18.

жало всего 10 очерков юридического и бытового характера, но открывался сборник очерком «О познании» (*Of Studies*)⁴². С самого начала Бэкон сообщает, что

«...познание (*Studies*) служит для удовольствия, совершенствования и для развития способностей. Знания совершенствуют природу и сами совершенствуются опытом, ибо природные способности подобны диким растениям, которые нуждаются в обрезке путем изучения; сами же исследования дают слишком много общих указаний, если только они не ограничены опытом»⁴³.

Он не призывает отказываться от наследия прошлого, однако настаивает на том, что информация, приводимая в текстах философов древности, может оказаться устаревшей или просто неверной.

В 1605 г. опубликовано знаменитое произведение Бэкона уже в заголовке сообщающее о фокусе автора на трансформации темпоральности — «The Proficiency and Advancement of Learning, Divine and Human». Мы можем найти разные варианты перевода понятия «Advancement of learning» на русский язык — «развитие знания»⁴⁴; «приумножение наук»⁴⁵; «прогресс учености»⁴⁶; «преуспевание знания» и пр. Не останавливаясь здесь на проблематичности однозначного перевода, замечу, что все представленные варианты отражают идею потенциального превосходства знания современности над идеями прошлого. Бэкон призывает воздерживаться от «чрезмерного почтения» перед интеллектом человека, приводя в пример Аристотеля и Платона, как чересчур увлеченных собственными концепциями. Критике подвергаются и алхимики, которые «выстроили свою философию, опираясь на несколько опытов (*a few experiments*), сделанных в плавильной печи»⁴⁷ и соотечественник и современник Бэкон

⁴² Сложность перевода связана с тем, что данное понятие можно перевести как «научное познание», но по контексту видно, что в данном случае речь идет о познании в более широком смысле.

⁴³ *The Essays of Francis Bacon*. 1908. 233–234.

⁴⁴ *Дмитриев И.С.* 2020. 184.

⁴⁵ *Бэкон Ф.* 1972. Т. 1. 81; (на С. 526 используется вариант «развитие знания»).

⁴⁶ *Елькин И.О.* 2007.

⁴⁷ *The Works of Francis Bacon in 15 vols.* VI. 132.

она У. Гилберт, который «создал новое философское учение, наблюдая за магнитным камнем»⁴⁸. Основную причину подобных заблуждений Ф. Бэкон видит в тщеславии мыслителей, занимающихся познанием для собственной выгоды, а не для постижения сокровищницы знаний, созданной «во славу Творца и ради облегчения человеческого состояния (*the relief of man's estate*)»⁴⁹. Само изучение мира способствует усмирению нравов и развитию добродетелей, невежество же напротив ведет к бунтам и мятежам:

«...самые варварские, грубые и невежественные времена были наиболее подвержены смятениям, мятежам переворотам»⁵⁰.

И именно образование «устраняет дикость, варварство и свирепость человеческих умов»⁵¹. В дальнейшем дихотомия науки и варварства будет представлена еще ярче, особенно в трудах просветителей XIX в.

Однако Ф. Бэкон не был ярким противником прошлого. Напротив, он призывал к почтительному, но осторожному отношению к древним трудам:

«Древность заслуживает того, чтобы люди опираясь на нее, открывали лучший путь и следовали по нему дальше (*then to make progression*)»⁵².

Он признавал, что «мир уже состарился», но выступал против идеи, что время отбросило все ложные концепты, оставив только достоверные. Напротив, он считал, что многое из написанного в прошлом могло быть искажено, из чего он делает вывод, что нужно осторожно относиться к текстам прошлого и не бояться заглядывать дальше Аристотеля и Платона, и формулирует идею о том, что опыт сможет помочь восстановить забытое знание:

⁴⁸ Ibidem.

⁴⁹ Ibid. 134.

⁵⁰ Ibid. 104.

⁵¹ Ibid. 162.

⁵² Ibid. 129.

«...ведь время подобно реке или ручью, который приносит к нам все легкое и пустое, а все плотное и тяжелое в нем тонет»⁵³.

Мы не будем подробно рассматривать все работы Бэкона, поскольку в большинстве из них можно найти ключевые идеи его программы «восстановление наук и искусств и всего человеческого знания», отметим только, что он призывал бороться с догматизмом, утверждая, что каждому времени соответствует определенный тип познания и главное, чтобы современное знание приносило человечеству пользу, а так как знание прошлого не справляется с этой задачей, его необходимо изменить. Ключ к этому он видит в разработке программы естественной философии, которая должна не заменить, но дополнить и исправить философию моральную и гражданскую. В обращении к Якову I, предшественником «Новому Органону», Ф. Бэкон признается, что считает свой труд «более порождением времени, чем ума» (*pro partu temporis quam ingenii*)⁵⁴

В 1627 г. будет опубликована знаменательная работа священника Джорджа Хейквилла, полностью посвященная опровержению идеи разложения мира и доказательству превосходства настоящего знания над прошлым — «Апология могущества и промысла Божия в управлении миром или исследование и осуждение общего заблуждения, касающегося вечного и всеобщего упадка природы». Данная работа выходит за рассматриваемые хронологические рамки, поэтому приведем только небольшой пример. В обращении к Оксфордскому университету Хейквилл возвращается к распространенной метафоре, говорящей о карлике на плечах великана. Он замечает, что если мы так восхищены прошлым, что принимаем «их за великанов, а самих себя за карликов», то в таком случае у нас мало шансов сравняться с ними. Главными препятствиями на пути он называет неуверенность в себе и убеждение в том, что все уже сделано в прошлом. Он обращает внимание на успехи в печатном деле и в навигации, на рост количества хороших библиотек и щедрость благотворителей, замечая, что отцы, поклоняющиеся перед прошлым и недооценивающие себя, оставили после себя много нового и подытоживает, что его современники

⁵³ Ibid. 131.

⁵⁴ The Works of Francis Bacon in 15 vols. I, 197.

«...могли бы также продвигать, приумножать и увеличивать наше наследие, как они оставили его увеличенным для нас»⁵⁵.

Идея превосходства стратегий познания настоящего над знаниями прошлого далеко не сразу станет общераспространенной. Потребуется еще около столетия, чтобы эта концепция окончательно утвердилась в трудах мыслителей.

В 1667 г. была издана «Истории королевского общества» Т. Спрата — работа, хотя официально и не одобренная обществом, оказавшая сильное влияние на последующие поколения историков. В первой части трактата Т. Спрат повествует о развитии знаний прошлого, утверждая, что в античности и средневековье слишком сильным был акцент на абстрактном вместо изучения реального опыта: «во все предыдущие века эти исследования были подавлены из-за корыстных интересов различных группировок, жестоких споров, притворного правдоподобия, религиозных конфликтов, догматических взглядов, бедности исполнителей и отсутствия сообщества экспериментаторов»⁵⁶. Т. Спрат взирает на прошлое с высот своего времени, утверждая, что Королевское общество знаменует победу настоящего над прошлым.

Но если во времена Т. Спрата далеко не все мыслители и члены сообщества отказывались от достижений древних авторов, то уже к концу последующего столетия наука будет тесно связано с идеей прогресса и превосходства над знанием древности.

Концепция разрыва, внезапной трансформации или «Научной революции» восходит к эпохе Просвещения, окончательно утвердившей представление о становлении нового знания, не имеющего с прошлым почти никакой связей. Показательным примером является введение Жана Лерона Д'Аламбера к «Энциклопедии, или толковому словарю наук, искусств и ремёсел» (1751–1780).

Д'Аламбер не до конца рвет со знанием прошлого, но средневековье для него является периодом, когда знание практически не развивалось: «не было недостатка в препятствиях, которые надолго

⁵⁵ *Hakewill G.* 1627.

⁵⁶ *Sprat T.* 1667, 430.

задержали возвращение разума и вкуса»⁵⁷. Он одним из первых использует для описания научного развития понятие «революция»:

«Итак, одна из тех революций, которые заставляют мир принять новый вид, была необходима, чтобы дать человеческому роду возможность выйти из варварства. Греческая [Византийская] империя была разрушена, и ее крушение заставило небольшой остаток знаний в мире вернуться в Европу. Изобретение книгопечатания и покровительство Медичи и Франциска I оживили умы, и повсюду возродилось просвещение»⁵⁸.

Главным же «революционером» он называет «бессмертного канцлера Англии» Френсиса Бэкона: «Рожденный в глубине глубокой ночи, Бэкон сознавал, что философии еще не существовало, хотя многие люди, несомненно, обманывали себя, что преуспели в ней»⁵⁹.

Эпоха Просвещения заложила основу для возникновения концепта «Научная революция», который возвел непреодолимую стену между прогрессивной современностью и, как писал Ф. Бэкон, «варварским, грубым и невежественным» прошлым.

⁵⁷ *D'Alembert J.-B.* 2009.

⁵⁸ *Ibid.*

⁵⁹ *Ibid.*

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ СОКРАЩЕНИЯ

- АМА — Античный мир и археология. Саратов
АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Санкт-Петербург
- БИ — Боспорские исследования. Симферополь – Керчь
ВДИ — Вестник древней истории. Москва
Вестник СОГУ — Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова. Владикавказ
- ДБ — Древности Боспора. Москва
ДВАМ — Древний Восток и античный мир. Москва
КСИА — Краткие сообщения Института археологии. Москва
- РА — Российская археология. Москва
СА — Советская археология. Москва
САИ — Свод археологических источников. Москва
ЦиВ — Цивилизация и варварство. Москва
ААWM — Abhandlungen der Akademie der Wissenschaften und der Literatur in Mainz. Geistes- und Sozialwissenschaftliche Klasse. Mainz
- АС — L'Antiquité Classique. Bruxelles.
АНВ — American Journal Bulletin. Calgary
АНР — The American Historical Review. Washington
Amm. Marcell. — Ammiani Marcellini Rerum gestarum libri qui supersunt / W. Seyfarth (ed.). Leipzig, 1978. 1–2; *Он же*. Римская история / Пер. с лат. Ю.А. Кулаковского и А.И. Сонни. СПб., 1996
- AncW — The Ancient World. Chicago
CP — Classical Philology. Chicago
CR — The Classical Review. Oxford. London
GR — Greece and Rome. Oxford
GRBS — Greek, Roman and Byzantine Studies. Durham
Greg. Tur. Hist. Franc. — Gregorii Turonensis episcopi historiarum libri X // MGH. SRM. I.1. Hannover, 1887
Herod. — *Herodotus. Historiae* / C. Hude (hg.). Oxford, 1960. I–II; *Он же*. История в девяти книгах. Пер. и примечания Г.А. Стратановского. М., 2002

- HF — *Gregorius Turonensis. Decem Libri Historiarum.* — [http://www.thelatinlibrary.com]. *Григорий Турский. История франков* / В.Д. Савукова (пер.). М., 1987
- IGCH — *An Inventory of Greek Coin Hoards* / М. Thompson, О. Mørkholm, С. Крау (увью) New York: ANS, 1973
- Iord. Get.* — *Iordanes. De origine actibusque Getarum* / Th. Mommsen (ed.) // MGH AA. — Berlin, 1882. V. 1; *Он же.* О происхождении и деяниях гетов (Getica) / Вст. ст., пер., комм. Е.Ч. Скржинской. 2-е изд. СПб., 1997
- Isid. Hist.* — *Isidori episcopi Hispalensis Historia Gothorum, Vandalorum Svevorumque.* // *Las Historias de los Godos, Vandalos y Suevos de Isidoro de Sevilla.* / Estudio, edicion critica y traduccion por C. Rodriguez Alonso. Leon, 1975. 163–321
- JHS — *Journal of Hellenic Studies.* London
- Lib. Or.* — *Libanius. Orationes* / R. Foerster (ed.). Lipsiae, 1903–1908. I–IV
- NC — *Numismatic Chronicle.* London
- RC — *La Revue Celtique.* Paris
- SC — Houghton A., Lorber C. *Seleucid Coins. A Comprehensive Catalogue. Part I–II.* Lancaster-London, 2002–2008
- Strabo* — *Strabonis Geographica.* Leipzig, 1895–1899. I–III; *Geographika* / St. Radt (hrsg.). Göttingen, 2002–2011. I–X. *Он же.* География в 17 книгах. Пер., статья и комментарии Г.А. Стратановского. М., 1964
- STRATUM plus — *Культурная антропология и археология.* Санкт-Петербург; Кишинев; Одесса; Бухарест

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ / INSTEAD OF FOREWORD

ИСТОРИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ВЕРБАЛЬНОГО ВАРВАРСТВА
(БУДАНОВА В.П.) /

HISTORICAL MODEL OF VERBAL BARBARITY
(Vera P. BUDANOVA)

Ammiani Marcellini Rerum gestarum libri qui supersunt / W. Seyfarth (ed.). — Leipzig, 1978. 1–2.

Beda Venerabilis. Historia ecclesiastica gentis Anglorum / J.P. Migne (ed.) // *Patrologiae cursus completus. Series latina*. Paris. 1861. T. XCV. Col. 21–290.

Gildas Sapiens. Liber querulous de calamitate, excidio et conquestu Britanniae / H. Petrie (ed.) // *Monumenta historica Britannica*. London, 1848, 1–46.

Gregorius Turonensis. Historia Francorum / W. Arndt et Br. Krusch // *Monumenta Germaniae historica. Scriptores rerum Merovingicarum*. Hannover. 1887. T. 1. Teil 1. 31–450.

Iordanes. Getica (De origine actibusque Getarum) // *Monumenta Germaniae historica. Auctores Antiquissimi*. Berlin, 1882. Vol. V. Ps. 1.

Isidorus Hispalensis. Historia Gothorum, Wandalorum, Sueborum / Th. Mommsen (ed.) // *Monumenta Germaniae historica. Auctores Antiquissimi*. XI. *Chronica minora. Saec. IV–VII. II*. Berlin.

P. Cornelius Tacitus. Libri qui supersunt / E. Köstermann (ed.). Leipzig, 1960. I.

Paulus Diaconus. Historia gentis Langobardorum / L. Beithmann et G. Waitz (ed.) // *Monumenta Germaniae historica. Scriptores*. Berlin, 1878.

Буданов А.В. 2013; Постмодерн и варварство // *Цивилизация и варварство: парадоксы победы цивилизации над варварством* / В.П. Буданова, О.В. Воробьева (отв. ред.). М.: ИВИ РАН. II. 379–400 [Budanov A.V. 2013; *Postmodern i varvarstvo // Tsvivilizatsiya i varvarstvo: paradoksy pobedy tsivilizatsii nad varvarstvom* / V.P. Budanova, O.V. Vorob'eva (otv. red.). М.: ИВИ РАН. II. 379–400].

Буданова В.П. 2012; Варвары и варварство в антропологии цивилизаций // *Цивилизация и варварство: трансформация понятий и региональный опыт* / В.П. Буданова, О.В. Воробьева (ред.). М.: ИВИ РАН. 10–46 [Budanova V.P. 2012; *Varvary i varvarstvo v antropologii tsivilizatsii // Tsvivilizatsiya i varvarstvo: transformatsiya ponyatii i regional'nyi opyt* / V.P. Budanova, O.V. Vorob'eva (red.). М.: ИВИ РАН. 10–46].

- Буданова В.П.* 2013: Парадоксы варварства в историческом контексте // Цивилизация и варварство: парадоксы победы цивилизации над варварством / В.П. Буданова, О.В. Воробьева (ред.). М.: ИВИ РАН, 2. 12–41 [Budanova V.P. 2013: Paradoxsy varvarstva v istoricheskom kontekste // Tsivilizatsiya i varvarstvo: paradoksy pobedy tsivilizatsii nad varvarstvom / V.P. Budanova, O.V. Vorob'eva (red.). M.: IVI RAN, 2. 12–41].
- Буданова В.П.* 2019: Латентное варварство: природа, формы проявления и место в истории // Цивилизация и варварство: антропология латентного варварства / В.П. Буданова (отв. ред.). М.: Аквилон VIII. 74–103 [Budanova V.P. 2019: Latentnoe varvarstvo: priroda, formy proyavleniya i mesto v istorii // Tsivilizatsiya i varvarstvo: antropologiya latentnogo varvarstva / V.P. Budanova (otv. red.). M.: Akvilon VIII. 74–103].
- Вольфрам Х.* 2003: Готы / Пер. с нем. Б.П. Миловидов, М.Ю. Некрасов / М.Б. Шукин, Н.А. Бондарко и П.В. Шувалов (ред.). СПб.: Ювента [Vol'fram KH. 2003: Goty / Per. s nem. B.P. Milovidov, M.YU. Nekrasov / M.B. Shchukin, N.A. Bondarko i P.V. Shuvalov (red.). SPb.: Yuventa].
- Ганина Н.А.* 2001: Готская языческая лексика. М.: Изд-во МГУ [Ganina N.A. 2001: Gotskaya yazycheskaya leksika. M.: Izd-vo MGU].
- Даймонд Джаред.* 2013: Третий шимпанзе / Д. Бабейкина (пер. с англ.). М.: АСТ [Daimond Dzhared. 2013: Tretii shimpanze / D. Babeikina (per. s angl.). M.: AST].
- Деррида Ж.* 2000: О грамматики / Пер. с франц., вступ. ст. и коммент. Н.С. Автономовой. М.: Ad Marginem [Derrida ZH. 2000: O grammatologii / Per. s frants., vstup. st. i komment. N.S. Avtonomovoi. M.: Ad Marginem].
- Ивин А.А.* 2015: Обнаженность и отчуждение: философское эссе о природе человека. СПб.: Алетейя [Ivin A.A. 2015: Obnazhennost' i otchuzhdenie: filosofskoe ehsse o prirode cheloveka. SPb.: Aleteiya].
- Курбанов М.Г.* 2006: Варварство в гримасах цивилизации // Вестник Российского философского общества. М.: РФО. 2 (38). 120–122 [Kurbanov M.G. 2006: Varvarstvo v grimasakh tsivilizatsii // Vestnik Rossiiskogo filosofskogo obshchestva. M.: RFO. 2 (38). 120–122].
- Курбатов Г.Л.* 1991: Ранневизантийские портреты: к истории общественно-политической мысли. Л.: Изд-во ЛГУ [Kurbatov G.L. 1991: Rannevizantiiskie portrety: k istorii obshchestvenno-politicheskoi mysli. L.: Izd-vo LGU.].
- Кьеркегер С.* 1993: Страх и трепет. М. [K'erkeger S. 1993: Strakh i trepet. M.].
- Леви-Брюль Л.* 2012: Первобытное мышление: коллективные представления в сознании первобытных людей и их мистический характер / В.К. Никольский, А.В. Киссин (ред.). М.: КРАСАНД, 2-е изд. [Levi-Bryul' L.

- 2012: Pervobytnoe myshlenie: kollektivnye predstavleniya v soznanii pervobytnykh lyudei i ikh misticheskii kharakter / V.K. Nikol'skii, A.V. Kissin (red.). M.: KRASAND, 2-e izd.].
- Леви-Строс К.* 1983: Структурная антропология. М. [Levi-Stros K. 1983: Strukturnaya antropologiya. M.].
- Лоренц К.* 1994: Агрессия (так называемое «зло») / Г.Ф. Швейник (пер. с нем.). М.: Прогресс; Универс. [Lorents K. 1994: Agressiya (tak nazyvaemoe «zlo») / G.F. Shveinik (per. s nem.). — M.: Progress; Univers.].
- Малашенко А.В., Нисневич Ю.А., Рябов А.В.* 2018: Современное варварство: причины и следствия // Полития. 2. 6–22 [Malashenko A.V., Nisnevich YU.A., Ryabov A.V. 2018: Sovremennoe varvarstvo: prichiny i sledstviya // Politiya. 2. 6–22].
- Маслоу А.* 2001: Мотивация и личность. СПб.: Евразия [Maslou A. 2001: Motivatsiya i lichnost'. SPb.: Evraziya].
- Мотрошилова Н.В.* 2010: Цивилизация и варварство в эпоху глобальных кризисов. М.: ИФРАН, «Канон+» РООИ «Реабилитация» [Motroshilova N.V. 2010: Tsivilizatsiya i varvarstvo v ehpkhu global'nykh krizisov. M.: IFRAN, «Kanon+» ROOI «Reabilitatsiya»].
- Никишин В.О.* 2016: Падение Западной Римской империи: внутренняя трансформация и внешний коллапс // Цивилизация и варварство: вызовы деструкции в лабиринте миграции варварства / Отв. ред. В.П. Буданова, О.В. Воробьева. М.: Аквилон, 5. 99–129 [Nikishin V.O. 2016: Padenie Zapadnoi Rimskoi imperii: vnutrennyaya transformatsiya i vneshnii kollaps // Tsivilizatsiya i varvarstvo: vyzovy destrukttsii v labirinte migratsii varvarstva / Otv. red. V.P. Budanova, O.V. Vorob'eva. M.: Akvilon, 5. 99–129].
- Остин Дж.* 1999: Как совершать действия при помощи слов // Остин Дж. Избранное. М.: Идея-Пресс; Дом интеллектуальной книги [Ostin Dzh. 1999: Kak sovershat' deistviya pri pomoshchi slov // Ostin Dzh. Izbrannoe. M.: Ideya-Press; Dom intellektual'noi knigi].
- Пинкер С.* 2015: Язык как инстинкт / Пер с англ. Е.В. Кайдаловой, общ. ред. В.Д.Мазо. М.: УРСС: Книжный дом «Либроком» [Pinker S. 2015: Yazyk kak instinkt / Per s angl. E.V. Kaidalovoi, obshch. red. V.D.Mazo. M.: URSS: Knizhnyi dom «Librokom»].
- Потапова Р.К., Комалова Л.Р.* Вербальная структура коммуникативного акта агрессии: Тематический толковый словарь. М.: РАН; ИНИОН [Potapova R.K., Komalova L.R. Verbal'naya struktura kommunikativnogo akta agressii: Tematicheskii tolkovyi slovar'. M.: RAN; INION].
- Санников С.В.* 2009: Образы королевской власти эпохи Великого переселения народов в раннесредневековой западноевропейской историографии.

- Новосибирск: Изд-во НГТУ [Sannikov S.V. 2009: Obrazy korolevskoi vlasti ehpokhi Velikogo pereseleniya narodov v rannesrednevekovoii zapadnoevropeiskoi istoriografii. Novosibirsk: Izd-vo NGTU].
- Скардильи П.* 2012: Готы: язык и культура / Пер. с нем. А.Д. Сыщикова; науч. ред. перев. Г.А. Баева, П.В. Шувалов. СПб.: Филол. ф-т СПбГУ; Нестор-История [Skardil'i P. 2012: Goty: yazyk i kul'tura / Per. s nem. A.D. Syshchikova; nauch. red. perev. G.A. Baeva, P.V. Shuvalov. SPb.: Filol. f-t SPBGU; Nestor-Istoriya].
- Скржинская Е.Ч.* 1997: Иордан и его «Getica» // Иордан. О происхождении и деяниях гетов (Getica) / Вступ. ст., пер. и комм. Е. Ч. Скржинской. СПб.: Алетейя, 9–58 [Skrzhinskaya E.CH. 1997: Jordan i ego «Getica» // Jordan. O proiskhozhdenii i deyaniyakh getov (Getica) / Vstup. st., per. i komm. E. CH. Skrzhinskoi. SPb.: Aleteiya, 9–58].
- Следзевский И.В.* 2019: Феномен нового варварства в картине глобализирующегося мира: идентификационный и познавательный аспекты // Цивилизация и варварство: антропология латентного варварства / Отв. ред. В.П. Буданова. М.: Аквилон. VIII. 9–59 [Sledzevskii I.V. 2019: Fenomen novogo varvarstva v kartine globaliziruyushchegosya mira: identifikatsionnyi i poznavatel'nyi aspekty // Tsvivilizatsiya i varvarstvo: antropologiya latentnogo varvarstva / Otv. red. V.P. Budanova. M.: Akvilon. VIII. 9–59].
- Удальцова З.В.* 1959: Италия и Византия в VI веке. М. [Udal'tsova Z.V. 1959: Italiya i Vizantiya v VI veke. M.].
- Удальцова З.В.* 1974: Идеино-политическая борьба в ранней Византии (по данным историков IV–VII вв.). М.: Наука [Udal'tsova Z.V. 1974: Ideino-politicheskaya bor'ba v rannei Vizantii (po dannym istorikov IV–VII vv.). M.].
- Уколова В.И.* 2014: Античное наследие и культура раннего средневековья. Конец V – середина VII вв. М.: ЛКИ [Ukolova V.I. 2014: Antichnoe nasledie i kul'tura rannego srednevekov'ya. Konets V – ser. VII vv. M.: LKI].
- Фрейд З.* 2007: Психология бессознательного. М.: АСТ; Хранитель [Freid Z. 2007: Psikhologiya bessoznatel'nogo. M.: AST; Khranitel'].
- Фуко М.* 2004: Археология знания. СПб.: ИЦ Гуманитарная академия; Университетская книга [Fuko M. 2004: Arkheologiya znaniya. SPb.: ITS Gumanitarnaya akademiya; Universitetskaya kniga].
- Хизер П.* 2011: Падение Римской империи / А.В. Короленков, Е.А. Семенова (пер. с англ.). М.: АСТ: Астрель [Khizer P. 2011: Padenie Rimskoi imperii / A.V. Korolenkov, E.A. Semenova (per. s angl.). M.: AST: Astrel'].

- Шкаренков П.П.* 2004: Римская традиция в варварском мире. Флавий Кассиодор и его эпоха. М.: РГГУ [Shkarenkov P.P. 2004: Rimskaya traditsiya v varvarskom mire. Flavii Kassiodor i ego epokha. M.: RGGU].
- Шкаренков П.П.* 2008a: Падение Римской империи: стереотипы историографии и новое прочтение источников // Новый исторический вестник. М., 1. 233–239 [Shkarenkov P.P. 2008a: Padenie Rimskoi imperii: stereotipy istoriografii i novoe prochtenie istochnikov // Novyi istoricheskii vestnik. M., 1. 233–239].
- Шкаренков П.П.* 2008b: «Римский миф» на рубеже эпох: историческая память и исторический нарратив // Новый исторический вестник. М., 1. 20–30 [Shkarenkov P.P. 2008b: «Rimskii mif» na rubezhe epokh: istoricheskaya pamyat' i istoricheskii narrativ // Novyi istoricheskii vestnik. M., 1. 20–30].
- Шкуратов В.А.* 1997: Историческая психология. М.: Смысл [Shkuratov V.A. 1997: Istoricheskaya psikhologiya. M.: Smysl].
- Boletsi M.* 2013: Barbarism and its discontents. Stanford. California.
- Caro A.* 2002: The Barbarians. New York; London.
- Coumert M.* 2007: Origines des peuples. Les récits du Haut Moyen Âge occidental. Paris.
- Coumert M.* 2016: Jordanès // Les Barbares / Br. Dumézil (dir.). Paris, 814–817.
- Dauje Y.-A.* 1989: «Le Barbare». Recherches sur la conception de la barbarie et de la civilization. Bruxelles.
- Das Reich und die Barbaren. 1989: Das Reich und die Barbaren / E. Chrysos, A. Schwarcz (eds.). Vienne.
- Goffart W.* 1988: The Narrators of Barbarian History (A.D. 550–800). Jordanes, Gregory of Tours, Bede and Paul the Deacon. Princeton.
- Joye S.* 2016: Représentations modernes et contemporaines: barbares redécouverts, barbarie réinventée // Les Barbares / Br. Dumézil (dir.). Paris. 89–108.
- Kulikowski M.* 2009: Rome et les Goths. III–V siècle, invasions et intégration. Paris.
- Leguay J.-P.* 2002: L'Europe des États barbares V–VIII siècles. Paris.
- Regna and Gentes. 2003: Regna and Gentes. The Relationship between Late Antique and Early Medieval Peoples and Kingdoms in the Transformation of the Roman World / H.–W. Goetz (ed.). Leiden.
- Teillet S.* 2011: Des Goths à la Nation gothique. Les origins de l'idée de nation en Occident du Ve au VIIe siècle. Paris.
- Wasserstein B.* 2007: Barbarism and Civilization. A History of Europe in Our Time. Oxford: Oxford University Press.

Wolfram H. 1990: Das Reich und die Germanen. Zwischen Antike und Mittelalter. Berlin.

Wolfram H. 1980: Geschichte der Goten. München.

***К РАЗДЕЛУ I: ВЕРБАЛЬНЫЙ ОБРАЗ ВАРВАРА /
TO CHAPTER I: THE VERBAL IMAGE OF A BARBARIAN***

*АФИНСКАЯ МНОГОРЕЧИВОСТЬ И СПАРТАНСКАЯ КРАТКОСТЬ:
ЧТО ИЗ НИХ ЕСТЬ ВЕРБАЛЬНОЕ ВАРВАРСТВО? (СУРИКОВ И.Е.) /
ATHENIAN LOQUACITY AND SPARTAN BREVITY:
WHICH OF THEM IS VERBAL BARBARITY? (Igor E. SURIKOV)*

Андреев Ю.В. 2014: Спартанский эксперимент: общество и армия Спарты. СПб.: Петербургское лингвистическое общество [Andreev Y.V. 2014: Spartanskiy eksperiment: obshchestvo i armiya Sparty. St. Petersburg: Peterburgskoe lingvisticheskoe obshchestvo].

Кузищин В.И. 1986: Афинская демократия и спартанская олигархия как политические системы // История Древней Греции: Учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «История» / В.И. Кузищин (ред.). М.: Высшая школа, 164–183 [Kuzishchin V.I. 1986: Afinskaya demokratiya i spartanskaya oligarkhiya kak politicheskie sistemy / Istoriya Drevney Gretsii: Uchebnik dlya studentov vuzov, obuchayushchikhsya po spetsial'nosti "Istoriya" / V.I. Kuzishchin (ed.). Moscow: Vysshaya shkola, 164–183.].

Суриков И.Е. 2011a: Очерки об историописании в классической Греции. М.: Языки славянских культур [Surikov I.E. 2011a: Ocherki ob istoriopisani v klassicheskoy Gretsii. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur].

Суриков И.Е. 2011b: Античная Греция: политики в контексте эпохи. Година междоусобиц. М.: Русский фонд содействия образованию и науке [Surikov I.E. 2011b: Antichnaya Gretsia: politiki v kontekste epokhi. Godina mezhdousobits. Moscow: Russkiy fond sodeystviya obrazovanyu i nauke].

Суриков И.Е. 2015: Античная Греция: Ментальность, религия, культура (Opuscula selecta I). М.: Языки славянской культуры [Surikov I.E. 2015: Antichnaya Gretsia: Mentalnost', religiya, kul'tura (Opuscula selecta I). Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury].

- Суриков И.Е.* 2021: Античная Греция: Механизмы политической жизни (Opuscula selecta III). М.: Издательский дом ЯСК [Surikov I.E. 2021: Antichnaya Gretsya: Mekhanizmy politicheskoy zhizni (Opuscula selecta III). Moscow: Izdatel'skiy dom YaSK].
- Суриков И.Е.* 2022: Афинские магистраты и ирония Фукидида // Цари. Магистраты. Императоры: сборник статей по истории государственно-правового устройства и политической культуры древних обществ, посвященный юбилею В.В. Деметьевой / Е.С. Данилов, Р.М. Фролов, О.Г. Цымбал (ред.). Ярославль: Филигрань, 45–59 [Surikov I.E. 2022: Afinskie magistraty i ironiya Fukidida // Tsari. Magistraty. Imperatory: sbornik statey po istorii gosudarstvenno-pravovogo ustroystva i politicheskoy kul'tury drevnikh obshchestv, posvyashchennyu iubileyu V.V. Demytyevoy / E.S. Danilov, R.M. Frolov, O.G. Tsymbal (eds.). Yaroslavl': Filigran', 45–59].
- Anderson G.* 2007: Rhetoric and the Second Sophistic // A Companion to Roman Rhetoric / W. Dominik, J. Hall (eds.). Oxford: Blackwell, 339–353.
- Badian E.* 1993: From Plataea to Potidaea: Studies in the History and Historiography of the Pentecontaetia. Baltimore; London: The Johns Hopkins University Press.
- Barron J.P., Easterling P.E.* 2003: Early Greek Elegy: Callinus, Tyrtaeus, Mimnermus // The Cambridge History of Classical Literature. I. Greek Literature / P.E. Easterling, B.M.W. Knox (eds.). Cambridge: Cambridge University Press, 128–136.
- Bons J.A.E.* 2007: Gorgias the Sophist and Early Rhetoric // A Companion to Greek Rhetoric / I. Worthington (ed.). Oxford: Blackwell, 37–46.
- Boulton A.O.* 2021: Democracy and Empire: The Athenian Invasion of Sicily, 415–413 BCE. Lanham: Hamilton Books.
- Bowersock G.W.* 2003: Philostratus and the Second Sophistic // The Cambridge History of Classical Literature. I. Greek Literature / P.E. Easterling, B.M.W. Knox (eds.). Cambridge: Cambridge University Press, 655–658.
- Bradford A.S.* 1994: The Duplicitous Spartan // The Shadow of Sparta / A. Powell, S. Hodkinson (eds.). London; New York: The Classical Press of Wales, 59–85.
- Canfora L.* 2006: Biographical Obscurities and Problems of Composition // Brill's Companion to Thucydides / A. Rengakos, A. Tsakmakis (eds.). Leiden; Boston: Brill, 3–31.
- Cole T.* 2007: Who was Corax? // Oxford Readings in the Attic Orators / E. Carawan (ed.). Oxford: Oxford University Press, 37–59.

- D'Ambra E.* 2005: Kosmetai, the Second Sophistic, and Portraiture in the Second Century // *Perikleian Athens and its Legacy: Problems and Perspectives* / J.M. Barringer, J.M. Hurwit (eds.). Austin: University of Texas Press, 201–216.
- Danzig G.* 2014: The Use and Abuse of Critias: Conflicting Portraits in Plato and Xenophon // *Classical Quarterly*. 64/2, 507–524.
- Dewald C.J.* 2005: *Thucydides' War Narrative: A Structural Study*. Berkeley: University of California Press.
- Farrar C.* 1994: *The Origins of Democratic Thinking: The Invention of Politics in Classical Athens*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Finley M.I.* 1985: *Ancient History: Evidence and Models*. New York: Viking.
- Fowler R.C.* Variations of Receptions of Plato during the Second Sophistic // *Brill's Companion to the Reception of Plato in Antiquity* / H. Tarrant, D.A. Layne, D. Baltzly, F. Renaud (eds.). Leiden; Boston: Brill, 223–249.
- Furley W.D.* 2015: Thucydides and Religion // *Brill's Companion to Thucydides* / A. Rengakos, A. Tsakmakis (eds.). Leiden; Boston: Brill, 415–438.
- Gagarin M.* 2002: *Antiphon the Athenian: Oratory, Law, and Justice in the Age of the Sophists*. Austin: University of Texas Press.
- Gagarin M.* 2020: *Democratic Law in Classical Athens*. Austin, University of Texas Press.
- Georges P.* 1994: *Barbarian Asia and the Greek Experience: From the Archaic Period to the Age of Xenophon*. Baltimore: The Johns Hopkins University Press.
- Goldhill S.* 2009: Rhetoric and the Second Sophistic // *The Cambridge Companion to Ancient Rhetoric* / E. Gunderson (ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 228–241.
- Gottesman A.* 2020: The *Sōphrosynē* of Critias: Aristocratic Ethics after the Thirty Tyrants // *Early Greek Ethics* / D.C. Wolfsdorf (ed.). Oxford: Oxford University Press, 243–261.
- Greenwood E.* 2015: On Translating Thucydides // *A Handbook to the Reception of Thucydides* / C. Lee, N. Morley (eds.). Oxford: Wiley Blackwell, 91–121.
- Hall E.* 1991: *Inventing the Barbarian: Greek Self-Definition through Tragedy*. Oxford: Clarendon Press.
- Herrmann F.-G.* 2017: Hat Kritias nach Spartas Pfeife getanzt? // *Das antike Sparta* / V. Pothou, A. Powell (eds.). Stuttgart: Steiner, 133–155.
- Hilten-Rutten E. van* 2019: Tyrtæus the Lawgiver? Plutarch and Diodorus Siculus on Tyrtæus fr. 4 // *The Reception of Greek Lyric Poetry in the Ancient World: Transmission, Canonization and Paratext*. *Studies in Archaic and*

- Classical Greek Song, Vol. 5 / B. Currie, I. Rutherford (eds.). Leiden; Boston: Brill, 72–91.
- Holder S.* 2017: Die Zweite Sophistik in Ephesos // Ephesos: Die antike Metropole im Spannungsfeld von Religion und Bildung / T. Georges (ed.). Tübingen: Mohr Siebeck, 143–179.
- Jaffe S.N.* 2017: Thucydides on the Outbreak of War: Character and Contest. Oxford: Oxford University Press.
- Jazdżewska K.* 2019: Plutarch and Atticism: Herodian, Phrynichus, Philostratus // Brill's Companion to the Reception of Plutarch / S. Xenophonos, K. Oikonomopoulou (eds.). Leiden; Boston: Brill, 66–78.
- Joho T.* 2017: Thucydides, Epic, and Tragedy // The Oxford Handbook of Thucydides / R.K. Balot, S. Forsdyke, E. Foster (eds.). Oxford: Oxford University Press, 587–604.
- Kemzis A.M.* 2014: Greek Ethnicity and the Second Sophistic // A Companion to Ethnicity in the Ancient Mediterranean / J. McNerney (ed.). Oxford: Wiley Blackwell, 390–404.
- Kim L.* 2010: The Literary Heritage as Language: Atticism and the Second Sophistic // A Companion to the Ancient Greek Language / E.J. Bakker (ed.). Oxford: Wiley-Blackwell, 468–482.
- Kim L.* 2022: Homer in the Second Sophistic // Brill's Companion to the Reception of Homer from the Hellenistic Age to Late Antiquity / C.-P. Manolea (ed.). Leiden; Boston: Brill, 164–188.
- Krummen E.* 2009: Alcman, Stesichorus and Ibycus // The Cambridge Companion to Greek Lyric / F. Budelmann (ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 189–203.
- Lipka M.* 2002: Notes on the Influence of the Spartan Great Rhetra on Tyrtaeus, Herodotus and Xenophon // Sparta: Beyond the Mirage / A. Powell S. Hodkinson (eds.). London: Duckworth, 219–225.
- Morton J.* 2010: Polyaeus in Context: The *Strategica* and Greek Identity in the Second Sophistic Age // Polyainos. Neue Studien / K. Brodersen (ed.). Berlin: Verlag Antike, 108–132.
- Müller S.* 2017: The Artistic King: Reflections on a *Topos* in Second Sophistic Historiography // Ancient Historiography on War and Empire / T. Howe, S. Müller, R. Stoneman (eds.). Oxford: Oxbow Books, 250–261.
- Nesselrath H.-G.* 2007: Lucian and Archilochus, or: How to Make Use of Ancient Iambographers in the Context of the Second Sophistic // Hesperos: Studies in Ancient Greek Poetry Presented to M.L. West on his Seventieth Birth-

- day / P.J. Finglass, C. Collard, N.J. Richardson (eds.). Oxford: Oxford University Press, 132–142.
- Ober J.* 2006: Thucydides and the Invention of Political Science // Brill's Companion to Thucydides / A. Rengakos, A. Tsakmakis (eds.). Leiden; Boston: Brill, 131–159.
- Ostwald M.* 2000: Oligarchia: The Development of a Constitutional Form in Ancient Greece. Stuttgart: Steiner.
- O'Sullivan N.* 1997: Caecilius, the “Canons” of Writers, and the Origins of Atticism // Roman Eloquence: Rhetoric in Society and Literature / W.J. Dominik (ed.). London; New York: Routledge, 27–41.
- Parry A.* 1972: Thucydides' Historical Perspective // Studies in Fifth-Century Thought and Literature / A. Parry (ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 47–61.
- Pelling C.* 2007: Aristagoras (5.49–55, 97) // Reading Herodotus: A Study of the *Logoi* in Book 5 of Herodotus' *Histories* / E. Irwin, E. Greenwood (eds.). Cambridge: Cambridge University Press, 179–201.
- Porter J.I.* 2001: Ideals and Ruins: Pausanias, Longinus, and the Second Sophistic // Pausanias: Travel and Memory in Roman Greece / S.E. Alcock, J.F. Cherry, J. Elsner (eds.). Oxford: Oxford University Press, 63–92.
- Power T.* 2022: Alcman // A Companion to Greek Lyric / L. Swift (ed.). Hoboken: Wiley Blackwell, 245–260.
- Pretzler M.* 2010: Polyainos the Historian? Stratagems and the Use of the Past in the Second Sophistic // Polyainos. Neue Studien / K. Brodersen (ed.). Berlin: Verlag Antike, 85–107.
- Rawlings H.R.* 2017: Writing History Implicitly through Refined Structuring // The Oxford Handbook of Thucydides / R.K. Balot, S. Forsdyke, E. Foster (eds.). Oxford: Oxford University Press, 195–209.
- Rengakos A.* 2006: Thucydides' Narrative: The Epic and Herodotean Heritage // Brill's Companion to Thucydides / A. Rengakos, A. Tsakmakis (eds.). Leiden; Boston: Brill, 279–300.
- Rhodes P.J., Lewis D.M.* 1997: The Decrees of the Greek States. Oxford: Oxford University Press.
- Rogkotis Z.* 2006: Thucydides and Herodotus: Aspects of their Intertextual Relationship // Brill's Companion to Thucydides / A. Rengakos, A. Tsakmakis (eds.). Leiden; Boston: Brill, 57–86.
- Schmitz T.A.* 2014: Plutarch and the Second Sophistic // A Companion to Plutarch / M. Beck (ed.). Oxford: Wiley Blackwell, 32–42.

- Schütrumpf E.* 1994: Aristotle on Sparta // *The Shadow of Sparta* / A. Powell, S. Hodkinson (eds.). London; New York: Routledge, 323–345.
- Stevens A.* 2007: Ion of Chios: Tragedy as Commodity at the Athenian Exchange // *The World of Ion of Chios* / V. Jennings, A. Katsaros (eds.). Leiden; Boston: Brill, 243–265.
- Tribulato O.* 2019: Making the Case for a Linguistic Investigation of Greek Lexicography: Some Examples from the Byzantine Reception of Atticist Lemmas // *The Paths of Greek: Literature, Linguistics and Epigraphy: Studies in Honour of Albio Cesare Cassio* / E. Passa, O. Tribulato. Berlin; Boston: De Gruyter, 241–270.
- Tucker A.* 2016: Historiographic Ancients and Moderns: The Difference between Thucydides and Ranke // *Knowing Future Time in and through Greek Historiography* / A. Lianeri (ed.). Berlin; Boston: De Gruyter, 361–384.
- Ungern-Sternberg J. von* 2000: ‘Die Revolution frißt ihre eignen Kinder’: Kritias vs. Theramenes // *Große Prozesse im antiken Athen* / L. Burckhardt J. von Ungern-Sternberg (eds.). München: Beck, 144–156.
- Wardy R.* 1998: *The Birth of Rhetoric: Gorgias, Plato and their Successors*. London; New York, Routledge.
- Webb R.* 2000: Picturing the Past: Uses of Ekphrasis in the *Deipnosophistae* and Other Works of the Second Sophistic // *Athenaeus and his World: Reading Greek Culture in the Roman Empire* / D. Braund, J. Wilkins. Exeter: University of Exeter Press, 218–226.
- Webb R.* 2006: Fiction, *Mimesis* and the Performance of the Past in the Second Sophistic // *Greeks on Greekness: Viewing the Greek Past under the Roman Empire* / D. Konstan, S. Saïd (eds.). Cambridge: Cambridge University Press, 27–46.
- Westlake H.D.* 1960: Athenian Aims in Sicily, 427–434 B.C.: A Study in Thucydidean Motivation // *Historia*. 9, 385–402.
- Westlake H.D.* 1989: *Studies in Thucydides and Greek History*. Bristol: Bristol Classical Press.
- Will W.* 2003: *Thukydides und Perikles: Der Historiker und sein Held*. Bonn: Dr Rudolf Habelt GmbH.
- Worthington I.* 1994: The Canon of the Ten Attic Orators // *Persuasion: Greek Rhetoric in Action* / I. Worthington (ed.). London; New York: Routledge, 244–263.

Yunis H. 2018: Dionysius' Demosthenes and Augustan Atticism // Dionysius of Halicarnassus and Augustan Rome / R. Hunter, C.C. de Jonge (eds.). Cambridge: Cambridge University Press, 83–105.

Zagorin P. 2005: Thucydides: An Introduction for the Common Reader. Princeton: Princeton University Press.

Zaikov A.V. 2004: Alcman and the Image of Scythian Steed // Pontus and the Outside World: Studies in Black Sea History, Historiography, and Archaeology / C.J. Tuplin (ed.). Leiden: Brill, P. 69–84.

*IMMANIS И IMMANITAS ПРИМЕНИТЕЛЬНО К ВАРВАРАМ
В СЛОВОУПОТРЕБЛЕНИИ ЦИЦЕРОНА (НИКИШИН В.О.) /*

*IMMANIS AND IMMANITAS AS APPLIED TO THE BARBARIANS
IN THE USE OF CICERO (Vladimir O. NIKISHIN)*

Голубцова Е.С. 1998: Община, племя, народность в античную эпоху. М.: Наука [Golubtsova E.S. 1998: Obshchina, plemya, narodnost' v antichnyuyu epohu. M.: Nauka].

Маринович Л.П. 2006: Возникновение и эволюция доктрины превосходства греков над варварами // Античная цивилизация и варвары / Л.П. Маринович (отв. ред.). М., 5–29 [Marinovich L.P. 2006: Vozniknovenie i evolyuciya doktriny prevoskhodstva grekov nad varvarami // Antichnaya civilizaciya i varvary / otv. red. L. P. Marinovich. M., 5–29].

Никишин В.О. 2003: «Собаچه красноречие» (canina facundia) Цицерона (по материалам филиппик) // Вестник МГУ. Сер. 8. История. № 4, 67–80 [Nikishin V.O. 2003: «Sobach'e krasnorechie» (canina facundia) Cicerona (po materialam filippik) // Vestnik MGU. Ser. 8. Istoriya. № 4, 67–80].

Никишин В.О. 2012: Metus Gallicus: возникновение и преодоление // ДВАМ. VIII. 122–135 [Nikishin V.O. 2012: Metus Gallicus: vzniknovenie i preodolenie // DVAM. Vyp. VIII. M., 122–135].

Никишин В.О. 2019: «Варварство цивилизации» лицом к лицу с «цивилизацией варварства»: феномен латентного варварства в контексте греко-римской цивилизации I в. до н.э. (по произведениям Цицерона) // Цивилизация и варварство: антропология латентного варварства / В.П. Буданова (ред.). М., VIII. 238–262 [Nikishin V.O. 2019: «Varvarstvo civilizacii» licom k licu s «civilizaciej varvarstva»: fenomen latentnogo varvarstva v kontekste greko-rimskoj civilizacii I v. do n.e. (po proizvedeniyam Cicerona) // Civilizaciya i varvarstvo. Antropologiya latentnogo varvarstva. Vyp. VIII / otv. red. V. P. Budanova. M., 238–262.].

- Никишин В.О.* 2021: Римляне, галлы и германцы: metus hostilis и этнолукизм в роли триггеров // Цивилизация и варварство: триггеры появления и преодоления варварства / В.П. Буданова (ред.). М., X. 169–203 [Nikishin V.O. 2021: Rimlyane, gally i germancy: metus hostilis i etnolukizm v roli triggerov // Civilizaciya i varvarstvo. Triggery poyavleniya i preodoleniya varvarstva. Vyp. X / Otv. red. V. P. Budanova. M., 169–203].
- Никишин В.О., Короленков А.В.* 2004: Чужеземцы в «Записках» Цезаря // *Studia historica*. М., IV. 75–90 [Nikishin V.O., Korolenkov A.V. 2004: CHuzhezemcy v «Zapiskah» Cezarya // *Studia historica*. Vyp. IV. M., 75–90].
- Сидорович О.В.* 2006: Sacra Argeorum как жреческий аргумент // АМА.12. 139–156 [Sidorovich O.V. 2006: Sacra Argeorum kak zhrecheskij argument // АМА. Vyp. 12. Saratov, 139–156].
- Balsdon J.P.V.D.* 1979: *Romans and Aliens*. London: Duckworth.
- Bellen H.* 1985: Metus Gallicus — Metus Punicus. Zum Furchtmotiv in der römischen Republic / AAWM. 3. 1985. Stuttgart: Franz Steiner Verlag.
- Clavel-Lévêque M.* 1989: Puzzle Gaulois. Les Gaules en mémoire. Images — Textes — Histoire. Paris: Les Belles Lettres.
- Dauge Y.A.* 1981: Le Barbare. Recherches sur la conception romaine de la barbarie et de la civilization. Bruxelles: Latomus.
- Dubuisson M.* 1985: La vision romaine de l'étranger: stéréotypes, idéologie et mentalités // *Cahiers de Clio*. 81. 82–98.
- Dubuisson M.* 2001: Barbares et barbarie dans le monde gréco-romain: du concept au slogan // *AC*. 70. 1–16.
- Freyburger G.* 1976: César face aux barbares, sens et emplois du mot barbarus dans le De Bello Gallico et le De Bello Civili // *Bulletin de la Faculté de Lettres de Mulhouse*. 8. 13–20.
- Freyburger G.* 1977: Sens et evolution du mot barbarus dans l'oeuvre de Ciceron // *Melanges offerts à L.S. Senghor. Langues, litterature, histoire anciennes*. Dakar, 141–152.
- Isaac B.H.* 2006: *The Invention of Racism in Classical Antiquity*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- La Ville de Mirmont H. de.* 1904: Cicéron et les Gaulois // *RC*. 25. 163–180.
- Lévy E.* 1984: Naissance du concept de barbare // *Ktema*. 9. 4–15.
- Ndiaye É.* 2005a: Barbarus, une dénomination de l'ennemi étranger chez César // *Scholia*. 14. 89–108.
- Ndiaye É.* 2005b: L'étranger “barbare” à Rome: essai d'analyse sémique // *AC*. 74. 119–135.

Skoda F. 1981: Histoire de barbaros jusqu'au début de l'ère chrétienne // Actes du Colloque Franco-Polonais d'Histoire. Les relations économiques et culturelles entre l'Occident et l'Orient. Nice-Antibes 6–9 novembre 1980, I: Aux origines historiques d'une idée de suprématie: les notions d'Orient et d'Occident et ce qu'elles recouvrent avant la chute de l'Empire romain. Nice, 111–126.

СТРАБОН И ДИОДОР СИЦИЛИЙСКИЙ

О ФИЗИЧЕСКОМ ВАРВАРСТВЕ ИБЕРИЙЦЕВ (КАМАРИ Д.М.) /

STRABO AND DIODORUS

ON THE PHYSICAL BARBARITY OF THE IBERIANS

(Daniel M. KAMARI)

Asensio I Vilaró D. 2005: La incidencia fenicia entre las comunidades indígenas de la costa catalana (siglos VII–VI a.C.): ¿un fenómeno orientalizante? / El periodo orientalizante. Actas del III Simposio Internacional de Arqueología de Mérida: Protohistoria del Mediterráneo Occidental / S. Celestino Pérez (eds.), Jiménez Ávila. Mérida. Vol. 1. 551–583.

Calero Fresneda M., Bueno Becerra A., Pajuelo Sáez J.M., Navarro García M.A., Gener Basallote J.M. 2012: Estudio paleopatológico de un individuo fenicio mediante tomografía axial computerizada tridimensional // Paleopatología. Vol. 10. 1–7.

Ferrer Albelda E., Prados Pérez E. 2001–2002: Bastetanos y Bástulo-Púnicos. Sobre la complejidad étnica del sureste de Iberia // An Murcia. Vol. 16–17. 273–282.

García Gelabart-Pérez M.P., Blázquez Martínez J.M. 1987–1988: Mercenarios Hispanos en las fuentes literarias y en la arqueología // Habis. Vol. 18–19. 257–270.

Lorrio Alvarado A.J., Pernas García S., Torres Ortiz M., Treslis Martí J., Carnacho Rodríguez P., Castillo Vizcaino L. 2020: Peña Negra (Crevillent, Alicante). La ciudad orientalizante de Herna y su territorio / Un viaje entre el Oriente y el Occidente del Mediterráneo: IX Congreso internacional de Estudios Fenicios y Púnicos, 22–26 de octubre de 2018. Mérida, coordinado por Sebastian Celestino Pérez, Esther Rodríguez González. Vol. 2. 521–540.

Mora Serrano B., Arancibia Román A. 2018: Málaga en los siglos VI–V a.C.: la consolidación de una polis fenicio-púnica en el sur de la Península Ibérica // Archivo de Prehistoria Levantina. Vol. 32. 117–134.

Morgenroth U. 2004: Southern Iberia in the Early Iron Age. Oxford.

Neville A. 2007: Mountains of silver and rivers of gold. The Phoenicians in Iberia. Vancouver.

- Niveau de Villedary y Mariñas A.* 2015: La estructuración del espacio urbano y productivo de Gadir durante a Fase de Urbana Clásica: cambios y perduraciones // *Complutum*. Vol. 26 (1). 225–242.
- Rodríguez Díaz A.* 1994: Algunas Reflexiones sobre el fin de Tartessos en la Cuenca Media del Guadiana: La Crisis del Cuatrocientos y el Desarrollo de la Baeturia // *Cuadernos de Prehistoria y Arqueología de la Universidad Autónoma de Madrid*. Vol. 21. 9–34.
- Santiago R.* 2003: Las láminas de plomo de Ampurias y Pech Maho revisitadas // *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*. Bd. 144. 167–172.
- РИМЛЯНЕ О НРАВАХ БАРВАРОВ (I В. ДО Н.Э. – IV В. Н.Э.)*
(ЕРМОЛОВА И.Е.) /
- THE ROMANS ON THE BARBARIANS MORALS (I C. B.C. – IV C.A.D.)*
(Irina E. ERMOLOVA)
- Аммиан Марцеллин.* Римская история / Ю.А. Кулаковского и А.И. Сонни (пер. с лат.). СПб.: Изд. «Алетейя», 1996. — *Ammiani Marcellini Regum gestarum libri qui supersunt* / W. Seyfarth (ed.). Leipzig: Teubner, 1978. 1–2.
- Анней Флор.* Две книги Римских войн // *Малые римские историки. Веллей Патеркул. Римская история. Анней Флор. Две книги Римских войн. Луций Ампелий. Памятная книжица* / Пер. с лат. А. Немировского и М. Дашковой. Изд. подгот. А. Немировским. М.: «Ладомир», 1995. — *Anneus Florus L. Bellorum Romanorum libri duo* / O. Rossbach (ed.). Leipzig: Teubner, 1896.
- Кассий Дион Коккейан.* Римская история. Книги LXIV – LXXX / Пер. с древнегреч. под ред. А.В. Махлаюка. СПб.: Фил. ф-т СПбГУ, Нестор-История, 2011. *Dio's Roman History / With an English translation by E. Cary on the basic of the version of H.B. Foster. In nine volumes. London, New York: 1914–1927.*
- Овидий Назон П. Tristia.* Печальные песни // Латышев В.В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т. 2. Вып. 1–2. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1904–1906 [Ovidius Naso P. Tristia. *Rechal'nye pesni // Latyshev V.V. Izvestiya drevnikh pisatelei recheskikh i latinskikh o Skifii i Kavkaze*. Т. 2. Вып. 1–2. SPb.: Tip. Imp. Akademii nauk, 1904–1906].
- Корнелий Тацит.* Жизнеописание Юлия Агриколы // Корнелий Тацит. Сочинения в двух томах / Изд. подг. А.С. Бобович, Я.М. Боровский, М.Е. Сергеевко. Т. II. М.: Ладомир, 1993. — *Taciti Cornelii De vita et moribus*

- Julii Agricolae // Tacitus Cornelius. Opera / Ex rec. Ioh. Augusti Ernesti denuo cur. Ier.Iac. Oberlinus. T. II. Lipsiae: Teubner, 1801.
- Корнелий Тацит*. Анналы // Корнелий Тацит. Сочинения в двух томах / Изд. подг. А.С. Бобович, Я.М. Боровский, М.Е. Сергеевко. Т. II. М.: Ладомир, 1993. — Taciti Cornelii Annalium ab excessu divi Augusti libri // Tacitus Cornelius. Opera / Ex rec. Ioh. Augusti Ernesti denuo cur. Ier.Iac. Oberlinus. T. II. Lipsiae: Teubner, 1801.
- Корнелий Тацит*. О происхождении германцев и местоположении Германии // Корнелий Тацит. Сочинения в двух томах / Изд. подг. А.С. Бобович, Я.М. Боровский, М.Е. Сергеевко. Т. II. М.: Ладомир, 1993. — Taciti Cornelii De origine et situ Germanorum // Tacitus Cornelius. Opera / Ex rec. Ioh. Augusti Ernesti denuo cur. Ier.Iac. Oberlinus. T. II. Lipsiae: Teubner, 1801.
- Корнелий Тацит*. История // Корнелий Тацит. Сочинения в двух томах / Изд. подг. А.С. Бобович, Я.М. Боровский, М.Е. Сергеевко. Т. I. М.: Ладомир, 1993. — Taciti Cornelii Historiarum libri, qui supersunt // Tacitus Cornelius. Opera / Ex rec. Ioh. Augusti Ernesti denuo cur. Ier.Iac. Oberlinus. T. I. Lipsiae: Teubner, 1801.
- Юлий Цезарь Г.* Записки о Галльской войне / Пер. и вступ. ст. М.М. Покровского. М: День, 1991. — Julii Caesaris C. Belli Gallici libri VII / Rec. B. Dinter. Lipsiae: Teubner, 1898.
- Tulli Ciceronis M.* De Re Publica. Librorum sex quae manserunt // Tullius Cicero M. Scripta quae manserunt omnia. Quartum recognovit K. Ziegler. Lipsiae: Teubner, 1958. Fasc. 39.
- Дмитриев В.А.* 2011: К вопросу об идеализации варваров в античной историографии (по данным Аммиана Марцеллина) // Грамота. 1. 86– 88 [Dmitriev V.A. 2011: K voprosu ob idealizatsii varvarov v antichnoi istoriografii (po dannym Ammiana Martsellina) // Gramota. No. 1. 86–88].
- Каллистов Д.П.* 1949: Очерки по истории Северного Причерноморья античной эпохи. Л.: Изд-во ЛГУ им. А.А. Жданова [Kallistov D.P. 1949: Ocherki po istorii Severnogo Prichernomor'ya antichnoi epokhi. L.: Izd-vo LGU im. A.A. Zhdanova].
- Куклина И.В.* 1971: Античная литературная традиция о древнейших племенах на территории СССР. Автореф. на соиск. ст. к. и. н. Л. [Kuklina I.V. 1971: Antichnaya literaturnaya traditsiya o drevneyshikh plemenakh na territorii SSSR. Avtoref. na soisk. st. k. i. n. L.].
- Маринович Л.П.* 2006: Возникновение и эволюция доктрины превосходства греков над варварами // Античная цивилизация и варвары / Л.П. Маринович (гл. ред.). М.: Наука. 5–29 [Marinovich L.P. 2006: Vozniknovenie i

- evolyutsiya doktriny prevoskhodstva grekov nad varvarami // Antichnaya tsivilizatsiya i varvary / L.P. Marinovich (gl. red.). M.: Nauka].
- Фролов Э.Д.* 2007: Античный империализм: понятие, этапы развития, идеологическое обрамление, значение в жизни античного общества // Мнемон. 6. 15 – 22 [Frolov E.D. 2007: Antichnyi imperializm: ponyatie, etapy razvitiya, ideologicheskoe obramlenie, znachenie v zhizni antichnogo obshchestva // Mnenon. Vyp. 6. 15–22].
- Хизер П.* 2011: Падение Римской империи. М.: АСТ: Астрель [Hizer P. 2011: Padenie Rimskoj imperii. M.: AST: Astrel'.].
- Dauge Jv.A.* 1981: Le Barbare: Recherches sur la conception romaine de la barbarie et de la civilisation. Bruxelles: Latomus.
- Dill S.* 1910: Roman Society in the Last Century of the Western Empire. London: by Macmillan and Co.
- Goffart W.* 1981: Rome, Constantinople and the Barbarians // The American Historical Review. 86. 2. 275 – 306.
- Jacob L.* 1983: Die Germanen im Urteil Ammians // Rom und Germanien / Dem Wirken Werner Hartkes gewidmet. Berlin. 77– 83.
- Labuske H.* 1983: Die Barbarenproblematik in Ideologie und Propaganda der Spätantike //Rom und Germanien / Dem Wirken Werner Hartkes gewidmet. Berlin. 99–108.
- Rosen K.* 1968: Studien zur Darstellungskunst und Glaubwürdigkeit des Ammianus Marcellinus. Heidelberg: Ruprecht-Karl-Universität.
- Sherwin-White A.N.* 1967: Racial Prejudice in Imperial Rome. Cambridge: Cambridge University Press.
- Vogt J.* 1967: Kulturwelt und Barbaren. Zum Mensheitsbild der spätantiken Gesellschaft. Mainz: Verlag der Akademie der Wissenschaften und der Literatur in Mainz.
- «КАК ЗОВУТ, ТАК И ОБЗЫВАЮТ»: ПРОЗВИЩА И ОСКОРЕБЛЕНИЯ СПОРТСМЕНОВ, АНТИЧНЫХ И СОВРЕМЕННЫХ (СЕЛИВАНОВА Л.Л.) /**
- «A NAME AND A BAD NAME ARE THE SAME»: NICKNAMES AND INSULTS OF ANCIENT AND MODERN ATHLETES (Larisa L. SELIVANOVA)**
- Андреев Ю.В.* 1998: Цена свободы и гармонии. Несколько штрихов к портрету греческой цивилизации. СПб.: Гос. Эрмитаж, Алетейя [Andreyev Yu.V. 1998: Tsena svobody i garmonii. Neskol'ko shtrikhov k portretu grecheskoy tsivilizatsii. SPb.: Gos. Ermitazh, Aleteyya].

- Буркерт В.* 2004: Греческая религия: Архаика и классика. Пер. с нем. СПб.: Алетейя [Burkert V. 2004: Grecheskaya religiya: Arkhaika i klassika. Per. s nem. SPb.: Aleteyya].
- Гаспаров М.Л.* 1980: Пoesия Пиндара // Пиндар, Вакхилид. Оды. Фрагменты. Изд. подгот. М.Л. Гаспаров. М.: Наука [Gasparov M.L. 1980: Poeziya Pindara // Pindar. Vakkhilid. Ody. Fragmenty. Izd. podgot. M.L. Gasparov. M.: Nauka].
- Генон Р.* 2004: Избранные произведения: Традиционные формы и космические циклы. Кризис современного мира. Пер. с франц. М.: Беловодье [Genon R. 2004: Izbrannyye proizvedeniya: Traditsionnyye formy i kosmicheskiye tsikly. Krizis sovremennogo mira. Per. s frants. M.: Belovodye].
- Греческая эпиграмма.* 1960: Греческая эпиграмма. Под ред. Ф. Петровского. М.: Гослитиздат [Grecheskaya epigramma. 1960: Grecheskaya epigramma. Pod red. F. Petrovskogo. M.: Goslitizdat].
- Даль В.И.* 1984: Пословицы русского народа: сборник. В 2-х томах. Т. 2. М.: Художественная литература [Dal' V.I. 1984: Poslovitsy russkogo naroda: sbornik. V 2-kh tomakh. T. 2. M.: Khudozhestvennaya literatura].
- Зайцев А.И.* 2000: Культурный переворот в древней Греции VIII–V вв. до н.э. 2-е изд. испр. и перераб. СПб.: Филологический факультет СПбГУ [Zaytsev A.I. 2000: Kul'turnyyu perevorot v drevney Gretsii VIII–V vv. do n.e. 2-e izd. ispr. i pererab. SPb.: Filologicheskiy fakul'tet SPbGU].
- Зельин К.К.* 1962: Олимпионики и тираны // Вестник древней истории. 4, 21–29 [Zel'in K.K. 1962: Olimpioniki i tirany // Vestnik drevney istorii. 4, 21–29].
- Кузিশчин В.И.* 2001: Предисловие. Олимпия древняя и современная // Шанин Ю.В. Олимпия: история античного атлетизма. СПб., 5–8 [Kuzishchin V.I. 2001: Predisloviye. Olimpiya drevnyaya i sovremennaya // Shanin Yu.V. Olimpiya: istoriya antichnogo atletizma. SPb., 5–8].
- Ленская В.С.* 2006: Καλὸς κάγαθός: воспитание и образование древнегреческого аристократа // Studia historica. VI, 69–82 [Lenskaya V.S. 2006: Καλὸς κάγαθός: vospitaniye i obrazovaniye drevnegrecheskogo aristokrata // Studia historica. VI, 69–82].
- Лосев А.Ф.* 1960: Классическая калокагатия и ее типы // Вопросы эстетики. 3, 411–475 [Losev A.F. 1960: Klassicheskaya kalokagatiya i eye tipy // Voprosy estetiki. 3, 411–475].
- Михайлин В. Ю.* 2005: Аполлоновы лярвы: состязательный спорт в древнегреческой и новейшей культурных традициях // Михайлин В. Ю. Тропа звериных слов: Пространственно ориентированные культурные коды в

- индоевропейской традиции. М., 309–328 [Mikhaylin V. Yu. 2005: Apollonovy lyarvy: sostyazatel'nyy sport v drevnegrecheskoy i noveyshey kul'turnykh traditsiyakh // Mikhaylin V. Yu. Tropa zverinykh slov: Prostranstvenno oriyentirovannyye kul'turnyye kody v indoyevropeyskoy traditsii. М., 309–328].
- Нильссон М.П.* 1998: Греческая народная религия. СПб.: Алетея [Nilsson M.P. 1998: Grecheskaya narodnaya religiya. SPb.: Aleteya].
- Павсаний.* 1994: Описание Эллады: в 2-х тт. / Пер. и вст. ст. С.П. Кондратьева. М.: Науч.-изд. центр «Ладомир». Т. 2 [Pavsaniy. 1994: Opisaniye Ellady: v 2-kh tt. / Per. i vst. st. S.P. Kondratyeva. – М.: Nauch.-izd. tsentr “Ladomir”. Т. 2].
- Селиванова Л.Л.* 2013: Бык, Александрийский Верблюд и другие атлеты // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. Под ред. Л.П. Репиной. М., 21, 216–240 [Selivanova L.L. 2013: Byk, Aleksandriyskiy Verblyud i drugiye atlety // Adam i Eva. Almanakh gendernoy istorii. Pod red. L.P. Repinoy. М., 21, 216–240.].
- Селиванова Л.Л.* 2014: Победа и / или смерть на Общегреческих играх // Проблемы истории, филологии, культуры. 1, 3–22 [Selivanova L.L. 2014: Pobeda i / ili smert' na Obshchegrecheskikh igrakh // Problemy istorii, filologii, kultury. 1, 3–22].
- Селиванова Л.Л.* 2015: Герои древнегреческого спорта. А был ли допинг? // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. Под ред. А.Ю. Серegiной. М., 23, 6–22 [Selivanova L.L. 2015: Geroi drevnegrecheskogo sporta. A byl li doping? // Adam i Eva. Almanakh gendernoy istorii. Pod red. A.Yu. Sereginoy. М., 23, 6–22].
- Томалинцев В.Н.* 2019: Экстремальные смыслы культуры: популярное изложение социальной экстремологии. СПб.: Алетея [Tomalintsev V.N. 2019: Ekstremal'nyye smysly kul'tury: populyarnoye izlozheniye sotsial'noy ekstremologii. SPb.: Aleteya].
- Фролов Э.Д.* 1986: Рождение греческого полиса. Л.: С.-Петербург. ун-т [Frolov E.D. 1986: Rozhdeniye grecheskogo polisa. L.: S.-Peterb. un-t.].
- Шанин Ю.В.* 2001: Олимпия: история античного атлетизма. СПб.: Алетея [Shanin Yu.V. 2001: Olimpiya: istoriya antichnogo atletizma. SPb.: Aleteya].
- Юнг К.Г.* 2022: Аффекты цивилизации // Матрица безумия: переводы / Карл Юнг, Мишель Фуко. М., 13–160 [Yung K.G. 2022: Affekty tsivilizatsii // Matritsa bezumiya: perevody / Karl Yung, Mishel Fuko. М., 13–160].
- Biliński B.* 1961: L'Agonistika sportiva nella Grecia Antika (aspetti sociali e ispirazioni litterarie). Roma: Signorelli.

- Bowden H.* 2005: Classical Athens and the Delphic Oracle. Divination and Democracy. Cambridge: Cambridge University Press.
- Brophy R.H.* 1978: Deaths in the Pan-Hellenic Games: Arrachion and Creugas // American Journal of Philology. 99, 363–390.
- Brophy R., Brophy M.* 1985: Deaths in the Pan-Hellenic Games II: All Combative Sports // American Journal of Philology. 106, 2 (Summer, 1985), 171–198.
- Cartledge P.* 1985: The Greek Religious Festivals // Greek Religion and Society. Cambridge, 98–127.
- Decker W.* 2008: Beinamen antiker Athleten // Antike Lebenswelten. Konstanz–Wandel–Wirkungsmacht. Festschrift für Ingomar Weiler zur 70. Geburtstag. Hrsg. von P. Mauritsch, W. Petermandel, R. Rollinger und Ch. Ulf unter Mitarbeit von I. Huber. Wiesbaden, 161–178.
- Frazer J.G.* 1965: Pausanias's Description of Greece. Trans. and commentary. Vol. IV. L., N.Y.: London Macmillan.
- Freud S.* 1930: Das Unbehagen in der Kultur. Wien: Internationaler Psychoanalytischer Verlag.
- Gardiner E.N.* 1910: Greek Athletic Sports and Festivals. Oxford: London Macmillan.
- Golden M.* 1998: Sport and Society in Ancient Greece. Cambridge: Cambridge University Press.
- Jüthner J., Mehl E.* 1962: Pygme (pugilatus) // Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft von Pauly–Wissowa G. Suppl. IX. Stuttgart, 1312.
- Jüthner J.* 1965: Die athletischen Leibesübungen der Griechen. Bd. I. Wien: Hermann Böhlau.
- Kyle D.G.* 1990: Winning and Watching the Greek Pentathlon // Journal of Sport History. 17. 3. Winter, 291–305.
- Kyle D.G.* 2004: Ancient Olympics Guide. Winning at Olympia // Archeology. 6 April. — <http://archive.archaeology.org/online/features/olympics/olympia.html> (октябрь, 2023).
- Lee H.* 1988: The “First” Olympic Games of 776 B.C. // The Archaeology of the Olympics: The Olympics and the Other Festivals in Antiquity. Ed. by W.J. Raschke. L., 110–118.
- Moretti L.* 1957: Olympionikai. I vincitori negli antichi agoni olimpici. Roma: Accademia Nazionale dei Lincei.
- Nilsson M.P.* 1906: Griechische Feste von religiöser Bedeutung, mit Ausschluß der attischen. Leipzig: B.G. Teubner.

- Poliakoff M.* 1987: *Combat Sports in the Ancient World: Competition, Violence, and Culture.* – New Haven, London: Yale univ. press.
- Pritchett W.K.* 1974: *The Greek States at War. Part 2.* Berkeley: University of California Press.
- te Riele G.-J. M.-J.* 1964: *Inscriptions conservées au Musée d'Olympie // Bulletin de correspondance hellénique.* 88, 169–195.
- Robert L.* 1968: *Les épigrammes satiriques de Lucillius sur les athlètes. Parodie et réalités // Fondation Hardt: Entretiens sur l'Antiquité Classique XIV: L'Épigramme Grècque.* Geneva, 179–295.
- Spielrein S.* 1912: *Die Destruktion als Ursache des Werdens // Jahrbuch für Psychoanalytische und Psychopathologische Forschungen.* IV, 465–503.
- Svinth J.R.* 2007: *Death under the Spotlight: The Manuel Velazquez Boxing Fatality Collection. Analyzing the data // Journal of Combative Sport.* Nov. — http://ejmas.com/jcs/jcsart_svinth_a_0700.htm (октябрь, 2023).
- Sweet W.E.* 1987: *Sport and Recreation in Ancient Greece: A Sourcebook with Translations.* Foreword by E. Segal. New York, Oxford: Oxford Univ. Press.
- Vogt E.* 1964: *Agon (es) (certamina) // Der kleine Pauly. Lexikon der Antike.* I, 136.
- Young D.C.* 1996: *First with the Most: Greek Athletic Records and "Specialization" // Nikephoros.* 9, 175–197.
- Young D.C.* 2004: *A brief history of the Olympic Games.* Oxford: Wiley-Blackwell.

***К РАЗДЕЛУ II: МЕЖДУ СЛОВОМ И ДЕЛОМ /
TO CHAPTER II: BETWEEN WORD AND DEED***

*ВАРВАРСКИЕ ДЕЛА И СЛОВА: АЛЕКСАНДР МАКЕДОНСКИЙ
И АРИСТОН ПЕОНИЙСКИЙ НА БЕРЕГАХ ТИГРА
(КЛЕЙМЕНОВ А.А.) /*

*BARBARIC DEEDS AND WORDS: ALEXANDER OF MACEDON
AND ARISTON OF PAEONIA ON THE BANKS OF THE TIGRIS
(Alexander A. KLEYMEONOV)*

Белох Ю. 2009: *Греческая история / Пер. с нем. М.О. Гершензон. М., 2*
[Beloch J. 2009: *Grecheskaya istoriya / M.O. Gershenzon (per. s nem.). М., 2].*

- Борза Ю.Н.* 2013: История античной Македонии (до Александра Великого) / Пер. с англ. М.М. Холод. СПб. [Borza E.N. 2013: Istoriya antichnoy Makedonii (do Aleksandra Velikogo) / M.M. Kholod (per. s angl.). SPb.].
- Гафуров Б.Г., Цибукидис Д.И.* 1980: Александр Македонский и Восток. М. [Gafurov B.G., Tsibukidis D.I. 1980: Aleksandr Makedonskiy i Vostok. M.].
- Дьяконов И.М.* 1956: История Мидии от древнейших времен до конца IV века до н.э. М. [Dyakonov I.M. 1956: Istoriya Midii ot drevnejshikh vremen do kontsa IV veka do n.eh. M.].
- Златковская Т.Д.* 1971: Возникновение государства у фракийцев. М. [Zlatkovskaya T.D. 1971: Vozniknovenie gosudarstva u frakiitsev. M.].
- Манцевич А.П.* 1949: К вопросу о торевтике в скифскую эпоху // ВДИ. 2. 196–220 [Mantsevich A.P. 1949: K voprosu o torevtike v skifskuyu epokhu // VDI. 2. 196–220].
- Нефёдкин А.К.* 2019: Конница эпохи эллинизма. СПб. [Nefedkin A.K. 2019: Konnitsa epokhi ellinizma. SPb.].
- Попов Д.* 2009: Древна Тракия. История и культура. София [Popov D. 2009: Drevna Trakiya. Istorija i kultura. Sofia].
- Пановски С.* 2022: Пајонците во пишаните извори од владеешето на Филип II до смртта на Дропион // Пајонија и Пајонците. Извори, историја, археологија / А. Јакимовски, В Саракински (ур.). Скопје, 39–74 [Panovski S. 2022: Pajontsite vo pishanite izvori od vladeesheto na Filip II do smrtta na Dropion // II // Pajonija i Pajontsite. Izvori, istorija, arkheologija / A. Jakimovski, V Sarakinski (ur.). Skopje, 39–74].
- Саракински В.* 2022: Пајонците во пишаните извори до времето на Филип II // Пајонија и Пајонците. Извори, историја, археологија / А. Јакимовски, В Саракински (ур.). Скопје, 9–38 [Sarakinski V. 2022: Pajontsite vo pishanite izvori do vremeto na Filip II // Pajonija i Pajontsite. Izvori, istorija, arkheologija / A. Jakimovski, V Sarakinski (ur.). Skopje. 9–38].
- Секунда Н.* 2004: Армия Александра Великого / Пер. с англ. Я. Зверев. М. [Sekunda N. 2004: Armiya Aleksandra Velikogo / Ya. Zverev (per. s angl.). M.].
- Сивкина Н.Ю.* 2012: Эллинизация Македонии в IV–III вв. до н.э.: к вопросу о политическом аспекте объективного процесса // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. 6 (3). 157–167 [Sivkina, N.Y. 2012: Ehllinizatsiya Makedonii v IV–III vv. do n.eh.: k voprosu o politicheskom aspekte ob'ektivnogo protsessa // Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. 6 (3). 157–167].

- Tarn W.* 1949: Эллинистическая цивилизация / Пер. с англ. С.Я. Лясковский. М. [Tarn W. 1949: Ehllinisticheskaya tsivilizatsiya / S.Ya. Lyaskovskij (per. s angl.). M.].
- Уорthingтон Й.* 2014: Филипп Македонский / Пер. с англ. С.В. Иванов. СПб.; М. [Worthington I. 2014: Filipp Makedonskij / S.V. Ivanov (per. s angl.). SPb.; M.]
- Шнирельман В.А.* 1994: У истоков войны и мира // А.И. Першиц, Ю.И. Семенов, В.А. Шнирельман. Война и мир в ранней истории человечества. М., 1, 9–175 [Shnirelman V.A. 1994: U istokov vojny i mira // A.I. Pershits, Yu.I. Semenov, V.A. Shnirelman. Vojna i mir v rannej istorii chelovechestva. M., 1, 9–175].
- Aldhouse-Green M.* 2006: Semiologies of Subjugation: The Ritualisation of War-Prisoners in Later European Antiquity // Warfare and Society: Archaeological and Social Anthropological Perspectives / T. Otto, H. Thrane and H. Vandkilde (eds.). Aarhus, 281–304.
- Anson E.M.* 2013: Alexander the Great: Themes and Issues. London; New York.
- Anson E.M.* 2020: Philip II, the Father of Alexander the Great: Themes and Issues. London; New York.
- Archibald Z.* 2010: Macedonia and Thrace // A Companion to Ancient Macedonia / J. Roisman, I. Worthington (eds.). Oxford, 326–341.
- Ashley J.R.* 1998: The Macedonian Empire: The Era of Warfare under Philip II and Alexander the Great, 359–323 BC. Jefferson.
- Asirvatham S.R.* 2010: Perspectives on Macedonians // A Companion to Ancient Macedonia / J. Roisman, I. Worthington (eds). Oxford. 99–124.
- Atkinson J.E.* 1980: A Commentary on Q. Curtius Rufus' Historiae Alexandri Magni. Books 3 and 4. Amsterdam.
- Bosworth A.B.* 1980: A Historical Commentary on Arrian's History of Alexander. Vol. 1. Commentary on books I–III. Oxford.
- Bosworth A.B.* 1988: Conquest and Empire: The Reign of Alexander the Great. Cambridge.
- Brunt P.A.* 1963: Alexander's Macedonian Cavalry // JHS. 83. 27–46.
- Carney E.* 1996: Macedonians and Mutiny: Discipline and Indiscipline in the Army of Philip and Alexander // CP. 91. 1. 19–44.
- Carney E.* 2015: King and Court in Ancient Macedonia: Rivalry, Treason and Conspiracy. Swansea.
- Chacon R.J., Dye D.H.* 2007: Introduction to Human Trophy Taking: An Ancient and Widespread Practice // The Taking and Displaying of Human

- Body Parts as Trophies by Amerindians / R.J. Chacon, D.H. Dye (eds.). New York. 5–31.
- Davie M.R.* 2003: *The Evolution of War: A Study of Its Role in Early Societies.* Mineola.
- Dell H.J.* 1980: Philip and Macedonia's Northern Neighbors // Philip of Macedon / M.B. Hatzopoulos, L.D. Loukopoulos (eds.). Athens. 90–99.
- Engels D.W.* 1978: *Alexander the Great and the Logistics of the Macedonian Army.* Berkeley; Los Angeles.
- Errington R.M.* 1990: *A History of Macedonia.* Berkeley; Los Angeles.
- Gaebel R.E.* 2002: *Cavalry Operations in the Ancient Greek World.* Norman.
- Green P.* 2013: *Alexander of Macedon, 356-323 BC: a historical biography.* Berkeley; Los Angeles; London.
- Greenwalt W.S.* 2015: Thracian and Macedonian Kingship // *A Companion to Ancient Thrace* / J. Valeva, E. Nankov and D. Graninger (eds.). Malden; Oxford. 337–351.
- Griffith G.T.* 1965: *The Macedonian Background* // GR. Second Series. 12. 2. 125–139.
- Hammond N.G.L.* 1979: *The Development of the Macedonia State and the Struggle for Survival* // N.G.L. Hammond, G.T. Griffith. *A History of Macedonia.* Vol. II: 550–336 BC. Oxford. 1–200.
- Hammond N.G.L.* 1983: *Three Historians of Alexander the Great: The So-Called Vulgate Authors, Diodorus, Justin and Curtius.* Cambridge.
- Hammond N.G.L.* 1998: Cavalry Recruited in Macedonia down to 322 B.C. // *Historia.* 47. 4. 404–425.
- Hammond N.G.L.* 1999: Heroic and Divine Honors in Macedonia before the Successors // *AncW.* 30. 2. 103–115.
- Hatzopoulos M.B.* 1996: *Macedonian Institutions under the Kings.* Vol. I. A Historical and Epigraphic Study. Athens.
- Heckel W.* 1992: *The Marshals of Alexander's Empire.* London; New York.
- Heckel W.* 2006: *Who's Who in the Age of Alexander the Great.* Malden; Oxford.
- Iglesias-Zoido J.* 2010: C. The Pre-Battle Speeches of Alexander at Issus and Gaugamela // *GRBS.* 50. 215–241.
- Katičić R.* 1976: *Ancient Languages of the Balkans.* Part. 1. The Hague; Paris.
- Lendon J.E.* 2005: *Soldiers and Ghosts: A History of Battle in Classical Antiquity.* New Haven; London.

- Macurdy G.H.* 1912: The Connection of Paeon with Paeonia // CR. 26. 8. 249–251.
- Marazov I.* 2011: Philomele's Tongue: Reading the Pictorial Text of Thracian Mythology // The Barbarians of Ancient Europe: Realities and Interactions / L. Bonfante (ed.). Cambridge; New York. 132–189.
- Marciak M., Sobiech M., Pirowski T.* 2020: Alexander the Great's Route to Gaugamela and Arbela // Klio. 102. 2. 536–559.
- Mari M.* 2021: Archaic and Early Classical Macedonia // Brill's Companion to Ancient Macedon: Studies in the Archaeology and History of Macedon, 650 BC–300 AD / R.J. Lane Fox (ed.). Leiden; Boston, 79–92.
- Mendoza M.* 2022: Decapitation in Sources on Alexander the Great. Cham.
- Merker I.L.* 1965: The Ancient Kingdom of Paionia // Balkan Studies 6. 1. 35–54.
- Milns R.D.* 1966: Alexander's Macedonian Cavalry and Diodorus xvii. 17.4 // JHS. 86. 167–168.
- Morris I.* 1992: Death-Ritual and Social Structure in Classical Antiquity. Cambridge.
- Nawotka K.* 2010: Alexander the Great. Cambridge.
- Pausch D.* 2016: Alexander in der Toga? Techniken der Aktualisierung bei Curtius Rufus zwischen delectare und prodesse // Der römische Alexanderhistoriker Curtius Rufus. Erzähltechnik, Rhetorik, Figurenpsychologie und Rezeption / H. Wulfram (hrsg.). Wien. 73–98.
- Pearson L.* 1960: The Lost Histories of Alexander the Great. New York.
- Polcaro V.F., Valsecchi G.B., Verderame L.* 2008: The Gaugamela Battle Eclipse: An Archaeoastronomical Analysis // Mediterranean Archaeology and Archaeometry. 8. 2. 55–64.
- Pritchard D.* 2010: The Symbiosis between Democracy and War: The Case of Ancient Athens // War, Democracy and Culture in Classical Athens / D. Pritchard (ed.). Cambridge. 1–62.
- Pritchett W.K.* 1994: Essays in Greek History. Amsterdam.
- Samuel A.E.* 1988: Philip and Alexander as Kings: Macedonian Monarchy and Merovingian Parallels // AHR. 93. 5. 1270–1286.
- Sawada N.* 2010: Social Customs and Institutions: Aspects of Macedonian Elite Society // A Companion to Ancient Macedonia / J. Roisman, I. Worthington (eds.). Oxford. 392–408.
- Sekunda N.V.* 2013: The 'Victory' coinage of Patraos of Paionia // In Armées grecques et romaines dans le nord des Balkans: Conflits et intégration des communautés guerrières / A. Rufin Solas (ed.). Gdąnsk. 53–67.

- Thomas C.G.* 2007: Alexander the Great in his World. Oxford.
- Tritle L.A.* 1997: Hector's Body: Mutilation of the Dead in Ancient Greece and Vietnam // АНВ. 11. 123–136.
- Valeva J.* 2015: Gold, Silver, and Bronze Vessels // A Companion to Ancient Thrace / J. Valeva, E. Nankov and D. Graninger (eds.). Malden; Oxford. 197–211.
- Worthington I.* 2004: Alexander the Great: Man and God. Harlow.
- Wright N.L.* 2012: The Horseman and the Warrior: Paionia and Macedonia in the Fourth Century BC // NC. 172. 1–26.
- Younger W.* 1966: Gods, Men, and Wine. Cleveland.

*IMITATIO SPECIEI GERMANICAE ИНОКУЛЬТУРНЫЕ НОВАЦИИ
В ОБЛИКЕ ЭСТИЕВ И ПРУССОВ I–VI ВВ. Н.Э. (КУЛАКОВ В.И.) /
IMITATIO SPECIEI GERMANICAE: INOCULTURAL INNOVATIONS
IN THE FORM OF THE AESTII AND PRUSSIANS I–VI CC. AD
(Vladimir I. KULAKOV)*

- Иордан.* 1997: О происхождении и деяниях гетов (Getica) / Вст. ст., пер., комм. Е.Ч. Скржинской. 2-е изд. СПб: Алетейя [Jordan. 1997: O proiskhozhdenii i deyaniyakh getov (Getica) / Vst. st., per., komm. E. CH. Skrzhinskoi. 2-e izd. SPb: Aleteiya].
- Тацит Корнелий.* 1970: О происхождении германцев и местоположении Германии // Корнелий Тацит. Сочинения в двух томах / Пер. А.С. Бобович. Л.: Наука. Т. I. 353–373 [Tatsit Kornelii. 1970: O proiskhozhdenii germantsev i mestopolozhonii Ger-manii // Kornelii Tatsit. Sochineniya v dvukh tomakh / Per. A.S. Bobovich. L.: Nauka. T. I. 353–373].
- Буданова В.П.* 2000: Варварский мир эпохи Великого переселения народов. М.: Наука [Budanova V.P. 2000: Varvarskii mir ehpokhi Velikogo pereseleniya narodov. M.: Nauka].
- Буданова В.П., Горский А.А., Ермолова И.Е.* 2011: Великое переселение народов: Этнополитические и социальные аспекты. СПб: Алетейя [Budanova V.P., Gorskii A.A., Ermolova I.E. 2011: Velikoe pereselenie narodov: Ehtnopoliticheskie i sotsial'nye aspekty. SPb: Aleteiya].
- Казанский М.М.* 2010: Реки восточной части Балтийского бассейна и античные географы. Ещё раз о Турунте и Хесине // Археологические вести. Вып. 16. 123–133 [Kazanskii M.M. 2010: Reki vostochnoi chasti Baltiiskogo basseina i antichnye geografy. Eshche raz o Turunte i Khesine // Arkheologicheskie vesti. Vyp. 16. 123–133].

- Казанский М.И., Мастыкова А.В.* 2022: Погребение римского времени в каменном круге на могильнике самбийско–натангийской культуры Шлакалькен 2 – Заостровье –2 // КСИА. Вып. 269. 148–161 [Kazanskii M.I., Mastykova A.V. 2022: Pogrebenie rimskogo vremeni v ka-mennom kruge na mogil'nike samiisko-natangiiskoi kul'tury Shlakal'ken 2 – Zaostrov'e – 2 // KSIA. Vyp. 269. 148–161].
- Колобов А.В.* 2004: Римское военное снаряжение в Восточной Европе: проблемы интерпретации // Новый Гиперборей. Межвузовский сборник научных трудов. Пермь: Маматов. 91–97 [Kolobov A.V. 2004: Rimskoe voennoe snaryazhenie v Vostochnoi Evrope: pro-blemy interpretatsii // Novyi Giperborei. Mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov. Perm': Mamatov. 91–97].
- Кулаков В.И.* 2003: История Пруссии до 1283 г. М.: Индрик [Kulakov V.I. 2003: Istoriya Prussii do 1283 g. M.: Indrik].
- Кулаков В.И.* 2004а: Эстии, веныды и германцы на Самбии // Восточная Европа в средневековье. К 80–летию Валентина Васильевича Седова, М.: Наука. 100–108 [Kulakov V.I. 2004a: Ehstii, venedy i germantsy na Sambii // Vostochnaya Evropa v srednevekov'e. K 80-letiyu Valentina Vasil'evicha Sedova, M.: Nauka. 100–108].
- Кулаков В.И.* 2004б: Боги Видевута // Letonica. Rīga: Zinātne. Vol. 10. 36–64 [Kulakov V.I. 2004b: Bogi Videvuta // Letonica. Rīga: Zinātne. Vol. 10. 36–64].
- Кулаков В.И.* 2013: Реконструкция убора обитателей Янтарного берега в I–V вв. н.э. Киев: ФОП «Видавець Олег Філюк» [Kulakov V.I. 2013: Rekonstruktsiya ubora obitatelei Yantarnogo berega v I–V vv. n.eh. Kiev: FOP «Vidavets' Oleg Filyuk»].
- Кулаков В.И.* 2015: Король без дружины или дружина без короля. Археологический комментарий к феномену потестарности древних германцев // Исторический формат. № 3. 6–12 [Kulakov V.I. 2015: Korol' bez družiny ili družina bez korolya. Arkheologi-cheskii kommentarii k fenomenu potestarnosti drevnikh germantsev // Istoricheskii format. № 3. 6–12].
- Кулаков В.И.* 2016: Сокровища Янтарного края. Показатели инोकультурных влияний на древности Самбии и Натангии в I–IV вв. н.э. Калининград: Калининградская книга [Kulakov V.I. 2016: Sokrovishcha Yantarnogo kraja. Pokazateli inokul'turnykh vliyanii na drevnosti Sambii i Natangii v I–IV vv. n.eh. Kaliningrad: Kaliningradskaya kniga].
- Кулаков В.И.* 2022: Меровингские мотивы в материальной культуре обитателей Мазур и Самбии в VI–VII вв. // Проблемы межрегиональных свя-

- зей. М.; Калининград. № 19. 5–11 [Kulakov V.I. 2022: Merovingskie motivy v material'noi kul'ture obitate-lei Mazur i Sambii v VI–VII vv. // Problemy mezhregional'nykh svyazei. М.; Калининград. № 19. 5–11].
- Суворов В.С. 2000: Этническая история юго-восточной Прибалтики в названиях племён и народов // Вестник Калининградского государственного университета. Калининград: Изд-во КГУ. 67–72 [Suvorov V.S. 2000: Ehtnicheskaya istoriya yugo-vostochnoi Pribaltiki v nazva-niyakh plemen i narodov // Vestnik Kaliningradskogo gosudarstvennogo universiteta. Kaliningrad: Izd-vo KGU. 67–72].
- Трубачёв О.Н. 1965: Заметки по этимологии и ономастике (на материале балто-германских отношений) // Питання ономастики. Киев [Trubachev O.N. 1965: Zametki po ehtimologii i onomastike (na materiale bal-to-germanskikh otnoshenii) // Pitannya onomastiki. Kiev].
- Щукин М.Б. 2005: Готский путь. Готы, Рим и Черняховская культуры, СПб: Филологический факультет СПбГУ [Shchukin M.B. 2005: Gotskii put'. Goty, Rim i Chernyakhovskaya kul'tury, SPb: Filologicheskii fakul'tet SPBGU].
- Schulz W. 1939: Die Tracht der urgermanischen Zeit // Tracht und Schmucj im nordischen Raum. Leipzig: Kurt Kabitzsch/Verlag. Bd. 1. 13-27.
- Voigt I. 1827: Geschichte Preussens von den ältesten Zeiten bis zum Untergang der Herrschaft des deutschen Ordens. Bd.I. Königsberg: Im Verlage der Gebrüder Vorntträger.
- К ВОПРОСУ О «НЕДОСТОЙНЫХ» И «НИЗКИХ» ЛЮДЯХ НА БОСПОРЕ В СЕРЕДИНЕ III В. Н.Э. (ЯРЦЕВ С.В., ЗУБАРЕВ В.Г.) /*
TO THE QUESTION ABOUT «UNWORTHING» AND «LOW» PEOPLE IN THE BOSPOR IN THE MIDDLE OF THE 3rd CENTURY AD
(Sergey V. YARTSEV, Viktor G. ZUBAREV)
- Абрамзон М.Г., Винокуров Н.И. 2016: Золотые статеры Аспурга и Митридата III и новые комплексы с монетами и ювелирными изделиями с городища Артезиан // ВДИ. 3. 712–743 [Abramzon M.G., Vinokurov N.I. 2016: Zolotyе statery Aspurga i Mitridata III i novye komplekсы s monetami i yuvelirnymi izdeliyami s gorodishcha Artezian // VDI. 3. 712–743].
- Анохин В.А. 1986: Монетное дело Боспора. Киев: Наукова Думка [Anohin V.A. 1986: Monetnoe delo Bospora. Kiev: Naukova Dumka].

- Блаватский В.Д.* 1964: Пантикапей. Очерки истории столицы Боспора. М.: Наука [Blavatskij V.D. 1964: Pantikapej. Oчерki istorii stolicy Bospora. М.: Nauka].
- Голенко К.В.* 1970: Монеты, найденные при раскопках в Керчи в 1964 г. // ВДИ. 2. 87–99 [Golenko K.V. 1970: Monety, najdennye pri raskopkah v Kerchi v 1964 g. // VDI. 2. 87–99].
- Десятчиков Ю.М.* 1974: Процесс сарматизации Боспора. Автореф. дис ... канд. ист. наук. М.: Институт археологии АН СССР [Desyatchikov Yu.M. 1974: Process sarmatizacii Bospora. Avtoref. dis ... kand. ist. nauk. М.: Institut arheologii AN SSSR].
- Засецкая И.П.* 2011: Сокровища кургана Хохлач. Новочеркасский клад. СПб.: Государственный Эрмитаж [Zaseckaya I.P. 2011: Sokrovishcha kurgana Hohlach. Novocherkasskij klad. SPb.: Gosudarstvennyj Ermitazh].
- Зубарь В.М.* 1998: Северный Понт и Римская империя (середина I в. до н.э. – первая половина VI в.). Киев: ИА НАН Украины [Zubar' V.M. 1998: Severnyj Pont i Rimskaya imperiya (seredina I v. do n.e. – pervaya polovina VI v.). Kiev: IA NAN Ukrainy].
- Кругликова И.Т.* 1958: Клад боспорских статеров III в. н.э. из дер. Семеновка // СА. 3. 134–143 [Kruglikova I.T. 1958: Klad bosporskih staterov III v. n.e. iz der. Semenovka // SA. 3. 134–143].
- Кругликова И.Т.* 1965: Боспор III–IV вв. в свете новых археологических исследований // КСИА. 103. 3–10 [Kruglikova I.T. 1965: Bospor III–IV vv. v svete novyh arheologicheskikh issledovanij // KSIA. 103. 3–10].
- Кругликова И.Т.* 1966: Боспор в позднеантичное время. М.: Наука [Kruglikova I.T. 1966: Bospor v pozdneantichnoe vremya. М.: Nauka].
- Мельников О.Н.* 2014: Коммеморативность и соправительство в нумизматике Боспора этапа поздней империи (210–341/342 гг.) // Записки отдела нумизматики и торевтики Одесского археологического музея / И.В. Бруяко (ред.). Одесса: СМІЛ. II. 59–73 [Mel'nikov O.N. 2014: Kommemorativnost' i sopravitel'stvo v numizmatike Bospora etapa pozdnej imperii (210-341/342 gg.) // Zapiski otdela numizmatiki i torevtiki Odesskogo arheologicheskogo muzeya / Pod red. I.V. Bruyako. Odessa: SMIL. II. 59–73].
- Ростовцев М.И.* 1914: Бронзовый бюст боспорской царицы и история Боспора в эпоху Августа. Древности: Труды Императорского Московского археологического общества. 25 [Rostovcev M.I. 1914: Bronzovyj byust bosporskoj caricy i istoriya Bospora v epohu Avgusta.

- Drevnosti: Trudy Imperatorskogo Moskovskogo arheologicheskogo obshchestva 25].
- Сапрыкин С.Ю.* 1984: Пифодорида — царица Фракии // ВДИ. 2. 141–153 [Saprykin S.Yu. 1984: Pifodorida — carica Frakii // VDI. 2. 141–153].
- Сапрыкин С.Ю.* 1985: Аспургиане // СА. 2. 65–78 [Saprykin S.Yu. 1985: Aspurgiane // SA. 2. 65–78].
- Сапрыкин С.Ю.* 1996: Понтийское царство: Государство греков и варваров в Причерноморье. М.: Наука [Saprykin S.Yu. 1996: Pontijskoe carstvo: Gosudarstvo grekov i varvarov v Prichernomor'e. M.: Nauka].
- Сапрыкин С.Ю.* 2002а: Аспург, царь Боспора // ДБ. 5. 207–223 [Saprykin S.Yu. 2002a: Aspurg, car' Bospora // DB. 5. 207–223].
- Сапрыкин С.Ю.* 2002б: Боспорское царство на рубеже двух эпох. М.: Наука [Saprykin S.Yu. 2002b: Bosporskoe carstvo na rubezhe dvuh epoch. M.: Nauka].
- Сокольский Н.И.* 1976: Таманский толос и резиденция Хрисалиска. М.: Наука [Sokol'skij N.I. 1976: Tamanskij tolos i rezidenciya Hrisaliska. M.: Nauka].
- Туаллагов А.А.* 2008: Закавказский поход алан 35 г. н.э. // Вестник СОГУ. 4. 105–110 [Tuallagov A.A. 2008: Zakavkazskij pohod alan 35 g. n.e. // Vestnik SOGU. 4. 105–110].
- Фролова Н.А.* 1997: Монетное дело Боспора (середина I в. до н.э. – середина IV в. н.э.). Ч. I. Монетное дело Боспора 49 / 48 гг. до н. э. – 210 / 211 гг. н.э. М.: Эдиториал УРСС [Frolova N.A. 1997: Monetnoe delo Bospora (seredina I v. do n.e. – seredina IV v. n.e.). Ch. I. Monetnoe delo Bospora 49 / 48 gg. do n. e. – 210 / 211 gg. n.e. M.: Editorial URSS].
- Фролова Н.А.* 1980: История правления Рискупорида V (242–276 гг.) по нумизматическим данным // СА. 3. 58–76 [Frolova N.A. 1980: Istoriya pravleniya Riskuporida V (242-276 gg.) po numizmaticheskim dannym // SA. 3. 58–76].
- Чорев М.М.* 2020: «Vox audita later, littera scripta manet», или к биографии боспорской царицы Гепеирии // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 1. 94–103 [Choref M.M. 2020: «Vox audita later, littera scripta manet», ili k biografii bosporskoj caricy Gepirii // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. 1. 94–103].
- Шаров О.В.* 2009: Боспор и варварский мир Центральной и Восточной Европы в позднеримскую эпоху (середина II – середина IV в. н.э.). Автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. СПб.: ИИМК РАН [Sharov O.V. 2009: Bospor i varvarskij mir Central'noj i Vostochnoj Evropy v pozdnerimskuju epochu (seredina II – seredina IV v. n.e.). Avtoref. diss. ... d-ra ist. nauk. SPb.: IIMK RAN]

- Bospor i varvarskij mir Central'noj i Vostochnoj Evropy v pozdnerimskuyu epohu (seredina II – seredina IV v. n.e.). Avtoref. diss. ... d-ra ist. nauk. SPb.: ИМК РАН].
- Ярцев С.В.* 2014: Северное Причерноморье в римский период и проблема готской экспансии. Тула: ТГПУ им. Л.Н. Толстого [Yarcev S.V. 2014: Severnoe Prichernomor'e v rimskij period i problema gotskoj ekspansii. Tula: TGPU im. L.N. Tolstogo].
- Ярцев С.В.* 2016: Сармато-иранская династия на Боспоре. В: Болгов Н.Н. (ред.). Кондаковские чтения V. Античность — Византия — Древняя Русь: Материалы Международной научной конференции. Белгород: БелГУ. 25–38 [Yarcev S.V. 2016: Sarmato-iranskaya dinastiya na Bospore. V: Bolgov N.N. (red.). Kondakovskie chteniya V. Antichnost' — Vizantiya — Drevnyaya Rus': Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Belgorod: BelGU. 25–38].
- Ярцев С.В.* 2022a: Последние годы правления боспорского царя Фофорса в контексте внутривосточной борьбы в Римской империи периода тетрархии // Genesis: исторические исследования. 10. 23–33 [Yarcev S.V. 2022a: Poslednie gody pravleniya bosporskogo carya Foforsa v kontekste vnutripoliticheskoj bor'by v Rimskoj imperii perioda tetrarhii // Genesis: istoricheskie issledovaniya. 10. 23–33].
- Ярцев С.В.* 2022b: К вопросу о выделении центральноазиатской династической линии боспорской аристократии // Материалы по истории и археологии античного и средневекового Причерноморья. 2022. S1. 187–198 [Yarcev S.V. 2022b: K voprosu o vydelenii central'noaziatskoj dinasticheskoj linii bosporskoj aristokratii // Materialy po istorii i arheologii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya. 2022. S1. 187–198].
- Ярцев С.В., Зубарев В.Г., Бутовский А.Ю.* 2015: Греко-варварский Крым в период поздней античности (III–IV вв. н.э.: от морских походов до битвы при Адрианополе) / А.А. Масленников (науч. ред.). Тула: ТГПУ им. Л.Н.Толстого [Yarcev S.V., Zubarev V.G., Butovskij A.Yu. 2015: Greko-varvarskij Krym v period pozdnej antichnosti (III–IV vv. n.e.: ot morskikh pohodov do bitvy pri Adrianopole). Pod nauch. red. A.A. Maslennikova. Tula: TGPU im. L.N.Tolstogo].
- Яценко С.А.* 2001: Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья. М.: Восточная литература [Yacenko S.A. 2001: Znaki-tamgi iranoyazychnyh narodov drevnosti i rannego srednevekov'ya. M.: Vostochnaya literatura].

- Negin A., Kamisheva M.* 2018: Armour of the Cataphractarius from the «Roshava Dragana» Burial Mound // *Archaeologia Bulgarica*. XXII.1.45–70.
- КАППАДОКИЙСКИЕ ВЫПУСКИ ТЕТРАДРАХМ АНТИОХА VII: К ПРОБЛЕМЕ «НЕВАРВАРСКИХ ПОДРАЖАНИЙ» В ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОЙ НУМИЗМАТИКЕ (СМИРНОВ С.В.) / CAPPADOCIAN ISSUES OF TETRADRACHMS OF ANTIOCHOS VII: ABOUT «NON-BARBAROUS IMITATIONS» IN HELLENISTIC COINAGE (Svyatoslav V. SMIRNOV)*
- Габелко О.Л.* 2005: История Вифинского царства. СПб: Гуманитарная академия [Gabelko O.L. 2005: *Istoriya Vifinskogo tsarstva*. SPb: Gumanitarnaya akademiya].
- Зеймаль Е.В.* 1975: «Варварские подражания» как исторический источник // *Сообщения Государственного Эрмитажа*. Л.: Аврора, XL. 56–61 [Zeymal' E.V. 1975: 'Varvarskie podrazhaniya' kak istorichesky istochnik // *Soobstcheniya Gosudarstvennogo Ermitazha*. L.: Avrora, XL. 56–61].
- Коваленко С.А.* 2007: О проблеме подражания (копирования) в греческой нумизматике // *Вестник древней истории*. 4. 115–123 [Kovalenko S.A. 2007: O probleme podrazhaniya (kopirovaniya) v grecheskoi numizmatike // *Vestnik drevnei istorii*. 4. 115–123].
- Смирнов С.В.* 2021: Иконография как триггер? К проблеме «варварских подражаний» монетам Селевкидов // *Цивилизация и варварство*. Вып. X. 219–233 [Smirnov S.V. 2021: Ikonografiya kak trigger? K probleme «varvarskikh podrazhanii» monetam Selevkidov // *Tsivilizatsiya i varvarstvo*. Вып. X. 219–233].
- de Callatay F.* 1997: L'histoire des guerres mithridatiques vue par les monnaies. Louvain-la-Neuve: Département d'archéologie et d'histoire de l'art.
- de Callatay F.* 2012: Royal Hellenistic Coinages: from Alexander to Mithradates. The Oxford Handbook of Greek and Roman Coinage. W. Metcalf (ed.). Oxford: Oxford University Press. 175–190.
- Glew D.G.* 1987: The Cappadocian expedition of Nicomedes III Euergetes, King of Bithynia // *American Numismatic Society Museum Notes*. 23–55.
- Houghton A., Lorber C., Vesely P.* 2006: Cappadocian Tetradrachms in the Name of Antiochus VII. *Numismatic Chronicle*. Vol. 166. 49–98.
- Jakobsson J.* 2013: Numismatic evidence for dating the independence of Commagene to 150 BC? // *Journal of the Oriental Numismatic Society*. 2–4.

- Krengel E., Lorber C.* 2009: Early Cappadocian Tetradrachms in the name of Antiochus VII. *Numismatic Chronicle*. Vol. 169. 51–104.
- Meadows A.* 2001: Money, Freedom, and Empire in the Hellenistic World // *Money and its Uses in the Ancient Greek World* / A. Meadows, K. Shipton (eds.). Oxford. 53–63.
- Mørkholm O.* 1978: The coinages of Ariarathes VI and Ariarathes VII of Cappadocia // *Schweizerische numismatische Rundschau*. 144–163.
- Simonetta B.* 1997: *The Coins of the Cappadocian Kings*. Fribourg: Office du livre.
- Simonetta A.* 2007: *The Coinage of the Cappadocian Kings: a Revision and a Catalogue of the Simonetta Collection*. *Parthica*. Vol. 89. 11–120.
- ОТ СЛОВА — К ДЕЛУ: ВЕРБАЛЬНОЕ И ФИЗИЧЕСКОЕ ВАРВАРСТВО КАК ИНДИКАТОР ЦИВИЛИЗОВАННОГО ОБЩЕСТВА (КУЗЬМИНА М.В.) / FROM WORD TO ACTION: VERBAL AND PHYSICAL BARBARISM AS AN INDICATOR OF A CIVILIZED SOCIETY (Margarita V. KUZ'MINA)*
- Алексеев С.В.* 2007: Понятие цивилизации и европейские цивилизации Средневековья / Историческое обозрение. № 8, б / с. [Alekseev S.V. 2007: Ponyatie tsivilizatsii i evropeiskie tsivilizatsii Srednevekov'ya / Istoricheskoe obozrenie .№ 8, b / s] — [https:// cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-tsivilizatsii-i-evropeyskie-tsivi lizatsii-srednevekovya](https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-tsivilizatsii-i-evropeyskie-tsivi-lizatsii-srednevekovya) (октябрь, 2023).
- Буданова В.П.* 2022: Гендер в истории варварства // Цивилизация и варварство. Гендерные парадоксы варварства / В.П. Буданова (ред.). М.: Аквилон. XI. 9–25 [Budanova V.P. 2022: Gender v istorii varvarstva // Tzivilizatsiya i varvarstvo. Gendernye paradoksy varvarstva. XI, 9–25].
- Иоффе Е.В.* 2017.: Нормы маскулинности и сексуальность мужчин // Вестник СВФУ. № 3 (07), 51-62 [Ioffe E.V. 2017: Normy muskulinnosti i seksual'nost muzhchin // Vestnik SVFU. № 3 (07), 51–62].
- Клёцина И.С., Иоффе Е.В.* 2015: Гендерный подход в анализе причин проявления насилия в близких отношениях между мужчиной и женщиной // Женщина в российском обществе. № 1, 4-17 [Kliotsina I.S., Ioffe E.V. 2015: Gendernyi podkhod v analize prichin proyavleniya nasiliya v blizkikh otnosheniyakh mezhdmu muschchinoj I zhenschinoj // Zhenschina v rossiiskom obschestve. №1, 4017].
- Лоренц Конрад.* 1994: Агрессия (так называемое зло) / Пер. с немец. Г.Ф. Швейник. М. [Lorentz Konrad 1994: Agressiya (tak nazyvaemoe zlo) / Per. s nemetz. G.Ph. Shveinik. M.].

- Мельник В.И.* 1999: Цивилизованность как мера развития индивида и общества. Екатеринбург [Mel'nik V.I. 1999: Tsivilizovannost' kak mera razvitiya individa i obschestva. Ekaterinburg].
- Тогоева О.И.* 2006: «Истинная правда». Языки средневекового правосудия. М. [Togoeva O.V. 2006: «Istinnaya pravda». Yazyki srednevekovogo pravosudiya. M.]
- Choix de pièces inédites relatives au règne de Charles VI, publiées pour la Société de l'histoire de France / Éd. L.-C. Douët d'Arque. 2 vol.: P., 1863–1864. 1864. Vol.– 2.
- Dictionnaire ancien français (Moyen Âge). — www.lexilogos.com (October, 2023).

***К РАЗДЕЛУ III: В ЛАБИРИНТЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ /
TO CHAPTER III: IN THE LABYRINTH
OF INTERPRETATION***

*СОВРЕМЕННЫЙ ДИСКУРС О ПРОИСХОЖДЕНИИ БРЕТОНЦЕВ:
ТЕНДЕНЦИИ КЕЛЬТОСКЕПТИЦИЗМА (ЛЮБАРТ М.К.) /
CONTEMPORARY DISCOURSE ON THE ORIGINS
OF THE BRETONS: TENDENCIES OF CELTOSKEPTICISM
(Margarita K. LYUBART)*

- Любарт М.К., Симон Ж.-Ф.* 2009: Бретонская этнология: от истоков к современности // Этнографическое обозрение. 3. 78–100 [Lyubart M.K., Simon J.-F. 2009: Breton ethnology: from origins to the present // Ethnographic Review. 3. 78–100].
- Шестакова Н.Ф.* 2023: Панкельтизм как форма культурного сотрудничества кельтских народов во второй половине XIX – начале XX веков // Научный диалог. 12. 3. 497–513 [Shestakova N. F. 2023: Pan-Celticism as a form of cultural cooperation of the Celtic peoples in the second half of the 19th – early 20th centuries // Scientific dialogue. 12. 3. 497–513].
- Voquen M.* L'exposition «Celtique?» contrarie les Bretons. — https://www.lemonde.fr/m-le-mag/article/2022/11/26/l-exposition-celtique-contrarie-les-bretons_6151705_4500055.html (октябрь, 2023).
- Botorel A.* 1982: Notes sur les Etudes celtiques // Bulletin de l'Association bretonne. Paris, KV, XIII. 6.

- Celtique? La Bretagne et son héritage celtique. 2022: Celtique? La Bretagne et son héritage celtique. Coédition Musée de Bretagne, Rennes.
- Celtique? La Bretagne et son héritage celtique. — <https://www.locus-solus.fr/product-page/celtique/> (октябрь, 2023).
- Colloque Bretagne... celtique! — <https://abp.bzh/colloque-bretagne-celtique-57898/> (октябрь, 2023).
- Cornette J.* 2008: Histoire de la Bretagne et des Bretons. T. 1 : Des âges obscurs au règne de Louis XIV. Le Seuil, 733 p.
- Cunliffe B., Galiou P. et collabs.* 2005: Les fouilles du Yaudet en Ploulec'h, Côtes-d'Armor. vol. 2 : Le site : De la Préhistoire à la fin de l'Empire gaulois, Oxford, Oxford University School of Archaeology (Monograph 63).
- Dubois C.-G.* 2002: Celtes et Gaulois au XVIe siècle. le developpement litteraire d'un mythe nationaliste. Paris.
- Galiou P.* 1989: Carte archéologique de la Gaule: Le Finistère, Paris, Éditions de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres.
- Galiou P. et alii.* 2009: Carte archéologique de la Gaule: Le Morbihan, Paris, Académie des Inscriptions et Belles-Lettres, Ministère de l'Éducation Nationale, Ministère de la Recherche, Ministère de la Culture et de la Communication, Maison des Sciences de l'Homme.
- Gendry M.* Vous avez dit «Celtique»? La part des Celtes dans la péninsule armoricaine. — <https://abp.bzh/la-part-des-celtes-dans-la-peninsule-armoricaine-de--55842/> — 2022 (октябрь, 2023).
- Halimi F.* Bretagne insolite: esprit celte, es-tu là? — [https://www.lefigaro.fr/lefigaromagazine/2010/08/07/01006-20100807ARTFIG00007-bretagne-insolite-esprit-celte-es-tu-la.php/Publié le 07/08/2010](https://www.lefigaro.fr/lefigaromagazine/2010/08/07/01006-20100807ARTFIG00007-bretagne-insolite-esprit-celte-es-tu-la.php/Publié%20le%2007/08/2010) (Интервью; октябрь, 2023).
- Lecerf Y.* 2014a: La bretagne prehistorique : les peuplements, des origines a la conquete romaine. Skol Vreizh.
- Lecerf Y.* 2014b: Les peuplements, des origines à la conquête romaine. Skol Vreizh.
- Lecerf Y.* 2017: Bretons et Celtes les incertitudes de la celtitude : quand le monde de l'archéologie s'interroge. Feuillage.
- Lecerf Y.* 2023: Une autre histoire de la Bretagne: au-delà du mythe celte. Blackléphant.
- Le Coadic R.* 1998: L'identité bretonne. Rennes, Presses universitaires de Rennes.

- Le Coadic R.* (Professeur à l'université Rennes 2. <https://lecoadic.net>). — <https://blogs.mediapart.fr/r-le-coadic/blog/100822/exposition-celtique-de-la-partialite-la-post-verite-1>; «Exposition « Celtique?»: de la partialité à la post-vérité?» (октябрь, 2023).
- Le Coadic R.* Manipulation idéologique au musée de Bretagne. Mediapart, 29 juin 2022. — <https://blogs.mediapart.fr/r-le-coadic/blog/290622/manipulation-ideologique-au-musee-de-bretagne/> (октябрь, 2023).
- Le Lez J.- J.* Les Bretons sont-ils des Celtes? — <https://www.retro29.fr/les-bretons-sont-ils-des-celtes/> (октябрь, 2023).
- Laurent D.* 1990: Le juste milieu: réflexion sur un rituel de circumambulation millénaire: la troménie de Locronan. Documents d'ethnologie régionale. Vol. 11. 255–292.
- Mazeau G.* 2020: La Révolution française et les ancêtres gaulois: les ambiguïtés d'une généalogie politique du peuple // Parlement[s]. Revue d'histoire politique. N°32, n° 2. 77.
- Postic F., Simon J.-F.* 2006: Bretagne et ethnologie // ArMen, 11-12 (155), 6–15.
- Qu'on se le dise : les Bretons ne sont pas celtes. (интервью) / la Nouvelle République.fr. — <https://www.lanouvellerepublique.fr/france-monde/qu-on-se-le-dise-les-bretons-ne-sont-pas-celtes/> (октябрь, 2023).
- Rio J.* 2008: Entre Orient et Occident : le mythe des origines dans les textes bretons // Annales de Bretagne et des Pays de l'Ouest. 2 (115). 21–36. — <https://doi.org/10.4000/abpo.327> (октябрь, 2023).
- Yann-Vadezour ar Rouz.* 2022: Le musée de Bretagne contraint de revoir le contenu de l'exposition «Celtique?»: — <http://justicepournoslangues.fr/actualites/2022/le-musee-de-bretagne-contraint-de-revoir-le-contenu-de-l-exposition-celtique.html> (октябрь, 2023).
- Un chercheur met les Bretons au régime sans celte. — <https://www.ouest-france.fr/bretagne/dol-de-bretagne-35120/un-chercheur-met-les-bretons-au-regime-sans-celte-4245572> / (октябрь, 2023).
- Une résidence de la noblesse gauloise. 2020: Une résidence de la noblesse gauloise. Le camp de Saint-Symphorien à Paule (Côtes-d'Armor) / Menez Y. (dir.). Éditions de la MSH, Paris.

*ИНТЕРПРЕТАЦИЯ РИМСКОЙ ИСТОРИИ ЦАРСКОГО ПЕРИОДА
В ХРИСТИАНСКИХ АПОЛОГИЯХ (ХОРЬКОВА И.В.) /*

*INTERPRETATION OF THE ROYAL PERIOD ROMAN
HISTORY IN CHRISTIAN APOLOGIES (Irina V. KHORKOVA)*

- Августин Аврелий.* 1994: О граде Божьем. М.: Издательство Валаамского монастыря. Т. 1 [Avgustin Avrelii. 1994: O grade Bozh'em. M.: Izdatel'stvo Valaamskogo mo-nastyrua. T. 1].
- Арнобий.* 2008: Против язычников. Пер. Дроздова Н.М. СПб.: Издательство СПб. университета [Arnobii. 2008: Protiv yazychnikov. Per. Drozdova N.M. SPb.: Izdatel'stvo SPb universiteta].
- Дионисий Галикарнасский.* 2005: Римские древности / И.Л. Маяк (отв. ред.). М.: Рубежи XXI века [Dionisii Galikarnasskii. 2005: Rimskie drevnosti / I.L. Mayak (otv. red.). M.: Rubezhi XXI veka].
- Лактанций.* 2007: Божественные установления / Пер. В.М. Тюленева. СПб.: Издательство Олега Абышко [Laktantsii. 2007: Bozhestvennyye ustanovleniya / Per. V.M. Tyuleneva. SPb.: Izdatel'stvo Olega Abyshko].
- Ливий Тит.* 1989: История Рима от основания Города / Е.С. Голубцова (отв. ред.). М.: Наука [Livii Tit. 1989: Istoriya Rima ot osnovaniya Goroda / E.S. Golubtsova (otv. red.). M.: Nauka].
- Овидий.* 1973: Элегии и малые поэмы. М.: Художественная литература [Ovidii. 1973: Ehlegii i malye poehmy. M.: Khudozhestvennaya literatura].
- Плутарх.* 1994: Сравнительные жизнеописания / Пер. С.П. Маркиша. М.: Наука. Т. 1 [Plutarkh. 1994: Sravnitel'nye zhizneopisaniya / Per. S.P. Markisha. M.: Nauka. T. 1].
- Arnobii.* 1875: Adversus nationes libri septem / Hrsg. Von A. Reifferscheid. Vindobonae.
- Aurelii Augustini.* 1921: De civitate Dei. Lipsiae in aedibus D. G. Teubneri.
- Dionysii Halicarnasei.* 1885: Antiquitatum Romanarum / Ed. C. Jacoby. Teubner I.
- Lactantii Lucii Coelii Firmiani.* 1890: Opera omnia / Ed. S.Brandt et G.Laubmann. Vindobonae: F.Tempsky.
- Livi T.* 1967: Ab urbe condita. Cambridge: Harvard University Press.
- Plinii.* 1963: Naturalis historiae. Cambridge: Harvard University Press.
- Андреев Ю.В.* 1990: Поэзия мифа и проза истории. Ленинград: Лениздат [Andreev YU.V. 1990: Poehziya mifa i proza istorii. Leningrad: Lenizdat].

- Бондаренко М.Е.* 2020: Ромул. М.: Молодая гвардия [Bondarenko M.E. 2020: Romul. M.: Molodaya gvardiya].
- Братухин А.Ю.* 2016: Поиск литературного стиля в ранней церкви в творениях Климента Александрийского и Тертуллиана. СПб.: Издательство Олега Абышко [Bratukhin A.YU. 2016: Poisk literaturnogo stilya v rannei tserkvi v tvoreni-yakh Klimenta Aleksandriiskogo i Tertulliana. SPb.: Izdatel'stvo Olega Abyshko].
- Бычков В.В.* 1995: Aesthetica patrum. Эстетика отцов церкви. I. Апологеты. Блаженный Августин. М.: Ладомир [Bychkov V.V. 1995: Aesthetica patrum. Ehstetika ottsov tserkvi. I. Apologety. Blazhennyi Avgustin. M.: Ladoimir].
- Лосев А. Ф.* 1996: Мифология греков и римлян. М.: Мысль [Losev A. F. 1996: Mifologiya grekov i rimlyan. M.: Mysl'].
- Маяк И.Л.* 1983: Рим первых царей. М.: Издательство МГУ [Mayak I.L. 1983: Rim pervykh tsarei. M.: Izdatel'stvo MGU].
- Маяк И.Л.* 2015: Римские древности по Авлу Геллию: история, право. М.: Аргамак-Медиа [Mayak I.L. 2015: Rimskie drevnosti po Avlu Gelliyu: istoriya, pravo. M.: Argamak-Media].
- Трунов И.Л., Мельник В.В.* 2011: Искусство речи в суде присяжных. М.: Юрайт [Trunov I.L., Mel'nik V.V. 2011: Iskusstvo rechi v sude prisyazhnykh. M.: Yurait].
- Тюленев В.М.* 2000: Лактанций: христианский историк на перекрестке эпох. СПб.: Алетейя [Tyulenev V.M. 2000: Laktantsii: khristianskii istorik na perekrestke epokh. SPb.: Aleteiya].
- Штаерман Е.М.* 1985: От религии общины к мировой религии. I. В сб.: Культура древнего Рима. М.: Наука, 106–210 [Shtaerman E.M. 1985: Ot religii obshchiny k mirovoi religii. I. V sb.: Kul'-tura drevnego Rima. M.: Nauka, 106–210].
- Штаерман Е.М.* 1987: Социальные основы религии древнего Рима. М.: Наука [Shtaerman E.M. 1987: Sotsial'nye osnovy religii drevnego Rima. M.: Nauka].
- Bayet J.* 1969: Histoire politique et psychologue de la religion Romaine. Paris: Payot.
- De Francisci P.* 1959: Primordia civitatis. Roma: Apollinaris.

*БАСТАРНЫ. ПРОБЛЕМА ИСТОРИЧЕСКОЙ
И ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ (ГУСАКОВ М.Г.) /
BASTARNAE: THE PROBLEM OF HISTORICAL
AND ETHNOGRAPHIC IDENTIFICATION (Mikhail G. GUSAKOV)*

- Страбон*. География. М. 1994 [Strabon. Geografiya. M. 1994].
- Тацит Корнелий*. Анналы. Малые произведения. 1–2 том. Л. 1969 [Tatsit Kornelii. Annaly. Malye proizvedeniya. 1–2 tom. L. 1969].
- Юлий Цезарь Г.* Записки Юлия Цезаря и его продолжателей о Галльской войне, о Гражданской войне, об Александрийской войне, об Африканской войне. М., Л. 1948 [Yulii Tsezar' G. Zapiski Yuliya Tsezarya i ego prodolzhateli o Gall'skoi voine, o Grazhdanskoj voine, ob Aleksandrijskoj voine, ob Afrikanskoj voine. M., L. 1948].
- Шелов-Коведяев Ф.В.* 1994: Плиний. Тацит. Птоломей // Свод древнейших письменных известий о славянах. Том I (I–VI вв.) [Shelov-Kovedyaev F.V. 1994: Plinii. Tatsit. Ptolomei // Svod drevneishikh pis'mennykh izvestii o slavyanakh. Tom I (I–VI vv.)].
- Амброз А.К.* 1969: Рецензия на книгу Хахмана. Народы между германцами и кельтами // СА. 4. 266–272 [Ambroz A.K. 1969: Retsenziya na knigu Khakhmana. Narody mezhdru germantsami i kel'tami // SA. 4. 266–272].
- Амброз А.К.* 1974: Рецензия на книгу Хахмана. Готы и Скандинавия // СА. 3. 274–278 [Ambroz A.K. 1974: Retsenziya na knigu Khakhmana. Goty i Skandinavija // SA. 3. 274–278].
- Бобринский А.А.* 1978: Гончарство Восточной Европы. Москва [Bobrinskii A.A. 1978: Goncharstvo Vostochnoi Evropy. Moskva].
- Буданова В.П.* 1991: Этнонимия племен Западной Европы: рубеж античности и средневековья. М. 1991 [Budanova V.P. 1991: Ehtnonimiya plemen Zapadnoi Evropy: rubezh antichnosti i srednevekov'ya. M. 1991].
- Гусаков М.Г.* 2005: К вопросу о происхождении обряда сожжения в урне и без неё // Теоретические и методические подходы к изучению погребального обряда в современной археологии. Тезисы докладов всесоюзной научной конференции. М. 31–32 [Gusakov M.G. 2005: K voprosu o proiskhozhdenii obryada sozhzheniya v urne i bez nee // Teoreticheskie i metodicheskie podkhody k izucheniyu pogrebal'nogo obryada v sovremennoi arkheologii. Tezisy dokladov vsesoyuznoi nauchnoi konferentsii. M. 31–32].
- Гусаков М.Г.* 2008: Погребения на городищах лесной полосы железного века. Милоградские и Юхновские погребальные комплексы // Российско-Белорусско-Украинское пограничье: проблемы формирования еди-

- ного социокультурного пространства — истории и перспективы. Тезисы докладов. Брянск. 44–46 [Gusakov M.G. 2008: Pogrebeniya na gorodishchakh lesnoi polosy zheleznogo veka. Milogradskie i Yukhnovskie pogrebal'nye komplekсы // Rossiisko-Belorusko-Ukrainskoe pogranič'je: problemy formirovaniya edinogo sotsiokul'turnogo pro-stranstva — istorii i perspektivy. Tezisy dokladov. Bryansk. 44–46].
- Длугош Я.* 1962: Грюнвальдская битва. М. – Л. [Dlugosh YA. 1962: Gryunval'dskaya bitva. M. – L.]
- Зеленин Д.К.* 1994: К вопросу о русалиях (Культ покойников, умерших естественной смертью, у русских и финнов) // Избранные труды. Статьи по духовной культуре 1901–1913. М. 230–298 [Zelenin D.K. 1994: K voprosu o rusaliyakh (Kul't pokoinikov, umershikh ne-estestvennoyu smert'yu, u russkikh i finnov) // Izbrannyye trudy. Stat'i po dukhov-noi kul'ture 1901–1913. M. 230–298].
- Кнабе Г.С.* 1985: Историческое пространство и историческое время в культуре Древнего Рима // Культура Древнего Рима. М. 108–166 [Knabe G.S. 1985: Istoricheskoe prostranstvo i istoricheskoe vremya v kul'tu-re Drevnego Rima // Kul'tura Drevnego Rima. M. 108–166].
- Колосовская Ю.К.* 1988: Кельты, иллирийцы, фракийцы на Дунае в V–I вв. до н.э. // История Европы. Древняя Европа. М., I. 504–512 [Kolosovskaya YU.K. 1988: Kel'ty, illiriitsy, frakiitsy na Dunae v V–I vv. do n.eh. // Istoriya Evropy. Drevnyaya Evropa. M., I. 504–512].
- Кухаренко Ю.В.* 1964: Зарубинецкая культура // САИ, ДТ-19, М. [Kukhareenko YU.V. 1964: Zarubinetskaya kul'tura // SAI, DT-19, M.].
- Кухаренко Ю.В.* 1978: О так называемых зарубинецких памятниках в Подолии // Проблемы советской археологии. М. [Kukhareenko YU.V. 1978: O tak nazyvaemykh zarubinetskikh pamyatnikakh v Podo-lii // Problemy sovet'skoi arkheologii. M.].
- Максимов Е.В.* 1978: Зарубинецкая культура // Проблемы этногенеза славян. Киев. [Maksimov E.V. 1978: Zarubinetskaya kul'tura // Problemy ehtnogeneza slavyan. Kiev].
- Максимов Е.В.* 1993: Зарубинецкая культура. Могильники. Периодизация и хронология // Археология СССР. Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н.э. — первой половине I тысячелетия н.э. М. 85–93 [Maksimov E.V. 1993: Zarubinetskaya kul'tura. Mogil'niki. Periodizatsiya i khronologiya // Arkheologiya SSSR. Slavyane i ikh sosedi v kontse I tysyacheletiya do n.eh. — pervoi polovine I tysyacheletiya n.eh. M. 85–93].

- Мачинский Д.А.* 1963: О хронологии некоторых типов вещей, датирующих памятники зарубинецкой культуры, памятники Поянешти-Лукашевка и сходные с ними // КСИА. 94. 20–28 [Machinskii D.A. 1963: O khronologii nekotorykh tipov veshchei, datiruyushchikh pamyatniki zarubinetskoj kul'tury, pamyatniki Poyneshti-Lukashevka i skhodnye s nimi // KSIA. 94. 20–28].
- Мачинский Д.А.* 1966а: К вопросу о датировки, происхождении и этнической принадлежности памятников типа Поянешти-Лукашевка // Археология Старого и Нового Света. М. [Machinskii D.A. 1966a: K voprosu o datirovki, proiskhozhdenii i etnicheskoi prinadlezhnosti pamyatnikov tipa Poyneshti-Lukashevka // Arkheologiya Starogo i Novogo Sveta. M.].
- Мачинский Д.А.* 1966б: К вопросу о происхождении зарубинецкой культуры // КСИА. 107. 3–8 [Machinskii D.A. 1966b: K voprosu o proiskhozhdenii zarubinetskoj kul'tury // KSIA. 107. 3–8].
- Мачинский Д.А.* 1973: Кельты на землях к востоку от Карпат // АСГЭ. 15 [Machinskii D.A. 1973: Kel'ty na zemlyakh k vostoku ot Karpat // ASGEN. 15].
- Никитина В.В.* 1965: Памятники поморской культуры в Белоруссии и на Украине // СА. 1. 196–197 [Nikitina V.B. 1965: Pamyatniki pomorskoj kul'tury v Belorussii i na Ukraine // SA. 1. 196–197].
- Седов В.В.* 1970: Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья // МИА. 163 [Sedov V.V. 1970: Slavyane Verkhnego Podneprov'ya i Podvin'ya // MIA. 163].
- Седов В.В.* 2005: Славяне. Древнерусская народность // Избранные труды. М. [Sedov V.V. 2005: Slavyane. Drevnerusskaya narodnost' // Izbrannye trudy. M.].
- Третьяков П.Н.* 1966: Финны-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. Ленинград [Tret'yakov P.N. 1966: Finny-ugry, balty i slavyane na Dnepre i Volge. Leningrad].
- Терпиловский Р.В.* 2004: Славяне Поднепровья в первой половине I тысячелетия н.э. // Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Sklodowskiej. Lublin [Terpilovskii R.V. 2004: Slavyane Podneprov'ya v pervoi polovine I tysyachele-tiya n.eh. // Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Sklodowskiej. Lublin].
- Филлип Я.* 1961: Кельтская цивилизация и её наследие. Прага [Filipp YA. 1961: Kel'tskaya tsivilizatsiya i ee nasledie. Praga].
- Шкунаев С.В.* 1988: Кельты в Западной Европе в V–I вв. // История Европы. Древняя Европа. М., I. 492–503 [Shkunaev S.V. 1988: Kel'ty v Zapadnoi Evrope v V–I vv. // Istoriya Evropy. Drevnyaya Evropa. M., I. 492–503].

- Щукин М.Б.* 1994: На рубеже эр. СПб. [Shchukin M.B. 1994: Na rubezhe ehr. SPb.].
- Щукин М.Б.* 1999: Забытые бастарны // STRATUM plus. №5. 75–90 [Shchukin M.B. 1999: Zabytye bastarny // STRATUM plus. №5. 75–90].
- Щукин М.Б.* 2005: Готский путь. СПб. [Shchukin M.B. 2005: Gotskii put'. SPb.].
- Czopek S.* 1989: Kultura pomorska a kultura zarubinecka. Z badan nad shykova faza kultury pomorsskiej we Wshodnej Lubelszczezne // Memoires Archeologiques. Lublin.
- Dabrowska T.* 1977: Proba ustalenia chronologii wzglednej cmentarzysk kloszowych z obszaru Mazowsza // Wiadomosci Archeologiczne, Warszawa, LXII. 2. 117–135.
- Godlowski K.* 1979: Z badan nad zagadnieniem rozprestrzenienia slowian w V–VII w.n.e. Krakow.
- Ebert M.* 1926–1932: Reallexikon der Vorgeschichte. Berlin. Bd. 1–10.
- Jankuhn H.* 1933: Zur Besiedlung des Samlands in der alteren romischen Keiserzeit. Prussia. 30. 1.
- Hachman R, Kossack G, Kuhn H.* 1962: Volker zwischen Germanen und Kelten. Neummunster.
- Hachmann R.* 1970: Die Goten und Skandinavien. Berlin.
- Kossinna G.* 1902: Die indogermanische Frage arheologisch beantwortet // Zeitschrift fur Ethnologie. 34. 161–222.
- Kossinna G.* 1912: Die Herkunft der Germanen. Zur Methoden der Siedlungsarcheologie. Wurzburg.
- Kossinna G.* 1927: Ursprung und Verbreitung der Germanen in vor- und fruhgeschichtlicher Zeit // Mannus-Bibliothek. Leipzig. 6.
- Kossinna G.* 1934: Die Deutsche Vorgeschichte eine hervorragend nationale Wissenschaft // Mannus-Bibliothek. Leipzig. 9.
- Malinowski T.* 1979a: Wprowadzenie do problematiki kultury pomorskiej // Problemy kultury pomorskiej. Muzeum okregowe Koszalin. Koszalin. 7–11.
- Malinowski T.* 1979b: Problem genezy popielnic domkowych i twarzowych kultury pomorskiej // Problemy kultury pomorskiej. Muzeum okregowe Koszalin. Koszalin. 95–123.
- Okulicz J.* 1973: Pradzieje ziem pruskich od poznego paleolitu do VII w. n.e. Wroclaw – Warszawa – Krakow – Gdansk.
- Schwantes G.* 1909: Die Gräber der ältesten Eisenzeit im östlichen Hannover // Praehistorische Zeitschrift. Berlin. I.

- Shchukin M., Kazanski M., Sharov O.* 2006: Des Goths aux Huns: Le Nord de la mer Noire au Bas –Empire et a l'époque des Grandes Migrations. Oxford (BAR –IS 1535).
- Schwantes G.* 1911: Die Altesten Urnenfriedhofe bei Uelsen und Luneburg. Hannover. I.
- Tackenberg K.* 1929: Die Bastarnen. München.
- Urbanek H.* 1941: Die frühen Flachgraberfelder Ostpreussens. Königsberg und Berlin. 62.
- Wolagiewicz R.* 1977: Kregi kamienne w Grzybnicy. Koszalin.
- ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДИФФАМАЦИЯ И ПУБЛИЧНОЕ НАСИЛИЕ ПРИ МЕРОВИНГСКОМ ДВОРЕ В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ VI В. (САЗОНОВА А.А.) /*
- POLITICAL DEFAMATION AND PUBLIC VIOLENCE AT THE MEROVINGIAN COURT IN THE LAST THIRD OF THE 6TH CENTURY (Anna A. SAZONOVA)*
- Fredegarius. 1888: Fredegarii et aliorum Chronica. Vitae sanctorum / В. Krusch (hrsg.) // MGH SRM II. Hannoverae; <Фредегар> 2015: Хроники Фредегара / Г.А. Шмидт (пер.). СПб. [<Fredegar> 2015: Hroniki Fredegara / G.A. Shmidt (per.). SPb.]
- Gregorii episcopi Turonensis. 1951: Historiarum libri X / В. Krusch, W. Levison (hrsg.) // MGH SRM I.1. Hannoverae; Григорий Турский. 1987: История франков / В.Д. Савукова (пер.). М. [Grigorij Turskij. 1987: Istorija frankov / V.D. Savukova (per.). М.]
- <Anonymus> 1888: Liber historiae Francorum / В. Krusch (hrsg.) // MGH SRM II. Hannoverae, 215–328.
- Venantius Fortunatus. 2004: Venance Fortunat. Poèmes (Livres IX–XI) / М. Reydellet (ed., trad.). Tome III. P.; Фортунат Венанций. 2009: Избранные стихотворения / Р.Л. Шмарakov (пер.). М. [Fortunat Venancij. 2009: Izbrannye stihotvorenija / R.L. Shmarakov (per.). М.]
- <Аноним> 2019: Деяния Дагоберта, короля франков / Г.А. Шмидт (пер., комм.) // Династия Каролингов. От королевства к империи, VIII–IX века. Источники / А.И. Сидоров (ред.). СПб., 96–170. [<Anonim> 2019: Dejanija Dagoberta, korolja frankov / G.A. Shmidt (per., komm.) // Dinastija Karolingov. Ot korolevstva k imperii, VIII–IX veka. Istochniki / A.I. Sidorov (red.). SPb., 96–170].
- Салическая правда. 1950: Салическая правда [Lex Salica] / Н.П. Грацианский (пер.). М.; Lex Salica. 1991: The Laws of the Salian

- franks / K. Fischer Drew (trans.). Philadelphia [Salicheskaja pravda. 1950: Salicheskaja pravda [Lex Salica] / N.P. Gracianskij (per.). M.; Lex Salica. 1991: The Laws of the Salian franks / K. Fischer Drew (trans.). Philadelphia].
- Буданова В.П.* 2022: Гендер в истории варварства (Вместо предисловия) // ЦиВ. XI, 9–26 [Budanova V.P. 2022: Gender v istorii varvarstva (Vместo predislovija) // CiV. XI, 9–26].
- Дюмезиль Б.* 2012: Королева Брунгильда / М.Ю. Некрасов (пер.). СПб. [Djumezil' B. 2012: Koroleva Brungil'da / M.Ju. Nekrasov (per.). SPb.]
- Матюшина И.Г.* 2019: Нарушение канона типовой сцены в древневерхненемецком эпосе // Фольклор: структура, типология, семиотика. 1 (3), 104–137 [Matjushina I.G. 2019: Narushenie kanona tipovoj sceny v drevneverhnenemeckom jepose // Fol'klor: struktura, tipologija, semiotika. 1 (3), 104–137].
- Матюшина И.Г.* 2011: Перебранка в древнегерманской словесности. М. [Matjushina I.G. 2011: Perebranka v drevnegermanskoj slovesnosti. M.]
- Сазонова А.А.* 2022: Королевы Меровингов и германская политическая культура: гендерные особенности у франков в VI веке // ЦиВ. XI, 229–262 [Sazonova A.A. 2022: Korolevy Merovingov i germanskaya politicheskaya kul'tura: gendernye osobennosti u frankov v VI veke // TsiV. XI, 229–262].
- Сазонова А.А.* 2021: Крещение Хлодвига как социокультурный триггер в меровингской политике // ЦиВ. X, 255–281 [Sazonova A.A. 2021: Kreshhenie Hlodviga kak sociokul'turnyj trigger v merovingskoj politike // CiV. X, 255–281].
- Du Cange.* 1938: Glossarium Mediae et Infimae Latinitatis. P., T. IV. 360–361.
- Collins R.* 1983: Early Medieval Spain: Unity in Diversity, 400–1000. L.
- Dolan A.* 2012: “You Would Do Better to Keep Your Mouth Shut”: The Significance of Talk in Sixth-Century Gaul // The Proceedings of the Western Society for French History. 40, 1–14.
- Ewig E.* 1991: Die Namengebung bei den ältesten Frankenkönigen und im merowingischen Königshaus // Francia. 18 (1), 21–69.
- Ewig E.* 1974: Studien zur merowingischen Dynastie // Frühmittelalterliche Studien. 8 (1), 15–59.
- George J.* 1989: Poet as politician: Venantius Fortunatus' panegyric to King Chilperic // Journal of Medieval History. 15, 5–18.
- Gradowicz-Pancer N.* 2002: De-gendering female violence: Merovingian female honour as an ‘exchange of violence’ // Early Medieval Europe. 11 (1), 1–18.

- Halsall G.* 2007: The Preface to Book V of Gregory of Tours' Histories: Its Form, Context and Significance // *English Historical Review*. CXXII (496), 299–304.
- Hartmann M.* 2004: Die Darstellung der Frauen im Liber Historiae Francorum und die Verfasserfrage // *Concilium medii aevi*. 7, 209–237.
- Joye S.* 2010: Gagner un genre, perdre des fils: désaccords familiaux sur le choix d'un allié au haut Moyen Âge // *La Parenté déchirée: les luttes intrafamiliales au Moyen Âge* / M. Aurell (éd.). Turnhout, 79–94.
- Keely A.* 1997: Early Medieval Narrative: The Political Ideas of Gregory of Tours // *Parergon*. 14 (2), 129–141.
- Newbold R.* 1994: Interpersonal Violence in Gregory of Tours' Libri Historiarum // *Nottingham Medieval Studies*. 38, 3–17.
- Newbold R.* 2007: The Nature of Anger in Gregory of Tours' Libri Historiarum // *Nottingham Medieval Studies*. 51, 21–39.
- Newbold R.* 2006: Secondary responses to fear and grief in Gregory of Tours' Libri Historiarum // *Studia Humaniora Tartuensia*. 7.A.6, 1–23.
- Pancer N.* 2010: Violence domestique ou conflits politiques? Le cas des Mérovingiennes // *La Parenté déchirée: les luttes intrafamiliales au Moyen Âge* / M. Aurell (éd.). Turnhout, 63–78.
- Smith J.* 2009: "Carrying the cares of state": gender perspectives on early medieval 'Staatlichkeit' // *Der frühmittelalterliche Staat — europäische Perspektiven* / W. Pohl, V. Wieser (hrsg.). Wien, 227–239.
- «ВАРВАРСКОЕ ПРОШЛОЕ» ИЛИ «ДРЯХЛАЯ СОВРЕМЕННОСТЬ»? ФОРМИРОВАНИЕ КОНЦЕПТА «ПРИУМНОЖЕНИЕ ЗНАНИЙ» В ЭПОХУ КОРОЛЕВЫ ЕЛИЗАВЕТЫ И ЯКОВА I (ШПАК Г.В.) / «BARBARIAN ANTIQUITY» OR «DECREPIT MODERNITY»? FORMATION OF THE «ADVANCEMENT OF LEARNING» CONCEPT IN THE AGE OF QUEEN ELIZABETH AND JACOB I (Georgii V. SHPAK)*
- Бэкон Ф.* 1972: Сочинения: в 2 томах / Ф. Бэкон; пер. с англ. Н. Федоровой, Я. Боровского. М.: Мысль [Bekon F. 1972: Sochinenija: v 2 tomah / F. Bekon; trans. N. Fedorovoj, Ja. Borovskogo. Moscow: Mysl].
- Гилберт В.* 1956: О магните магнитных телах и о большом магните Земле. М.: Изд-во Академии наук СССР. [Gilbert V. 1956: O magnite magnitnyh telah i o bolshom magnite Zemle. Moscow: Izd-vo Akademii nauk SSSR].

- Депр П., Шейпин С.* 2020: Научная революция как событие. М.: НЛО. [Dear P., Shejpin S. 2020: Nauchnaja revoljucija kak sobytie. Moscow: NLO.]
- Дмитриев И.С.* 2020: Веселая наука Френсиса Бэкона // Epistemology & Philosophy of Science. 1. 181-201 [Dmitrijev I.S. 2020: Veselaja nauka Frensis-a Bekona // Epistemology & Philosophy of Science. №1. 181–201].
- Елькин И.О.* 2007: История психологии: учеб. пособие. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т. [Elkin I.O. 2007: Istorija psihologii: uceb. posobie. Ekaterinburg: Ural. gos. ped. un-t.]
- Рубинштейн Н.Л. (отв. ред.)* 1937: Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке / пер. Ю.В. Готье. М.: Соцэкгиз. [Rubinshtejn N.L. (ed.) 1937: Anglijskie puteshestvenniki v Moskovskom gosudarstve v XVI veke / trans. Ju.V. Gote. Moscow: Socekgiz].
- Bullein W.* 1579: Bulleins Bulwarke of Defence Against All Sicknesse, Soarenesse, and Woundes that Doe Dayly Assaulte Mankind. London: By Thomas Marshe, 1579. — <https://quod.lib.umich.edu/e/eebo/A17156.0001.001?rgn=main;view=fulltext> (октябрь, 2023).
- Bury J.* 1920: The Idea of Progress an Inquiry into Its Origin and Growth. London: Macmillan and Co.
- D'Alembert J.-B.* 2009: Preliminary Discourse / The Encyclopedia of Diderot & d'Alembert Collaborative Translation Project / Trans. by Richard N. Schwab and Walter E. Rex. Ann Arbor: Michigan Publishing, University of Michigan Library. — <http://hdl.handle.net/2027/spo.did2222.0001.083> (октябрь, 2023).
- Digges L.* 1585: A Perfite Description of the Coelestiall Orbes: According to the Most Auncient Doctrine of the Pythagorians; Lately Reneiued by Copernicus, and by Geometricall Demonstrations Approved. London: Thomas Marsh.
- Donne J.* 1640. LXXX sermons preached by that learned and reverend divine. London: Printed [by Miles Flesher] for Richard Royston.
- Elyot T.* 1595: The Castell of Health, Corrected, and in Some Places Augmented. London: Printed by the Widdow Orwin, and are to be sold by Matthew Lownes, — <https://quod.lib.umich.edu/e/eebo/A21308.0001.001/1:2?rgn=div1;view=fulltext> (октябрь, 2023).
- Goodman G.* 1616: The Fall of Man, Or the Corruption of Nature, Proved by the light of our naturall Reason. Which Being the First Ground and Occasion of our Christian Faith and Religion, may likewise serve for the first step anddegree of the naturall mans conuersion. London: Imprinted by Felix Kyngston, and are to be sold by Richard Lee.
- Hakewill G.* 1627: An Apologie of the Power and Providence of God in the Government of the World. Oxford: Printed by John Lichfield and William Turner,

- printers to the famous University, Anno Dom. — <https://quod.lib.umich.edu/e/ebo/A02484.0001.001?rgn=main;view=fulltext> (октябрь, 2023).
- Hall M.B.* 2013: *The Scientific Renaissance 1450-1630*. New York: Dover publications inc.
- Hill T.* 1579: *The profitable art of gardening*. London: by H. Bynneman.
- Iliffe R.* 2000: The masculine birth of time: temporal frameworks of early modern natural philosophy / *The British Journal for the History of Science* — Vol. 33, No. 4. 427–453.
- Jones R.F.* 1961: *Ancients and Moderns. A Study of the Rise of the Scientific Movement in Seventeenth-Century England*. St. Louis: Washington university studies.
- Norman R.* 1581: *The newe attractiue Containyng a short discourse of the magnes or lodestone, and amongst other his vertues, of a newe discovered secret and subtill propertie, concerning the declinyng of the needle, touched therewith under the plaine of the horizon*. London: By Ihon Kyngston for Richard Ballard. — <https://quod.lib.umich.edu/e/ebo/A68509.0001.001/1:2?rgn=div1;view=fulltext> (октябрь, 2023).
- Purchas S.* 1614: *Purchas his pilgrimage. Or Relations of the world and the religions observed in all ages and places discovered, from the Creation unto this present*. London: Printed by William Stansby.
- Scott M.A. (ed.)* 1908: *The Essays of Francis Bacon*. New York: Charles Scribner's Sons.
- Shakelton F.* 1580: *A blazyng starre or burnyng beacon, seene the 10. of October laste (and yet continewyng) set on fire by Gods prouidence, to call all sinners to earnest [and] speedie repentance*. — <https://lids.ling-phil.ox.ac.uk/lids/xmlui/bitstream/handle/20.500.14106/A11953/A11953.html?sequence=5&isAllowed=y> (октябрь, 2023).
- Sprat T.* 1667: *The History of the Royal-Society of London for the Improving of Natural Knowledge*. London.
- The Works of Francis Bacon in 15 vols. / Eds. by James Spedding, Robert Leslie Ellis and Douglas Denon Heath. Boston: Houghton, Mifflin and Co., Vol. VI.
- The Works of Francis Bacon in 15 vols. / Eds. by James Spedding, Robert Leslie Ellis and Douglas Denon Heath. Boston: Houghton, Mifflin and Co., Vol. VIII.
- The Works of Francis Bacon in 15 vols. / Eds. by James Spedding, Robert Leslie Ellis and Douglas Denon Heath. Boston: Houghton, Mifflin and Co., Vol. I.

АННОТАЦИИ / SUMMARIES

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ / INSTEAD OF FOREWORD

ИСТОРИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ВЕРБАЛЬНОГО ВАРВАРСТВА (В.П. БУДАНОВА)

На основе исследования письменной традиции рубежа Античности и Средневековья представлена историко-лингвистическая характеристика языковых особенностей дискурса варварства. В качестве концептуальной основы используются модели вербального варварства. Концепт «вербальное варварство» впервые применяется для обозначения словесного проявления побуждения к злонамеренному действию, содержащего угрозу, с целью спровоцировать агрессию, физическое насилие, причинить ущерб, психологическую боль и ментальные страдания. Анализируется лексико-семантическая целеориентированность образа и сценария вербального поведения варвара в «*Res gestae*» Аммиана Марцеллина и «*Getica*» Иордана. Представлены описательные, экспрессивные, оценочные и ориентивные функциональные особенности словоупотребления с пейоративной семантикой. Автор приходит к заключению, что в системе позднеантичного и раннесредневекового дискурса варварства вербальная характеристика варвара и лексемы злословия отличались эмоционально-психологическим императивным воздействием, выявляя взаимосвязь физической и теневой стороны злонамеренного действия.

Ключевые слова: цивилизация, варвар, варварство, «вербальное варварство», злословие, ориентивность, Римская империя, варварский мир, германцы, Аммиан Марцеллин, Иордан.

HISTORICAL MODEL OF VERBAL BARBARITY (Vera P. BUDANOVA)

Based on the study of the written tradition of the turn of Antiquity and the Middle Ages, the historical and linguistic characteristics of the linguistic features of the discourse of barbarism are presented. Models of verbal barbarism are used as a conceptual basis. The concept of «verbal barbarism» is used for the first time to denote the verbal manifestation of an incentive to malicious action containing a threat in order to provoke aggression, physical violence, cause damage, psychological pain and mental suffering. The lexico-

semantic goal orientation of the image and scenario of the verbal behavior of the barbarian in the «Res gestae» by Ammian Marcellin and «Getica» by Jordan is analyzed. Descriptive, expressive, evaluative and indicative functional features of word usage with pejorative semantics are presented. The author comes to the conclusion that in the system of late Antique and early medieval discourse of barbarism, the verbal characteristics of the barbarian and the lexemes of slander differed in emotional and psychological imperative effects, revealing the relationship between the physical and shadow side of malicious action.

Keywords: civilization, barbarian, barbarism, «verbal barbarism», slander, orrectivity, Roman empire, barbarian world, Germans, Ammianus Marcellinus, Jordan.

К РАЗДЕЛУ I: ВЕРБАЛЬНЫЙ ОБРАЗ ВАРВАРА / TO CHAPTER I: THE VERBAL IMAGE OF A BARBARIAN

АФИНСКАЯ МНОГОРЕЧИВОСТЬ И СПАРТАНСКАЯ КРАТКОСТЬ: ЧТО ИЗ НИХ ЕСТЬ ВЕРБАЛЬНОЕ ВАРВАРСТВО? (И.Е. СУРИКОВ)

В главе речь идет об отдельных аспектах культурной идентичности двух греческих полисов, причем, пожалуй, самых знаменитых, постоянно противопоставлявшихся в нарративной традиции. В частности, отмечался контраст между ними в аспекте речевой культуры. Лаконизм спартанцев всем прекрасно знаком, равно как и их пренебрежение культурными ценностями. Нередко считается, что сам лаконизм — именно следствие культурной неразвитости, порождавшей скудость языкового арсенала. В Афинах же красноречие достигло огромного развития. Какой из этих двух типов речевого поведения следует сблизить с вербальным варварством? Ответ очевиден: богатую речь нельзя назвать варварской. Парадоксальным образом у самих античных греков было иное мнение. Специфика спартанской речевой культуры в Афинах не реципировалась, однако и никоим образом не осуждалась; в целом одобрялась и, во всяком случае, не воспринималась как вербальное варварство.

Ключевые слова: вербальное варварство, классическая Греция, Афины, Спарта, лаконизм, ораторское искусство, аттицизм, азианизм, лаконофилы.

*ATHENIAN LOQUACITY AND SPARTAN BREVITY:
WHICH OF THEM IS VERBAL BARBARITY? (Igor E. SURIKOV)*

The chapter deals with some aspects of cultural identity of two Greek *poleis*, which were the most famous and were constantly contrasted with each other by the narrative tradition. In particular, a contrast between them in the sphere of speech culture was often noted. The Spartans' laconism is very familiar to everyone, as well as their scorn of cultural values. It is sometimes considered that the laconism itself was a consequence of cultural backwardness, which begot poverty of language arsenal. As to Athens, eloquence reached great development there. Which of these two types of speech behaviour should be associated with verbal barbarity? For us, the answer is evident: rich speech cannot be called barbaric. Paradoxically, Ancient Greeks themselves were of a different opinion. Specificity of Spartan speech culture was not a subject of reception in Athens, but neither was it by any means a subject of blame; moreover, it was rather approved of, and in any case it was never perceived as verbal barbarity.

Keywords: verbal barbarity, Classical Greece, Athens, Sparta, Laconism, art of oratory, Atticism, Asianism, Laconophiles.

*IMMANIS И IMMANITAS ПРИМЕНИТЕЛЬНО К ВАРВАРАМ
В СЛОВОУПОТРЕБЛЕНИИ ЦИЦЕРОНА (В.О. НИКИШИН)*

Семантический диапазон прилагательного *immanis* в словоупотреблении Цицерона довольно широк — от нейтрального «огромный» до унижительного «грубый». Характерно, что эпитет *immanis* с унижительно-грубым и оскорбительным подтекстом Цицерон применяет по отношению не только к варварам, но и к своим личным врагам или оппонентам из числа римлян, т.е. носителей полисной цивилизации. Таким образом, варварство в худших своих проявлениях проникло в пространство античной культуры. Можно сказать, что *вербальное варварство* в известном смысле породило римлян и варваров. То же самое относится и к существительному *immanitas*, которое может означать множество или толпу, но чаще всего — варварство в самых неприглядных его проявлениях. Все эти негативные качества, объединённые понятием *immanitas*, как и в случае с эпитетом *immanis*, применимы к некоторым представителям античной цивилизации в не меньшей степени, чем к «природным» варварам. Так этнолингвистический характер феномена «варварство» как

бы переводится Цицероном в культурно-этическую, нравственную плоскость.

Ключевые слова: полисная цивилизация, римляне, варвары, Цицерон, вербальное варварство, «собачье красноречие», этноцентризм, негативизм, «проторасизм».

IMMANIS AND IMMANITAS AS APPLIED

TO THE BARBARIANS IN THE USE OF CICERO (Vladimir O. NIKISHIN)

The semantic range of the adjective *immanis* in Cicero's usage is quite wide — from the neutral «huge» to the derogatory «rude». It is characteristic that Cicero uses the epithet *immanis* with a derogatory, rude and insulting connotation in relation not only to barbarians, but also to his personal enemies or opponents from among the Romans, i.e. carriers of the polis civilization. Thus, barbarism in its worst manifestations penetrated into the space of ancient culture. It can be said that verbal barbarism, in a certain sense, related the Romans and the barbarians. The same applies to the noun *immanitas*, which can mean a multitude or a crowd, but most often — barbarism in its most unsightly manifestations. All these negative qualities, united by the concept of *immanitas*, as in the case of the epithet *immanis*, are applicable to some representatives of ancient civilization to no lesser extent than to «natural» barbarians. Thus, the ethno-linguistic nature of the phenomenon of «barbarism» is, as it were, translated by Cicero into a cultural, ethical, moral plane.

Keywords: polis civilization, Romans, barbarians, Cicero, verbal barbarism, «*canina facundia*», ethnocentrism, negativism, «proracism».

СТРАБОН И ДИОДОР СИЦИЛИЙСКИЙ

О ФИЗИЧЕСКОМ ВАРВАРСТВЕ ИБЕРИЙЦЕВ (Д.М. КАМАРИ)

Античные авторы неосознанно под этнонимом «иберийцы» называли разные этнические группы, которые проживали на территории Пиренейского полуострова. Эти этнические группы отличались друг от друга происхождением, традициями и уровнем культурного и социально-экономического развития. В источниках большая часть жителей этого далеко региона представлена дикими и неукротимыми. Однако жители юга Пиренейского полуострова, в отличие от населения внутренних областей, имели письменность и развитую систему торговых

связей. По мнению автора, слава о дикости и варварских традициях иберийцев связана с кельтами, которые в конце VI в. до н.э. распространились по большей части Пиренейского полуострова, нападая на богатые финикийские города.

Ключевые слова: иберийцы, кельты, метисация, этнические группы, античные авторы.

*STRABO AND DIODORUS ON THE PHYSICAL BARBARITY
OF THE IBERIANS (Daniel M. KAMARI)*

The ancient authors used the ethnonym Iberians for different ethnic groups that lived in the territory of the Iberian Peninsula. These ethnic groups differed from each other in origin, traditions and level of cultural and socio-economic development. In the sources, most of the inhabitants of this far region are wild and indomitable. However, the inhabitants of the south of the Iberian Peninsula, unlike the population of the interior, had a written language and a developed system of trade relations. According to the author, the fame of the savagery and barbarian traditions of the Iberians is associated with the Celts, who at the end of the 6th century BC spread throughout most of the Iberian Peninsula, attacking the wealthy Phoenician cities.

Keywords: Iberians, Celts, metization, miscegenation, ethnic groups, ancient authors.

*РИМЛЯНЕ О ПРАВАХ ВАРВАРОВ
(I В. ДО Н.Э. – IV В. Н.Э.) (И.Е. ЕРМОЛОВА)*

Целью главы является исследование римских письменных сочинений о внешних племенах, чтобы попытаться понять, всегда ли реальность, сконструированная средствами языка, была тождественна самой реальности как последовательности фактов, событий, явлений. Все другие народы древние греки называли варварами. Они и древние римляне относились к ним свысока, с чувством превосходства. Со временем в античной литературе сформировался стереотипный образ варвара, вне зависимости от того, о каком конкретном племени идет речь, который передавался из поколения в поколение. Римские авторы внесли значительный вклад в создание портрета варвара, главным образом, негативного. В своих сочинениях они акцентировали внимание слушателей и читателей на дикости, грубости, свирепости, же-

стокости, алчности и других отрицательных чертах представителей различных племен, с которыми контактировала Римская империя, таким образом, успешно манипулируя общественным мнением, вызывая страх и презрение к ним, а также провоцируя по отношению к ним жестокость и варварское насилие.

Ключевые слова: римляне, варвары, стереотип, дикость, алчность.

*THE ROMANS ON THE BARBARIANS MORALS
(I C. B.C. – IV C.A.D.) (Irina E. ERMOLOVA)*

The purpose of the chapter is to study the Roman written writings about external tribes in order to try to understand whether reality constructed by means of language was always identical to reality itself as a sequence of facts, events, phenomena. The ancient Greeks called all other peoples barbarians. They and the ancient Romans treated them haughtily, with a sense of superiority. Over time, a stereotypical image of a barbarian was formed in ancient literature, regardless of which particular tribe it was about, which was passed down from generation to generation. Roman authors made a significant contribution to the creation of a portrait of the barbarian, mainly negative. In their writings, they focused the attention of listeners and readers on savagery, rudeness, ferocity, cruelty, greed and other negative traits of representatives of various tribes with whom the Roman Empire was in contact, thus successfully manipulating public opinion, causing fear and contempt for them, as well as provoking cruelty and barbaric violence against them.

Keywords: The Romans, barbarians, stereotype, wildness, avidity.

*«КАК ЗОВУТ, ТАК И ОБЗЫВАЮТ»: ПРОЗВИЩА И ОСКОРБЛЕНИЯ
СПОРТСМЕНОВ, АНТИЧНЫХ И СОВРЕМЕННЫХ...
(Л.Л. СЕЛИВАНОВА)*

Наш стремительно развивающийся мир является свидетелем возрождения, казалось бы, давно забытого варварства. Восстав из пепла, оно пронизывает все области коммуникации, включая язык. Вербальное варварство наиболее ярко проявляется в таких брутальных сферах общественной деятельности, как война и спорт, где враг / соперник унижается не только делом, но словом. Корни этого варварского поведения уходят в античность, где и возник атлетизм, предшественник современного спорта. В главе анализируются причины возникновения в языке цивили-

зованных греков и римлян прозвищ, словесных оскорблений атлетов, грубости и насмешек в их адрес, и приводятся сопоставления с аналогичной ситуацией в современном спорте. Среди прочих тем поднимается вопрос о том, какую опасность представляло и продолжает представлять словесное варварство. Автор приходит к выводу, что это явление возникло в античности вследствие политического кризиса и размывания традиционной системы ценностей после победы демократии над аристократией. Возродившись в конце XIX в., современные Олимпийские игры, несмотря на романтические настроения их инициатора, барона Пьера де Кубертена, пошли по пути античного атлетизма периода упадка и деградации.

Ключевые слова: атлетизм, любительский и профессиональный спорт, оскорбительные прозвища, цивилизация, варварство, деградация, античность, современность.

«A NAME AND A BAD NAME ARE THE SAME»: NICKNAMES AND INSULTS OF ANCIENT AND MODERN ATHLETES (Larisa L. SELIVANOVA)

Our rapidly developing world is witnessing the revival of a seemingly long-forgotten barbarism. Rising from the ashes, it permeates all spheres of social activities, including language. Verbal barbarity reveals itself most visibly in such brutal spheres of social activities as war and sports, which aim to dominate the opponent not only physically but verbally as well. The roots of this barbaric behavior go back to antiquity, which was the cradle of athleticism and the precursor of modern sports. The chapter analyzes the reasons why the language of the civilized Greeks and Romans included bad nicknames, verbal insults of athletes, rudeness and ridicule in their address, and adduces comparisons with a similar situation in modern sports. Among other topics, it raises the question of what kind of danger was and is still being posed by verbal barbarity. The author concludes that this phenomenon emerged in antiquity as a consequence of a political crisis and a dilution of the traditional system of values after the victory of democracy over aristocracy. Having been revived in the late 19th century, the modern Olympic games, despite the romantic sentiment of their initiator, Baron Pierre de Coubertin, have followed ancient athleticism's path of the period of decay and degradation.

Keywords: athleticism, amateur and professional sport, bad names, civilization, barbarity, degradation.

***К РАЗДЕЛУ II: МЕЖДУ СЛОВОМ И ДЕЛОМ /
TO CHAPTER II: BETWEEN WORD AND DEED***

***ВАРВАРСКИЕ ДЕЛА И СЛОВА: АЛЕКСАНДР МАКЕДОНСКИЙ
И АРИСТОН ПЕОНИЙСКИЙ НА БЕРЕГАХ ТИГРА
(А.А. КЛЕЙМЕНОВ)***

Цель исследования заключается в анализе культурно-ментальных аспектов взаимодействия пеонийского командира Аристона и Александра Великого после кавалерийского боя у реки Тигр. Задачами являются определение обстоятельств и значения столкновения македонской и персидской конницы, рассмотрение действий Аристона в контексте особенностей ценностных установок военной элиты балканских варварских сообществ, выявление связи реакции Александра на поведение Аристона с традициями, характерными для Македонии времен Аргеадов. Исследование опиралось на всесторонний анализ письменных источников, сравнительно-исторический метод, метод контент-анализа. Определено, что в сентябре 331 г. до н.э. после переправы македонского войска через реку Тигр имел место бой смешанного отряда кавалерии Александра и 1 000 персидских всадников, в итоге которого персы были рассеяны. Особо отличился предводитель подразделения пеонийских всадников Аристон, убивший командира персов и принесший его отрубленную голову Александру, высказав желание получить за это золотую чашу. Подобные действия соответствовали воинским традициям пеонов и других балканских варваров. Александр согласился исполнить желание Аристона, а также сообщил о намерении выпить за здоровье пеонийского предводителя несмешанного вина. Определяется, что этим полководец показал, что как представитель македонской военной элиты понимает и разделяет ценностные установки балканского героического этоса.

Ключевые слова: Александр Македонский, Аристон, Македония, Пеония, Тигр, варвары, фракийцы.

*BARBARIC DEEDS AND WORDS: ALEXANDER OF MACEDON
AND ARISTON OF PAEONIA ON THE BANKS OF THE TIGRIS
(Alexander A. KLEYMEONOV)*

The main aim of the research is the analysis of cultural and mental aspects of Paenonian commander Ariston and Alexander the Great after the cavalry battle by the river Tigris. The targets of the research are determination of the circumstances and significance of the collision of the Macedonian and Persian cavalry, consideration of Ariston's action in the context of the features of value attitudes the military elite of the Balkan barbaric societies' identification of Alexander's reaction connection on Ariston's behavior with traditions characteristic of Argead Macedonia. A multi-faceted approach to the ancient narrative sources, methods of comparative historical analysis and content analysis have been used. It is defended that in September 331 BC after the crossing the river Tigris of the Macedonian army there was a battle of a mixed detachment of cavalry of Alexander and 1,000 Persian horsemen. As a result of the battle, the Persians were scattered. Especially distinguished himself the commander of the Paenonian cavalry Ariston, who killed the leader of the Persians and brought his severed head to Alexander. Ariston expressed a desire to receive a gold cup for this. Such actions corresponded to the military traditions of the Paenonians and others Balkan barbarians. Alexander agreed to fulfill Ariston's wish, and also announced his intention to drink to health Paenonian commander unmixed wine. It is defended that in this way the commander showed that as a representative of the Macedonian military elite he understood and shared values of the Balkan heroic ethos.

Keywords: Alexander the Great, Ariston, Macedonia, Paenonia, Tigris, barbarians, Thracians.

*IMITATIO SPECIEI GERMANICAE: ИНОКУЛЬТУРНЫЕ НОВАЦИИ
В ОБЛИКЕ ЭСТИВ И ПРУССОВ I–VI ВВ. Н.Э. (В.И. КУЛАКОВ)*

В предлагаемой главе при помощи письменных и археологических источников выявлен интереснейший исторический феномен. Часть западных балтов, непосредственно граничивших с восточными германцами, с I–II в. по минимуму VII в. стремилась к подражанию деталям убора и, очевидно, внешнему виду германцев, причём — западных. Это стремление было основано на высоком авторитете, который был достигнут западной частью

германских племён среди остального населения Barbaricum. Сами же германцы ко времени крушения Западной Римской империи всё больше старались походить на носителей провинциально-римской традиции. Даже первое готское государство в Италии, основанное в 476 г. Одоакром, формально считалось частью Восточной Римской империи. Упомянутые имитационные тенденции в сознании германцев позднеримского времени привели к возникновению лозунга *Imitatio Imperii Romanorum*, актуального при формировании основ будущей Священной Римской империи германской нации.

Ключевые слова: западные германцы, эстии, пруссы, Barbaricum, Sarmania, готы, Одоакр.

*IMITATIO SPECIEI GERMANICAE: INOCULTURAL INNOVATIONS
IN THE FORM OF THE AESTII AND PRUSSIANS I–VI CC. AD
(Vladimir I. KULAKOV)*

In the proposed chapter, with the help of written and archaeological sources, an interesting historical phenomenon is revealed. Part of the western Balts, directly bordering on the eastern Germans, from the 1st-2nd centuries. at least the 7th century strove to imitate the details of the dress and, obviously, the appearance of the Germans, moreover, the Western ones. This desire was based on the high prestige that was achieved by the western part of the Germanic tribes among the rest of the Barbaricum population. By the time of the collapse of the Western Roman Empire, the Germans themselves were increasingly trying to resemble the bearers of the provincial Roman tradition. Even the first Gothic state in Italy, founded in 476 by Odoacer, was formally considered part of the Eastern Roman Empire. The aforementioned imitative tendencies in the minds of the late Roman Germans led to the emergence of the slogan *Imitatio Imperii Romanorum*, relevant in the formation of the foundations of the future Holy Roman Empire of the German nation.

Keywords: West Germans, Aestians, Prussians, Barbaricum, Sarmania, Goths, Odoacer.

*К ВОПРОСУ О «НЕДОСТОЙНЫХ» И «НИЗКИХ» ЛЮДЯХ
НА БОСПОРЕ В СЕРЕДИНЕ III В. Н.Э. (ЯРЦЕВ С.В., ЗУБАРЕВ В.Г.)*

Глава посвящена одному из эпизодов борьбы за власть на Боспоре в середине III в. н.э. В рассказе Зосима об этом периоде,

сохранились отголоски информационного противоборства среди различных групп боспорских политических элит, когда недоброжелатели назвали захватившую власть группировку Фарсанза, недостойными и низкими людьми. На основе тщательного анализа источников, авторы приходят к выводу, что у местной боспорской аристократии принадлежавшей к римско-фракийской династической линии, абсолютно не было повода унижать пришедших к власти представителей центральноазиатской династической линии. Эти люди не только имели все законные права на царский трон, но и принадлежали к известной прославленной династии, имеющей в достаточной степени, знатное происхождение. Ориентировка элитарных групп на тех или иных варваров в ходе борьбы за власть, также была распространенным явлением, и вряд ли в обычной ситуации могла вызвать серьезный общественный резонанс за такой стандартный подход в решении внутривнутриполитических катаклизмов. Скорее всего, причиной такого откровенного использования разрушительного потенциала вербального варварства, лежит в плоскости высокой степени варваризации местной боспорской элитарной культуры. Кроме того, очевидно также, что представители боспорской аристократии подобным унижением своих политических конкурентов, явно подчеркивали варваризированную культуру и связь с варварами пришедших к власти на Боспоре людей. Не исключено также, что еще и антиримская позиция последних, в значительной степени повлияла на уничижительные словесные оскорбления, последующие в адрес новых правителей Боспора. Все это свидетельствует о том, что вербальное варварство, как деструктивное проявление, чуждое цивилизованным правилам и нормам бытия, на северной периферии греко-римского мира, оказалось характерным не только собственно для варваров, но и для представителей местной элитарной культуры.

Ключевые слова: Боспорское царство, царь Фарсанз, царь Рескупорид V, римско-фракийская династическая линия, центральноазиатская династическая линия, тамги.

*TO THE QUESTION ABOUT «UNWORTHING» AND «LOW» PEOPLE
IN THE BOSPOR IN THE MIDDLE OF THE 3rd CENTURY AD
(Sergey V. YARTSEV, Viktor G. ZUBAREV)*

The chapter is devoted to one of the episodes of the struggle for power in the Bosphorus in the middle of the III century AD. In the sto-

ry of Zosima about this period, echoes of the informational confrontation among various groups of the Bosporan political elites were preserved, when ill-wishers called the Farsanza group that seized power, unworthy and low people. Based on a thorough analysis of the sources, the authors come to the conclusion that the local Bosporan aristocracy, which belonged to the Roman-Thracian dynastic line, had absolutely no reason to humiliate the representatives of the Central Asian dynastic line that came to power. These people not only had all legal rights to the royal throne, but also belonged to a well-known illustrious dynasty of noble origin. Orientation of elite groups to certain barbarians in the course of the struggle for power was also a common phenomenon, and in a normal situation it could hardly cause a serious public outcry for such a standard approach in solving internal political cataclysms. Most likely, the reason for such a frank use of the destructive potential of verbal barbarism lies in the plane of the high degree of barbarization of the local Bosporan elite culture. In addition, it is also obvious that the representatives of the Bosporan aristocracy, by such humiliation of their political competitors, clearly emphasized the barbarized culture and connection with the barbarians of the people of the Central Asian dynastic line. It is also possible that the anti-Roman position of the latter, to a large extent, influenced the derogatory verbal insults that followed against the new rulers of the Bosporus. All this indicates that verbal barbarism, as a destructive manifestation, alien to civilized rules and norms of being, on the northern periphery of the Greco-Roman world, turned out to be characteristic not only of the barbarians themselves, but also of representatives of the local elite culture.

Keywords: Bosporan kingdom, king Farsanz, king Reskuporides V, Roman-Thracian dynastic line, Central Asian dynastic line, tamgas.

*КАППАДОКИЙСКИЕ ВЫПУСКИ ТЕТРАДРАХМ АНТИОХА VII:
К ПРОБЛЕМЕ «НЕВАРВАРСКИХ ПОДРАЖАНИЙ»
В ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОЙ НУМИЗМАТИКЕ (СМИРНОВ С.В.)*

В этой главе проводится стилистическое и нумизматическое сравнение двух типов подражаний, распространенных в монетном деле периода эллинизма: «варварских» и «неварварских». В качестве примера были взяты подражания монетам Селевкидов: выпуски подражаний драхмам Деметрия I из Коммагены и серийные выпуски имитаций тетрадрахм селевкидского царя Ан-

тиоха VII каппадокийскими правителями. Оба примера относятся к «неварварским» выпускам, т.е. были произведены государствами, знакомыми с традицией монетной чеканки и использования монеты. В обоих случаях начало чеканки подражаний было предопределено как политическими, так и экономическими причинами. Так, в частности, одной из причин выпуска столь многочисленных эмиссий имитаций монет Антиоха VII стало практически полное отсутствие в монетном деле Каппадокии крупных серебряных номиналов. Более того, адаптация тетрадрахм Антиоха VII была продиктована особенностями обращения монет данного типа, которые, судя по многочисленным монетным кладам, были весьма распространены в Малой Азии, Сирии и Закавказье. Тем не менее, монетный тип тетрадрахм Антиоха — «голова правителя /Афина» был также ключевым монетным типом каппадокийских драхм, что, возможно, подчеркивает иконографическую и идеологическую близость между данными монетными выпусками. Стоит обратить внимание и на то, что каппадокийские выпуски тетрадрахм Антиоха VII не представляют собой иконографическое подражание или имитацию, в классическом смысле этого слова, но скорее, являются точной копией оригинальной монетной серии.

Ключевые слова: иконография, Каппадокия, Селевкиды, эллинизм, нумизматика, Ариарат VII, Антиох VII.

*CAPPADOCIAN ISSUES OF TETRADRACHMS OF ANTIOCHOS VII:
ABOUT «NON-BARBAROUS IMITATIONS»
IN HELLENISTIC COINAGE (Svyatoslav V. SMIRNOV)*

The chapter deals with stylistic and numismatic comparison of two types of imitations spread in the coinage of the Hellenistic period: «barbarous» and «non-barbarous». As an example, imitations of Seleukid coins were taken under research: issues of imitations of drachmas of Demetrius I from Commagene and regular issues of imitations of tetradrachms of the Seleukid king Antiochus VII by Cappadocian rulers. Both examples relate to «non-barbarous» issues, i.e., they were produced by states parasitized the use of coins. In both cases, the beginning of the imitating was caused by both political and economic reasons. Thus, in particular, one of the reasons for the produce of so many issues of imitations of Antiochus VII coins was the almost complete absence of large silver denominations in the Cappa-

docian coinage. Moreover, the adaptation of the tetradrachms of Antiochus VII was caused by the peculiarities of the circulation of coins of this type, which, according to the numerous hoards, were widespread in Asia Minor, Syria and Transcaucasia. Nevertheless, the coin type of the Antioch tetradrachm — ‘ruler's head/Athena’ was also the key coin type of the Cappadocian drachmas, what perhaps emphasizes the iconographic and ideological affinity between these coin issues. It is also worth paying attention to the fact that the Cappadocian tetradrachms of Antiochus VII do not represent an iconographic imitation or imitation, in the classical sense of the word, but rather are an exact copy of the original coin series.

Keywords: iconography, Cappadocia, Seleukids, Hellenism, numismatics, Ariarathes VII, Antiochos VII.

*ОТ СЛОВА — К ДЕЛУ: ВЕРБАЛЬНОЕ И ФИЗИЧЕСКОЕ ВАРВАРСТВО
КАК ИНДИКАТОР ЦИВИЛИЗОВАННОГО ОБЩЕСТВА
(КУЗЬМИНА М.В.)*

Глава посвящена проблеме вербального и физического варварства — форм варварского поведения на материале средневекового общества (Франция, XIV–XV вв.). Варварство как эквивалент неподобающего, грубого, жестокого отношения людей друг к другу противостоит цивилизованности — одного из признаков цивилизованного общества и является, по сути, индикатором, показывающим, можно ли говорить и в какой мере о том, насколько варварское присутствует в поведении как отдельных индивидов, так и в межличностных отношениях в данном конкретном обществе в целом. Варварство — неотъемлемая часть поведенческих характеристик людей, живущих в цивилизованном обществе (в одних оно проявляется более ярко, в других — вытесняется на периферию социальной жизни, но никогда не исчезает). Цивилизованность общества определяется не наличием таких элементов, а тем, как данное общество нивелирует их, контролируя соблюдение приоритетных морально-этических норм, жёстко наказывая за наиболее опасные проявления и более щадяще — за менее опасные, с точки зрения сохранения социального мира, менее вредоносные.

Ключевые слова: цивилизованность, варварство, вербальное и физическое варварство, средневековое общество, преступление.

*FROM WORD TO ACTION: VERBAL AND PHYSICAL BARBARISM
AS AN INDICATOR OF A CIVILIZED SOCIETY
(Margarita V. KUZ'MINA)*

The chapter is devoted to the problem of verbal and physical barbarism — forms of barbarian behavior on the material of medieval society (France, XVI–XV centuries). Barbarism as the equivalent of an inappropriate, rude, cruel attitude of people towards each other opposes civility — one of the signs of a civilized society and is, in fact, an indicator showing whether and to what extent it is possible to speak about how barbaric is present in the behavior of individuals, and in interpersonal relations in this particular society as a whole. Barbarism is an integral part of the behavioral characteristics of people living in a civilized society (in some it manifests itself more clearly, in others it is forced out to the periphery of social life, but never disappears), however, the civility of a society is determined not by the presence of such elements, but by how a given society levels them, resorting, among other things, to monitoring compliance with priority moral and ethical norms, severely punishing the most dangerous manifestations and more sparingly — for less dangerous from the point of view of maintaining social peace, less harmful.

Keywords: civility, barbarism, verbal and physical barbarity, medieval society, crime.

***К РАЗДЕЛУ III: В ЛАБИРИНТЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ /
TO CHAPTER III: IN THE LABYRINTH
OF INTERPRETATION***

*СОВРЕМЕННЫЙ ДИСКУРС О ПРОИСХОЖДЕНИИ БРЕТОНЦЕВ:
ТЕНДЕНЦИИ КЕЛЬТОСКЕПТИЦИЗМА (ЛЮБАРТ М.К.)*

На протяжении более двух столетий идея о том, что бретонцы являются кельтским по происхождению народом, являлась общепризнанной. Отсылки к кельтской истории и культуре являются одной из значимых составляющих (этно)культурной идентичности бретонцев, которая укреплялась на протяжении долгого времени под влиянием высокого интереса к древней и загадочной культуре кельтов, — кельтомании. Однако новые данные археологии и палеогенетики говорят о необходимости коррекции

представлений о протоистории региона и начальных этапов этногенеза бретонцев, ставят под сомнение их кельтское происхождение. В этой главе анализируются современные тенденции кельтоскептицизма во французской науке и основные черты дискуссии в научном сообществе, развернувшейся в связи с этим.

Ключевые слова: бретонцы, этногенез бретонцев, идентичность бретонцев, кельтомания, кельтоскептицизм.

*CONTEMPORARY DISCOURSE ON THE ORIGINS
OF THE BRETONS: TENDENCIES OF CELTOSKEPTICISM
(Margarita K. LYUBART)*

For more than two centuries, the idea that the Bretons are of Celtic origin has been generally accepted. References to Celtic history and culture are one of the significant components of the (ethno) cultural identity of the Bretons, which has been strengthened over time under the influence of high interest in the ancient and mysterious culture of the Celts - Celtomania. However, new data from archeology and paleogenetics speak of the need to correct ideas about the protohistory of the region and the initial stages of the ethnogenesis of the Bretons, and cast doubt on their Celtic origin. This chapter analyzes the current trends of Celtoskepticism in French science and the main features of the discussion in the scientific community that unfolded in connection with this.

Keywords: Bretons, Breton ethnogenesis, Breton identity, Celtomania, Celtoskepticism.

*ИНТЕРПРЕТАЦИЯ РИМСКОЙ ИСТОРИИ ЦАРСКОГО ПЕРИОДА
В ХРИСТИАНСКИХ АПОЛОГИЯХ (ХОРЬКОВА И.В.)*

В главе речь идет об изложении римской истории царского периода в сочинениях христианских апологетов. В качестве критерия отбора материала избран этнолингвистический принцип, поэтому в статье рассматриваются только латиноязычные авторы. Помимо латинского языка апологетов этой группы объединяет общий ментальный субстрат, полемические приемы и общие источники информации. В статье анализируются различные примеры интерпретации латинскими апологетами событий древнейшей римской истории с целью определения ее общих черт и задач. В результате исследования делается вывод, что основной задачей христианских авторов при рассмотрении ранней

римской истории является дискредитация римской старины. При этом апологетами используется тенденциозный отбор материала, рациональная критика событий, негативная морально-нравственная и правовая оценка.

Ключевые слова: латинская патристика; христианская апологетика; латинские апологеты; царский период Древнего Рима; ранняя римская история; интерпретация истории.

INTERPRETATION OF THE ROYAL PERIOD ROMAN HISTORY IN CHRISTIAN APOLOGIES (Irina V. KHORKOVA)

This chapter deals with the presentation of the Roman history of the royal period in the writings of Christian apologists. The ethnolinguistic principle was chosen as a criterion for the selection of material, therefore, only Latin-speaking authors are considered in the article. In addition to the Latin language, apologists of this group combine a common mental substrate, polemical techniques and common sources of information. The article analyzes various examples of Latin apologists' interpretation of the events of ancient Roman history in order to determine its common features and challenges. As a result of the study, it is concluded that the main task of Christian authors when considering early Roman history is to discredit Roman antiquity. Apologists use tendentious selection of material, rational criticism of events, negative moral and legal assessment.

Keywords: latin patristic; Christian apologetics; Latin apologists; the royal period of ancient Rome; early Roman history; interpretation of history.

БАСТАРНЫ. ПРОБЛЕМА ИСТОРИЧЕСКОЙ И ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ (ГУСАКОВ М.Г.)

Глава посвящена проблеме археологической и этнической принадлежности бастарнов, одного из племен европейского варварского мира конца I тысячелетия до н.э. Рассматриваются особенности участия бастарнов в миграционном движении племен на территории от Эльбы до Днепра. В предлагаемой вниманию читателей статье анализируется появление и исчезновение тех или иных археологических культур, представлена методика установления связей между ними, предложена типология историко-археологических сопоставлений. Анализируя эволюцию обряда погребения и особенность погребального инвентаря, ав-

тор приходит к заключению о правомерности ранее высказанного предположения (М.Б. Шукин) о принадлежности бастарнов к зарубинецкой культуре.

Ключевые слова: бастарны, археологическая культура, погребальный обряд, кремация, погребальный инвентарь, урны с прахом, сосуды с жертвенной пищей.

*BASTARNAE: THE PROBLEM OF HISTORICAL
AND ETHNOGRAPHIC IDENTIFICATION (Mikhail G. GUSAKOV)*

The chapter is devoted to the problem of the archaeological and ethnic identity of the Bastarnae, one of the tribes of the European barbarian world of the end of the I millennium BC. The features of the participation of Bastarnae in the migration movement of tribes on the territory from the Elbe to the Dnieper are considered. This article analyzes the appearance and disappearance of certain archaeological cultures, presents a methodology for establishing links between them, and suggests a typology of historical and archaeological comparisons. Analyzing the evolution of the burial rite and the peculiarity of the burial inventory, the author comes to the conclusion about the validity of the previously stated assumption (M.B. Shchukin) about the Bastarnae belonging to the Zarubinet culture.

Keywords: Bastarnae, archaeological culture, funeral rite, cremation, grave goods, urns with ashes, vessels with sacrificial food.

*ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДИФФАМАЦИЯ И ПУБЛИЧНОЕ НАСИЛИЕ
ПРИ МЕРОВИНГСКОМ ДВОРЕ В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ VI В.
(САЗОНОВА А.А.)*

Глава посвящена изучению негативных проявлений в вербальной реальности и политической культуре меровингского общества последней трети VI в., которые в форме клеветы и диффамации запускали процедуру судебных разбирательств, становились триггерами для убийств и жестоких расправ. Нейстрийский двор Хильперика и Фредегонды стал ареной ожесточенной внутрисемейной борьбы за власть, где за словесным обманом последовала гибель двух принцев и королев. Проведенный анализ показал, что основными направлениями по политической дискредитации и физическому устранению личных врагов королевской четы из светской и церковной элиты стали обвинения в покушении на убийство короля с целью захвата ко-

ролевой власти и преследование за колдовские преступления. Одним из выводов статьи стало обоснование синхронии и причинно-следственной связи между тремя этапами горевания Фредегонды по умершим сыновьям и пиковой агрессией расправ королевы с ее политическими врагами. Автор предлагает новые исследовательские интерпретации для известных исторических эпизодов из аутентичных источников.

Ключевые слова: Григорий Турский, Фредегонда, Хильперик, Галсвинта, дело о клевете, репутация королевы; наказания, пытки и убийства.

*POLITICAL DEFAMATION AND PUBLIC VIOLENCE
AT THE MEROVINGIAN COURT IN THE LAST THIRD
OF THE 6TH CENTURY (Anna A. SAZONOVA)*

The chapter is devoted to the study of negative manifestations in the verbal reality and political culture of the Merovingian society in the last third of the 6th century, which, in the form of slander and defamation, started the trial and inquiry, became triggers for murders and bloodthirsty violence. The Neustrian court of Chilperic and Fredegund became the scene of a fierce family struggle for power, where verbal deception led to the deaths of two princes and queens. The analysis showed that the main directions for political discrediting and execution of the personal enemies of the royal couple from the secular and church elite were accusations of attempt on life of the king in order to seize royal power and prosecution for witchcraft crimes. One of the conclusions of the article was the verification of the synchrony and causal relationship between the three stages of Fredegund's grief for her dead sons and the peak aggression of the queen's barbarian cruelty against her political enemies. New research interpretations of famous historical cases from authentic sources are proposed.

Keywords: Gregory of Tours, Fredegund, Chilperic, Galswintha, trial for slander, queen's reputation; persecutions, tortures and murders.

*«ВАРВАРСКОЕ ПРОШЛОЕ» ИЛИ «ДРЯХЛАЯ СОВРЕМЕННОСТЬ»?
ФОРМИРОВАНИЕ КОНЦЕПТА «ПРИУМНОЖЕНИЕ ЗНАНИЙ»
В ЭПОХУ КОРОЛЕВЫ ЕЛИЗАВЕТЫ И ЯКОВА I (ШПАК Г.В.)*

На протяжении XX в. исследователи использовали разнообразные подходы к изучению истории знания, зачастую выстраи-

вая прямую, ведущую от невежественного прошлого к прогрессивной современности. Даже авторы, призывающие к осторожности, в силу риторических особенностей текста представляли развитие науки как поступательный процесс накопления истин, не учитывая их конструктивный характер. Концепт «Научная революция», используемый в качестве исторической рамки в широком смысле подразумевал коренную трансформацию рецептивно-репрезентативных практик, произошедших в границах 1543 и 1687 гг. Как хронологические, так и территориальные границы этого концепта не могут быть четко обозначены в связи с его конструктивной природой. В силу этого формируется представление о разрыве между знанием прошлого и всем, что было до «Научной революции». В Англии конца XVI – первой четверти XVII в. происходила трансформация восприятия времени, которая шла параллельно с так называемой «борьбой древних и новых», когда современные практики описания реальности были объявлены более релевантными, чем практики прошлого. Это привело к тому, что уже в XVIII в. французские просветители начали говорить о революции, произошедшей в познании, а все что относилось к предшествующему времени было объявлено невежественным и варварским.

Ключевые слова: битва древних и новых, приумножение знаний, Ф. Бэкон, У. Гилберт, королева Елизавета, Яков I, научная революция, невежество и варварство.

*«BARBARIAN ANTIQUITY» OR «DECREPIT MODERNITY»?
FORMATION OF THE «ADVANCEMENT OF LEARNING» CONCEPT
IN THE AGE OF QUEEN ELIZABETH AND JACOB I
(Georgii V. SHPAK)*

Throughout the XX century researchers used a variety of approaches to the study of the history of knowledge, often describing a straight line leading from the ignorant past to the progressive modernity. Even the authors calling for caution due to the rhetorical features of the text presented the development of science as a progressive process of accumulating truths, often not taking into account the constructive nature of knowledge. The concept of “Scientific Revolution”, used as a historical framework in a broad sense, implied a radical transformation of the receptive-representational practices that occurred within the boundaries of 1543 and 1687. Both chronological and territorial boundaries of this concept cannot be clearly defined

due to its constructive nature. Because of this, the idea of a gap between knowledge of the past and everything that was before the “Scientific Revolution” appeared. In England at the end of the 16th century and the first quarter of the 17th century, a transformation in the perception of time took place, which went in parallel with the so-called “Quarrel of the Ancients and the Moderns”, when modern practices of describing reality were declared more relevant than those of the past. This led to the fact that already in the 18th century, the French enlighteners began to talk about the revolution that had taken place in knowledge, and everything that related to the previous time was declared ignorant and barbaric.

Keywords: Quarrel of the Ancients and the Moderns, advancement of learning, F. Bacon, W. Gilbert, Queen Elizabeth, James I, scientific revolution, ignorance and barbarism.

АВТОРЫ / CONTRIBUTORS

БУДАНОВА Вера Павловна — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Отдела историко-теоретических исследований Института всеобщей истории РАН, руководитель Лаборатории по исследованию цивилизации и варварства Института всеобщей истории РАН. Российская Федерация, Москва. — vpbudanova@yandex.ru

Vera P. BUDANOVA — Dr. Sc. (History), Professor, Chief Researcher of the Department of Historical and Theoretical Research of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Chief of the Laboratory of Research of Civilization and Barbarity of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences. — vpbudanova@yandex.ru

ГУСАКОВ Михаил Георгиевич — кандидат исторических наук, научный консультант «ООО Археологические изыскания в строительстве г. Москвы». Российская Федерация, Москва. — arheolog-rus@yandex.ru

Mikhail G. GUSAKOV — PhD (History) Sciences, Scientific Consultant, «LLC Archaeological Research in the Construction of Moscow». Moscow, Russian Federation. — arheolog-rus@yandex.ru

ЗУБАРЕВ Виктор Геннадьевич — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории и археологии Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н.Толстого. Российская Федерация. Тула. — parosta@mail.ru.

Viktor G. ZUBAREV — Dr. Sc. (History), Professor of the Department of the History and Archeology of the Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University. Tula. Russian Federation. — parosta@mail.ru

ЕРМОЛОВА Ирина Евгеньевна — кандидат исторических наук, доцент Российского государственного гуманитарного университета. Российская Федерация, Москва. — merira@mail.ru

Irina E. ERMOLOVA — PhD (History), Associate Professor of Russian State University for the Humanities. Moscow, Russian Federation. — merira@mail.ru

КАМАРИ Даниэль Михайлович — независимый исследователь. Российская Федерация, Москва. — kamari_daniel@mail.ru

Daniel M. KAMARI — Independent Researcher, Russian Federation, Moscow. — kamari_daniel@mail.ru

КЛЕЙМЕНОВ Александр Анатольевич — доктор исторических наук, старший научный сотрудник кафедры истории и археологии Тульского государственного педагогического университета. Российская Федерация, Тула. — alek-klejmenov@yandex.ru

Alexander A. KLEYMEONOV — Dr. Sc. (History), Senior Researcher of History and Archeology Department of Leo Tolstoy Tula State Pedagogical University. Tula, Russian Federation. — alek-klejmenov@yandex.ru

КУЗЬМИНА Маргарита Владимировна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела историко–теоретических исследований Института всеобщей истории РАН. Российская Федерация, Москва. — kuzmmargarita@yandex.ru

Margarita V. KUZ'MINA — PhD (History), Senior Researcher at the Department of Historical and Theoretical Studies of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences. Moscow. Russian Federation. — kuzmmargarita@yandex.ru

КУЛАКОВ Владимир Иванович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела эпохи Великого переселения народов и раннего средневековья Института археологии РАН, Российская Федерация, Москва. — drkulakov@mail.ru.

Vladimir I. KULAKOV — Dr. Sc. (History), Leading Researcher employee of the Department of the Era of the Great Migration of Peoples and the Early Middle Ages Institute of Archeology RAS, Russian Federation, Moscow. — drkulakov@mail.ru.

ЛЮБАРТ Маргарита Кемальевна — кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Центра европейских исследований Института этнологии и антропологии РАН. Российская Федерация, Москва. — Margarita_Lubart@mail.ru

Margarita K. LYUBART — PhD (History), Senior Researcher of the Centre for European and American Studies of the Institute of Ethnology and Anthropology of the Academy of Sciences of Russia. Moscow, Russian Federation. — Margarita_Lubart@mail.ru

НИКИШИН Владимир Олегович — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Российская Федерация, Москва. — cicero74@mail.ru

Vladimir O. NIKISHIN — PhD (History), Assistant Professor of the Department of Ancient History of the M.V. Lomonosov Moscow State University. Moscow, Russian Federation. — cicero74@mail.ru

САЗОНОВА Анна Анатольевна — кандидат исторических наук, независимый исследователь, Российская Федерация, Москва. — tok6aas2011@yandex.ru

Anna A. SAZONOVA — PhD (History), Independent Researcher. Moscow, Russian Federation. — tok6aas2011@yandex.ru

СЕЛИВАНОВА Лариса Леональдовна — научный сотрудник Отдела сравнительного изучения древних цивилизаций Института всеобщей истории Российской академии наук. Российская Федерация. Москва. — larleon@mail.ru.

Larisa L. SELIVANOVA — Associate Researcher in the Department of Comparative Study of Ancient Civilizations of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences. 119334, Moscow, Leninsky Prospekt, 32A. Russian Federation. — larleon@mail.ru.

СМИРНОВ Святослав Викторович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, научный сотрудник Центра научного проектирования РГГУ. Российская Федерация, Москва. — SmirnovSV3@yandex.ru

Svyatoslav V. SMIRNOV — PhD (History), Senior Researcher, Institute of World History, Russian Academy of Sciences; Research Fellow, Department of Academic Projects, RSUH, Moscow. — SmirnovSV3@yandex.ru

СУРИКОВ Игорь Евгеньевич — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, профессор факультета культурологии РГГУ. Российская Федерация, Москва. — isurikov@mail.ru

Igor E. SURIKOV — Dr. Sc. (History), Chief Researcher of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences; Professor of the Faculty

of Cultural Studies of the Russian State University for Humanities. Russian Federation, Moscow — isurikov@mail.ru

ХОРЬКОВА Ирина Валентиновна — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры международного права Российского государственного университета правосудия. Российская Федерация, Москва. — stauross@yandex.ru

Irina V. KHORKOVA — PhD (History), Senior Lecturer, Department of International Law, Russian State University of Justice. Russian Federation, Moscow. — stauross@yandex.ru

ШПАК Георгий Владимирович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Лаборатории эдиционной археографии Уральского федерального университета, старший научный сотрудник Центра сравнительной истории и теории цивилизаций Института всеобщей истории РАН, преподаватель Российского государственного гуманитарного университета, Российская Федерация, Москва. — geo.shpak@gmail.com

Georgii V. SHPAK — PhD (History), Senior Researcher, Laboratory for Studying Primary Sources, Ural Federal University, Senior Researcher, Comparative History and Theory of Civilizations Department, Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Lecturer, Russian State University for the Humanities. Moscow, Russian Federation — geo.shpak@gmail.com

ЯРЦЕВ Сергей Владимирович — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории и археологии Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н.Толстого. Российская Федерация. Тула. — s-yartsev@yandex.ru

Sergey V. YARTSEV — Dr. Sc. (History), Associate Professor, Professor of the Department of the History and Archeology of the Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University. Tula. Russian Federation. — s-yartsev@yandex.ru

CONTENTS

Historical Model of Verbal Barbarity INSTEAD OF FOREWORD (<i>Vera P. Budanova</i>).....	11
--	----

CHAPTER I

THE VERBAL IMAGE OF A BARBARIAN

Athenian Loquacity and Spartan Brevity: Which of Them is Verbal Barbarity? (<i>Igor E. Surikov</i>).....	24
Immanis and Immanitas as Applied to the Barbarians in the Use of Cicero (<i>Vladimir O. Nikishin</i>).....	37
Strabo and Diodorus on the Physical Barbarity of the Iberians (<i>Daniel M. KamariI</i>).....	49
The Romans on the Barbarians Morals (I c. B.C. – IV c. A.D.) (<i>Irina E. Ermolova</i>).....	57
«A Name and a Bad Name Are the Same»: Nicknames and Insults of Ancient and Modern Athletes (<i>Larisa L. Selivanova</i>).....	64

CHAPTER II

BETWEEN WORD AND DEED

Barbaric Deeds and Words: Alexander of Macedon and Ariston of Paeonif on the Banks of the Tigris (<i>Alexander A. Klymeonov</i>)...	79
Imitatio Speciei Germanicae: Inocultural Innovations in the Form of the Aestii and Prussians I–VI cc. AD (<i>Vladimir I. Kulakov</i>).....	92
To the Question About «Unworthy» and «Low» People in the Bospor in the Middle of the 3rd Century AD <i>Sergey V. Yartsev, Viktor G. Zubarev</i>	101
Cappadocian Issues of Tetradrachms of Antiochos VII: About « <i>Non-Barbarous</i> Imitations» in Hellenistic Coinage (<i>Svyatoslav V. Smirnov</i>).....	111
From Word to Action: Verbal and Physical Barbarism as an Indicator of a Civilized Society (<i>Margarita V. Kuz'mina</i>).....	122

CHAPTER III

IN THE LABYRINTH OF INTERPRETATION

Contemporary Discourse on the Origins of the Bretons: Tendencies of Celtoskepticism (<i>Margarita K. Lyubart</i>).....	140
Interpretation of the Royal Period Roman History in Christian Apologies (<i>Irina V. Khorkova</i>).....	161
Bastarnae. The Problem of Historical and Ethnographic Identification (<i>Mikhail G. Gusakov</i>).....	175
Political Defamation and Public Violence at the Merovingian Court in the Last Third of the 6 th Century (<i>Anna A. Sazonova</i>).....	195
«Barbarian Antiquity» or «Decrepit Modernity»? Formation of the «Advancement of Learning» Concept in the Age of Queen Elizabeth and Jacob I (<i>Georgii V. Shpak</i>).....	227
ABBREVIATIONS.....	243
REFERENCES.....	245
SUMMARIES.....	292
CONTRIBUTORS.....	313
CONTENTS.....	317

Civilization and barbarity: Physical and Verbal Barbarity. (Collective monograph) / Edited by V.P. Budanova. M.: Aquilon, 2023. — 324 s.
[Civilization and barbarity. Vol. XII / Ed. V.P. Budanova. Ed. since 2012]

Based on the material of historical sources in a wide geographical and chronological context, the authors of the book consider verbal barbarism not only as a manifestation of verbal incitement to malicious action containing a threat in order to provoke aggression, physical violence, cause damage, psychological pain and mental suffering, but also attempt to answer questions. In what historical circumstances does the word become a symbol of the most aggressive atrocity? How does verbalized reality incite, provoke and prolong malicious actions, changing historical reality? How did the Latin lexico-semantic field affect the paradigm of barbarism? How does verbal barbarism manifest itself in the struggle for the interpretation of history?

ОГЛАВЛЕНИЕ

Историческая модель вербального варварства ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ (<i>В.П. Буданова</i>).....	11
--	----

РАЗДЕЛ I

ВЕРБАЛЬНЫЙ ОБРАЗ ВАРВАРА

Афинская многоречивость и спартанская краткость: что из них есть вербальное варварство? (<i>Суриков И.Е.</i>).....	24
Immanis и immanitas применительно к варварам в словоупотреблении Цицерона (<i>Никишин В.О.</i>).....	37
Страбон и Диодор Сицилийский о физическом варварстве иберийцев (<i>Камари Д.М.</i>).....	49
Римляне о нравах варваров (I в. до н.э. – IV в. н.э.) (<i>Ермолова И.Е.</i>).....	57
«Как зовут, так и обзывают»: прозвища и оскорбления спортсменов, античных и современных (<i>Селиванова Л.Л.</i>).....	64

РАЗДЕЛ II

МЕЖДУ СЛОВОМ И ДЕЛОМ

Варварские дела и слова: Александр Македонский и Аристон Пеонийский на берегах Тигра (<i>Клейменов А.А.</i>).....	79
Imitatio speciei germanicae: инокультурные новации в облике эстиев и пруссов I–VI вв. н.э. (<i>Кулаков В.И.</i>).....	92
К вопросу о «недостойных» и «низких» людях на Боспоре в середине III в. н.э. (<i>Ярцев С.В., Зубарев В.Г.</i>).....	101
Каппадокийские выпуски тетрадрахм Антиоха VII: к проблеме «неварварских подражаний» в эллинистической нумизматике (<i>Смирнов С.В.</i>).....	111
От слова — к делу: вербальное и физическое варварство как индикатор цивилизованного общества (<i>Кузьмина М.В.</i>).....	122

РАЗДЕЛ III
В ЛАБИРИНТЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Современный дискурс о происхождении бретонцев: тенденции кельтоскептицизма (<i>Любарт М.К.</i>).....	140
Интерпретация римской истории царского периода в христианских апологиях (<i>Хорькова И.В.</i>).....	161
Бастарны: проблема исторической и этнографической идентификации (<i>Гусаков М.Г.</i>).....	175
Политическая диффамация и публичное насилие при меровингском дворе в последней трети VI в. (<i>Сазонова А.А.</i>).....	195
«Варварское прошлое» или «дряхлая современность»? Формирование концепта «приумножение знаний» в эпоху королевы Елизаветы и Якова I (<i>Шпак Г.В.</i>).....	227
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ СОКРАЩЕНИЯ.....	243
БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES.....	245
АННОТАЦИИ / SUMMARIES.....	292
АВТОРЫ / CONTRIBUTORS.....	313
CONTENTS.....	317

ЦИВИЛИЗАЦИЯ И ВАРВАРСТВО 12 / 2023

Главный редактор — Вера Павловна БУДАНОВА

ПОИСК DOI

<http://search.rads-doi.org/index.php/>

<http://www.doi.org/>

10.21267/AQUILO.2023.12.12.015	ИСТОРИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ВЕРБАЛЬНОГО ВАРВАРСТВА (<i>В.П. Буданова</i>)
10.21267/AQUILO.2023.12.12.016	АФИНСКАЯ МНОГОРЕЧИВОСТЬ И СПАРТАНСКАЯ КРАТКОСТЬ: ЧТО ИЗ НИХ ЕСТЬ ВЕРБАЛЬНОЕ ВАРВАРСТВО? (<i>И.Е. Суриков</i>)
10.21267/AQUILO.2023.12.12.017	IMMANIS И IMMANITAS ПРИМЕНИТЕЛЬНО К ВАРВАРАМ В СЛОВОУПОТРЕБЛЕНИИ ЦИЦЕРОНА (<i>В.О. Никушин</i>)
10.21267/AQUILO.2023.12.12.001	СТРАБОН И ДИОДОР СИЦИЛИЙСКИЙ О ФИЗИЧЕСКОМ ВАРВАРСТВЕ ИБЕРИЙЦЕВ (<i>Д.М. Камари</i>)
10.21267/AQUILO.2023.12.12.002	РИМЛЯНЕ О ПРАВАХ ВАРВАРОВ (I В. ДО Н.Э. – IV В. Н.Э.) (<i>И.Е. Ермолова</i>)
10.21267/AQUILO.2023.12.12.003	«КАК ЗОВУТ, ТАК И ОБЗЫВАЮТ»: ПРОЗВИЩА И ОСКОРБЛЕНИЯ СПОРТСМЕНОВ, АНТИЧНЫХ И СОВРЕМЕННЫХ... (<i>Л.Л. Селиванова</i>)
10.21267/AQUILO.2023.12.12.004	ВАРВАРСКИЕ ДЕЛА И СЛОВА: АЛЕКСАНДР МАКЕДОНСКИЙ И АРИСТОН ПЕОНИЙСКИЙ НА БЕРЕГАХ ТИГРА (<i>А.А. Клейменов</i>)
10.21267/AQUILO.2023.12.12.005	IMITATIO SPECIEI GERMANICAE: ИНОКУЛЬТУРНЫЕ НОВАЦИИ В ОБЛИКЕ ЭСТИЕВ И ПРУССОВ I–VI ВВ. Н.Э. (<i>В.И. Кулаков</i>)

<u>10.21267/AQUILO.2023.12.12.006</u>	К ВОПРОСУ О «НЕДОСТОЙНЫХ» И «НИЗКИХ» ЛЮДЯХ НА БОСПОРЕ В СЕРЕДИНЕ III В. Н.Э. (С.В. Ярцев, В.Г. Зубарев)
<u>10.21267/AQUILO.2023.12.12.007</u>	КАППАДОКИЙСКИЕ ВЫПУСКИ ТЕТРАДРАХМ АНТИОХА VII: К ПРОБЛЕМЕ «НЕВАРВАРСКИХ ПОДРАЖАНИЙ» В ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОЙ НУМИЗМАТИКЕ (С.В. Смирнов)
<u>10.21267/AQUILO.2023.12.12.008</u>	ОТ СЛОВА — К ДЕЛУ: ВЕРБАЛЬНОЕ И ФИЗИЧЕСКОЕ ВАРВАРСТВО КАК ИНДИКАТОР ЦИВИЛИЗОВАННОГО ОБЩЕСТВА (М.В. Кузьмина)
<u>10.21267/AQUILO.2023.12.12.009</u>	СОВРЕМЕННЫЙ ДИСКУРС О ПРОИСХОЖДЕНИИ БРЕТОНЦЕВ: ТЕНДЕНЦИИ КЕЛЬТОСКЕПТИЦИЗМА (М.К. Лобарт)
<u>10.21267/AQUILO.2023.12.12.010</u>	ИНТЕРПРЕТАЦИЯ РИМСКОЙ ИСТОРИИ ЦАРСКОГО ПЕРИОДА В ХРИСТИАНСКИХ АПОЛОГИЯХ (И.В. Хорькова)
<u>10.21267/AQUILO.2023.12.12.011</u>	БАСТАРНЫ. ПРОБЛЕМА ИСТОРИЧЕСКОЙ И ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ (М.Г. Гусаков)
<u>10.21267/AQUILO.2023.12.12.012</u>	ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДИФФАМАЦИЯ И ПУБЛИЧНОЕ НАСИЛИЕ ПРИ МЕРОВИНГСКОМ ДВОРЕ В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ VI В. (А.А. Сазонова)
<u>10.21267/AQUILO.2023.12.12.013</u>	«ВАРВАРСКОЕ ПРОШЛОЕ» ИЛИ «ДРЯХЛАЯ СОВРЕМЕННОСТЬ»? ФОРМИРОВАНИЕ КОНЦЕПТА «ПРИУМНОЖЕНИЕ ЗНАНИЙ» В ЭПОХУ КОРОЛЕВЫ ЕЛИЗАВЕТЫ И ЯКОВА I (Г.В. Штак)

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ЦИВИЛИЗАЦИЯ И ВАРВАРСТВО
ФИЗИЧЕСКОЕ И ВЕРБАЛЬНОЕ ВАРВАРСТВО
(КОЛЛЕКТИВНАЯ МОНОГРАФИЯ)

Под общей редакцией Веры Павловны БУДАНОВОЙ

*Утверждено к печати Ученым Советом
ИВИ РАН 4 октября 2023 года*

Рецензенты

доктор исторических наук *Юлия Евгеньевна АРНАУТОВА*
главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва)
доктор филологических наук, профессор *Татьяна Николаевна ДРЕНЯСОВА*
профессор Московского государственного лингвистического университета
доктор философских наук *Валерий Валентинович ПЕТРОВ*
главный научный сотрудник Института философии РАН (Москва)

Reviewers

Prof. Yuliya E. ARNAUTOVA
Chief Researcher RAS Institute of World History (Moscow, Russia)
Prof. Tatiana N. DRENYASOVA
Professor Moscow State Linguistic University (Moscow, Russia)
Prof. Valery V. PETROFF
Chief Researcher RAS Institute of Philosophy (Moscow, Russia)

Дизайн обложки И.Н. Граве

Корректор М.М. Горелов

Подписано к печати 01.11.2023 г.

Формат 60 x 90/16. Усл. печ. л. 25. Тираж 500 экз.

Издательство «Аквилон» (Москва)

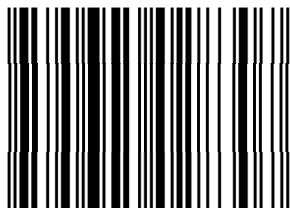
Электронная почта: aquilopress@gmail.com Сайт: aquilopress.ru

Отпечатано в типографии Onebook-ru ООО «САМ ПОЛИГРАФИСТ»

Москва, 109316, Волгоградский пр., дом 42, Технополис МОСКВА

Тел. +7 (495) 545-37-10 Электронная почта: info@onebook.ru Сайт: www.onebook.ru

ISBN 978-5-6050283-0-7

9 785605 028307 >

ISSN 2307-7794

TSIVILIZATSIYA I VARVARSTVO: PHYSICAL AND VERBAL BARBARITY
(Kollektivnaya monografiya) / Pod obshch. red. V.P. Budanovoi.
M.: Akvilon, 2023. — 324 s.
(Tsvivilizatsiya i varvarstvo [Vyp. XII]; Izd. s 2012 g. / Glav. red. V.P. Budanova)